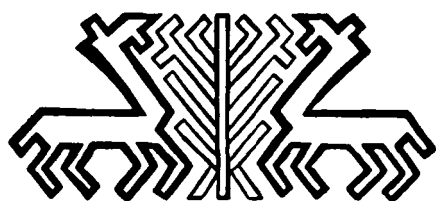

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

3

1 9 5 9

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Редакционная коллегия

Главный редактор член-корр. АН СССР С. П. Толстов,
Зам. главного редактора член-корр. АН СССР А. В. Ефимов,
Н. А. Баскаков, Г. Ф. Дебец, М. О. Косвен, П. И. Кушнер,
М. Г. Левин, Л. П. Потапов, И. И. Потехин, Я. Я. Рогинский,
академик М. Ф. Рыльский, В. К. Соколова,
Г. Г. Стратанович, С. А. Токарев, В. Н. Чернецов
Ответственный секретарь редакции О. А. Корбе

Журнал выходит шесть раз в год

Технический редактор Н. А. Колгурина

Адрес редакции: Москва, Г-19, ул. Фрунзе, 10

Т-06919 Подписано к печати 11VI 1959 г. Формат бумаги 70×108^{1/16}
Тираж 1950 экз. Зак. 3463 Бум. л. 5^{3/4} Печ. л. 15,75+1 вкл. Уч.-изд. л. 20,1
2-я типография Издательства Академии наук СССР. Москва, Шубинский пер., 10

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ТЕКУЩЕМ СЕМИЛЕТИИ

Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза за явился великим событием современности, ознаменовавшим вступление СССР в новый важнейший период развития — в период развернутого строительства коммунистического общества. Съезд разработал программу коммунистического строительства, дал ей научное обоснование, определил главные направления экономической, политической, идеологической деятельности Коммунистической партии Советского Союза и Советского правительства в современных условиях.

В докладе Н. С. Хрущева, в выступлениях делегатов и в резолюции съезда уделено большое внимание дальнейшему развитию науки в нашей стране; определены новые большие задачи деятельности ученых различных профессий и в том числе — работников общественных наук. «Наши экономисты, философы, историки, — говорится в передовой статье журнала «Коммунист», — призваны глубоко исследовать закономерности перехода от социализма к коммунизму, изучать опыт хозяйственного и культурного строительства, творчески обобщать и смело теоретически разрабатывать новые вопросы, выдвигаемые практикой. Научные работники должны постоянно вникать в жизнь, анализировать протекающие в ней процессы и на этой основе создавать фундаментальные труды, которые помогли бы партии в решении стоящих задач, обогащали бы теорию и практику научного коммунизма. Вместе с тем необходимо анализировать процессы, происходящие в капиталистическом мире, разоблачать буржуазную идеологию, бороться за чистоту марксизма-ленинизма, против ревизионизма»¹.

Руководствуясь историческими решениями XXI съезда КПСС, все научные учреждения АН СССР сразу же по окончании работы съезда приступили к составлению планов научных исследований на семилетие. Основные узловые проблемы, выдвинутые в планах, были обсуждены в марте этого года на общих собраниях каждого из отделений Академии наук, а затем на ее Общем собрании.

Коллектив Института этнографии АН СССР им. Н. Н. Миклухо-Маклая наметил в текущем семилетии развернуть исследования по трем основным направлениям: 1) исследования процессов изменения социально-бытового и культурного уклада народов СССР в эпоху перехода от социализма к коммунизму; 2) формирование наций и национальные проблемы; 3) происхождение человека и человеческих рас и вопросы истории первобытного общества.

Центральное, ведущее место займет комплекс проблем, связанных с осуществлением строительства коммунизма в СССР. Основное содержание этих проблем уже раскрыто в ряде других статей², поэтому здесь нет необходимости подробно останавливаться на этом.

¹ «Коммунист», 1959, № 2, стр. 13.

² См.: С. П. Толстов, Некоторые проблемы этнографической науки, «Вопросы строительства коммунизма в СССР (Материалы научной сессии Отделения общественных наук АН СССР)», М., 1959, стр. 218—228; «Теоретические проблемы строитель-

Семилетний план, принятый XXI съездом КПСС, представляет собою не только величественнейшую программу развития народного хозяйства СССР, но и вместе с тем не менее грандиозную программу перестройки быта народов Советского Союза. Учитывая это, коллектив Института этнографии ставит перед собой задачу продолжить и углубить исследования современного быта колхозников и рабочего класса народов СССР с тем, чтобы не только зафиксировать происходящие коренные изменения в жизни народов, но и практически помочь своими трудами в ускорении этих изменений. В послевоенные годы Институтом этнографии систематически проводились исследования социалистического переустройства культуры и быта колхозного крестьянства. Опубликовано и подготовлено к печати несколько монографий и ряд статей. Однако до сих пор все еще нет трудов, обобщающих итоги этого переустройства по СССР в целом, вскрывающих закономерности развития этнографических явлений в период социализма. Семилетним планом Института предусмотрено не только значительное расширение исследований по этой тематике с охватом областей, различных в природно-географическом отношении, в отношении условий хозяйственной жизни и этнических особенностей населения, но и подготовка больших обобщающих монографий.

Первое место среди них занимает коллективная монография на тему «Современный быт колхозников СССР и перспективы его дальнейшего преобразования на пути к коммунизму». Кроме того, будет опубликовано около полутора десятков работ, посвященных исследованию этих процессов у отдельных народов (например, у народов Крайнего Севера, у русского населения Сибири) или в отдельных сельских местностях (в колхозах или группах колхозов, в сельских районах или среди сельского населения целых областей).

Значительно расширяется объем исследований, посвященных быту рабочего класса народов СССР. Изучением быта и культуры рабочих советские этнографы занимаются сравнительно с недавних пор. Еще не так давно приходилось преодолевать пережитки старой этнографической школы, сложившейся тогда, когда Россия (особенно ее окраинные районы) была преимущественно крестьянской страной и когда понятие — крестьянство часто фактически совпадало с понятием — народ.

В условиях победившего социализма и небывалого индустриального развития страны этнографы уже не вправе, характеризуя жизнь того или иного народа, ограничиваться исследованием лишь колхозного крестьянства. В истекшем пятилетии проводились исследования быта рабочих СССР этнографами Грузии, Украины, Институтом этнографии на Урале, в Азербайджане, Туркмении. В наступившем семилетии запланировано продолжение этих работ и развертывание новых более обширных этнографических исследований. Институтом этнографии, в частности, намечены такие исследования промышленных рабочих Сормова и Иванова, рабочих совхозов на целинных землях Западной Сибири и Казахстана. Эти исследования будут завершены выпуском в свет нескольких монографий и сборника статей «Быт рабочего класса народов СССР».

Аналогичные работы запланированы этнографическими учреждениями Узбекистана, Башкирии и некоторых других республик, что следует всячески приветствовать.

Серьезное внимание уделяется этнографами изучению семьи у народов СССР и процессов преобразования семейного быта. Дополнительно к вышедшим или уже подготовленным к печати работам, начиная с 1959 г., будут проводиться исследования по этим вопросам в различных

районах Советского Союза: в Эстонии, Латвии, Карелии, в центральных областях РСФСР, в Осетии, Киргизии и др. Полученные материалы, с учетом накопленных ранее, позволят подготовить ряд монографий, характеризующих особенности развития семьи у различных народов СССР. Эти материалы будут использованы и при подготовке фундаментального обобщающего труда «Пути развития советской семьи».

В течение семилетия предстоит проделать большую работу для преодоления имевшегося до сих пор отставания в изучении духовной культуры народов, процессов формирования материалистического мировоззрения и путей изживания религиозно-бытовых пережитков у народов СССР. В истекшем пятилетии специальных полевых исследований по этим важнейшим вопросам сотрудниками Института этнографии почти не проводилось, за исключением работ в Средней Азии; в других районах СССР сбор материалов носил случайный характер. В 1959 г. специальным постановлением Президиума Академии наук СССР в Институте создается группа истории религии и атеизма, в задачи которой входит организация планомерных полевых работ по этой тематике, подготовка и публикация материалов и исследований. В 1960 г. намечено выпустить в свет первый сборник статей «Религиозные пережитки у народов СССР и пути их преодоления», который будет включать работы, характеризующие состояние вопроса в Узбекистане, Киргизии, Латвии, Литве, у народов Крайнего Севера и в среде русского колхозного крестьянства.

По мере накопления материала будет осуществляться публикация аналогичных сборников. К концу семилетия намечено подготовить коллективную монографию, обобщающую материалы всех частных исследований.

В ходе грандиозных преобразований жизни народов СССР, обусловленных строительством коммунизма, перед этнографами неизбежно возникнут и многие новые задачи, не нашедшие еще своего достаточно четкого отражения в семилетнем плане научных исследований. Так, необходимо начать планомерные наблюдения за ходом процессов, характеризующих преодоление существенных различий между городом и деревней, процессов, успешное развитие которых в самое ближайшее время поставит перед этнографами с еще большей остротой вопрос о необходимости в равной мере изучать как сельское, так и городское население.

Не менее важное место в этнографических исследованиях в период развернутого строительства коммунизма должны занять вопросы формирования у народов СССР коммунистической морали, изменения психического склада людей. Строительство коммунизма по самой своей сущности обуславливает процесс формирования духовной жизни общества, воспитание нового человека. Этнографы, по методам деятельности более других работников общественных наук непосредственно связанные с народными массами, должны отражать в своих трудах все положительные явления в этой области, вместе с тем помогая партии бороться с вредными пережитками в сознании людей. Этнограф не может пройти мимо такого замечательного начинания наиболее передовой части общества, как бригады коммунистического труда, участники которых, главным образом молодежь, берут на себя обязательства не только повышения производительности труда, но и собственного культурного совершенствования, оздоровления быта, строгого соблюдения коммунистической морали. И вместе с тем кому, как не этнографам, прекрасно знающим особенности быта народов Советского Союза, следует участвовать в издании подлинно марксистских работ, которые вскрыли бы причины живучести вредных пережитков прошлого в сознании людей, показали бы пути борьбы с ними и тем самым существенно помогли бы партии в успешном осуществлении коммунистического воспитания трудящихся?

Программа развернутого строительства коммунизма предусматривает всестороннее экономическое и культурное развитие всех народов Советского Союза, что обеспечит дальнейший расцвет социалистических наций, приведет к еще большему укреплению дружбы и интернациональной сплоченности народов СССР. Изучение современных процессов, происходящих в связи с продолжающейся консолидацией социалистических наций, исследование путей национального развития малых народов и этнографических групп, изучение национальных форм социалистической культуры у различных народов составляют важный раздел этнографической науки и имеют глубокое теоретическое и практическое значение. Институт этнографии АН СССР и другие этнографические учреждения страны накопили за истекшие годы богатый опыт в изучении этнических процессов, характеризующих развитие социалистических наций, и опубликовали значительное число ценных работ. В текущем семилетии намечено дальнейшее расширение исследований в этой области. Коллектив Института приступает к созданию ряда фундаментальных обобщающих трудов. Среди них особое место займут монографии «Консолидация социалистических наций в СССР и пути развития малых народов и этнографических групп», «Проблемы развития национальных форм материальной культуры народов СССР в период построения коммунизма» и некоторые другие.

*   *
*

Второе узловое направление, по которому будут осуществляться в текущем семилетии планомерные этнографические исследования, — формирование наций и национальные проблемы — включает обширный круг вопросов, характеризующих этнические процессы, происходящие у всех народов мира. Вопросы национального развития народов СССР в аспекте этой проблемы будут включать исследования по этногенезу и этнической истории того или иного народа.

Большая часть публикаций по названной проблеме представляет собой коллективные капитальные труды, обобщающие результаты многолетних исследований. Таковы историко-этнографические атласы (Сибирский, Русский, Средней Азии и Казахстана, Кавказский, Прибалтийский), тома, посвященные народам СССР, из серии обобщающих трудов «Народы мира»; серийные издания материалов и исследований комплексных экспедиций; этнические карты народов СССР и др.

Значительный научный интерес представят и индивидуальные исследования,готавливаемые крупными специалистами по отдельным народам или родственным группам народов. К ним относятся такие работы, как «Этническая история северо-востока Сибири», монографии по народам Крайнего Севера, народам Средней Азии, Северного Кавказа и т. д.

Наряду с этнографическими источниками в большинстве работ, посвященных данным проблемам, широко используются археологические и антропологические материалы.

Большое место в семилетнем плане этнографических учреждений нашей страны, и в первую очередь в плане Института этнографии АН СССР, займут исследования по этнографии зарубежных стран. Их можно разбить на три группы. Первую группу составят исследования этнического состава населения отдельных стран. В связи с распадом колониальной системы империализма исследования подобного рода приобретают большое практическое значение. Новые государства возникают в старых колониальных границах, которые, как правило, не совпадают с этническими границами. Поэтому новые государства образуются как государства многонациональные, в которых национальный вопрос будет играть большую роль. В результате исследований этнического состава бу-

дуг опубликованы карты расселения народов Индонезии, Индокитая, Африки, Передней Азии и др., а также ряд монографий: «Этнический состав Индокитая», «Этнический состав Нигерии» и т. д.

Вторую группу составят исследования проблемы формирования буржуазных наций в странах Азии, Африки и Латинской Америки. Особенности исторического развития, и в первую очередь длительное господство колонизаторов, задержали процесс этнического развития народов этих стран. Во многих из них процесс формирования наций происходит сейчас, в наши дни. Он во многом отличается от формирования наций в Европе. Исследование этой специфики представляет большой теоретический интерес и может послужить полезным вкладом в марксистско-ленинское учение о нации. Серия частных исследований по этой проблеме будет завершена коллективной монографией «Национальный вопрос в колониальных странах и в странах, освободившихся от колониального гнета».

Третью группу составят исследования по национальному вопросу в восточных странах социалистического лагеря. Будут подготовлены и опубликованы работы по различным вопросам культуры и быта народов Китая, Кореи, Вьетнама и Монголии.

В истекшем пятилетии Институт этнографии опубликовал в серии «Народы мира» несколько больших коллективных монографий: «Народы Африки», «Народы Передней Азии», «Народы Австралии и Океании», «Народы Америки» (в двух томах). В ближайшие годы эта серия будет продолжена публикацией томов по Индостану, Восточной и Юго-Восточной Азии.

Третье узловое направление включает исследования в области антропогенеза, происхождения, древнего расселения и географического распространения человеческих рас, возникновения, развития и разложения первобытно-общинного строя.

Проблемы антропогенеза, всегда имевшие большое мировоззренческое значение, нередко получают в буржуазной литературе антимарксистское освещение. Критика этих концепций должна строиться на глубокой разработке разнообразного конкретного материала. Советским антропологам принадлежит ряд ценных исследований в этой области. Основываясь на теории Энгельса о роли труда в происхождении человека, советские ученые внесли серьезный вклад в разработку проблемы антропогенеза, осветили многие вопросы, касающиеся филогении человека и основных факторов его эволюции.

Одним из важнейших является вопрос о генетических взаимоотношениях ископаемых гоминид. Эта тема займет видное место в плане работы ближайших лет и найдет свое завершение в виде фундаментального труда «Ископаемые гоминиды и проблемы антропогенеза», подготовляемого Институтом этнографии совместно с Научно-исследовательским институтом антропологии Московского государственного университета.

Работы по антропологии современного и древнего населения входят составной частью в исследование проблем этногенеза. Для углубления этих работ необходимы исследования общих вопросов происхождения человеческих рас, истории их расселения и других проблем из области расоведения. Одной из настоятельно назревших задач является критика различных буржуазных концепций в этой области, особенно в связи с наблюдающимися в капиталистических странах рецидивами расизма. Отсутствие в советской литературе сводной работы по этим вопросам обусловило включение в семилетний план Института этнографии капитального коллективного труда «Расовые типы земного шара». Подготов-

ка этого труда связана с выполнением многих конкретных исследований, относящихся как к теоретическим проблемам расоведения, так и к частным вопросам этнической антропологии различных областей эйкумены.

В плане Института важное место занимает и разработка вопросов, связанных с историей первобытного общества,— области, где этнографические материалы, как и археологические, играют решающую роль. В настоящее время крайне необходимо на основе огромного накопленного материала создать марксистское исследование, дополняющее работу Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», являющуюся до сих пор единственным обобщающим марксистским трудом в этой области. Создание такого исследования, отражающего последние достижения науки, тем более важно, что огромное число ревизионистских и откровенно антимарксистских работ, издающихся по этому вопросу за рубежом, подвергалось критике у нас только в периодической печати. Критический разбор различных школ в буржуазной этнографии найдет свое место и в специальном сборнике «Современные течения в буржуазной этнографии».

Помимо разработки всех указанных выше проблем, Институт этнографии будет продолжать подготовку к изданию работ по истории этнографической науки. В числе этих работ запланировано издание фундаментального труда В. Ф. Миллера «История Сибири», избранных сочинений М. М. Ковалевского и Д. Н. Анучина, «Очерков истории русской этнографии, фольклористики и антропологии» (т. II, конец XIX — начало XX в.; т. III, советский период).

Для улучшения преподавания этнографических дисциплин в высших учебных заведениях и подготовки необходимых кадров этнографов Институт предполагает издать учебник по этнографии, а также методическое пособие по проведению полевых этнографических исследований.

Особенностью научной деятельности этнографических учреждений нашей страны в послевоенные годы стало их широкое кооперирование в разработке тех или иных проблем. Это получило свое выражение не только в тесной координации исследований, но и в совместных полевых работах и в совместной подготовке многих коллективных трудов.

В проект семилетнего плана включена серия исследований, предложенных Институтом этнографии для разработки совместно с другими научными учреждениями Академии наук СССР, ее филиалами, академиями наук союзных республик и другими научными учреждениями (вузами, музеями и т. д.). Проект был подвергнут детальному изучению на координационном совещании представителей этих учреждений в апреле 1959 г. Основные положения проекта получили одобрение со стороны участников совещания. Ими была проявлена большая заинтересованность в продолжении начатых ранее совместных исследований и во всемерном расширении научных контактов с Институтом этнографии АН СССР как центральным этнографическим учреждением нашей страны.

Помимо объединения усилий этнографов различных учреждений для совместного исследования ряда вопросов, большое значение имеет кооперирование работы специалистов смежных областей науки. По некоторым проблемам (например, по проблемам этногенеза и этнической истории народов) этнографы уже в течение ряда лет проводят исследования совместно с археологами, антропологами и отчасти с лингвистами. В текущем семилетии этот положительный опыт должен быть использован в значительно большей мере.

Особенно важно, учитывая главную направленность исследований в 1959—1965 гг., преодолеть существующую еще разобщенность между научными коллективами смежных специальностей, работающими по проблемам, относящимся к советскому обществу,— этнографами, историками советского общества, философами, юристами, экономистами. Очень важно также восстановить научные связи с коллективами фольклористов.

Такое творческое содружество будет способствовать наиболее полному охвату различных сторон разрабатываемых проблем.

Обширная исследовательская работа, запланированная на семилетие, требует решительного совершенствования научно-организационных форм. Некоторые шаги в этом направлении уже предпринимаются. Заслуживает одобрения принятое в связи с рекомендацией Общего собрания Академии наук СССР решение о создании научных советов по ведущим проблемам. Предполагается организация трех объединенных научных советов — по каждому из охарактеризованных выше узловых направлений этнографических исследований, а также нескольких региональных научных советов. Научные советы, в состав которых войдут наиболее крупные ученые, представляющие этнографическую науку в стране и некоторые смежные науки, явятся авторитетными консультативными органами, координирующими всю научную деятельность по каждой из упомянутых проблем.

Значительно расширяются полевые этнографические исследования. Институтом этнографии, как и многими другими учреждениями, накоплен значительный опыт в проведении экспедиционных исследований, из года в год совершенствуется методика полевых работ. В особенности это относится к исследованию проблем этногенеза и этнической истории. В работе крупных комплексных экспедиций наряду с этнографами принимают участие археологи, антропологи, лингвисты. Эти экспедиции — Хорезмская, Прибалтийская, Мордовская, Пруто-Днестровская, Тувинская — завоевали общее признание. Они будут продолжать работу и в наступившем семилетии.

Немалое развитие, главным образом в послевоенные годы, получили и полевые исследования процессов социалистических преобразований в хозяйстве, быту и культуре народов СССР, особенно в районах Крайнего Севера и в Средней Азии. Однако в организации этих работ имелись существенные недочеты, главными из которых были дробность экспедиций и их недостаточная материальная оснащенность. В настоящее время Институт этнографии осуществляет перестройку организационных форм полевых исследований. Основное внимание будет направлено на экспедиционные исследования, связанные с изучением современности. На базе работавших ранее мелких экспедиционных единиц создаются две крупные комплексные экспедиции, в задачи которых входит изучение современных этнических процессов и изменения социально-бытового и культурного уклада народов СССР в эпоху перехода от социализма к коммунизму. Одна из этих двух вновь организуемых экспедиций развернет свои исследования в центральных и южных районах РСФСР и в Сибири, другая — в районах Крайнего Севера. Этнографическое изучение социалистических преобразований быта и культуры народов СССР найдет свое дальнейшее развитие и в деятельности всех других названных выше экспедиций.

В заключение необходимо остановиться еще на одном чрезвычайно важном вопросе, вытекающем из задач, выдвинутых перед научными работниками нашей страны XXI съездом КПСС, — на вопросе об укреплении связи науки с жизнью, с практикой коммунистического строительства. Эта задача должна быть понята как призыв нашей партии не только к разработке в текущем семилетии наиболее актуальных научных проблем, но и к ускорению реализации результатов исследований. Наряду

ду с изданием больших капитальных трудов, на подготовку которых потребуется несколько лет, следует значительно увеличить число публикаций на этнографические темы в периодической научной и политической прессе, особенно в местных республиканских и областных изданиях. Не менее важно делиться результатами полевых исследований и наблюдений с местными государственными органами и общественными организациями, оказывая им тем самым практическую помощь в их работе.

Величественная программа, принятая XXI съездом КПСС, открывает перед учеными нашей страны, в том числе перед этнографами, невиданные перспективы развития науки и обеспечивает новые широкие возможности приложения советскими людьми всех своих знаний, сил и способностей к осуществлению задач коммунистического строительства.

ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА И ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭТНОГРАФИИ

Л. Н. ГУМИЛЕВ

УДЕЛЬНО-ЛЕСТВИЧНАЯ СИСТЕМА У ТЮРОК В VI—VIII ВЕКАХ

(К вопросу о ранних формах государственности)

1

Варварские империи, которые Маркс называл «готическими», имели одну особенность, чрезвычайно важную для понимания их истории: такую империю было гораздо легче создать, чем сохранить в целости хоть сколько-нибудь продолжительное время. Обычно, если не дети, то внуки видели уже закат и распад державы. Так было и с империей Карла Великого, и с державой Чингис-хана, и с большинством политических образований кочевников более раннего времени. Попробуем разобраться в причинах этого явления и обратимся непосредственно к интересующей нас эпохе — концу VI в., когда возникла великая тюркская держава династии Ашина.

Подобно другим «готическим империям», она создавалась быстро и за какие-нибудь 30 лет достигла максимальных размеров, распространившись от Желтого моря до Черного. Тяжелая конница¹ первых тюркских ханов легко разгромила плохо вооруженные и еще хуже организованные соседние кочевые племена и нанесла жестокие удары даже высококультурным соседям: Китаю, Ирану, Византии.

Но эксплуататорская и грабительская власть не могла привязать к себе новых подданных, за исключением согдийских купцов², и сепаратистские тенденции отдельных племен не только не угасали, но постоянно вспыхивали до самой гибели державы. И одной из самых острых политических проблем, стоявших перед ханами династии Ашина, была проблема предотвращения отпадения окраин; трудность ее разрешения была чрезвычайно велика.

Прежде всего мы должны учесть, что покоренное племя было верным до тех пор, пока панцирная конница с волчьими головами на знаменах была недалеко. Только наместник, обладающий значительными силами, мог предотвратить отпадение племени.

Но что могло заставить самого наместника сохранить верность, если в его руках были власть и войско и огромные расстояния отделяли его от ханской ставки? Правда, можно было посадить в наместники родственника, но война между родственниками — дело обычное, и одно это

¹ О роли тюркской армии в истории Срединной Азии см.: Л. Н. Гумилев, Статуэтки воинов из Туяк-Мазара, «Сборник МАЭ», т. XII, Л., 1949.

² См. С. П. Толстов, Тирания Абрау, «Исторические записки», 1938, № 3.

положения не спасало. Тогда-то и была принята удельно-лествицная система, знакомая нам по истории Киевской Руси.

Автор Никоновской летописи, определяя порядок престолонаследия в Киевский период, отметил: «Деды наши лествицей восходили на великое княжение». (Лествица — это кожаные четки, гофрированный ремешок, по которому считают число поклонов на молениях, перебирая складки одну за другой.) В. О. Ключевский называл этот порядок «очередным», но я предпочитаю сохранить старый термин, как нельзя более соответствующий существу дела, и прибавить к нему лишь понятие удела, так как именно в наличии удела было оправдание той сложности, которая возникала при этой системе. Смысл ее заключался в следующем. Наместник, сажаемый в отдаленную область, должен был быть заинтересован в верности великому хану. Тюркские владыки не имели того цемента, которым для халифов дамасских и багдадских был ислам, а для китайских императоров — развитая бюрократия. Добрые чувства или личные качества наместников не служили гарантией. Необходима была его личная заинтересованность, и таковую могла создать лишь перспектива роста. Это-то перспективу и давал лествицный, или очередной, порядок занятия престола. Первое время, пока тюркская держава была невелика, в нем не было надобности. Но со времени фактического основателя империи — Мугань-хана (553—572) тюрки ввели закон о престолонаследии, по которому младший брат наследовал старшему, а старший — племянник — дяде. В ожидании престола близкие родственники хана получали в управление уделы. Таким путем достигался двойной результат: во главе государства не мог оказаться ребенок, не способный к управлению, а удельные князья имели надежду получить верховную власть, что отчасти предотвращало возможность отпадения. Конечно, это был паллиатив, но тем не менее система свою роль сыграла, и великая тюркская держава вместо тридцати-сорока лет просуществовала двести.

Текст закона до нас не дошел, так как мы не имеем памятников тюркской письменности VI в., но как отдельные намеки в источниках, так и сам ход внутренней истории древних тюрков дают нам возможность проследить действие закона и причины отступлений от него.

Рассмотрим династические отношения ханов Ашина под этим углом зрения, разумеется, не стремясь исчерпать все многообразие исторического процесса, приведшего тюркскую державу от величия к гибели. Причин для того и для другого было много, и исследуемый нами порядок был одной из них, но, как мы увидим, весьма существенной.

Однако прежде чем перейти к изложению, я полагаю необходимым предпослать краткое замечание о методе исследования. Основным материалом мне послужили имеющиеся переводы китайских летописей Суй-шу, Цзю-Тан-шу и Синь Тан-шу³. При сличении этих переводов текст восстанавливался точно, в случаях разночтений я сверялся с текстом с помощью китаиста А. А. Штукина. Кроме того, я пользовался извлечениями из различных китайских сочинений, содержащихся в работах западноевропейских авторов⁴. Материал, приводимый в статье, получен в результате критической сверки всех использованных сочинений с переводами китайских текстов.

³ См. Н. Я. Бичурин, Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, изд. 2-е, т. I, М.—Л., 1950; St. Julien, Documents sur les Toukiue, «Journal Asiatique», 6-me serie, 1864, № 4; E. Chavannes, Documents sur les Toukiue (Turks) Occidentaux, «Сборник трудов Орхонской экспедиции», VI, СПб., 1903.

⁴ J. De guignes, Histoire générale des Huns, des Turks, des Mogols et des autres Tartars Occidentaux avant et depuis J. C. jusqu'à présent, т. I, ч. II, Paris, 1756; A. Gauthier, Abrégé de l'histoire chinoise de la grande dynastie Tang, «Mémoires concernant les Chinois», тт. XV, XVI, Paris, 1778; E. H. Parker, A Thousand Years of the Tartars, London, 1875; Г. Е. Грумм-Гржимайло, Западная Монголия и Урянхайский край, т. II, Л., 1926.

Другим источником мне служили памятники древнетюркской письменности⁵.

Известия армянских и византийских авторов содержат мало материала о тюркском престолонаследии. Нужные сведения по этому вопросу имеются в указанных выше трудах Ж. Дегиня, Э. Шаванна, а также у М. И. Артамонова⁶.

В исторической литературе я нашел трех авторов, уделявших внимание древнетюркскому престолонаследию: это — Ж. Дегинь, Г. Е. Грумм-Гржимайло и А. Н. Бернштам⁷. Все три мнения заслуживают внимания. Дегинь констатирует, что у древних тюрок был закон (*espèce de loi*), на основании которого младший брат наследовал старшему⁸, но он не объясняет ни причин его возникновения, ни его роли в древнетюркском обществе. Разумеется, это не может быть поставлено ему в вину, так как проблематика такого рода не интересовала представителей «эрудитской школы». Его мнение буквально повторяет Н. Веселовский в курсе истории Средней Азии, указывая на сходство тюркской системы с удельным строем Киевской Руси⁹.

Наоборот, Грумм-Гржимайло находит, что «строгого порядка преемства престола у турок не существовало... в действительности престолонаследие находилось в зависимости от воли родовичей, ограниченных, однако, в свободе выбора пределами царствующей династии»¹⁰. Согласиться с этим мнением невозможно. В источниках мы нигде не встречаем упоминаний о выборах, и у нас нет данных, чтобы толковать вельмож как вершителей судеб империи. Ни разбросанные по степям беги, ни субординированный административный аппарат не могли выступать и не выступали в этой роли. Они только блюли закон и мешали узурпациям. Разумеется, они не всегда добросовестно исполняли свои обязанности; примешивая к ним личные интересы, они «впадали в ошибку» — измену, но это явление — общее для всех народов.

А. Н. Бернштам формулирует свое мнение так: «В турецком обществе наследственность — узурпированное право богатого представителя племени»¹¹. Совершенно правильно констатировано им отсутствие выборности, но порядок наследования не отмечен. Что же касается «богатого представителя племени», то это неверно. Конечно, ханы великой тюркской державы были людьми, обеспеченными материально, но что значит личное богатство, когда речь идет о власти над колоссальной империей! Ни один из ханов не был чужим роду Ашина. Даже среди претендентов мы не встречаем лиц, не принадлежавших к ханской династии. В великой тюркской державе знатность, видимо, ценилась выше богатства. Нужно прибавить, что в более поздних работах А. Н. Бернштам этого утверждения не повторяет.

Я сознательно обошел в данной статье вопросы, связанные с социальным строем и общественным развитием древних тюрок. Эти вопросы

⁵ В. В. Радлов и П. М. Мелиоранский, Древнетюркские памятники в Кошо-Цайдаме, «Сборник трудов Орхонской экспедиции», IV, СПб., 1897. Параллельные переводы имеются в работах: V. Thomsen, *Altürkische Inschriften aus der Mongolei*, «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft», т. 78, Leipzig, 1824; П. М. Мелиоранский, Памятник в честь Кюль-тегина, СПб., 1899; С. Е. Малов, Памятники древнетюркской письменности, М.—Л., 1951.

⁶ М. И. Артамонов, Очерки древнейшей истории хазар, Л., 1937.

⁷ А. Н. Бернштам, Наследственность и выборность у древних народов Центральной Азии, «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1935, № 7-8, стр. 160—174; J. Deguignes, Указ. раб.; Г. Е. Грумм-Гржимайло, Указ. раб.

⁸ J. Deguignes, Указ. раб., стр. 405.

⁹ Литографированный курс его лекций имеется в библиотеке Ленинградского государственного университета.

¹⁰ Г. Е. Грумм-Гржимайло, Указ. раб., стр. 225.

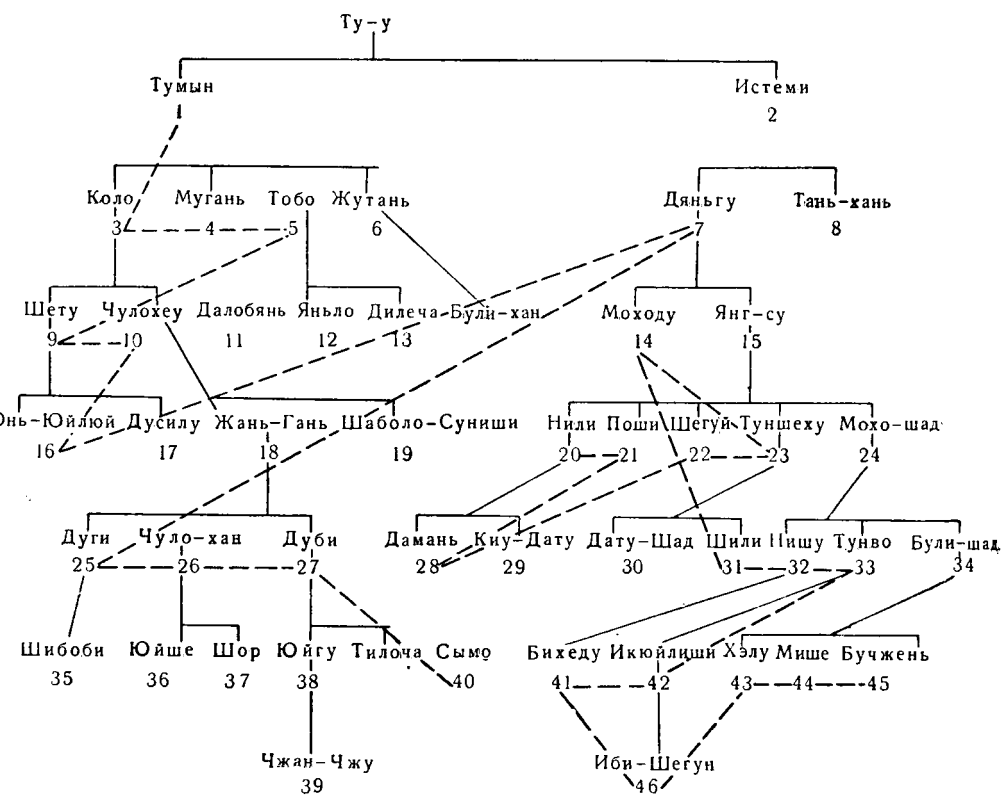
¹¹ А. Н. Бернштам, Указ. раб., стр. 174.

столь серьезны, что не могут быть решаемы попутно; я исследовал лишь один институт, без учета которого история древних тюрков останется для нас непонятной.

2

Ашина был крупный род в Хэси, с 439 г. обосновавшийся на Алтае и сплотивший вокруг себя окрестные племена. До середины VI в. они были подданными жужаней, но в 546 г. Тумын, первый хан тюрков, разбил и присоединил к своему аймаку 50 тысяч кибиток уйгуров, воевавших тогда против его сюзерена, жужаньского хана Анахуаня. Успех окрылил его надеждой, и он обратился к хану Анахуаню с просьбой

ДИНАСТИЯ АШИНА

--- наследование престола

дать ему в жены царевну. Оскорбительный ответ последнего послужил поводом к войне. Жужани потерпели поражение и бежали в Китай, где были добиты в 555 г. За это же время были покорены кидани, кыргызы и разбиты эфталиты. В 556 г. удачный набег на Тогон заставил и это государство считаться с тюрками. В 558 г. тюркам подчинились огоры. В 60-е годы начинаются войны в Китае, в результате которых обе северные империи — Ци и Чжоу стали тюркскими данниками. В 571 г. поход на Иран стабилизирует границу на Джейхуне, а в 576 г. тюрки отнимают у Византии Боспор и в 582 г. вторгаются в Лазику.

Это — апогей их могущества. Необходимо отметить, что в этот период внутри тюркской державы не было распрей.

Обращаясь к династическим отношениям в этот период, мы видим следующее. Тумыну, умершему в 552 г., наследует его старший сын Коло с титулом Исиги-хан, хотя младший брат Тумына — Истеми до-

жил до 576 г. В это время мы видим еще обычный порядок престолонаследия от отца к сыну, но уже в следующем, 553 г. он был нарушен. Гань-му сообщает об этом так: «Исиги-хан скончался. Сын его Нету (Шету) отменен, и младший брат Сыгин вступил на ханство под именем Мугань-хана»¹². В «Собрании сведений...» Н. Я. Бичурин дает сходную формулировку: «Минуя сына его Нйету, поставили младшего брата Кигиня»¹³. С этого времени закон входит в силу, и 553 г. надо признать датой его «издания». Можно предположить, что в данном случае сыграла роль молодость царского сына, но в дальнейшем это обстоятельство не было решающим.

Мугань-хан умер в 572 г., и, «минуя сына его Далобяня, поставили младшего его брата под наименованием Тобо-хана»¹⁴.

При Тобо-хане были впервые выделены уделы: Шету, его племянник, получил удел на востоке, а Жутань, его брат, — на западе¹⁵. Но Феофан Византийский сообщает нам, что уже к 569 г. тюркская держава делилась на четыре удела, а в 576 г. посольство Валентина обнаружило, что имеется уже восемь уделов¹⁶. Так как все удельные князья принимали участие в распре 583 г., то мы знаем их имена¹⁷. Все они принадлежали к роду Ашина (см. схему).

3

Тобо-хан умер в 581 г. Он «перед смертью, обратясь к сыну своему Яньло, сказал: Известно, что самое близкое родство есть между отцом и сыном. Но мой старший брат не уважил этого родства, а мне поручил престол. По смерти моей ты должен уклониться от Далобяня» (сына Мугань-хана)¹⁸.

Этот текст особенно важен. Тут, во-первых, прямо говорится, что новая система престолонаследия никак не связана с понятием родового владения; больше того, она является нарушением прежнего порядка. Во-вторых, автором закона назван Мугань-хан и, в-третьих, признается, что закон обратной силы не имеет и наследником престола назван не сын Коло Исиги-хана — Шету, а сын Мугань-хана — Далобянь, и тем самым подтверждается дата «издания закона».

Но Шету решил внести в закон корректив. Воспользовавшись непопулярностью Далобяня среди тюркской знати, считавшей, что Далобянь, как сын китайки, не может стоять во главе государства, он явился на курултай и потребовал, чтобы престол был передан Яньло, сыну Тобо-хана, и в качестве аргументов сослался на «длинное копье и острую саблю»¹⁹.

Аргументация оказалась убедительной, и Яньло был возведен на престол; но, будучи человеком отнюдь не энергичным, он уступил свое место Шету. Шету вступил на престол под именем Илгийлу Ше Мохе Шаболо-хан или, короче, Шаболио. Далобянь в виде компенсации получил удел на севере и титул Або-хана.

Но, анализируя ситуацию, создавшуюся в результате воцарения Шаболио, мы прежде всего должны отметить ее неустойчивость.

Тюркская держава распадалась на уделы, причем наиболее крупным был удел не великого хана, а Дяньгу Датухана — Семиречье. Дяньгу

¹² И а к и н ф. [Н. Я. Бичурин], История Китая, VII. Рукопись (см. под годом).

¹³ Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. I, стр. 228.

¹⁴ Там же, стр. 233.

¹⁵ Там же.

¹⁶ М. И. Артамонов, Указ. раб., стр. 71.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. I, стр. 234.

¹⁹ Там же.

был сыном Истеми-багадура-джабгу и, значит, приходился великому хану дядей, но прав на ханский престол не имел, так как его отец не был великим ханом²⁰. В аналогичном положении были его брат Турксанф и сын Тобо-хана Дилеча, не говоря уже об Або-хане Далобяне.

Естественно, что, когда после поражений тюркских войск на китайском фронте в 583 г. Шаболио попытался наказать Далобяня, все эти князья встали на сторону последнего. Даже брат Шаболио — Чулохеу примкнул к повстанцам, и трон Шаболио-хана зашатался²¹.

Его спасла быстрая капитуляция перед империей Суй, которая, приложив руку к организации мятежа, вовсе не была склонна заменить одного сильного хана другим. Китайский экспедиционный корпус разгромил мятежников и дал возможность Шаболио-хану умереть на престоле в 587 г. И тут получилось новое осложнение: престол оказался вакантным, так как наследник Чулохеу был в стане врагов, а сын Шаболио-хана, Юнь-Юйлюй, не решался сесть на не принадлежавший ему трон. Китайский летописец мотивирует отвод Юнь-Юйлюя его личными качествами (слабость характера, трусость)²², но это, несомненно, попытка объяснить непонятное явление, так как в дальнейшем Юнь-Юйлюй вел себя смело и энергично. Подобные мотивировки часто приводятся в Суй-шу и Тан-шу, но отнюдь не соответствуют деятельности характеризуемых. Очевидно, китайцы, для которых лестница была явлением экзотическим, объясняли события по-своему, принимая случайное и частичное (т. е. личные качества и возраст) за главное.

Переписка, возникшая между Юнь-Юйлюем и Чулохеу, особенно интересна и показательна. Она приводится у Жюльена и Дегина в разных вариантах; это объясняется тем, что Жюльен цитирует Суй-шу, а Дегинь — Гань-му.

Текст Жюльена гласит: «Юнь-Юйлюй отправил посла к Чулохеу. Когда Чулохеу увидел, что его хотят провозгласить ханом, он сказал (Юнь-Юйлюю): „Со времени Мугань-хана большое число наших тюркских князей замещали старших братьев младшими, законных сыновей ублюдками. Они не придерживались обычая наших предков и нарушали их закон. Я хочу, чтобы Вы наследовали высшую власть, и не боюсь Вас приветствовать“»²³.

Эта речь весьма показательна: снова Мугань-хан назван автором нового порядка, уничтожившего старый обычай. Новый порядок определен совершенно точно, а упоминание «ублюдков», вероятно, намек на претензии Далобяня, к этому времени уже скомпрометировавшего себя.

Юнь-Юйлюй снова направил посла к Чулохеу, который передал ему следующие слова: «Мой дядя и отец имели этот корень (обычай). Их тела были как бы соединены в одно. Я не более чем ветвь или лист от этого древа. Как осмелюсь я стать господином, сделать, чтобы корень и ствол дерева снизошли до веток и листьев и чтобы мой дядя, облеченный в высочайшее достоинство, спустился ниже такого ничтожного лица, как я. Могу ли, кроме того, забыть приказание моего отца? Я хочу, чтобы мой дядя не колебался согласиться»²⁴.

Здесь определенно указана цель лестницы: «... их тела были как бы соединены в одно». Тела здесь, разумеется, понимаются не в физическом, а в политическом смысле, и этим подчеркивается, что удельно-лестничная система возникла отнюдь не из децентрализаторских тенденций, а как раз для противодействия им.

²⁰ Ср. русский закон о князе-изгое.

²¹ См. Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. I, стр. 236; Г. Е. Грумм-Гржимайло, Указ. раб., стр. 228, сл.

²² St. Julien, Указ. раб., стр. 504.

²³ Там же, стр. 504—505.

²⁴ Там же.

Текст, приведенный у Дегиня, еще яснее и конкретнее: «Как сказал он (Юнь-Юйлюй.— Л. Г.): „Вы, Чулохеу, который так долго были врагом моего отца, Вы подчинитесь его сыну, еще ребенку. Трон принадлежит Вам согласно нашему закону и согласно приказу моего отца, который Вас назначил своим преемником. Вы должны подчиниться“»²⁵.

После долгих упрасиваний Чулохеу стал ханом, и его воцарение оказалось гибельным для Далобяня, так как подданные последнего перешли к Чулохеу²⁶. В декабре 588 г. Чулохеу был убит стрелой в западном походе, и престол наследовал, в порядке очередности, Юнь-Юйлюй, который заключением мира в 593 г. восстановил целостность державы. Это видно из того, что его антагонист Дяньгу по-прежнему остался удельным князем западных областей (Семиречья) с титулом Дату-хана²⁷. Наследником престола оказался младший брат Юнь-Юйлюя Жяньгань, получивший титул «тегин», т. е. наследник.

Принцип лестницы оправдал себя и спас государство от распада. Великая тюркская держава снова стала мощной и страшной для Китая на востоке и для Ирана на западе, особе нно после того, как в 598 г. был возобновлен традиционный союз с Византией, а отложившиеся было огоры жестоко усмирены.

Тюрки начали готовиться к новой войне против Китая, но Суйское правительство также не дремало.

4

Самый способный из китайских лазутчиков Чжан Сун-шен, щедро рассыпая подарки и обещания, сумел организовать среди тюрков китаефильскую партию и, что особенно важно, поставить во главе ее наследника престола Жяньганя. Поведение последнего настолько походило на измену, что ханы Юнь-Юйлюй и Дяньгу внезапным набегом разгромили его ставку. Однако сам изменник сумел бежать и в сопровождении пяти всадников и Чжан Сун-шена прибыл в Китай. Последовавшая за этим война вначале была удачна для тюрков, но Чжан Сун-шен знал их слабое место — уже укоренившийся в сознании легитимизм. Подосланные им убийцы²⁸ умертвили Юнь-Юйлюя в его шатре, и престол снова стал вакантным.

Дяньгу оказался перед дилеммой: подчиниться изменнику или взять власть в свои руки. Он выбрал второе и «сам»²⁹ объявил себя ханом. Но узурпация не завоевала ему популярности в массах. Агенты Жяньганя возбудили восстание телесских племен и даже самих тюрков. Оставленный всеми, Дяньгу бежал в Тогон, где и умер, а Жяньгань без сопротивления вступил на престол осенью 603 г. Этот ничтожный государь не пользовался авторитетом среди своих подданных и жил в Ордосе под защитой китайских копий.

Естественно, что западные тюрки сочли момент подходящим для утверждения полной независимости. Но хан, занявший престол нового государства, — Дамань, правнук Дату-хана Дяньгу, был столь же слаб и неспособен, как и его восточный сосед.

Удачное восстание уйгуров в Тянь-Шане показало, что нарушение принципа лестницы не оправдало себя, и дяди Даманя, Шегуй и Тен-

²⁵ J. Deguignes, Указ. раб., стр. 405.

²⁶ Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. I, стр. 239; St. Julien, Указ. раб., стр. 505.

²⁷ Г. Е. Грумм-Гржимайло, Указ. раб., стр. 233; St. Julien, Указ. раб., стр. 511.

²⁸ См. Г. Е. Грумм-Гржимайло, Указ. раб., стр. 235, примеч. 3; St. Julien, Указ. раб., стр. 519—520.

²⁹ У Н. Я. Бичурина ошибочно переведено: «без выбора». См. «Собрание сведений...», т. I, стр. 242.

Шеху, заручившись поддержкой китайского правительства (впрочем, только словесной), свергли Даманя, который бежал в Китай и был там убит по требованию Шиби-хана³⁰, наследовавшего Жаныганю в 608 г.

Энергичные ханы Шегуй и Тун-Шеху подняли значение Западного каганата; одновременно с этим мы видим и возвращение к лествичному престолонаследию.

Шегую, умершему в 616 г., наследует его брат Тун-Шеху. Аналогичное явление мы наблюдаем и в Восточном каганате: Жаныгань, пресмыкавшийся перед императором Ян-ди, стремившийся сменить даже тюркскую одежду на китайскую, а юрты на каменные дома³¹, передал престол своему сыну Шиби-хану Дуги.

Но Шиби-хан не был похож на отца. Он сбросил китайский протекторат и начал войну с Китаем, которая не прекращалась до самого падения тюркской державы. Порядок престолонаследия был также восстановлен. Шиби-хану (608—619) наследовали его братья Чуло-хан (619—620) и Хели-хан (620—630). При Хели-хане тегинном, т. е. наследником, был Шибоби, сын Шиби-хана, но он окончил жизнь в китайском плену вместе с Хели-ханом.

Кампания 630 г. отдала восточнотюркскую державу в руки императора Тайцзуна Ли Ши-мина, за исключением Халхи, которую захватило племя Се-янто.

Большая часть тюрков покорилась империи Тан, и ханы ставились по назначению Чананьского правительства. Вплоть до восстания 680 г. восточные тюрки для нашей работы интереса не представляют.

5

Западнотюркский каганат, благодаря огромным расстояниям, отделившим его от Китая, просуществовал еще четверть века, но 630 год и для западных тюрков оказался роковым. В этом году Тун-Шеху каган был убит своим дядей Моходу, который объявил себя Кюйли Сыби-ханом³².

Легитимисты немедленно подняли восстание. Во главе их был Нишу племянник Тун-Шеху, сын его младшего брата³³. Он отказался от предложенного ему престола и выдвинул новую кандидатуру — сына Тун-Шеху — Шили, который и был единственным законным наследником, так как прочие дети западнотюркских ханов уже умерли. Моходу был разбит и убит, а Шили вступил на престол под именем Иби Боллолюй-Шеху (он же Сы-Шеху каган). Новый хан оказался подозрительным и жестоким. Он хотел казнить Нишу, но тот бежал в Харашар. Вспыхнувшее снова восстание заставило бежать самого хана, и на престол вззошел Нишу. Очевидно, легитимный принцип был уже так прочно утверджен, что Нишу не решался принять престол и стал ханом лишь после того, как китайский император прислал ему формальное признание. Нишу умер в 634 г., и ему наследовал его брат Тунво под именем Шаболотелиши-хана. Шаболотелиши довершил организацию державы, разделив ее на десять аймаков: пять восточных — дулу и пять западных — нушиби. Но эта децентрализация не спасла государство от новых потрясений. Виновниками их на этот раз оказались восточные тюрки.

В 638 г. сын последнего восточнотюркского хана Хели, Юйгу-шад, с войском из племен чуюе и чуми появился на границах западнотюркской державы. Он нашел сторонников среди западнотюркских вельмож и на-

³⁰ Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. I, стр. 283; E. Chavannes, Указ. раб., стр. 52.

³¹ Г. Е. Грумм-Гржимайло, Указ. раб., стр. 234; St. Julien, Указ. раб., стр. 503, 534.

³² Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. I, стр. 284.

³³ До этого Нишу был удельным князем в Бухаре.

нес Шаболо-телиши-хану ряд поражений. Война закончилась разделом каганата между соперниками, причем граница была установлена по реке Или. Юйгу принял титул Иби-Дулу-хана³⁴. Однако мир был непрочным: войны Шаболо-телиши-хана бежали к Юйгу. Оставленный всеми, Шаболо-телиши бежал в 639 г. в Фергану и там умер. Сын его Икюйлиши Иби-хан также вскоре умер, и на престол взшел сын Нишу Дулу-хана — Бихеду в порядке законного престолонаследия.

В 641 г. он был взят в плен войсками Юйгу и казнен. Юйгу успел к 641 г. объединить много племен Западной Сибири и с новыми силами продолжал войну с Китаем, но потерпел ряд поражений, а восстание окончательно подорвало его силы.

Западные тюрки (нушиби) снеслись с имперскими войсками. Это был союз, против которого Юйгу не мог устоять. Новый хан Иби-Шегуй, сын Икюйлиши, внук Шаболо-телиши, был избран в согласии с лествицей. Несмотря на крупные успехи, Юйгу не смог победить ожесточения своих противников. Он бежал в Тохаристан, где и умер. Но Иби-Шегуй не долго наслаждался покоем. Один из бывших сторонников Юйгу, Ашина Хэлу, поднял восстание и овладел западнотюркской державой³⁵. Однако его стремление к захватам в Восточном Туркестане вызвало войну с империей Тан, в результате которой Хэлу был разбит и взят в плен в 657 г.

Император Гаоцзун поставил ханами своих ставленников Мише и Бучжэня, которые не выходили из повиновения. С этого времени западные тюрки не образуют больше могучей и единой монархии. Попав под протекторат империи Тан, позднее теснимые восточными тюрками и арабами, они перестали играть важную политическую роль, и, наконец, к середине VIII в. совершенно вытесняются карлуками.

6

Восточные тюрки в результате удачного восстания 682 г. восстановили свою независимость.

«Ашина Гудулу (Кутлуг) ограбил девять родов, мало-помалу разбогател лошадьми; почему объявил себя ханом»³⁶. Девять родов — это токуз-огузы. Большое количество лошадей, добытых Гудулу в набегах, позволило ему посадить армию на коней и сделать ее мобильной. Это дало ему возможность выдержать борьбу с подавляющими силами Китая, и воссозданная им держава быстро распространилась на восточную половину Великой Степи.

Политической реставрации сопутствовала идеологическая, т. е. стремление восстановить «старые добрые времена» господства хищнических ханов Ашина над соседями, но для нас важно лишь то, что, вернув себе независимость, тюрки немедленно восстановили старый порядок престолонаследия. Гудулу-хану наследовал его брат Мочжо, но сын Гудулу Могилянй получил титул шад тардушей³⁷. Так как Мочжо решил обойти племянника, он дал своему сыну Фугюю титул малого хана, достоинством выше шада³⁸, и прочил его в наследники. По смерти Мочжо Кюль,

³⁴ Э. Шаванн в указанной работе пишет, что Юйгу — сына Хэли-хана не надо смешивать с Юйгу Ибо-Лулу — ханом западных тюрков (стр. 28), но сам затрудняется установить генеалогию «западного Юйгу» (стр. 3). Мои исследования привели меня к мнению, что это одно и то же лицо.

³⁵ Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. I, стр. 288.

³⁶ Там же, стр. 266; А. Н. Бернштам в книге «Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрков VI—VIII вв.» (Л., 1946), дает другое толкование, полагая, что тут мы имеем случай классового расслоения тюрков, но ни текст, ни ход событий не дают к тому оснований.

³⁷ Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. I, стр. 229.

³⁸ С. Е. Малов исправил первоначальное чтение В. В. Радлова. Ср. «Сборник трудов Орхонской экспедиции», IV, стр. 20—23 и «Памятники древнетюркской письменности», стр. 30 и 38 (текст и перевод).

младший брат Могиляня, напал на Фугюя и вырезал его ставку, тем самым доставив престол своему брату (716 г.). Г. Е. Грумм-Гржимайло видит здесь борьбу партий китаефильской и консервативной, аргументируя это тем, что о сыновьях Мочжо нет упоминаний в военной истории³⁹. Верно, но зато они неоднократно делали карьеру при дворе императоров⁴⁰.

Пользуясь случаем отметить, что узурпация у тюрков — почти всегда след постороннего вмешательства в их внутренние дела. Так, отстранение брата Жаныгана, Шаболо-Суниси, в пользу сына Жаныгана, Дуги, в 609 г. совпадает с кульминационным пунктом влияния династии Суй. Влиянием династии Тан вызвано низложение Иби-Бололюй-хана и замена его Нишу Дулу-ханом в 633 г. Могилянъ, сознавая, что он не по личным заслугам возведен на престол, уступал его Кюль-тегину, но тот «не смел принять»⁴¹. В эту пору влияния империи не было.

Кюль-тегин умер на три года раньше своего брата, и после смерти Могиляня в 734 г. престол перешел к его сыну Ижаню, единственному законному наследнику, так как потомство Мочжо было начисто уничтожено. Ижаню наследовал опять-таки его брат Дынли-хан (Тенгри-хан). При этом хане вспыхнули междоусобия, во время которых он был убит в 741 г.

Два последних хана: Усу-миши (Озымыш) и Баймей-хан Хулунфу, принадлежат к боковой ветви, происхождение которой неясно. Составленная Китаем коалиция кочевых племен стала теснить тюрков, и оба хана погибли в борьбе: Озымыш в 743 г., а Баймей-хан в 745 г.

На развалинах тюркской державы выросла уйгурская, а тюрки, не пожелавшие подчиниться уйгурам, откочевали на юг и подчинились Китаю. Держава рода Ашина перестала существовать.

Эта эпоха оставила нам значительно больше материала, чем предыдущая: сведения, даваемые орхонскими надписями. По вопросу о престолонаследии там есть два интересных замечания.

Первое прямо говорит о действующем праве: «Когда мой отец, хан, умер, по существующим обычаям (разрядка моя.— Л. Г.) стал ханом мой дядя. По восшествии на престол моего дяди я сам был тегин»⁴². А. Н. Самойлович сообщил мне, что можно читать даже не «обычай», а «закон». Это как нельзя более подтверждает высказанные соображения: младший брат наследует старшему, племянник, будучи наследником, носит титул «тегин». Итак, о наличии лестничного престолонаследия говорят согласно и китайские и тюркские источники.

Второе высказывание содержит знаменательную ошибку: когда Бумын-каган (Тумын) умер, «после этого его младший брат стал ханом, его сыновья стали ханами»⁴³. Младший брат поставлен раньше сыновей, ибо этот принцип так укоренился в сознании, что казалось невысказанным, чтобы он не соблюдался в эпоху Тумына, представлявшуюся в это время идеальной. Насильно введенная реформа стала народным обычаем и пережила систему, ради поддержания которой она была изобретена.

Несмотря на то, что дальнейшие судьбы удельно-лестничного поряд-

³⁹ Г. Е. Грумм-Гржимайло, Указ. раб., стр. 322.

⁴⁰ Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., стр. 272; P. Pelliot, La fille de Mo-tch'o qaghan et ses rapports avec Kul-tegin, Leiden, 1912.

⁴¹ Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., стр. 273.

⁴² «...Ол төрүдä үзä äчим каган алурты», см. С. М. Малов, Указ. раб., стр. 30 (текст); «Сборник трудов Орхонской экспедиции», т. IV, стр. 20—21. На стр. 38 С. Е. Малов предлагает перевод: «над тою властью», однако: төрү — закон; үзä — на основании; ол — тот, этот; буквальный перевод, следовательно: «На основании того закона», или «Исходя из этого закона».

⁴³ С. Е. Малов, Указ. раб., стр. 36.

ка выходят за пределы моей темы, я позволю себе сделать экскурс к народам, у которых эта система имела место хотя бы в модификациях или рудиментах.

7

Наследники тюрок, уйгуры и киргизы, крупных государств не создали, а потому и не имели нужды в применении удельно-лестви́чной системы. Кидани являлись представителями совершенно иной культурной традиции; власть у них была весьма централизована, и ни один их военачальник не мог получить более ста всадников в удел, т. е. в постоянное подчинение себе.

Выродившиеся формы удельной системы встречаются у Караханидов, о которых В. В. Бартольд пишет: «В государстве Караханидов, как во всех кочевых империях, понятие о родовой собственности было перенесено из области частноправовых отношений в область государственного права. Государство считалось собственностью всего ханского рода и разделялось на множество уделов; крупные уделы, в свою очередь, делились на множество мелких; власть главы империи иногда совсем не признавалась могущественными вассалами»⁴⁴.

Выше я показал, что удельный порядок у древних тюрок вовсе не был «смешением» частной или родовой собственности с государственными взаимоотношениями. Но вместе с тем влияние культурных соседей, сначала китайцев, а позднее иранцев, всегда вело к нарушению в лестви́чной системе, и тем сильнее, чем больше было такое влияние. Караханиды, приняв ислам, культурно подчинились блестящей культуре Мавераннахра, и совершенно понятно, что древняя политическая традиция в новых условиях приняла формы, отличные от прежних.

Следы лестви́чной системы обнаруживаются даже у османов, где она объясняет возникновение жестокого обычая братоубийства.

Но самым интересным является то, что удельно-лестви́чная система, в наиболее чистом виде, была известна на Киевской Руси при преемниках Ярослава Мудрого.

Наличие такого порядка на Руси впервые констатировано, как уже упоминалось, автором Никоновской летописи: «Деды наши лествицею восходили на великое княжение». С. М. Соловьев⁴⁵ и А. Е. Пресняков⁴⁶ описали его. Смысл его был тот же, что и в древнетюркской державе, такой же «готической империи». Разноплеменная держава Рюриковичей нуждалась в связующем цементе, и таковым был лестви́чный (очередной) порядок занятия «золотого стола Киевского». Первые Рюриковичи горьким опытом были научены тому, что нельзя было доверять ни племенным князькам, как, например, древлянскому Малу, ни собственным дружинникам. И те и другие стремились к независимости. Попытки Святослава и Владимира разделить управление между сыновьями также отнюдь не предотвращали распрей и отпадений, но введение лестви́чного порядка престолонаследия сохранило целостность русской земли почти до татарского нашествия. Постановление Любечского съезда «каждый держит свою отчину» не противоречит наличию очередного, или лестви́чного, порядка, так как Пресняков убедительно показал, что это постановление относилось к уделам, но не к старшинству⁴⁷.

Не желая вдаваться в подробности отношений между князьями Рюрикава дома, что увело бы нас слишком далеко от нашей темы, я ограничусь некоторыми замечаниями.

⁴⁴ В. В. Бартольд, Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II, СПб., 1900, стр. 282.

⁴⁵ С. М. Соловьев, Взаимоотношения между князьями Рюрикава дома, М., 1847.

⁴⁶ А. Е. Пресняков, Княжое право, СПб., 1909.

⁴⁷ Там же, стр. 37.

Распри в Киевской Руси имели свое начало в первой узурпации: изгнании Изяслава Святославом Черниговским. Факт этот был резко осужден и Феодосием Печерским, и автором Лаврентьевской летописи⁴⁸. Иначе относились к нему жители Чернигова, которые в дальнейшем поддерживали детей и внуков Святослава в их борьбе против Всеволодовичей. По смыслу закона, Святославици должны были оказаться князьями-изгоями⁴⁹, но, естественно, это их не устраивало, и они использовали антагонизм между Киевом и Черниговом для того, чтобы не только удерживать свой удел, но даже добиваться великого княжения (Всеволод I, Игорь II). Аналогичные попытки делались и в династии Ашина, но не получали того развития, как в Киевской Руси, главным образом из-за того, что внешнеполитическое положение великой тюркской державы было куда более напряженным.

Второй тур распрей, когда вступили в борьбу старшие и младшие линии Мономаховичей, также имел реальную подоплеку. Юрий Долгорукий опирался на экономически сильный северо-восток и не склонен был признавать гегемонию Изяслава Мстиславича, тем более что Волынь, главная опора последнего, уже не являлась достаточной базой для гегемонии на Руси. В борьбе против Суздальского князя Изяславу пришлось выставить подставную фигуру Вячеслава, который по своим личным качествам отнюдь не мог претендовать на ведущую политическую роль, но как старший брат Юрия имел право на «золотой стол Киевский».

Исходя из всего этого, можно думать, что Соловьев был совершенно прав, когда он констатировал на Руси наличие лествичного престолонаследия. Но объяснение его из родового строя не кажется мне убедительным. Я полагаю, что «Ряд Ярославль», так же как и престолонаследие в роде Ашина, был результатом необходимости сохранить в целостности огромную державу со слаборазвитой экономикой.

Другой вопрос: как попала на Русь эта система? Конечно, этот административный порядок мог возникнуть самостоятельно в определенных условиях. Но нельзя ли предположить, что Ярослав, стремясь сохранить единство страны, когда стало ясно, что невозможно сохранить единство власти, учел опыт своих соседей? Общность условий создает общие цели, и в таких случаях заимствование будет следствием не влияния, а примера, которым воспользовались просвещенные советники киевского князя.

Восточные связи Киевской Руси еще недостаточно изучены, но наличие таковых не подлежит сомнению. Достаточно вспомнить, что митрополит Илларион называет князя Владимира каганом.

Половцы не могли оказаться передаточной инстанцией как потому, что такая система у них не обнаружена, так и потому, что «Ряд Ярославль» во времени предшествует половецкому вторжению. Наша мысль обращается в сторону хазар, у которых, наряду с бессильными каганами и царями, были правители, обладавшие фактической властью в своих уделах. Но, к сожалению, внутренняя история хазарского каганата так мало известна, что это предположение не находит подтверждений.

Но третий восточный сосед Руси — печенежский племенной союз имел тот самый строй, который мы отыскиваем.

В VII—VIII вв. печенеги, называвшиеся тогда кангар, жили в приаральских степях и в низовьях Урала и, следовательно, были в непосредственном соседстве с тюрками. Описывая их строй в X в., Константин Багрянородный сообщает: «Вся Печенегия делится на восемь колен, имея

⁴⁸ А. Е. Пресняков, Указ. раб., стр. 37.

⁴⁹ «Изгой троки: половецкий сын грамоте не вычится, купец одолжает, смерд от верви отколется; а четвертое — еще князь осиротеет». Гоить — жить; изгой — человек, лишенный средств и права на поддержку общества.

и столько же главных начальников. Колена следующие: название первого колена Иртим, второго — Цур, третьего — Гила, четвертого — Кулпек, пятого — Харовой, шестого — Талмат, седьмого — Хопон, восьмого — Цопон. В то время, когда печенеги были прогнаны со своих родных мест, они имели вождями в колене Иртим Манцана, в Цуре — Куела, в Гиле — Куркутана, в Кулпек — Ипаона, в Харовой — Кандума, в Талмат — Костана, в Хопоне — Гиази, в колене Цопон — Ватана. После их смерти власть их получили их двоюродные братья, так как у них существует закон и имеет силу древний обычай, что не следует передавать власть сыновьям или братьям, и приобретшим достаточно сохранять власть до конца своей жизни, а после смерти выдвигать или своего двоюродного брата или детей двоюродных братьев, чтобы власть не оставалась всецело у одной части рода, но чтобы честь падала на долю и оставалась и в разветвлениях. Из постороннего же рода никто не входит и не делается вождем. Восемь колен делятся на 40 частей [которые] и имеют меньших вождей»⁵⁰.

8

Возвращаясь к древним тюркам, я считаю необходимым осветить еще один вопрос, крайне важный и для нашей темы, и для общей истории первого тюркского каганата: значение терминов «толес» и «тардуш» и титулов древнетюркской иерархии.

О том, что такое «толес» и «тардуш», уже существует огромная литература. Томсен, Хирт и Шаванн отождествляют толесов с теле китайских анналов⁵¹. К этому мнению присоединяется Бернштам⁵², хотя в другом месте того же сочинения он называет толесов компонентом тюркского народа⁵³. Бартсльд⁵⁴, Мелиоранский⁵⁵, Аристов⁵⁶ и Грумм-Гржимайло⁵⁷ считают их исконным тюркским племенем. О тардушах существует гипотеза Хирта⁵⁸, что в китайском названии се-янтто мы имеем транскрипцию имени сир-тардуш. Бартольд справедливо замечает, что в пользу этого мнения нет ни лингвистических, ни исторических доказательств⁵⁹.

⁵⁰ Константин Багрянородный, «О фемах» и «О народах», М., 1899, стр. 140.

⁵¹ См. Г. Е. Грумм-Гржимайло, Указ. раб., стр. 283.

⁵² А. Н. Бернштам, Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрков VI—VIII вв., стр. 186.

⁵³ Там же, стр. 82.

⁵⁴ См. W. Radloff, Die historische Bedeutung der alttürkischen Inschriften, «Die Altürkischen Inschriften der Mongolei», Neue Folge, 1897, стр. 9.

⁵⁵ П. М. Мелиоранский, Памятник в честь Кюль-тегина, «Записки Восточного отделения Русского археологического общества», т. XII, СПб., 1899.

⁵⁶ Н. А. Аристов, Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей, «Живая старина», 1903. Отдельный оттиск, стр. 67. Ср. Г. Е. Грумм-Гржимайло, Указ. раб., стр. 283.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ F. Hirth, Nachworte zur Inschrift des Tonjukuk, SPB, 1899, стр. 129.

⁵⁹ В. В. Бартольд, Рецензия на книгу: E. Chavannes, Documents sur les Touk-tsie (Turks) occidentaux (Сборник трудов Орхонской экспедиции), VI, СПб., 1903). В. В. Бартольд указывает, что «сложное название сир-тардуш в надписях нигде не встречается. Встречается только термин тюрк-сир-будун, в надписи Тонъюкука, для обозначения всего народа Ильтерес-кагана и его преемников, и термин тардуш, в надписях Кюль-тегина и Бильге-кагана, для обозначения западной (разрядка моя.—Л. Г.) ветви того же народа. Несмотря на все эти затруднения, толкование Хирта принято В. В. Радловым... У г-на Шаванна мы уже читаем, что в народе сеянтто Hirth a reconnu les Syg-Tarduch des inscriptions de Koshotsaidam; таким образом, забыт даже факт, что самое сочетание сир-тардуш является плодом предположения Хирта, а не извлечено им из надписи». («Записки Восточного отделения Русского археологического общества», XV, СПб., 1904, стр. 0172). Замечания В. В. Бартольда приводятся развернуто для того, чтобы можно было отбросить укоренившуюся ошибку, путающую все представления о тюркском этногенезе.

Наконец, И. Н. Ключкин формулирует новое мнение: «Существовали два, быть может совершенно разные по составу племен, народа, которые в административном и военном отношении сохраняли за собой чисто географические наименования: тардуш для западных племен и их орд, толис для восточных»⁶⁰.

Все мои наблюдения только подтверждают эту точку зрения. Прежде всего большая надпись Кюль-тегину при перечислении племен, оплакивающих тюркского хана, не упоминает толесов и тардушей, что было бы невозможно, если бы такие племена существовали⁶¹.

Затем китайская надпись Могилян-хана содержит текст следующего содержания: «При восшествии на престол моего отца хана славные тюркские беги [расположились в следующем порядке]. Позади [на западе] Тардуш-беги, с Кули-чуром во главе, а за ним Шадапыт-беги; впереди [на востоке] Толис-беги с Апа-тарханом»⁶².

Все исторические данные подтверждают показание надписи: Дяньгу, имея удел на западе, носил титул Дату-хана (у Менандра он назван Тарду⁶³, т. е. хан тардушей). Жяньгань и Шибоби, имевшие уделы на востоке, носят титул Тули-хан, т. е. хан толесов, причем эти оба титула даны вне зависимости от географического местоположения удела или от населяющих его племен.

Обычно наследник престола был удельным князем на востоке, у тардушей же сидел менее высокопоставленный ханский родственник. Это наблюдение позволяет найти выход из затруднения, которое встретил Мелиоранский при переводе текста из большой надписи Кюль-тегину: «Ачим каган олуртукда ѓзім тардуш будун ѓзѓ шад ѓртім. По (?) восшествии на престол моего дяди кагана я сам стал (?) шадом над народом тардуш»⁶⁴.

Мелиоранского смутило то, что Могилян-хан стал шадом 14 лет от роду, в 697 г., тогда как известно, что Мочжо дал ему правление лишь в 706 или 707 г.⁶⁵ Поэтому Мелиоранский отступил от грамматического смысла текста, согласно которому Могилян-хан уже был шадом⁶⁶ после смерти своего отца Гудулу-хана. Но по смыслу лестничной системы так и должно было получиться; при жизни Гудулу-хана его брат Мочжо был наследником престола, а сын — вторым лицом в государстве, т. е. князем тардушей. По смерти отца Могилян-хан должен был бы стать наследником престола, но, как указывалось выше, Мочжо прочил престол своему сыну Фугюю, и только убийство последнего очистило Могилян-хана дорогу к трону. Малолетство же нас смущает не должно, так как, наряду с шадом, назначался ябгу — высший чин служилой иерархии, который при малолетстве шада был его опекуном.

В отличие от чина ябгу, титул шад давался только лицам царской крови. Симо не мог стать шадом, так как подозревали, что он незаконнорожденный, и носил титул «гяби-деле» — ябгу-тегин, т. е. кандидат на чин «ябгу»⁶⁷.

⁶⁰ И. Н. Ключкин, Новые данные о племени толесов и тардушей, «Вестник Дальневосточного отделения АН СССР», 1932, № 1—2, стр. 97.

⁶¹ См. П. М. Мелиоранский, Указ. раб., стр. 65; С. Е. Малов, Указ. раб. стр. 36.

⁶² Цит. по А. Н. Бернштаму (Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрков..., стр. 135).

⁶³ Е. Шаванпес, Указ. раб., стр. 241.

⁶⁴ П. М. Мелиоранский, Указ. раб., стр. 68; у С. Е. Малова в указанной работе точнее: «Когда сидел на престоле мой дядя — каган, я сам был шадом над народом тардуш» (стр. 38).

⁶⁵ Маркварт, исправляя хронологию надписи, дает другие даты: рождение Могиляна — 684 г.; смерть его отца — 691/2 г., т. е. Могилян-хан стал шадом тардушей 8 лет от роду (J. Marquart, Die Chronologie der alttürkischen Inschriften, Leipzig, 1898, стр. 52).

⁶⁶ П. М. Мелиоранский, Указ. раб., стр. 111.

⁶⁷ Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. I, стр. 260.

Титул тегин, как мы уже видели, соответствует титулу «наследник престола».

Примеров этому мы имеем очень много; так, Чулохеу был тегинном при Шету, Жаньгань — при Юнь-Юйлую, Шибоби — при Хели-хане Доши, знаменитый Кюль-тегин — при Бильге-хане, своим старшем брате.

Густав Шлегель высказывает мнение о существовании двух титулов: «тегин» и «торе» (тули), причем наследным принцем является именно «торе», а «тегин» был титул, даруемый за геройство⁶⁸. Однако фактический материал, приводимый им, относится к позднейшей эпохе и потому не может быть признан убедительным.

Загадочным является титул «малый хан, достоинством выше шада»⁶⁹. Этот титул дал в 679 г. Мочжо своему сыну Фугюю, который принял ханское имя Кюси-хан, одновременно подчиняясь отцу. Возможно, что этот титул не был органически связан с тюркской титулатурой, а специально создан Мочжо, чтобы возвысить сына.

Титул «ябгу» соответствует нашему «вице-король». Истemi носил этот титул при Тумын-хане, Чулохеу — при Шету Шаболии-хане и т. д. Западные тюрки в эпоху подчинения центральному каганату назывались тюрки-джабгу (ябгу)⁷⁰.

Затем по нисходящей линии насчитывалось двадцать чинов меньшего значения. Все должности были наследственными⁷¹.

Такова была мощная и грозная система, с помощью которой хищные ханы Ашина терроризовали соседние кочевые и оседлые народы до тех пор, пока тяжелые поражения и распри не уменьшили тюрков в числе и не ослабили экономически. Тогда великая тюркская держава распалась на свои составные части и исчезла с лица земли.

В ы в о д ы

1. Удельно-лествичная система была чисто административным мероприятием и отнюдь не связана с пережитками родового строя. Целью ее было удержать в целости обширную и разнородную державу.

2. Удельно-лествичная система была связана с ханским родом Ашина и разрушилась вместе с ним, сохраняясь впоследствии лишь как пережиток.

3. Захватившие территорию древних тюрков народы: уйгуры, киргизы, кидани — не владели обширными территориями и поэтому не имели нужды в применении удельно-лествичной системы.

⁶⁸ G. A. Schlegel, Tegin et Töre, «T'oung Pao», VII, 1869, стр. 159.

⁶⁹ Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., стр. 270.

⁷⁰ E. Chavannes, Указ. раб. Титулы ябгу и тегин совмещались в одном лице. Например, Сымо, прежде чем стал ханом, был ябгу-тегин.

⁷¹ Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. I, стр. 229.

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ С С С Р

А. ЛУТС

ЭСТОНСКОЕ МОРСКОЕ РЫБОЛОВСТВО В XIX—XX ВЕКАХ

В экономике Эстонии с древнейших времен рыболовство играет значительную роль. О значении рыболовства в хозяйстве республики говорят следующие цифры. Если в 1956 г. в СССР в среднем на каждого жителя приходилось 14 кг выловленной рыбы, то в Эстонской ССР — 58 кг. Население республики составляет 0,6% от всего населения СССР, а общий улов (в 1956 г.) — 2,3% общесоюзного. Притом $\frac{9}{10}$ валового улова в республике добывается в море.

Однако история эстонского морского рыболовства мало изучена. Из буржуазных этнографов ей уделил значительное внимание только И. Маннинен в своем труде «Материальная культура Эстонии»¹. Но он рассматривал в основном не рыболовство в целом, а только орудия лова, причем нередко понимал их развитие как саморазвитие от более примитивных к более сложным формам, не учитывая конкретных условий; между тем несомненно, что, как указывает другой исследователь рыболовства — К. Вилькуна, «тип предмета и способ его употребления невозможно объяснить, не имея точного представления о местных факторах и о значении данного предмета или способа»². Кроме того, в собранных к тому времени, когда работал Маннинен, этнографических материалах об эстонском морском рыболовстве имелись большие пробелы, которые были заполнены лишь в течение последующих десятилетий. Из советских исследователей рыболовству Эстонии уделила некоторое внимание только А. Х. Моора, при рассмотрении русско-эстонских связей в свете этнографии, начиная с XVIII в.³ Поэтому автор настоящей статьи считал возможным и нужным снова обратиться к этой теме и сделать попытку найти основные характерные линии развития столь важной для эстонского народа отрасли хозяйства.

Основными источниками для исследования послужили рукописные материалы, хранящиеся в этнографическом архиве Музея этнографии Академии наук Эстонской ССР в г. Тарту, и ответы корреспондентов Музея на высланные им вопросники⁴. Существенная часть материала собрана самим автором среди рыбаков летом 1955, 1956, 1957 и 1958 гг.

¹ I. Manninen, Die Sachkultur Estlands, т. I, Tartu, 1931.

² К. Вилькуна, Этнографическое изучение промысла лосося в Финляндии, «Сов. этнография», 1956, № 4, стр. 72.

³ А. Х. Моора, Эстонско-русские отношения в XVIII—XX вв. по данным этнографии, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», XII, 1950, стр. 45—54.

⁴ В дальнейшем ссылка на этот архив дается сокращенно — ЭА, а на ответы корреспондентов — ОК.

Кроме того, использованы основные литературные источники и материалы диалектологического архива Института языка и литературы Академии наук Эстонской ССР.

* *
*

Прежде чем приступить к рассмотрению отдельных типов орудий лова, необходимо вкратце наметить основные пути развития эстонского морского рыболовства в XIX—XX вв. в историческом аспекте.

В первой половине XIX в. рыболовством занимались в основном прибрежные крестьяне, главным занятием которых было земледелие. Основными орудиями лова являлись льняные сети и береговые невода, связанные самими рыбаками. В организации промысла были живы старинные общинные традиции коллективного труда.

Рис. 1. Морской берег под дер. Панга, Мустьяла (ныне Кингисеппский р-н), 1913 г. Из собраний Этнографического музея АН ЭстССР

Развитию рыболовства препятствовали относительная узость рынка и необходимость выполнять барщину у помещика. Прибалтийские бароны принуждали крестьян возможно больше работать на помещичьем поле. Поэтому они всячески старались препятствовать переходу крестьян к другим занятиям, в том числе и к рыболовству. Занимающихся исключительно рыболовством в это время среди прибрежного населения Эстонии было относительно мало.

В прибрежных имениях помещики требовали от своих крестьян десятину от вылавливаемой ими рыбы. В конце прошлого века десятину в большинстве районов заменила определенная плата за право ловить рыбу у берегов, принадлежавших помещику.

Организаторами рыбной ловли для рынка в более широких масштабах у берегов Эстонии явились приезжие русские рыбаки из быв. Тверской губернии. Они начали ходить к Балтийскому морю уже в XVIII в., но в значительной мере расширили свой промысел во второй половине XIX в. Русские рыбаки принесли с собой новый тип невода, а также новые, по существу капиталистические, формы организации труда и этим оказали значительное влияние на рыбный промысел местного эстонского населения.

В конце прошлого и начале нашего века произошли значительные сдвиги в развитии морского рыболовства Эстонии. С конца XIX в. появились дешевые хлопчатобумажные сети, которые вытеснили льняные сети, а на северном побережье и невода. На западном побережье в начале XX в. невода были вытеснены большими мережами; частично, особенно в бассейне Пярнуского залива, мережами заменили также салачные сети.

Расширение рынка сбыта в связи с дальнейшим развитием капитализма создало условия для увеличения добычи рыбы. Обезземеливание

Рис. 2. Рыбак из дер. Пийвароотси, Карузе (ныне Лихула-ский р-н), 1912 г. Из собраний Этнографического музея АН ЭстССР

большей части крестьян принудило их искать новых способов добывания средств к жизни. У многих прибрежных жителей рыболовство постепенно становилось главной отраслью их деятельности, особенно на островах. Параллельно шло расслоение рыбацкого населения. Из среды рыбаков появились скупщики, которые за бесценок приобретали уловы рыбаков и таким образом накапливали капитал для покупки больших рыболовных орудий.

В годы буржуазной республики (1920—1940) Эстония была оторвана от российского рынка. Это отразилось на состоянии рыбного хозяйства: рыбообрабатывающая промышленность приходила в упадок, эстонские рыбаки в основном по-прежнему оставались самой необеспеченной

частью населения страны. Углублялось социальное расслоение рыбаков — появился ряд крупных предпринимателей, в первую очередь в Пярну.

Начинавшееся уже в предыдущий период свойственное капитализму неравномерное развитие отдельных районов усугубилось. Пярну становился важнейшим центром рыболовства в Эстонии.

В общем рыболовное хозяйство буржуазной Эстонии находилось в застое — валовой улов в 1930-е годы по существу не увеличился. Господствовавшие в буржуазной Эстонии социально-экономические и политические условия не могли обеспечить дальнейшего развития морского рыболовства.

Рис. 3. Альберт Буш, бригадир рыболовецкой артели «Яхта». Гор. Пярну, 1958 г.

Фото Х. Раннак

Рис. 4. Хелья Лайне, рыбака из колхоза «Ньюкогуде Калур». О-в Мания, Пярнуский р-н, 1958 г.

Фото Х. Раннак

В годы Советской власти, после Великой Отечественной войны в морском рыболовстве Эстонии произошел коренной перелом. Из подсобной отрасли сельского хозяйства рыболовство Эстонии превратилось в самостоятельную отрасль промышленности. Создание государственных рыболовецких организаций, кооперирование труда рыбаков дали возможность оснастить рыболовство новейшей техникой. Настоящей технической революцией был переход к лову весенней салаки — основного объекта лова в прибрежных водах Эстонии — ставными неводами (начало 1950-х гг.). С каждым годом все большее значение приобретает в морском рыболовстве Эстонии траловый лов, включая и промысел в Северной Атлантике.

Неузнаваемо изменилось положение эстонских рыбаков. Освобожденные от эксплуатации скупщиков и предпринимателей, независимые от рыночной конъюнктуры, эстонские рыбаки стали хозяевами своего моря и его рыбных богатств. В связи с огромным ростом производительности труда рыбаков благодаря применению новой рыболовной техни-

ки, лучшей организации труда в рыболовецких колхозах и обеспечению государством сбыта рыбы, материальное благосостояние рыбаков возрастает невиданными темпами.

* *
*

В настоящей статье, являющейся частью монографии, посвященной рыболовству, автор ограничивается в основном рассмотрением развития типов орудий лова и соотношения между различными способами лова в историческом аспекте.

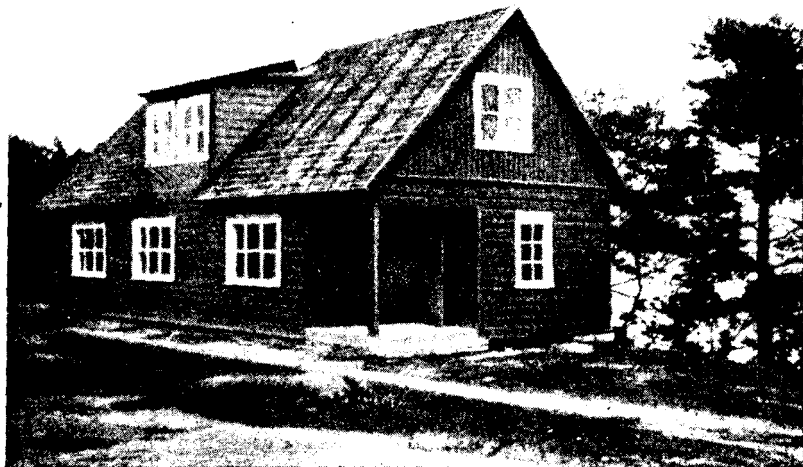

Рис. 5. «Дом рыбака» около причала в колхозе «Норд», Лохусалу, Кейлаский р-н, 1956 г.

Фото автора

Выбор применения разнообразных снастей и приемов рыбного лова зависит в первую очередь от биологических особенностей вылавливаемой рыбы. Но немалую роль в выборе снасти, а также в появлении местных вариантов рыболовных орудий играет и географическая среда (рельеф берега и дна моря и др.). Известное, но не решающее значение оказывают и сложившиеся традиции.

Рыбаки — более подвижной народ, чем крестьяне-земледельцы. Им издавна часто приходилось ловить рыбу у чужих берегов, где они знакомились со способами лова у местного населения, а также передавали ему свой опыт. Поэтому новые орудия рыболовства нередко распространялись быстрее, чем земледельческие орудия.

Однако в XIX в. рыбный промысел, даже для большинства прибрежного населения Эстонии, являлся второстепенным занятием. Этим отчасти объясняется длительное сохранение древних орудий и приемов лова у эстонских рыбаков. Это же было причиной многочисленных заимствований в области рыболовной техники эстонскими рыбаками у соседних народов, особенно у русских. Как известно, в хозяйстве русского населения северо-западных областей рыболовство всегда занимало важное место (там было много профессиональных рыбаков), и поэтому рыболовная техника развивалась у русских быстрее, чем у эстонцев. Русское влияние в рыболовстве Эстонии прослеживается уже с давних времен, особенно у Чудского озера и озера Вуртсъярв, но более заметным оно сделалось с середины XIX в., когда рыболовство стало более интенсив-

ным у прибрежных эстонцев и те начали, по примеру русских, приобретать новые большие орудия лова.

Дальше рассматриваются основные виды орудий народного рыболовства: невода, сети, ловушки, крючковые снасти, остроги.

Невода

Неводный лов является одним из старейших способов добычи рыбы в Эстонии⁵.

До начала нашего столетия невод, наряду с рыболовными сетями, являлся одним из главных орудий лова на морском побережье Эстонии, особенно во время весенней путины, когда вылавливается основная масса салаки, и при лове кильки. Следует напомнить, что эти породы промысловых рыб являлись основой морского рыболовства Эстонии. Промысел крупной рыбы усилился только в связи с ростом ее экспорта, начиная с конца 1920-х гг.

Для лова салаки и кильки употребляли самые большие невода, длиной нередко до километра, а иногда и больше⁶.

Мотня невода (räga) была цельной или составной из нескольких кусков. Составные мотни встречались чаще тогда, когда владельцем невода являлся коллектив рыбаков. Так, на острове Кихну мотня имела 10 полотнищ, каждое из которых изготовлялось хозяевами четырех дворов⁷. Если мотня была конусообразной, сама конструкция ее требовала составления ее из нескольких, обычно четырех, частей, носивших названия «suitsuk» или «sutsik» (русс. «сучек») ⁸, «gili» (русс. «гили»), «lobutrit»⁹, «taskalinad», «parsukilnad»¹⁰. Весьма вероятно, что значительная часть этих терминов — русского происхождения; это свидетельствует о заимствовании эстонскими рыбаками составной мотни от русских рыболовов. У старинных, местного типа, неводов мотня была сделана из одного куска сети.

У большого невода крылья (tiivad, siulad, hõlmad) тоже составлялись из нескольких кусков сетного полотна. Там, где невод находился в коллективном владении, части крыльев изготовлялись хозяевами отдельных дворов и длина крыльев зависела от числа участников.

Еще в начале нашего столетия встречались лыковые тяговые канаты невода¹¹.

Большой невод был распространен во второй половине XIX в. во всех основных районах лова салаки и кильки в Эстонии. Особенно больших размеров он был на северном побережье, где его стали употреблять под влиянием русских рыбаков уже с XVIII в. О русском происхождении этого невода свидетельствует местная терминология, связанная с неводным ловом, в частности название невода «vene poot» (русский невод)¹², а также предания прибрежных жителей.

Общераспространенным стал русский тип невода, по крайней мере в центральной части северного побережья Эстонии, к 1880-м годам¹³. На северном побережье Эстонии он полностью вытеснил старый, местный тип невода, о котором мы смогли собрать лишь самые скудные сведения. Русское влияние распространилось и на остров Муху, о чем также

⁵ R. Indreko, Kiviaja võrgujäänuste leid Narvas, «Eesti Rahva Muuseumi Aasta- raamat», VII, Tartu, 1932, стр. 67.

⁶ I. D. Kuznetsov, Fischerei und Thiererbeutung in den Gewässern Russlands, St.-Petersb., 1898, стр. 33.

⁷ ЭА 47, стр. 161.

⁸ Муху, ОК 13, стр. 1664; Куусалу, Харьковский р-н; ЭА 45, стр. 791; ОК 13, стр. 978 и 1017.

⁹ Муху, ОК 13, стр. 1634.

¹⁰ Куусалу, ОК 13, стр. 344.

¹¹ Килинг-Ныммеский р-н, полевые материалы автора, 1955 г.

¹² Полевые материалы автора, 1955 г.

¹³ ЭА 45, стр. 793.

ным у прибрежных эстонцев и те начали, по примеру русских, приобретать новые большие орудия лова.

Дальше рассматриваются основные виды орудий народного рыболовства: невода, сети, ловушки, крючковые снасти, остроги.

Невода

Неводный лов является одним из старейших способов добычи рыбы в Эстонии⁵.

До начала нашего столетия невод, наряду с рыболовными сетями, являлся одним из главных орудий лова на морском побережье Эстонии, особенно во время весенней путины, когда вылавливается основная масса салаки, и при лове кильки. Следует напомнить, что эти породы промысловых рыб являлись основой морского рыболовства Эстонии. Промысел крупной рыбы усилился только в связи с ростом ее экспорта, начиная с конца 1920-х гг.

Для лова салаки и кильки употребляли самые большие невода, длиной нередко до километра, а иногда и больше⁶.

Мотня невода (päga) была цельной или составной из нескольких кусков. Составные мотни встречались чаще тогда, когда владельцем невода являлся коллектив рыбаков. Так, на острове Кихну мотня имела 10 полотнищ, каждое из которых изготовлялось хозяевами четырех дворов⁷. Если мотня была конусообразной, сама конструкция ее требовала составления ее из нескольких, обычно четырех, частей, носивших названия «suitsuk» или «sutsik» (русс. «сучек») ⁸, «gili» (русс. «гили»), «lobutrit» ⁹, «taskalinad», «parsukilnad» ¹⁰. Весьма вероятно, что значительная часть этих терминов — русского происхождения; это свидетельствует о заимствовании эстонскими рыбаками составной мотни от русских рыболовов. У старинных, местного типа, неводов мотня была сдана из одного куска сети.

У большого невода крылья (tiivad, siulad, hõlmad) тоже составлялись из нескольких кусков сетного полотна. Там, где невод находился в коллективном владении, части крыльев изготовлялись хозяевами отдельных дворов и длина крыльев зависела от числа участников.

Еще в начале нашего столетия встречались лыковые тяговые канаты невода ¹¹.

Большой невод был распространен во второй половине XIX в. во всех основных районах лова салаки и кильки в Эстонии. Особенно больших размеров он был на северном побережье, где его стали употреблять под влиянием русских рыбаков уже с XVIII в. О русском происхождении этого невода свидетельствует местная терминология, связанная с неводным ловом, в частности название невода «vene poot» (русский невод) ¹², а также предания прибрежных жителей.

Общераспространенным стал русский тип невода, по крайней мере в центральной части северного побережья Эстонии, к 1880-м годам ¹³. На северном побережье Эстонии он полностью вытеснил старый, местный тип невода, о котором мы смогли собрать лишь самые скудные сведения. Русское влияние распространилось и на остров Муху, о чем также

⁵ R. Indreko, Kiviaja võrgujäänuste leid Narvas, «Eesti Rahva Muuseumi Aastaraamat», VII, Tartu, 1932, стр. 67.

⁶ I. D. Kuznetsov, Fischerei und Thiererbeutung in den Gewässern Russlands, St.-Petersb., 1898, стр. 33.

⁷ ЭА 47, стр. 161.

⁸ Муху, ОК 13, стр. 1664; Куусалу, Харьковский р-н; ЭА 45, стр. 791; ОК 13, стр. 978 и 1017.

⁹ Муху, ОК 13, стр. 1634.

¹⁰ Куусалу, ОК 13, стр. 344.

¹¹ Килинги-Ныммеский р-н, полевые материалы автора, 1955 г.

¹² Полевые материалы автора, 1955 г.

¹³ ЭА 45, стр. 793.

свидетельствуют русские названия частей мотни и предания местных жителей¹⁴.

Жители северного побережья, несомненно, уже раньше были знаком с большим неводом русского типа, но до второй половины XIX в. не бы экономических и общественных условий, нужных для развертывания та интенсивного рыболовства; поэтому это мощное для своего времени рыб ловное орудие среди эстонцев раньше не распространялось.

Наряду с салачными и килечными неводами повсеместно были ра пространены особые невода для лова крупной частиковой рыбы (ч местные названия: suurekala noot, kaldanoot, madalanoot и др.). Размеры ячей сетного полотна в этих неводах были больше, а общие размеры не вода меньше, чем у первых.

В западной Эстонии и в архипелаге, где важную роль играет ло крюковой снастью, повсеместно можно встретить мелкочаечистые неболь шие невода для лова наживки; нередко мотню в них заменяет мешок из грубой ткани (Килинги-Ныммеский район). Так как интенсивный лов переметами — довольно новое явление, то это относится, следова тельно, и к неводам для ловли наживки.

Своеобразны невода, предназначенные для лова камбалы. Камбал ведет донный образ жизни, поэтому невода невысоки — 0,5 — 1,0 м, крылья очень коротки — 4—10 м. Зато у них длинные и толстые (7—10 см) канаты, носящие название pasinad (Куусалу), kusid (от русск «гуж», Таллин, Хальяла, Муху), kusikeied (Сааремаа). При тяге невод эти канаты движутся по дну и пугают рыбу так, что она идет в мотник. Камбальные невода начали распространяться по эстонскому морском побережью в первой половине прошлого столетия. Изобретателями этог невода были русские рыбаки в Палдиски и Таллине¹⁵. С неводом новог типа познакомились эстонские рыбаки западного побережья Сааремаа; а от них его перенесли ливы в Курземе (Латвийская ССР). Выработа ный ливами более легкий тип камбального невода распространился п всему бассейну Рижского залива и по восточному побережью Балтийски го моря, доходя даже до берегов быв. Восточной Пруссии¹⁶.

По-видимому, русские рыбаки, конструируя камбальный невод, вз ли за образец маленькие невода, употребляемые на внутренних водах северо-западной России. На это указывает уже сходство названи pokk, odinok — камбальный невод (окрестности Таллина, Муху); «оди нок» — тип невода близ городов Калинина и Осташкова¹⁷. Именно в этих районах приезжали русские рыбаки на лов у берегов Эстонии.

У эстонских рыбаков был известен и так называемый спиральный невод (röörisnoot) с одним длинным крылом. Из-за недостатка материа лов пока нельзя еще сказать что-нибудь определенное относительно происхождения и распространения в Эстонии этого типа невода. Некото рые этнографы предполагают, что спиральный невод у эстонцев довольно давнего происхождения и известен в старой материальной культуре народов северо-восточной Европы. Но несомненно, что более совершен ный тип спирального невода на Чудском озере заимствован у рыбаков Ладожского озера или Финского залива. На северо-западном побережье Эстонии какую-то роль здесь тоже играло, несомненно, русское влияние, о чем свидетельствует название этой снасти «vorut» (руссск. — «ворот») в Тискре около Таллина¹⁸. Рыбаки из Сырве (о-в Сааремаа) познакоми лись с спиральным неводом в Риге у латышских рыбаков¹⁹.

¹⁴ ОК 13, стр. 1379.

¹⁵ Х. Вольдемар, Рыболовство на Балтийском море, «Морской сборник», LXIV, 1863, № 1, стр. 10—13.

¹⁶ I. Mäppinen, Указ. раб., стр. 176.

¹⁷ Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля, 4-е изд., т. II, СПб.—М., 1914, стр. 1676; см. также I. Mäppinen, Указ. раб., стр. 174.

¹⁸ I. Mäppinen, Указ. раб., стр. 168.

¹⁹ Полевые материалы автора, 1957 г.

Можно различать несколько способов лова неводом: 1) береговой лов (невод тянут на берег); 2) лов бреднем (на мелководье; рыбаки движутся по пояс в воде); 3) лов в открытом море (с одной или нескольких лодок); 4) зимний подледный лов. Каждый из этих способов имеет локальные различия в зависимости от типа невода и природных условий.

Первый способ применялся в основном в весеннюю путину для лова салаки большим неводом. Он был известен в бассейне Пярнуского залива и на побережье западной Эстонии в Виртсу и южнее, а также на о-ве Кихну, причем в тяге участвовало обычно от 20 до 50 человек²⁰, а иногда даже больше. Отличительной чертой берегового лова здесь является употребление специальных поясов (poodarant, или kolk); прикрепляя их к тяговому канату, неводчики могли тянуть не только руками, но и всем телом. Такие пояса встречались у финнов²¹ и латышей²². И. Маннинен указывает, что особенно близки к эстонским латышские пояса²³. Эти пояса употребляли при неводном лове во всем бассейне Рижского залива, где еще в конце XIX в. сохранялся способ тяги невода вручную, тогда как в других районах Балтийского моря уже давно перешли на тягу воротом²⁴ (см. рис. 6).

На северном побережье (б. уезд Вирумаа) неводный промысел имел своеобразную особенность. Берег здесь местами достигает более 50 м высоты. Руководитель лова — kallaspapp (буквально — береговой поп) во время лова находился на краю высокого берега, откуда было удобно следить за движением косяка салаки, и жестами передавал указания неводчикам. Этот способ лова — старая традиция вирумааских прибрежных жителей. Сохранились его описания, сделанные во второй половине XVIII в.²⁵

В XIX в. больше всего был распространен, а местами сохранился и до наших дней, неводный лов в открытом море, где невод выметывали из лодки и в лодку же выбирали. В западной части Эстонии главным районом лова салаки этим способом был о-в Муху. Невод выметывали с двух больших лодок и тянули его вручную несколько десятков человек²⁶. На северном побережье при тяге невода рыбаки пользовались воротом, и число участников лова там обычно не превышало шести²⁷. В северной Эстонии лов большим неводом в открытом море был мало распространен. Очевидно, он был заимствован от русских рыбаков в XVIII в. Источники того времени свидетельствуют, что этот способ лова на Вирумааском побережье употреблялся тогда местными рыболовами редко. Так ловили главным образом приезжие русские рыбаки в Таллинской бухте²⁸.

Для лова частичковой рыбы невод в летнее время употреблялся меньше. Камбальный невод употребляется на летнем лове до настоящего времени; его тянут в лодку обычно 2—3 ловца. Невод выметывается из лодки; один конец его прикреплен к бую. В 1920-х гг. при тяге камбаль-

²⁰ Тахкураанна, О. Loorits, Endis-Eesti elu-olu I, Tallinn, 1939, стр. 69; Варбла, ОК 13, стр. 704—706.

²¹ K. Vilkuна, Varsinaissuomalaisen kansanomaisesta taloudesta, Porvoo, 1935, стр. 45.

²² A. Bielenstein, Die Holzbauten und die Holzgeräte der Letten, St.-Petersburg—Petrograd, 1907—1918, стр. 469.

²³ I. Manninen, Указ. раб., стр. 178.

²⁴ В Финляндии, например, уже в XVII в. См. K. Vilkuна, Указ. раб., стр. 45.

²⁵ A. W. Hupel, Topographische Nachrichten von Lief- und Ehstland, т. III, Riga, 1782, стр. 478; Fr. Arvelius, Beschreibung des Strömlings-Fanges in Ehstland, «Livländische Lese-Bibliothek, eine Quartalschrift», IV, 1796, стр. 120—128.

²⁶ См. описание И. Маннинена в указанной работе, стр. 180—181.

²⁷ ЭА 45, стр. 797.

²⁸ Fr. Arvelius, Указ. раб., стр. 121.

ного невода начали применять, по примеру латышских рыбаков, и бедку²⁹.

При лове крупной частиковой рыбы невод тянули в большинстве случаев на берег. В общем можно сказать, что береговой неводный лов в Эстонии является более древним способом лова, чем в открытом море.

Важное место в морском рыболовстве Эстонии занимал подледный неводный лов. На Балтийском море этот способ лова очень древний

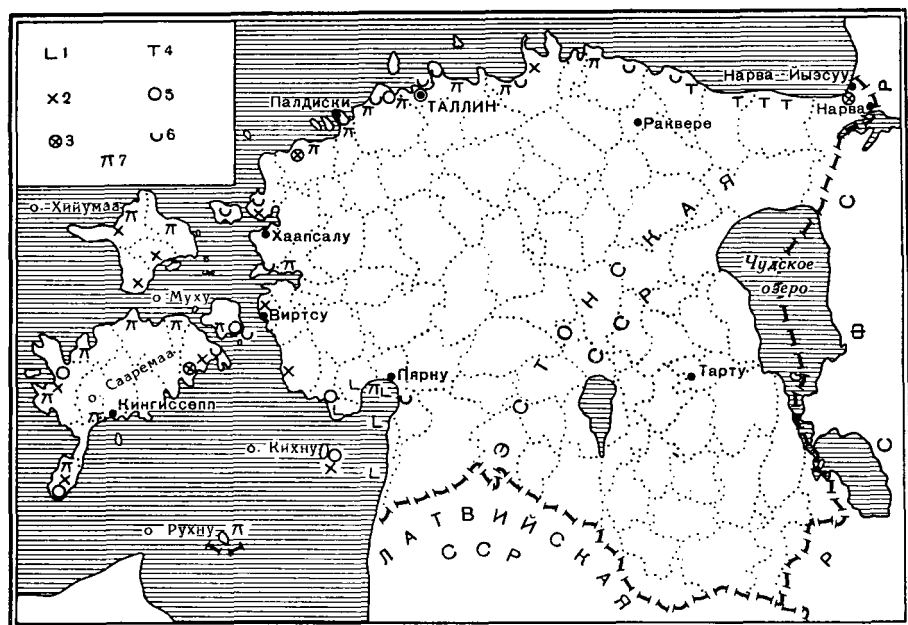

Рис. 6. Распространение основных способов морского неводного лова в Эстонии (конец XIX в.): 1 — тяга невода на берег с применением тяговых поясов; 2 — тяга невода руками; 3 — тяга невода воротом; 4 — лов у высокого берега; 5 — лов спиральным неводом; 6 — лов в открытом море с лодок; 7 — лов камбальным неводом

его знают везде, где зимой море замерзает³⁰. В западной Эстонии та ловили почти исключительно крупную рыбу, а в Финском заливе — главным образом салаку и кильку. На северном побережье в тяге невода участвовало всегда 8 рыбаков, а на западе — от 6—7 до 30—40. Окруженный неводом участок на западном побережье имел форму круга, полумесяца, треугольника или четырехугольника, причем, как правило, он в ширину был больше, чем в длину; на северном побережье он имел форму прямоугольника или трапеции.

Заметные различия существовали также в терминологии, связанной с подледным ловом. На северном побережье употреблялось множество названий русского происхождения, касающихся устройства невода³¹, а также организации труда (наименование исполняющих определенные обязанности лиц — *roda* ж *odsik*, *krumkammes jättel* и др.). Это — следствие того, что подледный неводный лов, как и лов большим неводом вообще, в той форме, в какой он был известен во второй половине XIX в., на северном побережье Эстонии введен русскими рыбаками.

²⁹ Ноароотси, ЭА 9, стр. 319; Сырве, полевые материалы автора, 1957 г.

³⁰ K. Vilkuна, Указ. раб., стр. 45.

³¹ I. Mappinen, Указ. раб., стр. 190.

В прошлом лов большим неводом являлся важным событием в прибрежной деревне. Невод изготавливали силами всей деревенской общины. Весной, когда косяки салаки начинали приближаться к берегу, по знаку дежурных — наблюдателей за движением рыбы участники неводьбы собирались на берег, принося с собой изготовленные дома части невода. Из этих частей составлялся большой невод. Под руководством «киппера», наиболее опытного рыбака, начиналась неводьба. Участники ее часто в течение всей путины (несколько недель) оставались на берегу, живя во временных избах или шалашах. В неводный коллектив (noodavägi, о-в Муху) — несколько десятков человек — входила преимущественно молодежь. Поэтому в свободное от работы время на берегу (noodavapnas) пели песни, плясали, водили хороводы. Те из участников неводного коллектива, которые сами в лове не участвовали, приносили неводчикам пиво или водку. Улов делили между всеми участниками поровну. Двойную долю получал киппер, который нередко был в то же время владельцем большой лодки (poolaev) или им была изготовлена мотня невода.

Во время путины на берегу собиралось также много людей, не имеющих своей доли в неводе. Это были обычно бедняки, которые помогали неводчикам и за это получали рыбу.

К весенней путине на берег моря приходило также много крестьян из деревень, лежащих внутри страны; они меняли хлеб на рыбу и обычно приносили с собой также водку.

Такая общинная неводьба наблюдалась еще до конца XIX в., хотя быстрое развитие капиталистических отношений в целом разрушило старинные общинные традиции.

Дольше всего общинная организация неводчиков сохранялась на о-вах Кихну и Муху.

Во многих других районах побережья Эстонии во второй половине XIX в. появились новые формы организации — неводные артели, в 6—8 человек. В артелях невод зачастую принадлежал не всему коллективу, а владельцу-хозяину, который нередко сам уже не участвовал в лове. Эти артели возникли под влиянием русских артелей, промышлявших кильку в районе Палдиски — Таллин. Сперва эстонские рыбаки участвовали в промысле русских артелей в качестве сезонных наемных рабочих, затем эстонцы по всему северному побережью, а также в Пярнуском бассейне сами стали организовывать артели такого типа, зависящие во многих случаях от русских рыбопромышленников.

В конце XIX — начале XX в. невод был в значительной степени вытеснен снастями других типов, особенно после того, как начали распространяться более дешевые хлопчатобумажные сети фабричного производства. В бассейне Пярнуского залива салачный невод заменили большие мережи, на северном побережье — мережи и сети.

В значительной степени уменьшилась с того времени также роль невода в лове крупной рыбы. В настоящее время береговым неводом регулярно ловят, как нам известно, частиковую рыбу только нарва-йёзсууские и нарвские рыбаки-колхозники, частично — рыбаки в Кийдева (Хаапсалуский р-н)³².

На западном побережье продолжает развиваться лов неводом камбалы. На северном побережье до наших дней не потерял значения зимний подледный лов салаки.

Рыболовные сети

Рыболовные обячеивающие сети — старинные и наиболее универсальные орудия лова. Ими ловят все породы рыбы, встречающиеся у берегов Эстонии. Сети в Эстонии везде примерно одинакового устройства. Различия наблюдаются только в форме и величине грузил и по-

³² Полевые материалы автора, 1957 и 1958 гг.

плавков, в названиях деталей, в размере ячей. Последнее зависит от того, для лова какой рыбы сеть предназначена.

Сети предназначены в основном для пассивного лова. Наиболее распространенными являются ставные сети. Различают несколько их видов — по положению сети в воде. Старейшим, вероятно в пределах всей Балтики, является способ лова, когда сети опускают прямо на дно моря. Но в западных и южных районах Балтики гораздо раньше, чем в Эстонии, стали входить в употребление новые способы. Так, даже в шхерах Аландских островов уже в 1820-х годах начали ставить сети в верхних слоях воды³³. Зато на южном берегу Финского залива, особенно в районе быв. уезда Вирумаа, донный лов еще на сто лет позднее оставался единственным способом³⁴. Только с 1930-х годов начали и здесь ставить сети в верхних слоях воды³⁵. Там, где рыбный промысел играл более важную роль в хозяйстве, новый способ начал распространяться раньше. На п-ове Сырве (Сааремаа), например, уже в 1870-х годах все сети были приспособлены для лова в верхних слоях воды³⁶. На о-ве Хийумаа этот переход произошел, очевидно, еще раньше, так как там рыбаки уже не помнят о донном лове.

При лове сетями в верхних слоях воды применяют несколько вариантов установки порядка сетей. Обычно сеть прикреплена ко дну на якорях с обоих концов. Но бывает, что один конец не прикреплен. Называется этот способ лова «lirpus rüük» или «lirpurüük» (lirp — флаг, флюгер). Он оказывается целесообразным в тех районах, где море часто бывает беспокойным или где имеются сильные и изменчивые течения. Этот способ лова повсеместно распространен в западной части северного побережья; знают его и в Созласком проливе и в проливах около о-ва Муху, а также в некоторых местах юго-западного побережья (например, в Аудру).

Следует отметить, что в верхних слоях ловят только салаку и кильку; прибрежный лов частиковой рыбы остается донным.

Всюду у побережья Эстонии, где зимой лед бывает более или менее прочным, известен подледный донный лов ставными сетями, почти не имеющий, впрочем, промыслового значения. В этом отношении в 1920—1930-е годы выделялись только Пярнуский (лов судака) и Нарвский (лов салаки и корюшки) заливы. В Нарвском заливе рыбаки ловили подо льдом довольно далеко от берега, и те из них, которые не имели лошадей, жили целую неделю на льду в небольших деревянных домиках или палатках³⁷.

Особый способ сетевого лова — плавными сетями (ajurpüük, triivpüük, rinetamine, ujutamine). Один конец сетевого порядка прикреплен к лодке, другой — свободен. Лодка вместе с сетями дрейфует свободно в течение всей ночи. Хотя этот способ требует присутствия рыбаков в течение всего процесса лова, но они не участвуют активно в лове, а скорее сторожат сети, нередко занимаясь другими делами, например ловом трески на удочку (Хийумаа)³⁸. Поэтому следует относить лов плавными сетями к пассивным или, по крайней мере, к полупассивным видам лова, а не к активным, как это обычно делается³⁹. Лов в дрейфе производится в основном в верхних слоях воды и лишь изредка на глубине до 30 м⁴⁰.

³³ R. Ahlbäck, *Kökar. Näringslivet och dess organisation i en utskärssocken. Helsingfors—Köbenhavn, 1955, стр. 96.*

³⁴ См. «Kalaasjandus», 1921, № 6, стр. 85; № 14, стр. 358—359.

³⁵ См. «Uus Eesti», 7 сентября 1938 г., № 245, стр. 6.

³⁶ ЭА 36, стр. 469.

³⁷ Полевые материалы автора, 1957 и 1958 гг.

³⁸ J. Meu, Hiu-Kärdla kalameeste elust ja kalapüügist, «Ka'laasjandus», 1923, № 29, стр. 84.

³⁹ См., например, I. Manninen, Указ. раб., стр. 200.

⁴⁰ A. Säinas, Triivpüügist Nõukogude Eesti vetes, «Nõukogude Eesti Kalandus», 1941, № 2, стр. 45.

В западных районах республики, особенно на островах, для лова в дрейфе употребляются специальные сети, так называемые сети с поводками (pinevõrk), у которых, кроме верхней подборы, имеется параллельно ей еще одна веревка (см. рис. 7). Плавными сетями здесь ловят салаку и кильку, ставными — крупную рыбу.

Плавные сети употреблялись преимущественно в северной и западной части о-ва Хийумаа, на западе и юге о-ва Сааремаа, на северном побережье материковой Эстонии, а также в проливе между о-вом Муху и материком, т. е. на побережье открытого моря и там, где течение сильное и опасно оставлять сети в море на длительное время без надзора.

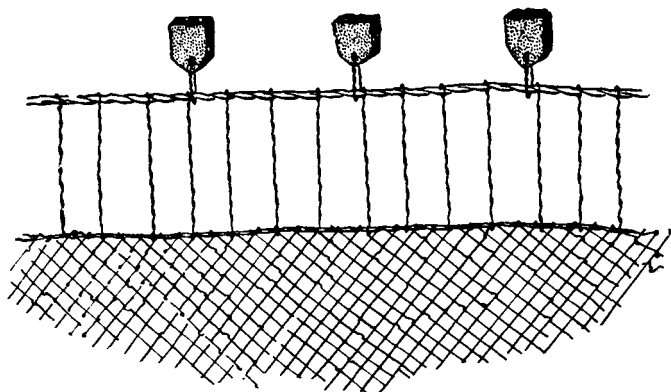

Рис. 7. Устройство верхнего края сети с поводками (pinevõrk)

Лов плавными сетями для Эстонии — относительно нов. На северном побережье еще помнят о его недавнем происхождении⁴¹. Рыбаки в Нарва-Йыэсуу учились ловить плавными сетями у латышских рыбаков, эвакуированных сюда во время первой мировой войны⁴². В окрестностях Таллина и Палдиски этот способ лова, очевидно, старше; по крайней мере в 1904 г. он там был уже известен⁴³. Более давние традиции имеет лов плавными сетями на западе Эстонии. На побережье южнее г. Пярну, по рассказам местных рыбаков, ими ловили «еще в те времена, когда властвовали помещики»⁴⁴. На Сырве знали только плавные сети⁴⁵. В 1851 г. лов был широко распространен на о-ве Хийумаа⁴⁶.

Большую роль, чем в Эстонии, играл лов плавными сетями в южной части Балтийского моря, на побережье Курземе (Латв. ССР)⁴⁷, и быв. Восточной Пруссии, на о-ве Борнхольм и в бассейне Северного моря⁴⁸. Можно полагать, что эстонские рыбаки познакомились с этим способом лова у своих южных и западных соседей: жители п-ова Сырве, видимо, у курземских рыбаков, ливов и латышей; хийумааские рыбаки могли узнать о нем на о-ве Готланде, с жителями которого они поддерживали в XIX в. и раньше сравнительно тесные торговые отношения. Позднее, в 1850—1880-е годы, новый способ лова проник при посредстве готландцев в северные районы Прибалтики, на Аландские острова и в Финлян-

⁴¹ Полевые материалы автора, 1955 г.; ЭА 8, стр. 131.

⁴² Полевые материалы автора, 1957 г.

⁴³ Б. А. Гейнеман. Рыболовство на Балтийском море у русских берегов, «Вестник рыбопромышленности», СПб., 1904, стр. 556.

⁴⁴ Полевые материалы автора, 1955 г.

⁴⁵ Полевые материалы автора, 1957 г.

⁴⁶ «Исследования о состоянии рыболовства в России», I — Рыболовство в Чудском и Псковском озерах и в Балтийском море, СПб., 1860, стр. 14.

⁴⁷ Б. А. Гейнеман, Указ. раб., стр. 556.

⁴⁸ См. I. Manninen, Указ. раб., стр. 200—201.

дию⁴⁹. Это, как уже доказал проф. Вилькуна, опровергает предположение И. Маннинена, что эстонцы заимствовали плавные сети из Финляндии. Весьма вероятно, что лов плавными сетями возник в бассейне Северного моря и оттуда распространился по Балтике с юга на север.

Лов плавными сетями был еще широко развит у эстонских рыбаков в годы буржуазной республики. В Советской Эстонии этот довольно опасный способ лова (из-за частых бурь осенью, когда он больше всего производится) потерял прежнее значение в местном прибрежном промысле

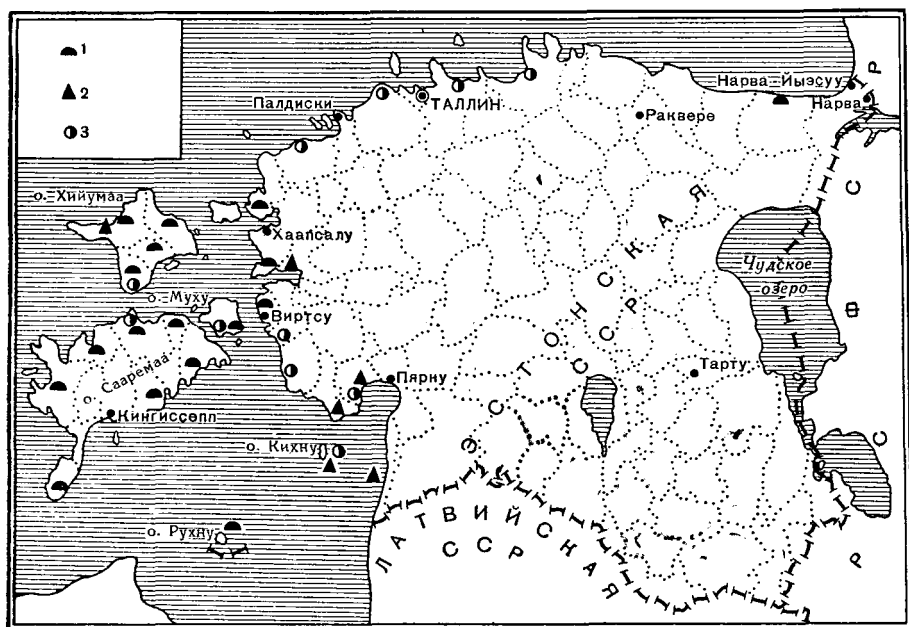

Рис. 8. Распространение некоторых типов рыболовных сетей и способов сетевого лова в морском рыболовстве Эстонии: 1 — сети с поводками (pinevõrk); 2 — трехстенная сеть (kiimvõrk); 3 — установка сетей «флюгером» (lipus püük)

Зато в экспедиционном лове сельди на Атлантическом океане, осуществляемом республиканскими рыболовецкими организациями начиная с 1955 г., более совершенные дрейфтерные сети (наряду с тралами) получили довольно большое значение.

Эстонским морским рыбакам были также известны некоторые активные способы лова сетями. Рыбу загоняли в сети, пугая ее ударами по воде специальной палицей, боталом (mütt) или ударами весел. При этом нередко употребляется, особенно в районе Пярнуского залива и на Матсалуской бухте, особая трехстенная сеть — обор (kimudega mütt, kimudega võrk, или kiimvork).

Особый интерес с этнографической точки зрения представляет зимний активный лов сетями на эстонских островах, известный там еще в начале XX в. Так, у побережья п-ова Сырве (Сааремаа), обычно поздней осенью, когда море в прибрежном районе уже покрыто льдом, начинался лов рыбы, преимущественно щуки. Во льду делали прорубь в виде щели и, кроме того, множество лунок. В прорубь вводили сети, через лунки рыбаки начинали пугать рыбу палками. Число участников было неограниченно; нередко набиралось несколько десятков человек. Здесь еще долго сохранялись традиции общинного лова, использовавшиеся в целях эксплуатации прибрежных крестьян помещиком, требовавшим

⁴⁹ K. Vilkuна, Указ. раб., стр. 54; R. Ahlbäck, Указ. раб., стр. 96.

десятину с этого вида лова⁵⁰. Об этом способе лова имеются данные с п-ова Вятта (Сааремаа), с п-ова Сырве ((h)agemine, или (h)agerüik)⁵¹ и с о-ва Хийумаа (lündil käima)⁵². Очевидно, в прошлом он был распространен на эстонских островах более широко.

При лове сетями коллективы рыбаков были небольшие, по 4—6, иногда по 10 человек на одну лодку. Наиболее крупные команды организовывались, когда плавали на длительное время ловить рыбу к побережью, лежащему на сотню и более миль от родной деревни. В связи с перехо-

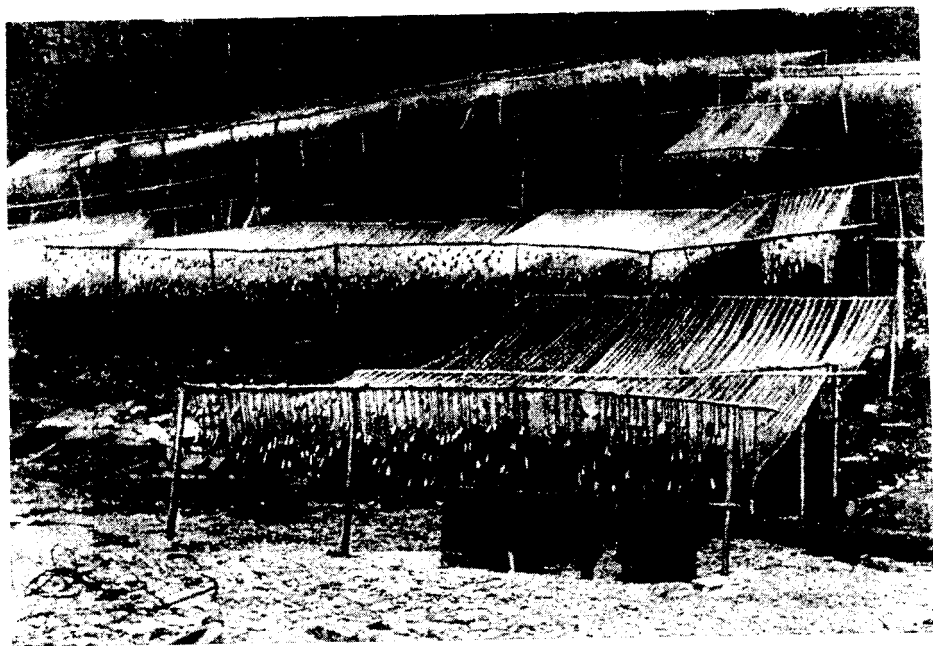

Рис. 9. Салачные сети на вешалах. Дер. Тайла, Йыхви (ныне Йыхвиский р-н), 1934 г. Из собраний Этнографического музея АН ЭстССР

дом в конце XIX в. на парусники, а в 1920—30-е годы — на мотоботы, число ловцов в одной лодке сократилось до 2—3 человек, так как отпала необходимость в гребцах.

В прошлом, очевидно не позднее середины XIX в., нередко команду одной лодки составляли члены большой семьи, силами которой были изготовлены и во владении которой находились как сети, так и лодка. В дальнейшем сетями владели малые семьи. Довольно долго, частично до начала нашего века, сохранялось распределение улова между членами команды поровну; но все чаще каждыйловец получал при дележе рыбу, попавшую в его сети.

Позднее возникла частная собственность и на лодку. Пользовались ею по-прежнему несколько человек, но хозяин ее обычно получал рыбу, осыпавшуюся в лодку (varikalad). В дальнейшем хозяин лодки составлял команду по своему усмотрению, тогда как раньше ее состав годами оставался неизменным. Хозяин имел вдвое больше сетей, чем остальные члены коллектива, или же владел всеми сетями, причем ловцы получали половину улова, а хозяин — остальное. Коллективы такого типа, характерные для периода капитализма, возникли во второй половине

⁵⁰ Полевые материалы автора, 1957 г.

⁵¹ Материалы диалектологического архива Ин-та языка и литературы АН Эстонской ССР.

⁵² ЭА 9, стр. 341.

ХІХ в. Как при неводном, так и при сетевом лове они давали широкую возможность эксплуатации неимущих слоев прибрежного населения принимаемыми — владельцами рыболовных орудий.

Ловушки

Уже в течение полувека вплоть до настоящего времени основная масса рыбы у эстонских берегов добывается различными орудиями лов типа ловушки. По назначению, величине и устройству выделяются сл

Рис. 10. Починка угревой мережи. Дер. Верги, Раквереский р-н, 1955 г.

Фото автора

дующие снасти этого типа: 1) небольшие мережи для лова прибрежной крупной рыбы, 2) большие салачные мережи, 3) мережи для лова лосося, 4) большие мережи для лова угря (боттенгарны), 5) ставные невода.

Различного типа ловушки известны на территории Эстонии начиная с первобытного времени. В морском же рыболовстве они начали играть значительную роль только в ХІХ в.

Раньше всего начали употреблять мережи в морском лове на островах. По рассказам местных рыбаков, первые мережи для лова в море были изготовлены на о-ве Хийумаа в 1858—1859 гг.⁵³ На о-ве Муху начали употреблять мережи с 1860-х годов⁵⁴. Примерно в те же годы появились они и на о-ве Кихну⁵⁵. О приоритете хийумааских и мухуских рыбаков во внедрении мережного лова говорят и литературные источники⁵⁶. Архивные и полевые материалы подтверждают, что в других районах местные рыбаки перенимали мережи у рыбаков двух названных островов, а также о-ва Сааремаа⁵⁷.

Большие мережи для лова салаки — более новое явление. В Хийумаа их начали употреблять, очевидно, в начале 1880-х годов⁵⁸. Оттуда

⁵³ Полевые материалы автора, 1955 г.

⁵⁴ ОК 13, стр. 1387, 1666.

⁵⁵ ЭА 47, стр. 177; V. Kalits, Kihnlaste kalastusest, «Etnografia Muuseumi Aastaraamat», XVI, Tallinn, 1959, стр. 180.

⁵⁶ Б. А. Гейнеман, Указ. раб., стр. 560.

⁵⁷ Ноароотси, ОК 13, стр. 461; Хаапсалу, полевые материалы автора, 1956 г.; Вирсу, ОК 13, стр. 618; Поотси, ЭА 36, стр. 477; Костивере, ЭА 8.

⁵⁸ ОК 13, стр. 1676; O. Loorits, Указ. раб., стр. 118.

они распространились по другим районам западной Эстонии. Возможно, что переход к употреблению больших салачных мереж на Хийумаа является до известной степени развитием местного исконного лова небольшими мережами частичковой рыбы. Зато глубоководные салачные мережи на северном побережье заимствованы у других народов. Кажется правдоподобным, что рыбаки на северном побережье Эстонии — как эстонцы, так и приходящие туда на промысел русские — впервые познакомились с возможностью лова салаки большими мережами у финнов, но для себя начали их привозить из Осташкова, где изготовляли большие мережи для лова на Ладожском озере, о чем свидетельствуют различные источники⁵⁹. Осташковские мережи употребляли по всему северному побережью Эстонии, а частично и в окрестностях Пярну и Риги⁶⁰.

Боттенгарны, снасти датского происхождения, стали проникать в Эстонию через Швецию, начиная с 1929 г. Применение этих крупных рыболовных орудий позволило в значительной мере увеличить в Эстонии вылов угря. Последний в основном шел на экспорт в западноевропейские страны.

Первые попытки ловить ставными неводами у побережья Эстонии были сделаны пярнускими рыбаками в конце 1930-х годов. Но массовое применение этих дорогостоящих больших снастей стало возможным только в Советской Эстонии, когда рыбаки объединились в колхозы.

В первой половине 1950-х годов ставные невода в значительной мере вытеснили все остальные виды рыболовных орудий при весеннем лове салаки, а уловы салаки namного увеличились. Делаются попытки ловить ставными неводами также частичковую рыбу.

Что касается организации труда при лове орудиями типа ловушки, то старинных общинных традиций здесь нет, так как массовый лов мережами возник в Эстонии только при капитализме. Мережи в основном принадлежали предпринимателям, которые нанимали для лова так называемых «мережных батраков» (*mõrgrasulased*).

Небольшие прибрежные мережи принадлежали обычно отдельным ловцам, так как они стоили дешевле, а для лова ими достаточно силы одного человека.

Крючковые снасти

В морском рыболовстве Эстонии определенное значение имеют крючковые орудия лова. Имеются крючки без наживки, типа блесны (*käsiõng, pilka*) и типа дорожки (*vedel, lant*).

Крючки с наживкой для активного лова вручную (лёса на катушке, иногда прикрепленной к борту лодки) распространены в западных и северо-западных районах (о-в Хийумаа, западная часть о-ва Сааремаа, о-в Осмуссаар, окрестности Таллина), т. е. там, где встречается треска.

Для пассивного лова служат жерлица (с одним крючком) и перемет с рядом крючков, прикрепленных при помощи поводков к длинной бечеве — хребтине.

Жерлицей (*und*) ловят почти исключительно шук зимой. Основные районы лова жерлицей в прошлом: восточное и юго-восточное побережье о-ва Хийумаа, о-в Муху, многие районы о-ва Сааремаа и западное побережье материковой Эстонии, частично — бассейн Пярнуского залива. В настоящее время промысловое значение жерлицы имеют только в

⁵⁹ ЭА 8, стр. 145; ЭА 45, стр. 805; полевые материалы автора, 1955 г.; G. Schneider, Die Seefischerei von Lettland und Estland, «Handbuch der Seefischerei Nordeuropas», VIII, N 6, Stuttgart, 1928, стр. 2; Б. А. Гейнеман, Указ. раб., стр. 560.

⁶⁰ Б. А. Гейнеман, Указ. раб., стр. 561.

Мухуском проливе и на юго-восточном побережье о-ва Сааремаа⁶¹. О лове жерлицами в открытой воде имеются сведения с о-ва Хийумаа⁶², с побережья западной Эстонии⁶³ и с острова Кихну⁶⁴. Уже в 1930 годы на жерлицу ловили только любители.

Последние четыре-пять десятилетий наибольшее значение из крючковых снастей приобрели различного типа переметы (*jadaõng* — на западе Эстонии, *õngeribi* — на северном побережье). Ловят ими как летом,

Рис. 11. Подготовка переметов для лова трески перед выходом рыбаков в море. Дер. Пяриспэа, Куусалу (ныне Харьковский р-н), 1920 г. Из собрания Этнографического музея АН ЭССР

так и зимой подо льдом. Их начали употреблять в морском рыболовстве не позднее 1880-х годов, в Пярнуском бассейне⁶⁵. Многие данные говорят о заимствовании переметов у латышей⁶⁶, а на северном побережье — у русских рыбаков с Чудского озера⁶⁷.

Промысловое значение переметы теперь сохранили преимущественно в бассейне Пярнуского залива, на летнем лове.

Острога

Добыча рыбы острогой не имела промыслового значения, но в прошлом она все же была известна в Эстонии повсеместно. У морского побережья острогой ловили больше всего щуку и угря, отчасти камбалу. На о-ве Хийумаа имелась специальная трезубая острога для камбалы (*lestapiht*). На море промыслили острогой почти исключительно с небольших лодок-плоскодонок, в Матсалуской бухте (Хаапсалуский р-н) — с двух связанных вместе челноков⁶⁸.

⁶¹ «Атлас основных орудий рыболовства Эстонской ССР», Таллин, 1953, стр. 51.

⁶² ЭА 9, стр. 361—369.

⁶³ I. Manninen, Указ. раб., стр. 139.

⁶⁴ V. Kalits, Указ. раб., стр. 193.

⁶⁵ ОК 13, стр. 1663; ЭА 36, стр. 441.

⁶⁶ Сырье, полевые материалы автора, 1957 г.; Кихельконна, ЭА 50, стр. 19.

⁶⁷ ОК 13, стр. 342 и др.

⁶⁸ Полевые материалы автора, 1957 г.; Chr. Petri, *Ehstland und die Ehsten*, I, Gotha, 1802, стр. 117; ОК 13, стр. 484 и др.

Угря промыслили днем. Нередко в воде складывали искусственные груды камней, куда угри залезали и откуда их легко было достать⁶⁹.

Лучение рыбы, преимущественно шуки (toosel käimine — западная Эстония, tulusel käimine, ael käimine — северная Эстония) было широко распространено по всему побережью Эстонии и в некоторых районах имело массовый характер. На Матсалуской бухте, например, в тихие вечера

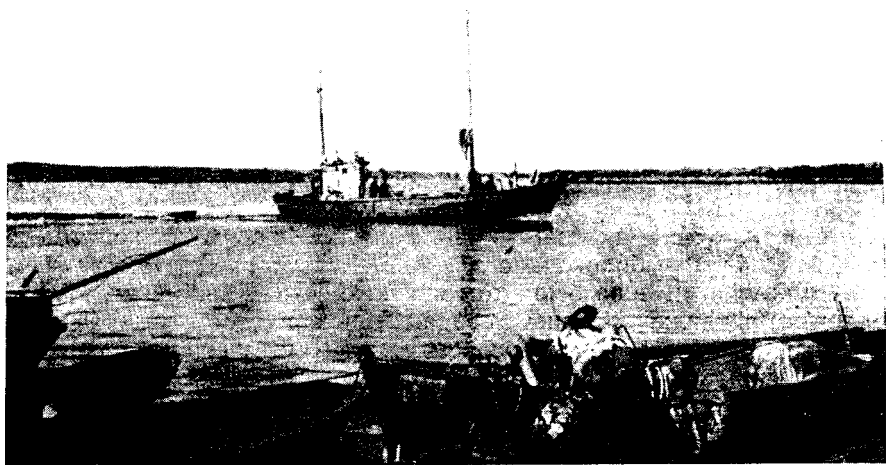

Рис. 12. Траулер возвращается с моря. Поселок Нарва-Йыэсуу, 1958 г.

Фото автора

на лучение выходило одновременно более ста лодок⁷⁰. Огонь находился на железной решетке в носовой или кормовой части лодки, реже — в середине ее.

Местами производился хищнический лов угря острогой из-под льда, на зимовищах этой рыбы.

С 1920-х годов добыча рыбы острогой была запрещена; в последние десятилетия острогой бьют рыбу только рыболовы-любители, чаще всего мальчики.

На побережье Эстонии были известны еще некоторые активные способы лова вручную, не требующие специальных орудий. Шире всего из них было распространено глушение рыбы.

Новейшим способом морского лова в Эстонии является траловый. Первые опыты этого механизированного лова были сделаны уже в дореволюционное время, но их результаты были ничтожны⁷¹. В буржуазной Эстонии тоже оказалось невозможным внедрить траловый лов. Только при Советской власти значение тралового лова стало возрастать с каждым годом.

⁶⁹ Сырве, полевые материалы автора, 1957 г.; Хийумаа, ЭА 9, стр. 379; I. Manni-
n, Указ. раб., стр. 113.

⁷⁰ C. Russwurm, Eibofolke oder die Schweden an den Küsten Elstlands und auf
Rupõ, II, Reval, 1855, стр. 36—37.

⁷¹ В Рижском заливе в 1880-х годах. См. П. Борисов, Рыболовство в Пернов-
ской бухте, «Известия и труды сельскохозяйственного отделения Рижского Политех-
нического ин-та», III, 1915, вып. 4, стр. 203—204.

До последнего времени траловый лов на Балтийском море осуществлялся в основном государственными рыболовецкими организациями, но сейчас в распоряжение более крупных колхозов передается все большее число траулеров. Например, в рыболовецком колхозе «Октябрь» (г. Нарва) — более 20 траулеров, и траловый лов дает около 89% годового улова колхоза ⁷².

* *
*

Если сравнить развитие рыболовства в различных районах морского побережья Эстонии, то можно отметить, что оно шло неодинаковыми путями, и это было обусловлено природными, экономическими и этническими причинами. Выделяются два основных района — северное побережье республики и западная Эстония вместе с островами. На островах, отчасти и на западном побережье материковой Эстонии техника рыболовства была более разнообразна, чем на северном побережье. Число профессиональных рыбаков тоже было там больше. Это объясняется в большой мере тем, что на островах нет хороших условий для сельского хозяйства, и поэтому население там было вынуждено обращаться к другим областям деятельности, в том числе — к рыболовству. Зато прибрежное население в северной Эстонии больше занималось сельским хозяйством (хотя и там были чисто рыболовецкие деревни — Эйзма, Тюрзамяэ и др.). Главными орудиями лова были там ставные сети — салачные, килечные, камбаловые, а также большие невода. Только в годы буржуазной республики там распространились лососевые мережи в связи с расширением экспорта ценной рыбы в западные страны.

Кроме того, эти рыболовные районы различаются и по основной терминологии рыболовства.

В морском рыболовстве Эстонии выделяются традиционные промысловые сезоны, когда определенные породы рыбы появляются в прибрежных водах. Кроме того, так как в прошлом прибрежные жители Эстонии в подавляющем большинстве были одновременно и рыбаками, и земледельцами, в их хозяйственном году чередовались рыболовные и сельскохозяйственные сезоны.

Уже с древнейших времен наибольшее значение имеет весенний период — время нереста многих рыб. Главный объект лова в это время — салака. Лов ее начинается во второй половине апреля (после ледохода) и прекращается во второй половине июня, когда, в связи с согреванием воды, косяки салаки удаляются в глубь моря. Традиционной датой окончания весенней путины был Иванов день (24 июня).

Главными орудиями лова в весеннюю путину до начала XX в. были невода, позднее — салачные мережи, а теперь — ставные невода. Крупную частичковую рыбу издавна ловят в прибрежные мережи и сети.

У многих рыбаков в досоветский период весенней путинной и ограничивалось их занятие рыболовством; остальную часть года они полностью посвящали сельскому хозяйству. Летом продолжали лов рыбы лишь малоземельные и безземельные крестьяне прибрежных деревень. Ловили в этот период в основном переметами крупную рыбу; меньшее значение имел лов кильки сетями. Июль-август — сезон лова камбалы; в настоящее время камбалу ловят на островах неводом, на северном побережье — сетями.

С августа начинается сезон лова угря — на о-ве Сааремаа — боттенгарнами (начиная с 1930-х годов), на северном побережье — небольшими мережами, частично переметами. В августе начинается второй нерест салаки, которую ловят тогда сетями.

В западной части северного побережья, в северной части о-ва Хийумаа, а также на западном и северо-западном побережье Сааремаа цент-

⁷² Полевые материалы автора, 1958 г.

ральное место в осенней путине (начиная с августа до поздней осени) занимает лов кильки. Ловили ее раньше неводами, с конца XIX в. — сетями, в настоящее время частично также ставными неводами и тралями. Осенью ловят, кроме того, треску, сига и лососей.

Обычно осенняя путина кончалась с появлением ледяного покрова. На время уборки картофеля (около Михайлова дня, 29-е сентября) в рыбной ловле делали прерыв. Зимой в прежнее время более интенсивно ловили рыбу только те из прибрежных жителей, для которых

Рис. 13. Механизированный рыбоприемный пункт. Мыс Пуйзе, Хаапсалуский р-н, 1957 г. *Фото автора*

рыболовство было главной отраслью хозяйства. Многие крестьяне зимой занимались ремеслами, работали на заготовке леса или переходили из деревни в деревню, с ярмарки на ярмарку, продавая соленую салаку, выловленную летом.

В годы Советской власти прежняя сезонность рыболовства в Эстонии резко уменьшилась. С одной стороны, у рыбацкого населения сельское хозяйство сейчас играет незначительную роль, и рыбаки могут все время отдавать лову рыбы. С другой стороны, снабжение рыбаков-колхозников новыми орудиями лова и большими мотоботами с мощным двигателем позволяет ловить рыбу уже на довольно больших расстояниях от берега и вследствие этого получать удовлетворительные уловы также вне традиционных сезонов. Ликвидировать прежнюю сезонность поможет в основном траловый лов, который в последние годы развивается особенно быстрыми темпами. Но так как в рыболовецких колхозах Эстонии в настоящее время еще первенствует прибрежный лов рыбы, сезонность пока не преодолена. Летнее и зимнее затишье рыбаки-колхозники используют для ремонта рыболовных орудий и лодок.

Итак, в весеннюю путину применялись крупные орудия лова — невода, салачные мережи; летом — переметы и другие крючковые снасти, а также камбальные невода и сети; осенью — главным образом салачные и килечные сети. Крупнейшими сетями ловили во все времена года; небольшими мережами промышляли рыбу главным образом летом, а также осенью. Зимой ловили всеми орудиями, но меньше, чем

летом. Траловый лов особенно интенсивно производится в зимний период — в четвертом и первом кварталах.

* *
*

В свете задач развития народного хозяйства СССР, поставленные внеочередным XXI съездом КПСС, перед морским рыболовством Эстонии открываются широкие перспективы. В течение семи лет валовый улов рыбы в республике должен увеличиться в 2,4 раза по сравнению с уловом 1958 г. В течение одного только 1965 года будет выловлено столько же рыбы, сколько выловили в буржуазной Эстонии за семилетие — с 1933 по 1939 г.

Коренным образом изменится характер рыболовства. Прибрежный лов пассивными орудиями (сети, ставные невода и др.), преобладавший еще в настоящее время, будет оттеснен активным ловом на Балтике и в Атлантическом океане. Для экспедиционного лова в Атлантику в течение семилетия республиканские рыболовецкие организации получат более ста океанских промысловых судов. В Таллине будет построено оснащенный новейшей техникой порт с причалами для рыболовных судов и судоремонтными мастерскими, а также сельдеобрабатывающий завод, холодильник и другие предприятия по обработке рыбы. В ближайшие годы намечается расширение номенклатуры вылавливаемой в экспедиционном лове рыбы. Кроме промысляемой уже теперь в северных районах Атлантики сельди, будет развит активный лов трески, морского окуня и сардины в более южных районах Атлантики, в том числе в нейтральных водах вблизи африканского материка, а также лов сардины на Средиземном море. Лов этот будет производиться тралами и дрейфтерными сетями.

Таким образом, в 1959—1965 гг. морское рыболовство Эстонии окончательно примет индустриальный облик, а рыбаки из прежних прибрежных крестьян постепенно превратятся в работников мощной передовой рыбной промышленности.

Л. А. ПУШКАРЕВА, М. Н. ШМЕЛЕВА

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ КРЕСТЬЯНСКАЯ СВАДЬБА

*(По материалам экспедиции в Калининскую область
в 1956—1958 гг.)*

Народные традиции, в частности различные обычаи и обряды, в настоящее время привлекают внимание широкой советской общественности и особенно молодежи. Интерес к ним значительно повысился за последнее десятилетие, когда все возрастающее благосостояние советского народа и широкие перспективы, открывающиеся перед нашей страной, дают возможность подумать о том, как сделать нашу жизнь еще более разнообразной и красочной. Уже сейчас имеется немало обычаев, порожденных нашей советской действительностью. Кроме того, происходит возрождение некоторых традиций, сохраняющихся в памяти народа. Многие из старого переосмыслиются, наполняются новым содержанием и начинают жить заново в нашем современном быту; отбрасывается то, что противоречит идеологии советских людей, являясь наследием тяжелого прошлого, и унижает человеческую личность. Однако отдельные пережитки таких отрицательных явлений еще продолжают бытовать, и для их полного искоренения требуется активное вмешательство советской общественности. Таким образом, в формировании современных обычаев, сопровождающих то или иное празднество, наряду с новым, возникающим, большую роль играют старые народные традиции.

Примером подобных обрядов, показывающим всю сложность происходящих процессов, может служить свадебный обряд, записанный нами в Калининской области (районы Бежецкий, Весьегонский, Краснохолмский и Сандовский).

* * *

Вступление в брак является одним из наиболее важных событий в жизни людей. Поэтому естественно желание отметить его торжественно, придать ему особую праздничность, чтобы оно запомнилось навсегда. Вечеринки, которыми иногда отмечают свадьбу, слишком однообразны, лишены праздничной торжественности и не подчеркивают значительности происходящего. Такое проведение свадьбы не удовлетворяет современную молодежь, и она обращается к старой свадебной традиции.

Этнографические материалы, собранные в деревнях Калининской области, свидетельствуют о том, что старое сохраняется главным образом в формах проведения свадебного обряда, в то время как в самих семейных отношениях, во взглядах на брак произошли коренные изменения.

До Великой Октябрьской социалистической революции обычным было заключение брака по воле родителей. Выбор жениха или невесты определялся в первую очередь экономическими соображениями. Как вспоминают старики: «Не за человека, а за хозяйство выдавали». Власть стар-

ших в семье была настолько сильна, что редко кто из молодых людей осмеливался отстаивать свои личные интересы. Лишь изредка в деревнях имела место своеобразная форма заключения брака, так называемая «самоходка», или «убёгом», когда молодые люди, заранее договорившись между собой, тайно венчались, а спустя некоторое время возвращались к родителям с повинной. В таких случаях свадебного торжества не устраивали. Чаще всего «убёгом» выходили замуж девушки, если им грозил брак по принуждению. Иногда «самоходка» происходила с согласия родителей, для избежания излишних расходов на свадьбу.

В советское время прекратилось заключение браков по воле родителей. Теперь молодые люди, как правило, вступают в брак по взаимной склонности. Родители при этом могут только посоветовать. В семье обсуждаются личные качества жениха или невесты, их общественное положение и т. д. Если родители бывают недовольны выбором сына или дочери, они пытаются создать в деревне своеобразное «общественное мнение», стараясь тем самым повлиять на них.

В некоторых случаях родственникам удается оказать давление на молодежь и навязать ей свои старые, консервативные взгляды на брак. Это прежде всего касается обряда церковного венчания. За годы Советской власти изменилось отношение молодежи к церковному браку, ставшему теперь редким явлением¹. Но бывают случаи, когда молодежь, далекая от религиозных представлений, все же соглашается венчаться. Делается это в угоду старикам, которые с помощью того же «общественного мнения» оказывают психологическое воздействие на некоторых молодых людей: угрожают тем, что «не сделают» свадьбу, не пойдут на свадьбу, не будут признавать молодоженов за родню. От старого также иногда сохраняется традиция не устраивать свадьбы в периоды религиозных постов². Сельской общественности следует уделить особое внимание борьбе с такого рода пережитками, помогать молодежи противостоять влиянию чуждой идеологии, шире пропагандировать наши советские взгляды.

Старый свадебный обряд до революции состоял из трех основных циклов: предсвадебного, собственно свадьбы, послесвадебных обрядов. Первый цикл включал сватовство, осмотр дома жениха, рукобитье, богомолье, девишник и мальчишник, обрядовое мытье жениха и невесты в бане или в печке перед свадьбой. Собственно свадьба состояла из многих обрядов: сбор свадебного поезда, приезд жениха за невестой, венчание, встреча молодых в доме родителей, привоз приданого, обряды после первой брачной ночи и т. д. Центральное место среди этих обрядов занимал свадебный пир. К последнему циклу относились «отводины» — гулянье молодых у всех родственников.

Каждый из основных моментов свадьбы в свою очередь складывался из различных обрядовых действий, имеющих множество местных вариантов. Например, обряды, связанные с девишником, обязательно включали «башение» (украшение) елки или березки, прощание невесты с «красотой», обмен венками между женихом и невестой. Во многих обрядах производилось сбыгивание пирога — «именинника», или «каравая», и яичницы. Обязательным на свадебном пиру и на отводинах

¹ Об этом свидетельствуют и наши данные сплошного анкетного обследования семей в деревнях двух колхозов (около 500 семей). Так, в колхозе имени Ворошилова Весьегонского района в период с 1946 по 1950 г. было заключено 53 брака, из них ни одного церковного; в период с 1951 по 1957 г. из 105 браков церковных было только 2. В колхозе имени Ильича Бежецкого района с 1946 по 1950 г. церковных было 5 из 36; с 1951 по 1957 г. — 5 из 51.

² Так, в 1956 г. в колхозе имени Ильича Бежецкого района один молодой колхозник по настоянию матери смог устроить свадьбу только по истечении семи недель поста.

было ряжение. Выполнение многих моментов свадебного ритуала сопровождалось особыми песнями.

По своему типу местный свадебный обряд являлся северновеликорусским, и этот колорит сохраняется и в современной свадьбе. Несмотря на известную устойчивость, свадебный обряд все же претерпевал изменения, ставшие заметными уже в 1900-е годы. По рассказам крестьян, в быв. Тверской губернии после первой мировой войны «не стало свадьбы, как прежде». Например, в некоторых местах исчез девшишник, сократилась длительность свадьбы и т. д. Особенно значительные изменения в свадебном обряде произошли в советское время: отдельные его части сократились или совсем исчезли, а иногда заменились новыми; изменилось значение некоторых действий.

В настоящее время из обрядов, предшествующих собственно свадьбе, во многих деревнях остается сватовство, хотя оно теперь носит совершенно иной характер. Раньше сватовство было своеобразной разведкой со стороны родственников жениха и невесты. Нередко, прежде чем сделать окончательный выбор, жених сватался сразу к нескольким девушкам; сторона невесты в свою очередь присматривала наиболее подходящую партию. Решающим при выборе невесты был вопрос о приданом. В том случае, если сватовство было удачным, родные невесты давали жениху «заклад» (какая-нибудь ценная вещь: шуба, сапоги, шаль), который при нарушении брачного соглашения женихом не возвращался. Сейчас обычай заклада не соблюдается, а сватовство происходит лишь после того, как молодые люди договорятся между собой о браке. Свататься идет к невесте сам жених в сопровождении родителей. При этом решаются различные хозяйственные вопросы, связанные со свадьбой (назначается день свадьбы, определяют, сколько будет приглашено гостей с той и с другой стороны, и т. п.).

Еще до настоящего времени при сватовстве выясняют также, какое приданое принесет невеста в новую семью. В прошлом приданое включало, кроме одежды, постели, холстов, и значительную денежную сумму. За невестой просили ригу, конюшню, лошадь, телку, т. е. деньги от их продажи. Теперь приданое невесты состоит преимущественно из ее личных вещей (верхняя одежда, платье, белье) и постельных принадлежностей. За последние годы обязательно включают в состав приданого такие вещи, как шифоньер, швейная машина, велосипед и пр. В некоторых местах накануне свадьбы стали убирать дом жениха занавесками, скатертями, полотенцами и прочими вещами, заготовленными невестой. Приданое не имеет серьезного экономического значения, и в тех случаях, когда девушка не может приобрести его, это не является препятствием к заключению брака. Но в деревнях существует еще обычай, согласно которому жена должна принести в семью мужа хорошие ценные вещи. Приданое выставляется напоказ, и всякий может войти в дом и осмотреть его. Такой порядок, несомненно, является пережитком старого, когда приданое играло большую роль при заключении брака. В этом вопросе для молодых людей, и особенно для родителей, очень важно мнение односельчан, и потому они стараются сделать «все, как у людей», чтобы «люди не осудили».

В некоторых деревнях еще сохраняется обряд «глядения дома жениха» родителями невесты и самой невестой. В прошлом гости придирчиво осматривали хозяйство. Родители жениха, стараясь показать свое богатство, нередко наполняли закрома чужим зерном, взятым напрокат у соседей, или пригоняли на двор чужую скотину. Теперь обряд этот носит чисто традиционный характер. Гости, приезжающие от невесты, меньше всего занимаются осмотром хозяйства жениха: все сводится к веселому угощению и к более близкому знакомству будущих родственников. В том случае, когда брачующиеся живут в одной деревне, «глядение» не устраивают.

Совершенно исчезли такие обряды, как «богомолье», «рукобитье» и «запой», которые зачастую объединялись в одно семейное торжество. Оно устраивалось в доме невесты, через несколько дней после сватовства. На «богомолье» приходили самые близкие родные со стороны невесты и жениха, которые окончательно договаривались о свадьбе, а за тем все становились перед иконами и молились богу.

После «богомолья» невеста никуда не ходила, сидела дома и шила с подругами приданое. Шитье приданого было своеобразной «беседой», на которой девушки исполняли свадебные песни. Жених приходил к невесте «на побывашки», приносил гостинцы. Сейчас побывашек не бывает. Раньше они способствовали более близкому знакомству молодых людей, которые часто почти не знали друг друга. В настоящее время свадьбе предшествует более или менее длительная дружба молодых людей, и поэтому такие посещения стали не нужны. После сватовства молодые люди по-прежнему встречаются в клубе; жених может бывать также и в доме невесты, но эти посещения не носят обрядового характера.

Исчезли также обряды «отбивания зорь» и «девишник». В прошлом, после просватанья, невеста по утрам «отбивала зори», т. е. плакала с причитаниями, прощаясь с девичеством. Перед девишником (иногда после него) следовал обряд мытья невесты. Мыться невеста отправлялась к соседям, живущим обязательно на ее порядке, переходить улицу не полагалось. Соблюдение этого, по мнению крестьян, должно было обеспечить благополучную жизнь в замужестве. Воду для бани приносили подруги из разных колодцев. У жениха также происходило обрядовое мытье. Невесте полагалось употреблять веник, принесенный от жениха, а жениху — веник от невесты.

Накануне свадьбы у невесты устраивался девишник, а у жениха — мальчишник, на который собиралась мужская молодежь. Девушки приносили в дом невесты украшенную елочку (в некоторых местах березку), символизирующую девичество. Невеста прощалась со своей «красной красотой» и дарила ленты из косы своим сестрам и близким подругам. Подруги исполняли свадебные девичьи песни.

В прошлом смысл девишника и мальчишника заключался в прощании с волей, с беззаботной молодостью. После свадьбы резко изменялся весь образ жизни молодых людей, особенно девушек, вступающих в чужую семью. Ныне значительных морально-бытовых различий в жизни холостой и женатой молодежи не существует. Видимо, потому-то эти обряды и исчезли из современной свадьбы.

Остатком обрядов, относящихся к девишнику, можно считать обычай украшать елку или березку. В Весьегонском и Сандовском районах украшенные деревья приколачивают после сватовства на дома будущих молодых, на угол, который выходит на улицу и ближе к крыльцу. В колхозе имени Ворошилова Весьегонского района елку украшают под песню «Сулико», которая заменила обрядовую песню.

Наиболее стойкой оказалась собственно свадьба (свадебный пир), которой, как и прежде, придается большое значение. Заключение брака считается завершенным лишь после того, как сыграна свадьба. Поэтому регистрацию брака в загсе и свадебное гулянье стараются устраивать в один день.

В наше время свадебный обряд имеет веселый, игровой характер. Но он содержит множество действий, уходящих своими корнями в далекую старину. Сохраняются, например, моменты, которые были некогда порождены патриархальными порядками, унижавшими женщину и господствовавшими до Октябрьской социалистической революции в русской деревне, но которые в настоящее время переосмыслены. Выкуп приданого и места около невесты, преграждение пути молодым, одаривание невесты, низкие обрядовые поклоны, подметание пола и хождение не-

весты за водой после первой брачной ночи превратились в веселую забаву. Очень стойки обряды, проникнутые свадебной символикой, выражающие пожелание молодым богатства, благополучия и счастливой семейной жизни. К ним относятся качание молодых, обсыпание их зерном, приготовление яичницы и свадебного пирога, битье горшков и пр.

Первоначальный магический смысл этих обрядов давно забыт и они воспринимаются тоже как традиционные свадебные развлечения. Некоторые моменты этого архаичного комплекса тяготят современную молодежь и зачастую вызывают ее протест. Они поддерживаются главным образом старшим поколением, по подсказке которого «играется» свадьба.

Старики пытаются иногда навязать молодым людям и такие действия, которые имели значение «оберёга» (стрельба из ружья перед выездом молодых из дома, бросание через голову зерен, зашивание чеснока в платье невесты и пр.).

Раньше свадьбы устраивали главным образом зимой, от рождества до масленицы, и весной — на Красную горку. Летом свадьбы бывали редко. В наше время свадьбу устраивают независимо от времени года, но чаще все-таки зимой, в месяцы, свободные от полевых работ. Длится свадьба от двух до четырех дней.

Благосостояние колхозных семей позволяет тратить на устройство свадьбы большие деньги³. Покупают много вина и городских закусок, но сохраняются и различные традиционные кушанья: студень, сыр собственного изготовления, вареное мясо, каша, яичница, «пенники» (сдобное печенье на яйцах), пирог с творогом, украшенный венчиком, кисель, блины, оладьи. К свадьбе варят также домашнее пиво. Прежде полагалось устраивать обед с различными супами, щами, лапшой, кашей и т. п. В настоящее время в большинстве случаев ограничиваются закусками, среди которых, наряду с перечисленными традиционными, большое место занимают новые для деревни блюда: селедка с луком и отварным картофелем, консервы, жареная рыба, винегрет, колбаса, печенье и пр.

На свадьбу со стороны жениха и со стороны невесты приглашается иногда равное число гостей, но большей частью — «у кого сколько родни». Если раньше в свадьбе участвовали преимущественно близкие родные, то теперь приглашаются представители колхозной общности, товарищи по работе и соседи. Число гостей ограничивает лишь помещение, где происходит свадьба (в среднем бывает 30—40 человек). В доме жениха угощаются, «находятся в почете» главным образом гости невесты, у невесты — усиленно угощают гостей жениха.

Как и в старину, «глядеть свадьбу» собирается чуть ли не вся деревня. Зрители до отказа заполняют избу, сени, облепляют окна (особенно если свадьбу играют летом).

В день свадьбы, которую нам удалось наблюдать в колхозе имени Ворошилова в Вёсегонском районе, жених на легковой колхозной автомашине заехал за невестой, чтобы вместе с ней отправиться в сельсовет регистрироваться. Войдя в дом, жених «откупил» для себя место за столом около невесты. Жениха и сопровождающих его угощали вином. Группа пожилых женщин пела старинные свадебные песни, стоя по традиции у печи: «Отставала лебедь белая», «Как при вечере», «Ты, река ли моя, реченька» и др. Эти песни раньше полагалось петь на девешнике, а теперь их исполняют всегда перед отъездом молодых в загс. Особенным лиризмом проникнута песня «Ты, река ли моя, реченька», которую поют невесте, не имеющей родителей (или кого-либо из них):

³ Например, в колхозе имени Ильича в 1957 г. семья А. истратила на устройство свадьбы 4 тыс. рублей, семья Ф. — около 5 тысяч.

Ты, река ли моя, реченька,
 Река быстрая, каменистая.
 По тебе ли, моя реченька,
 Много струй прошло жемчужных.
 Как одной-то струи нет как нет,
 Как у Веры нету батюшки
 У Андреевны родимого.
 Кабы был кормилец-батюшка,
 Уж не так бы дело делалось,
 Уж не так бы свадьба игралась.
 Он купил бы платье шёлково,
 Раздел бы свою доченьку,
 Она поехала бы на добрый люди

Разодетая и разряженная,
 Ко чужому отцу с матерью.
 Ко чужому ко чужанину,
 Приглашал бы он зятя милого
 В дорогой гости,
 Напоил бы зятя милого
 Дорогим вином,
 Посадил бы зятя милого
 За столы да за дубовые,
 Что за скатерки за браные,
 Со своей бы милой дочерью,
 Он играл бы свадьбу весело ⁴.

Собравшиеся в избе колхозники слушали песню с большим вниманием, а многие женщины даже плакали. Плакала и невеста, несмотря на то, что исполненная песня по своему содержанию была очень далека от современной жизни.

После угощения мать невесты благословила ее, и будущие молодые пошли садиться в автомашину. Дорога от дома до машины была устлана половиками. В это же время молодежь сняла елочку, которая была прибита к углу дома невесты после просватанья. Интересно отметить, что старый обычай украшать свадебный поезд сохранился и в наши дни. Автомашину или лошадь, на которой должны ехать жених и невеста, девушки «бантят», т. е. украшают разноцветными лентами из стружки, бумажными цветами (летом — живыми цветами) и вышитыми полотенцами. Так же была украшена автомашина и на свадьбе, которую мы наблюдали. Девушки вручили жениху и невесте букет цветов, срезанных по случаю свадьбы в цветнике правления колхоза. Машина тронулась под известную песню:

Отставала лебедь белая,
 Что от стада лебединого.
 Приставала лебедь белая
 Ко серым гусям ко серым.
 Серы гуси стали щипати,
 Бела лебедь стала кликати:

«Не щиплите, гуси серые,
 Не сама я к вам залётела.
 Занесло меня погодушкой,
 Что погодушкой, неволюшкой
 Завезли меня кони добрые
 Что Ивана-то Петровича» ⁵.

В сельсовет для регистрации брака невесту сопровождала ее подруга, а жениха — товарищ. Машина часто останавливалась в пути из-за преград (бревен и камней), которые устраивали парни и взрослые мужчины. Жених угощал их вином, припасенным в машине, после чего бревна растаскивали и дорогу освобождали. После того как брак был зарегистрирован, молодые должны были объехать не только свою деревню, но и окрестные, «чтобы видели, как играют свадьбы в колхозе имени Ворошилова».

Проводив жениха и невесту, родные и гости невесты через некоторое время отправлялись в дом жениха, куда должны были приехать из сельсовета молодые. (Если жених живет в другой деревне, гости едут на колхозной автомашине.) В это же время девушки («коробейщики») повезли постель невесты в дом жениха. Иногда постель везут, как и прежде, накануне свадьбы. «Коробейщики» втаскивали в дом постель и сундуки через ворота, сопровождая это пением «Дубинушки». Родные жениха «выкупали» у «коробейщиков» приданое. Потом к дому подъехала машина с молодыми. По традиции, у ворот дома их приветствовали ро-

⁴ Записано в 1957 г. в дер. Б. Овсянниково Весьегонского района в колхозе имени Ворошилова от Марии Петровны Вахоневой, 70 лет.

⁵ Записано в дер. Б. Овсянниково Весьегонского района в 1957 г. от О. Корниловой, 57 лет.

дители жениха. Мать обсыпала молодых зерном, которое они старались поймать. «Сколько поймают зерен, столько будет детей», — говорили крестьяне. На крыльце стояли женщины, встречавшие молодых песнями. Молодые прошли в избу и сели за стол. Затем хозяева усадили за стол гостей. Начался свадебный пир.

Раньше на свадьбе невеста сидела за столом, закутанная платком или шалью, и в первый день свадьбы не танцевала и не пела. Сейчас этого обычая нет. На свадьбе все пляшут, поют песни, качают молодых, сватов и гостей. Эта часть свадебного обряда особенно насыщена песенным фольклором: исполняют величальные песни и молодым, и гостям. Затем все гости из дома жениха перешли в дом невесты, а вечером снова возвратились к жениху⁶. Как и встарь, постель молодым устраивают в сенях или на «сельнике» (кладовая).

На второй день свадьбы из дома невесты к жениху явились ряженые (молодые женщины), которые плясали, били горшки и «искали молодку», или «телушку». Вслед за ними пришли зватье (родные невесты). Сваха принесла с собой яичницу и пирог «именинник», украшенный мелкими деньгами. Яичницу чаще всего приговаривают у жениха. Яичницу и пирог ставят на стол. Кто-нибудь из гостей хватает яичницу и старается убежать с ней на улицу, молодые должны ее выкупить. По другим вариантам, жених должен первым воткнуть вилку в яичницу. На пирог гости кладут деньги («серебрят невесту»). Собранные деньги невеста берет себе. Теперь вошло в обычай дарить молодой вещи: чулки, духи, отрез на блузку, посуду. В Бежецком районе на свадьбе принято делать молодым шуточные подарки (соски, куклы, ванночки и т. п.), а также играть в «почту» с веселыми смешными поздравлениями.

В некоторых деревнях после «серебления» невеста по обычаю вручает жениховой родне свои подарки. Свекрови дарит на платье, свекру и жене по рубашке, остальным членам новой семьи — полотенца.

Гости одаривают стряпуху, которая жалуетса на усталость и при помощи метких присказок старается получить побольше.

Из послесвадебного цикла обрядов сохраняются «отводины», т. е. празднества, которые в течение целого года устраивают в честь молодых по очереди все родственники, гулявшие на свадьбе. Обязательным является посещение молодыми родителей невесты на масленицу. Для «отводин» варят пиво, собирают свадебный стол, приглашают большое число гостей. Эти праздники длятся по два-три дня; гости поют песни, пляшут, приходят ряженые (цыган, цыганки, дед, баба, доктор, барыня), которые исполняют пляски с прибаутками и частушками, типично свадебного содержания. Ряженые разыгрывают веселые сценки, в которых участвуют все гости (например, доктор лечит больных)⁷. Иногда «представления» устраиваются прямо на улице и собирают большую толпу зрителей, которые также вовлекаются в игру.

В некоторых деревнях (например, в дер. Боровское Сандовского района) еще существует обычай, согласно которому молодую во время покоса стараются насильно искупать в реке или хотя бы облить водой, чему раньше придавалось магическое значение.

Современный свадебный обряд в основном одинаков во всех обследованных нами районах, хотя почти в каждом селении имеются свои варианты. Полнее всего сохраняется старый свадебный обряд в деревнях Весьегонского и Сандовского районов, в прошлом наиболее удаленных от торговых центров. Крестьянское хозяйство этих районов вплоть до Октябрьской социалистической революции в значительной степени

⁶ В некоторых местах, например в Бежецком районе, свадебный пир по традиции устраивают сперва в доме молодой, а затем переходят в дом молодого.

⁷ Такие представления мы наблюдали на отводинах в деревне Кузьминское Весьегонского района (колхоз имени Ворошилова) в июле 1957 г.

носило характер натурального. В Бежецком районе нарушение народных традиций, в том числе и свадебных, произошло, видимо, давно. Так, в деревнях колхоза имени Ильича старики 70—80 лет уже не помнят ни отводина, ни свадьбы-самокрутки, ни обычая наряжать елку, который кажется им смешным, ни многих других обычаев и обрядов. В целом свадебный церемониал здесь очень сокращен. По-видимому, эти изменения связаны с ранним развитием в быв. Бежецком уезде товарно-денежных отношений, разрушавших народные традиции.

Наблюдения показали, что приезжее население, которое в некоторых деревнях составляет значительный процент⁸, не вносит ничего нового в порядок проведения свадьбы, целиком воспринимая местные традиции. Это, возможно, объясняется тем, что большая часть приезжих — выходцы из других районов той же Калининской области.

Старые свадебные песни обычно на свадьбе поют пожилые женщины по собственной инициативе. Имеют место и случаи, когда песельники специально приглашают на свадьбу за небольшую плату. Такие факты известны, например, в колхозе «Актив» Краснохолмского района и в колхозе имени Ворошилова Весьегонского района. Характерно, что обычай исполнения свадебных песен прочнее держится в тех деревнях, которые отдалены от колхозного центра, где находятся клуб, библиотека, школа и другие культурные учреждения. В колхозе «Актив», например, старинные песни еще исполняют на свадьбах в дер. Малое Рагозино и Кузьминское, находящихся в четырех километрах от колхозного центра, и в дер. Большое Рагозино. В Сандовском и Весьегонском районах этот обычай сохраняется почти повсеместно. В пригородных же деревнях Бежецкого района свадебные песни уже забыты.

Свадебные песни, бытующие в обследованных нами колхозах, являются высокохудожественными произведениями народного творчества, чрезвычайно образными, насыщенными поэтической символикой. Они резко разделяются на лирические свадебные песни, всегда исполнявшиеся до венца, и величальные и плясовые, которые пели только на самой свадьбе. Лирические свадебные песни отличаются богатой интонационно-мелодической выразительностью и красотой. Повторяющиеся мелодические обороты этих песен свидетельствуют о чрезвычайной устойчивости музыкальных народных образов. Яркими драматическими красками изображается в песнях прощание девушки со своей девичьей волей, с родителями и подружками, ее страх перед мужем и чужой семьей, к которым надо приспособливаться. Величальные и плясовые свадебные песни носят иной характер: они полны веселья и юмора, в них воспеваются красота невесты, удасть жениха, доброта гостей и т. п. Многие из плясовых свадебных песен получили разработку в наигрышах гармонистов и, оторвавшись от обряда, стали, таким образом, существовать самостоятельно.

Наиболее распространенными лирическими песнями, исполнявшимися на девешнике, были следующие: «Трубонька», «Дорогие мои подруженьки, вы возьмите мою красну красоту (вариант — «Подойди, сестрица милая»), «Как при вѣчере вѣчере», «Как по сеням, по сеничкам», «Уж ты, Маша, ты, изменщица», «Течет речка, не колыхнется», «Уж то было на дворе, на дворе» и проч. На девешнике разыгрывалась целая инсценировка — прощание невесты с красотой, — сопровождаемая диалогами и пританиями.

Ныне свадебные песни, связанные с обрядом прощания невесты с красотой, не исполняют, ибо эта часть обряда, как и весь девешник, не сохранилась. Более устойчивой оказалась широко известная девичья

⁸ Например, в деревнях колхоза «Актив» Краснохолмского района приезжих насчитывается 34% всего взрослого населения.

песня «Трубонька», которую раньше также исполняли на девишнике. Сейчас ее иногда еще поют до отъезда невесты в загс.

Не в грубоньку трубили
Рано по заре,
Плачет у нас Веронька
По русой косе.

Рано тебя, косынька,
На две расплели,
Алые-то ленточки
Выплывали⁹.

Однако строгого приурочивания отдельных песен к определенным моментам обряда не соблюдалось и раньше. Например, песню «Отставала лебедь белая», в которой говорится о лебеди-девушке, попавшей не по своей воле в стадо серых гусей — новую родню, — исполняли на последней «беседе», на девишнике и перед отъездом невесты к венцу. Точно так же песню «Уж ты, Маша, ты, изменщица, — говорила, что я замуж не пойду» пели и на девишнике, и даже на свадьбе.

К собственно свадьбе приурочивались следующие песни: для молодых — «А кто у нас умен, кто разумен», «Как у столика, столика», «Как по мосту конь бежит», «У нас чашечки-то рябчатые»; только для невесты — «Розán», «Уж ты, Маша, ты, изменщица», «Не печалься, Нюшенька», для невесты-сироты — «Посмотри-ка ты на лавочку», «Течет речка не колыхнется»; только для жениха — «Против зеркала немецкого стекла». Пели для свахи, гостей: «Гостейка хорошенькая», для шаферов — «Уж как добры молодцы».

В наше время происходит еще большее смещение обрядовых песен¹⁰, связанное с дальнейшим сокращением свадебного обряда. Уменьшилось и число исполняемых песен, так как многие из них забылись. Нередко песню до конца не помнят и поют по подсказке старух. Видимо, это связано с тем, что содержание старых песен очень уж далеко от колхозной жизни, хотя их проникновенный лиризм захватывает и современного слушателя.

Из перечисленных выше песен некоторые оказались очень устойчивыми. Так, в колхозе «Актив» Краснохолмского района типично свадебной считается песня:

Против зеркала немецкого стекла
Тут стояла разудала голова.
Он стоял, кудри расчесывал,
Со кудрями разговаривал:
«Уж вы, кудри, кудри русые мои,
Прилегайте ко буйной голове.
Привыкай-ка ты, Нюшенька,
Привыкай ко чужой стороне,

Ко чужому отцу с матерью».
«Уж вы, милые подруженьки,
Привыкать-то мне не хочется,
Да пришло время привыкать и мне,
Да спеси-гордости убавити,
А ума-разума прибавити,
У кровати-то постояти,
Молодецкий нрав потешити»¹¹.

Без этой песни не обходится ни одна свадьба. Другой широко распространенной свадебной песней является величальная:

Гостейка хорошенькая,
Гостейка пригоженькая,
Анна Ивановна,
Вы охочи по пирам ходить,

Вы горазды нас, певиц, дарить
Все девиц-то, красных девушек,
Не рублем и не полтиною,
Золотой гривной, серебряной¹².

⁹ Записано в 1957 г. в дер. Негоново Вельегонского района в колхозе имени Ворошилова от М. Ф. Кармановой, 75 лет.

¹⁰ На одной свадьбе в колхозе имени Ворошилова летом 1957 г. жениху спели девичью песню «Трубоньку», а надо было, как говорили старухи, петь «Грозён».

¹¹ Записано в 1957 г. в дер. Кузьминское Краснохолмского района, колхоз «Актив», от А. П. Чернышевой, 48 лет.

¹² Записанов 1957 г. в дер. Кузьминское Краснохолмского района от нее же; в дер. Б. Овсянниково Вельегонского района от П. И. Корниловой, 65 лет и в дер. Погорелка Бежецкого района от А. П. Грузовой, 43 лет.

Из старых русских песен, которые никогда не являлись свадебными, но истари выполняли функцию своеобразных застольных («компанийных»), на свадьбе поют также «Хаз-Булат», «Златые горы», «Бродяга», «Поехал казак во чужбину».

Некоторые советские песни тоже вошли в репертуар свадебных: «Катюша», «Каким ты был, таким остался», «Хороши весной в саду цветочки», а за последнее время и «Уральская рябинушка».

*   *
*

Причина сохранения и некоторого оживления старых обрядов и старинных песен в современной колхозной свадьбе, видимо, кроется в том, что еще не сложились окончательно новые семейные, в частности свадебные, традиции, нет и свадебных песен, которые отражали бы новый характер семейных отношений.

Как попытку создания нового свадебного церемониала можно рассматривать так называемые «комсомольские» свадьбы, которые стали устраивать в городах и некоторых селах. Такая комсомольская свадьба состоялась, например, в г. Бежецке на заводе автогаражного оборудования в январе 1958 г. На свадьбу были приглашены представители городских общественных организаций, гости из колхозов и молодежи завода. Комсомольская свадьба не является единственно возможной формой для проведения этого торжества. Но несомненно одно: широкая общественность должна принять участие в оформлении брака. Необходимо помочь молодежи освободиться от слепого подчинения традициям, отобрать и творчески переосмыслить из старого наследия то, что соответствует духу времени, содействовать развязыванию инициативы самой молодежи, которая внесет в свадебные торжества новую, свежую струю.

Усиление торжественности и большее участие в празднике общественности будет способствовать воспитанию у молодежи чувства ответственности за брак, прочность семейных отношений.

Д. Н. ГОБЕРМАН

ИСКУССТВО КОВРОДЕЛИЯ В МОЛДАВСКОЙ ССР

Ковроткачество известно в Молдавии с давних времен. Достаточно сказать, что уже в середине XVII в. ковры были широко распространены в молдавском народном быту, о чем свидетельствует в описании своего пребывания в Молдавии Павел Алеппский¹. Ковры как необходимый предмет бытовой обстановки выделялись почти в каждой молдавской крестьянской семье. Развивавшееся в течение веков ковроделие достигло высокого технического и художественного уровня, отобразив огромное богатство и своеобразие орнаментально-декоративного искусства молдаван.

Молдавский ковер относится к типу безворсных гладких ковров полотняного переплетения. По технике выполнения он схож с украинским килимом, курским «гладцовым» ковром: узор его образуется из цветных шерстяных нитей утка, за которыми совершенно скрыты нити основы. Материалом для ковроделия служит шерсть местных овец. В старинных молдавских коврах из шерсти изготовлен не только уток, но и основа, что придает ткани особую мягкость. В настоящее время для основы применяется прочная хлопчатобумажная нить.

Рисунок ковра обычно выполняется горизонтальными параллельными рядами нитей утка. Однако по усмотрению мастера уток может пригибаться по направлению рисунка, вестись наклонно или огибать по контуру части рисунка, что придает последнему особую пластичность.

Выполнение рисунка производится ковровщицей с образца или по эскизу, имеющему точный расчет нитей основы. Сложные ковры выполняются по шаблону, представляющему собой контурный рисунок на полотне или бумаге, подкладываемый под основу. Опытные ковровщицы работают над узором по памяти, свободно варьируя традиционные мотивы. Последний способ был наиболее характерен для крестьянского домашнего производства.

Широкие ковры изготовляют на вертикальном станке, представляющем собой раму, на поперечины которой натянута основа. Станок снабжен зевобразовательным устройством для взаимного перемещения парных нитей основы. Узкие ковры ткнут на обычных горизонтальных станках, применяемых в крестьянском быту для изготовления всевозможных нековровых тканей. Раньше был широко распространен прием составления больших ковров из узких полос, которые ткали порознь на горизонтальных станках, а затем сшивали. Такие ковры состояли обычно из двух полос, реже из трех — среднего поля и двух широких койм.

До появления в Молдавии привозных анилиновых красителей крашение шерстяной пряжи для ковров производилось естественными, преимущественно растительными красителями местного изготовления. Процесс такого крашения весьма сложен. Раствор краски готовят путем

¹ «Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном, архимандритом Павлом Алеппским», вып. 1, М., 1896, стр. 46.

вываривания в воде высушенных и измельченных листьев, цветов, корней растений. В красильный экстракт опускают предварительно промытую пропитанную протравой пряжу, которая остается в кипящем растворе тех пор, пока не примет окраску необходимой силы.

Из местных растительных красителей особой стойкостью в отношении света и влаги отличаются красители, получаемые из марены (красный цвет), местной индигоноски «вайды» (синий), коры дуба и ольхи (желтый и коричневый), зопника (красно-коричневый), дрока красильно (желтый) и некоторые другие². Наряду с ними в Молдавии применяли многочисленные виды растений, дающие менее прочные красители. Так, желтые красители получали из молочая, кожуры лука, ягод крушины, корней конского щавеля и др.; розовый краситель добывали из лепестков мальвы, лиловые — из цветов сон-травы и плодов шелковицы, зеленые — из семян боярышника, коры бука. Большинство их, однако, обладает ни интенсивностью цвета, ни высокой прочностью.

В 1870-х годах естественные красители в Молдавии стали быстро вытесняться привозными анилиновыми красителями, более дешевыми простыми при использовании. Широкое применение их вызвало резкое ухудшение колорита ковров, ставших в конце XIX — начале XX в. криливо яркими и утративших прежнюю гармоничность расцветки. В последнее время как в домашнем производстве, так и на ковровых предприятиях Молдавии применяются прочные химические, так называемые кислотные, красители.

Ковер в крестьянском быту Молдавии до конца XIX в. не являлся предметом купли-продажи. Распространенность ковроделия поддерживалась древней традицией, которая обязывала девушку-невесту принести в приданое ковры собственного изготовления. Ковры эти, не говоря об их утилитарной ценности, должны были являться своего рода свидетельством трудолюбия и мастерства невесты. Вот почему с юного возраста женщины приучались к занятию ковро ткачеством, и редкая из них не знала этого мастерства. Ковры собственного изготовления в крестьянской семье считаются предметом семейной гордости. Старинные фамильные ковры хранят особенно бережно не только из уважения к старине, но и из-за высокой оценки их художественных достоинств.

Назначение ковров в быту молдаван весьма разнообразно. Коврами зашивают стены, покрывают ими лавки, пол, застилают лежанку и т. д. Во внутреннем убранстве жилища ковро придает первостепенная роль, хотя он и не единственный предмет украшения. Кроме ковра, для оформления жилища используют красивые рушники (штергар) с вышитым или тканым узором, всевозможные вышитые, тканые или кружевные вставки на наволочках, занавесках, скатертях и других предметах, подзоры и коврики на них. Следует упомянуть ранее широко распространенную в Молдавии роспись печей и стен, а также расписную керамику, деревянные резные изделия и др. Обилие предметов прикладного искусства создает красочный и орнаментально насыщенный интерьер.

По назначению, размеру и пропорциям различают несколько видов ковровых изделий. Наиболее распространены «рэзбои», «лэичеры» и «пэритары».

Рэзбоями называются большие ковры, предназначенные для зашивания стен, а в городских условиях и для покрытия пола. Пропорции их примерно полтора-два квадрата (2:3 — 1:2). Их ткот на вертикальном станке (рэзбое), от которого они и получили свое название. Для рэзбоев характерны вертикально ориентированный узор и преимущественно четырехсторонняя кайма.

² В Молдавии употребляли и привозные прочные естественные красители: кошениль (красный, получаемый из насекомых) и индиго (синий).

Лэичеры представляют собой узкие и длинные ковры с горизонтально ориентированным узором, служащие для покрытия лавок. Длина лэичера соответствует длине лавки (около 3 м), но достигает и больших размеров, если лэичер рассчитан на покрытие лавки, идущей вдоль двух смежных стен. Лэичер покрывает верхнюю плоскость лавки, несколько свисая спереди. Назначение лэичера обуславливает характер его рисунка. Так, для длинной стороны, обращенной к стене, кайма, естественно, не обязательна, но она является оправданной спереди, где, свисая, образует фриз по всей длине лавки. Поэтому лэичеры часто изготавливают с односторонней каймой по низу.

Пэритары, как и лэичеры, представляют собой ковры сильно вытянутых пропорций с горизонтально ориентированным узором. Они предназначены для завешивания стены позади лавки. Ширина пэритара зависит от того, находится ли лавка под окнами или у глухой стены. В первом случае ковер занимает полосу стены от верха лавки до подоконника, и ширина его колеблется в пределах 40—60 см. При расположении лавки у глухой стены ширина пэритара может быть большей. Кайма на пэритарах нередко выполняется лишь по верхнему краю, так как нижний край его, примыкающий к лавке, может покрываться лэичером.

Из прочих видов ковровых изделий следует отметить: «скоарцэ» — покрывала для постели; «цол» — дорожки для пола; «десагэ» — переметные сумки; подстилочные ковры из грубой пряжи, аналогичные украинским «лжникам», и др.

Важно отметить наличие общих типов ковров в Молдавии и на Украине. Такая общность вызвана близостью внутреннего убранства жилища и всего бытового уклада молдаван и украинцев, что особенно наблюдается в левобережной Молдавии. Это сходство бытовых черт у молдаван и украинцев имеет свои корни в исторических связях и известной общности материальной и духовной культуры этих народов, развивавшихся в течение веков в условиях непосредственной территориальной близости.

Рисунок молдавского ковра складывается обычно из узоров центрального поля и каймы. При этом наличие четырехсторонней каймы, как сказано выше, не обязательно; часто встречаются ковры с одно-, двух- и трехсторонней каймой или совсем не окаймленные. Существенной особенностью молдавского ковра является то, что узор каймы ни по рисунку, ни по расцветке не повторяет узора центрального поля. Так, например, при розовой гамме центрального поля общий тон каймы часто бывает зеленым, при синем или голубом тоне центрального поля кайма обычно дается в теплых желтых тонах. Композиция молдавского ковра, таким образом, построена по принципу контрастной гармонии. Разнообразие композиционных решений достигается применением различных по своему содержанию и размеру мотивов, а также путем различного их размещения и чередования.

Особый интерес представляют изобразительные мотивы, применяемые в узоре молдавских ковров. Следует отметить, что при огромном разнообразии своих форм, элементы коврового узора представляют в большинстве своем образы реального мира.

Мотивы коврового рисунка можно разбить на четыре группы: 1) растительные, 2) геометрические, 3) зооморфные и 4) изображения человеческой фигуры. Внутри каждой из этих групп можно, в свою очередь, отметить определенные типы мотивов. Так, в первой группе выделяются мотивы, изображающие дерево, вазон, букет, гирлянду, ветку, цветок. Во второй группе обнаруживается ряд мотивов, отличающихся определенным построением: поперечные полосы, треугольники, звезды, ромбы, крюки, зубцы и т. д. Можно выделить некоторые разновидности мотивов и в других группах.

Узор центрального поля молдавского ковра обычно составлен из одних и тех же повторяющихся мотивов, а при чередовании двух или нескольких различных мотивов один из них обычно преобладает. В соответствии с преобладанием в узоре ковра тех или иных мотивов можно установить ряд типов ковров: ковры с изображением вазонов, букетов, цветов, ковры полосатые, звездчатые и т. д. Наличие в рисунке нескольких мотивов, при отсутствии среди них определяющего, дает группу ковров со смешанными типовыми признаками.

Каждый мотив имеет множество вариантов. Каждое решение в конечном счете индивидуально и никогда в точности не повторяется. Свойственное народным мастерам стремление к бесконечному варьированию известных мотивов приводит к большому разнообразию в построении традиционных орнаментальных форм.

Следует отметить, что для автора ковра каждый мотив полон конкретным значением и никогда не остается неясным. Как бы ни был рисунок обобщен и условен, народное сознание всегда вкладывает в него реальный смысл. То, что нам подчас кажется с первого взгляда не вполне понятным, у автора связано с признаками конкретных предметов. И очень часто, спросив у ковровщицы о значении какого-либо растительного мотива, мы получим в ответ не только общее определение: лист или цветок, но и видовую характеристику — лист орешника, вишнеградный лист, или название цветка — роза, мальва, ромашка, лилия.

Мотивы коврового узора, как и все образы в народном творчестве, не являются застывшими формами. Это образы живого искусства, которое непрерывно развивается, выражая изменения в материальной и духовной жизни народа. Некоторые мотивы, восходя к древним образам, несут в себе черты народных мифологических представлений. В течение веков менялось истолкование мотивов, им приписывалось новое, близкое и понятное народу содержание, религиозные образы переосмысливались как изображения предметов окружающей реальной жизни. Даже в пределах узких хронологических рамок, какие представляют сохранившиеся образцы молдавского ковроделия³, можно на некоторых мотивах проследить эволюцию их формы.

Рассмотрим мотивы молдавского коврового рисунка по группам и отдельным типам.

Растительные мотивы. Необычайное богатство форм растительного мира Молдавии служит одним из источников создания разнообразных растительных образов народной орнаментики.

Все области молдавского народного творчества проникнуты чувством близости к природе. В образной народной речи, в песенном фольклоре мотивах народного орнамента — образы растительного мира воплощают это чувство, выраженное просто и лирично. В народном песенном творчестве возлюбленную называют красивым или нежным цветком (гароафэ фрумоасэ, дулче флоаре). Характерен образ зеленого листа (фрунзе верде, фоае верде). В фольклоре известно множество запевов, в которых упоминаются зеленый лист бука, ореха, каштана, шелковицы, винограда, цветы — роза, алый мак, тюльпан, резеда, жасмин и т. д. В дойнах часто воспевается красота молдавских лесов (кодр).

Мир растений дает народному изобразительному искусству обильный материал для использования его в декоративных образах. Естественно, что разработка этих образов опирается на устоявшиеся декоративные формы. Обращение народных мастеров к явлениям окружающей жизни как к источнику декоративных форм не умаляет ни силы существующей традиции, ни роли самого творческого процесса.

В растительных мотивах нередко степень обобщения столь значительна, что придает образу крайне условный характер. Однако он всегда

³ Самые ранние из сохранившихся молдавских ковров относятся к концу XVIII в.

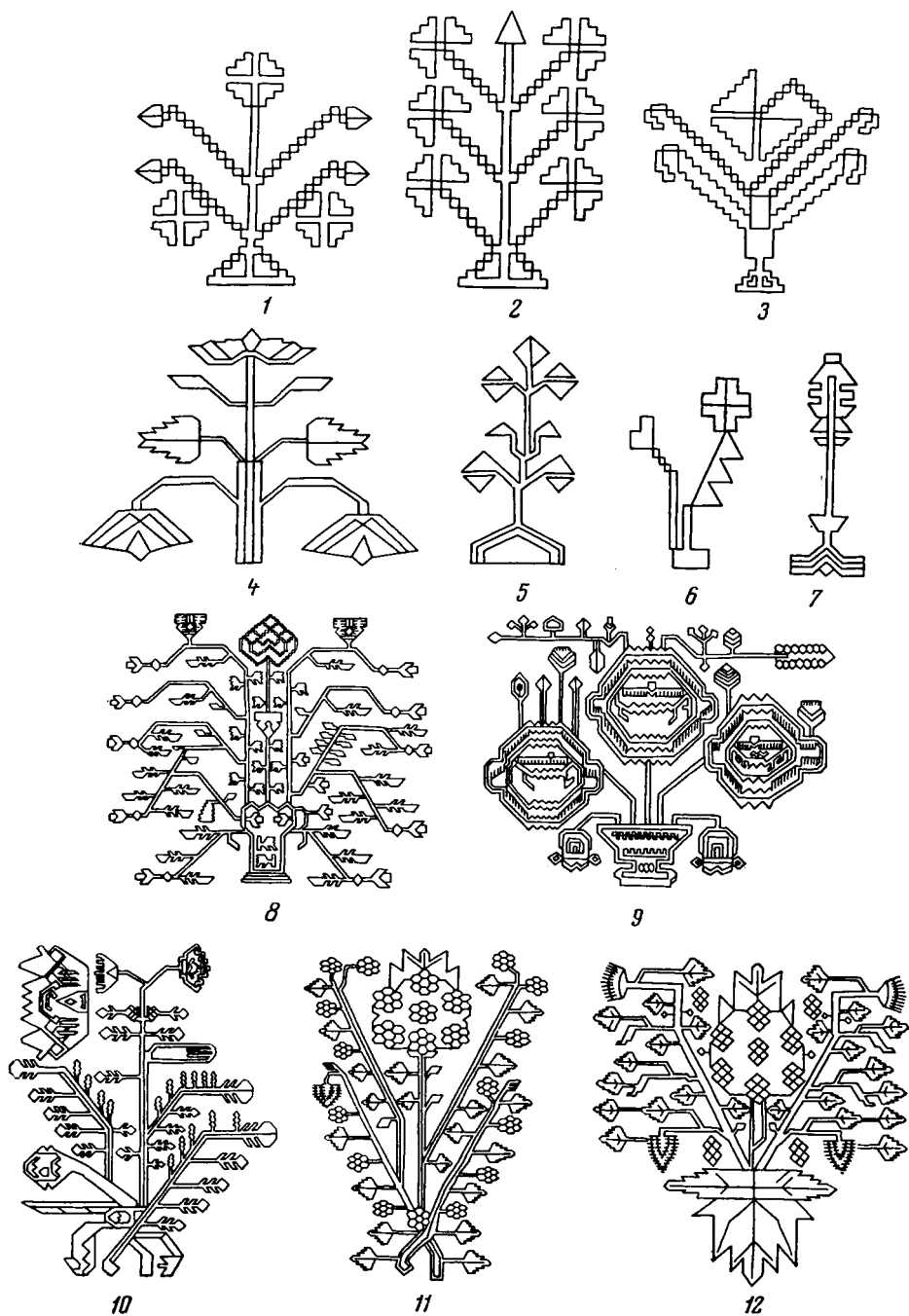

Рис. 1. Мотивы молдавских ковров: 1—7 — деревья; 8—9 — вазоны; 10—12 — букеты

сохраняет естественную взаимосвязь частей, свойственную живому растению.

Одним из распространенных мотивов коврового рисунка является изображение дерева. Оно восходит к очень древним народным мифологическим представлениям о так называемом мировом дереве, в котором воплощались могущество и жизненные силы природы. Это дерево было символом матери-природы, и встречающееся иногда истолкование его как библейского образа — «древа жизни» или «древа познания» — является более поздним осмыслением этого мотива.

Элементы мифологических представлений, связанных с образом мирового дерева, сохранились и в устном народном творчестве у славянских народов. Культ деревьев был распространен у антов, населявших территорию современной Молдавии, и сохранялся в течение многих веков на юге России и у народов Балканского полуострова.

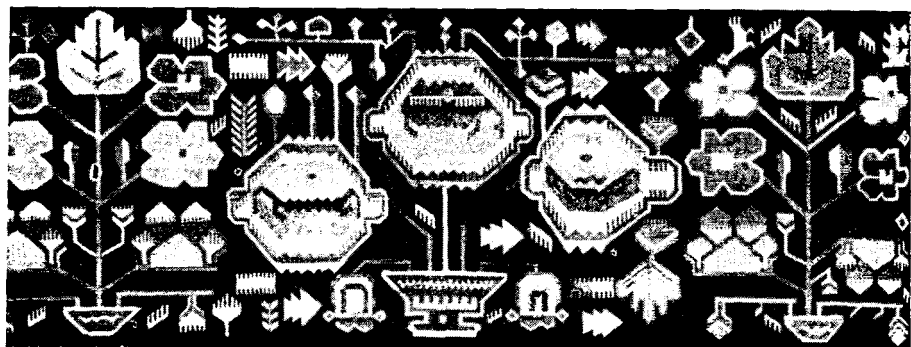

Рис. 2. Фрагмент молдавского ковра с изображением вазонов

В народном изобразительном искусстве Молдавии мотив дерева давно утратил прежнее значение и стал декоративным воплощением форм реального мира. Мотив дерева отражен в различных областях народного искусства Молдавии. Он встречается в узорном ткачестве — на штергарах, в вышивке на полицах женских рубаш (камеш), в резьбе по камню — на надгробных плитах в виде двух деревьев, фланкирующих центральный мотив креста, а также в современном народном зодчестве.

Общими стилистическими чертами объединена группа древовидных мотивов с трех-четырёхлепестковыми цветами на ветвях (рис. 1, фиг. 1—3). Часто ствол имеет треугольное основание, изображающее корни дерева. Это встречается и в узорах русских вышивок и набоек.

Особую разновидность изображения дерева представляет фиг. 3, напоминающая чашу с помещенным в ней цветком. Ковры с подобными узорами широко распространены в Молдавии и могут рассматриваться как давно сложившийся национальный тип ковров.

Мотив дерева дает множество разнообразных, свободных по замыслу решений (фиг. 4—7). Строгая симметрия здесь нарушается, рисунок становится непринужденнее. Часто ветки отсутствуют, а листья и цветы примыкают непосредственно к стволу. Нередко дерево имеет два и более стволов (фиг. 6). Встречается мотив дерева, в котором листья и цветы, сильно геометризованные по форме и собранные у вершины, образуют подобие соцветия (фиг. 7). Иногда удлинённый стебель, унизанный цветами, листьями и т. п., изображает деревце, украшенное плодами, цветами, бумажными и матерчатыми лоскутками, в старину употреблявшееся молдаванами при некоторых обрядах.

Мотив вазона связан с широко распространенным у молдаван обычаем украшать жилище цветущими растениями в горшках. Этот мотив встречается в различных областях народного искусства Молдавии. На каменных надгробных стелах первой половины XIX в. изображения вазонов с цветущими растениями, иногда с виноградными лозами и гроздьями, располагаются симметрично по обе стороны креста. В совре-

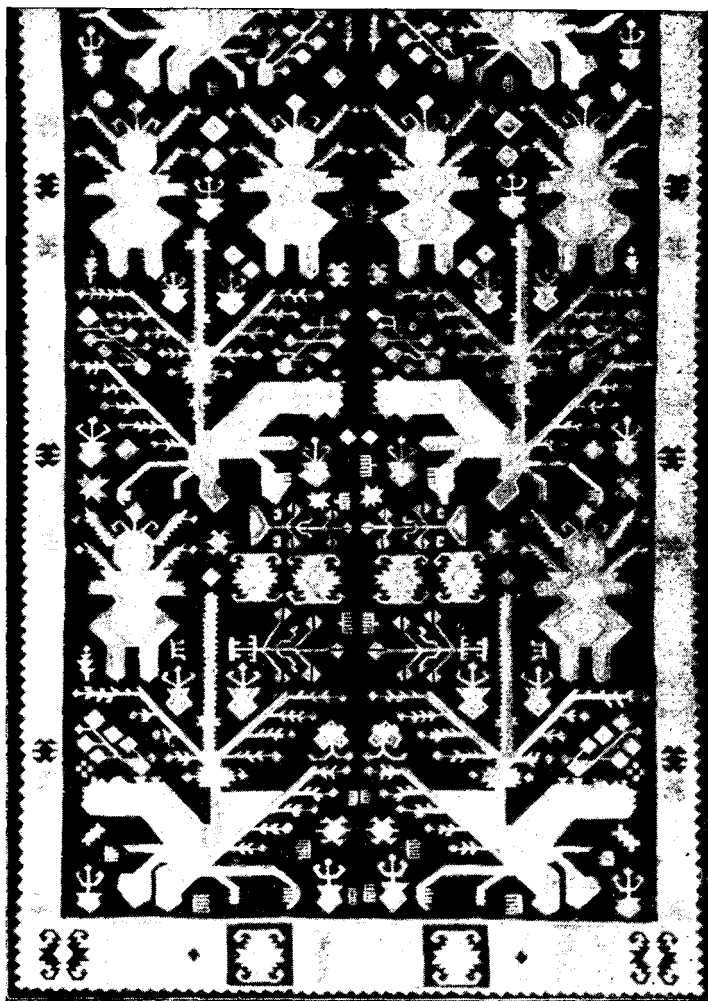

Рис. 3. Фрагмент молдавского ковра с изображением букетов и антропоморфных фигур

менном народном каменном зодчестве мотив вазона встречается на фасадной стороне воротных столбов — пилонов, где он обычно помещен в плоских арочных нишах. Вазон — частый мотив внутренней росписи молдавских жилищ.

Для группы ковров с узором из вазонов, как и для самих изображений вазона, характерны два основных типа. В центральных районах Правобережья сложился тип вертикально ориентированного ковра с крупными изображениями вазонов, отличающихся характерным ажурным рисунком и многоярусностью веток, усеянных мелкими цветами и листьями (фиг. 8). В левобережной Молдавии известен тип горизонтально ориентированных ковров с изображениями вазонов на черном фоне.

Здесь преобладают крупные цветы и листья (фиг. 9). Форма вазы некая и широкая в отличие от правобережных ковров, где ваза напоминает кувшин.

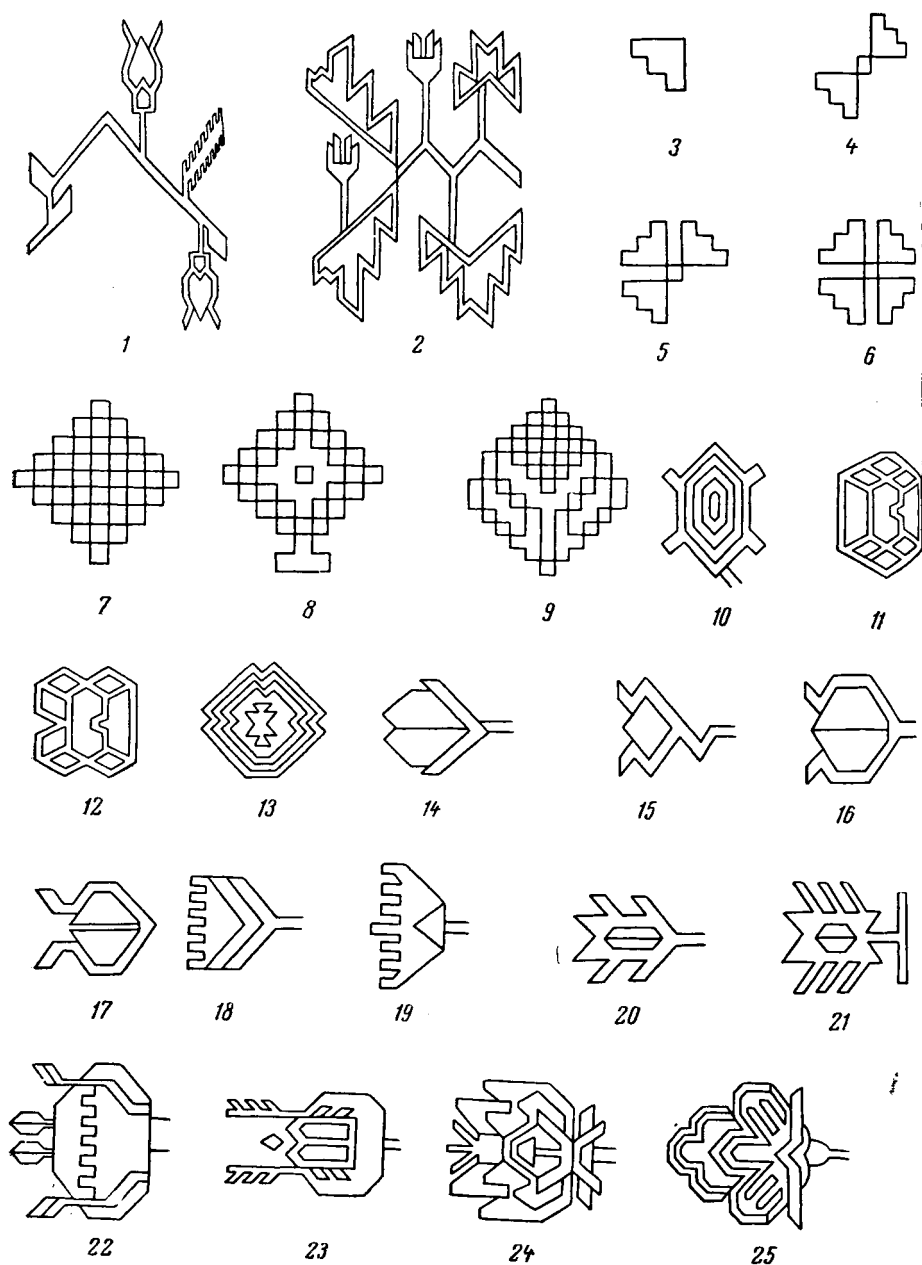

Рис. 4. Мотивы молдавских ковров: 1—2 — ветки; 3—25 — цветы

В левобережных изображениях вазонов часто имеет место условная трактовка отдельных частей рисунка. Однако эта условность относится преимущественно к деталям, не разрушая правдивости всего рисунка.

Следует отметить, что группа ковров Левобережья с изображением вазонов имеет много общих черт с подольскими коврами Украины.

Здесь особенно наглядно отражается близость некоторых молдавских и украинских народных художественных традиций.

Изображение букета типично для молдавского интерьера. Мотив этот встречается, кроме ковров, в настенной росписи и в вышивке на декоративных тканях, где он получил особенно широкое распространение в более позднее время.

Приведенные на рис. 1 (фиг. 10—12) изображения букетов характерны для ковров конца XVIII — начала XIX в. В более поздней трактовке букеты подобного типа можно видеть в узоре ковра, изображенного на рис. 3.

Многочисленна группа ковров с мотивами цветущих веток, разбросанных по центральному полю. Изображения ветки с цветами, бутонами, листьями (рис. 4, фиг. 1, 2) отличаются большим разнообразием.

Мотив цветка составляет существенный элемент большинства растительных узоров, но применяется и самостоятельно в цветочных коврах. С цветком отождествляются и многие геометрические мотивы народной орнаментики. Мотив цветка характерен для узоров росписи, вышивки и др. В народном каменном зодчестве центральных районов Молдавии этот мотив встречается в виде скульптуры, высеченной из цельного каменного блока, и служит декоративным завершением воротных столбов, дымовых труб, фронтовых частей погребков.

Изображение вьющейся гирлянды, представляющей собой волнистый стебель с расположенными в его изгибах ветками, цветами, листьями, применяется для орнаментации каймы. Этот узор широко отражен в народном искусстве Молдавии — в вышивке, керамике и особенно в стенной росписи, где изображение конкретизируется в виде гирлянд из дубовых и кленовых листьев, хмеля и винограда. В ковровом рисунке условность трактовки гирлянды часто приводит к различному ее истолкованию: узор иногда осмысливается как извивающаяся дорожка, обсаженная деревьями.

Некоторые образцы гирлянд представлены на рис. 5. Особенно часто встречается традиционный, давно сложившийся мотив гирлянды из вьющихся виноградных лоз и гроздьев (фиг. 7). Тематическая актуальность этого мотива, отражающего одну из важнейших растительных культур Молдавии, и его декоративные достоинства объясняют широкое применение его не только в современном ковровом узоре, но и в орнаменте других видов декоративного искусства.

Геометрические мотивы. В геометрическом орнаменте молдавских ковров повторяются преимущественно мотивы, применяемые в других видах народного искусства. В ковровом рисунке эти мотивы отличаются крупными размерами и подчеркнутым лаконизмом. Очень часто геометрические мотивы вводятся в растительный узор, изображая различные цветы. Это свидетельствует об осмыслении геометрических мотивов как реальных растительных форм.

Развитие геометрических мотивов шло под непосредственным воздействием природы. Было бы, однако, неверным в современном геометрическом орнаменте видеть лишь результаты геометризации форм природы. Развитие геометрических орнаментальных мотивов не могло бы протекать без развития абстрактного мышления, которое внесло в орнаментику понимание законов симметрии и ритма и указало пути создания новых орнаментальных форм.

Наиболее простыми по рисунку являются ковры, узор которых состоит из поперечных (вдоль утка) разноцветных полос. Этот узор характерен для дорожек и встречается на лэичерах. Большое разнообразие рисунка достигается путем чередования полос различной ширины и введения в полосы мелкого орнамента.

В особую группу можно выделить ковры, рисунок которых составлен из ступенчатых треугольников, сплошь заполняющих центральное

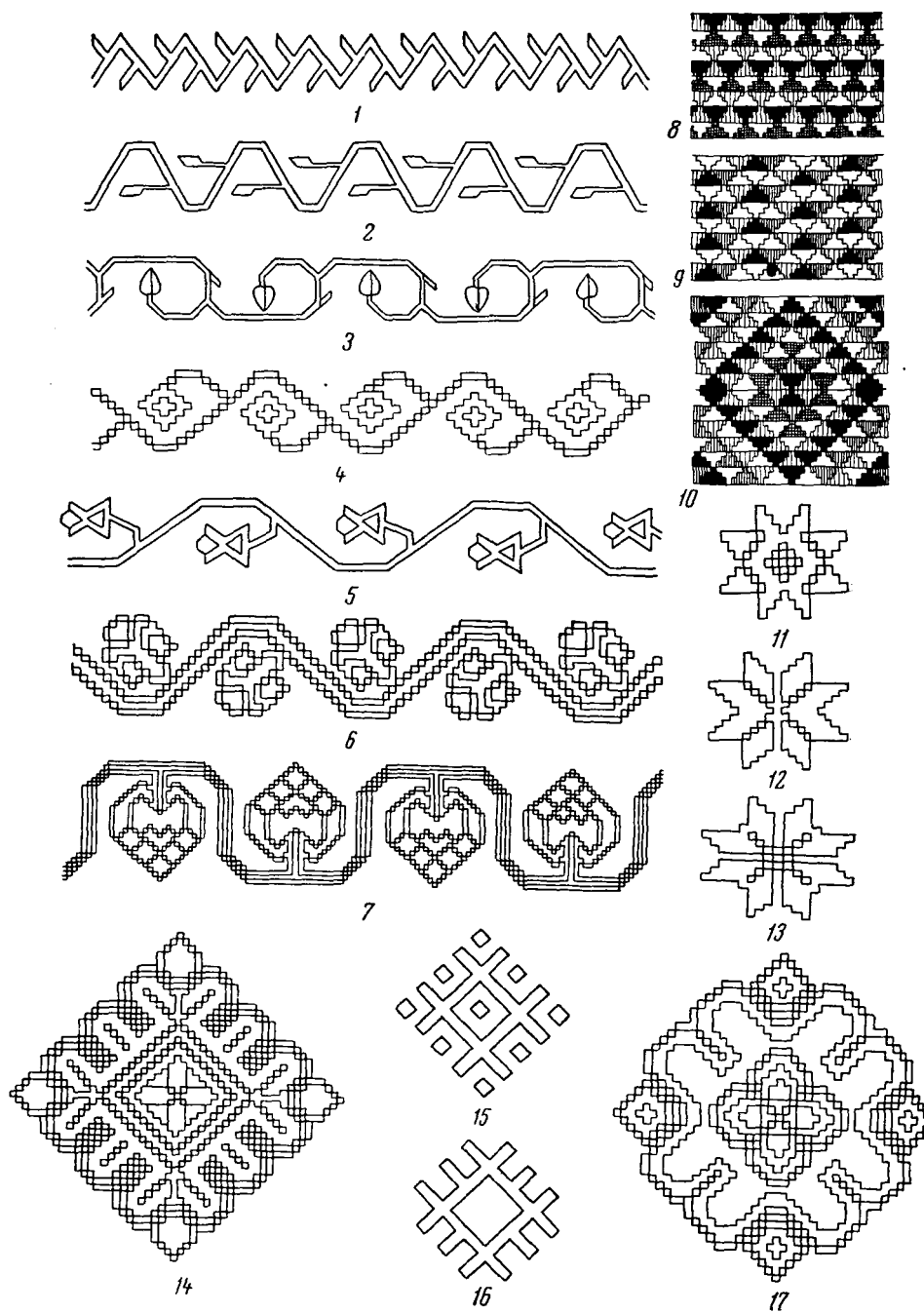

Рис. 5. Мотивы молдавских ковров: 1—7 — гирлянды; 8—10 — треугольники; 11—13 — звезды; 14—17 — ромбовидные фигуры

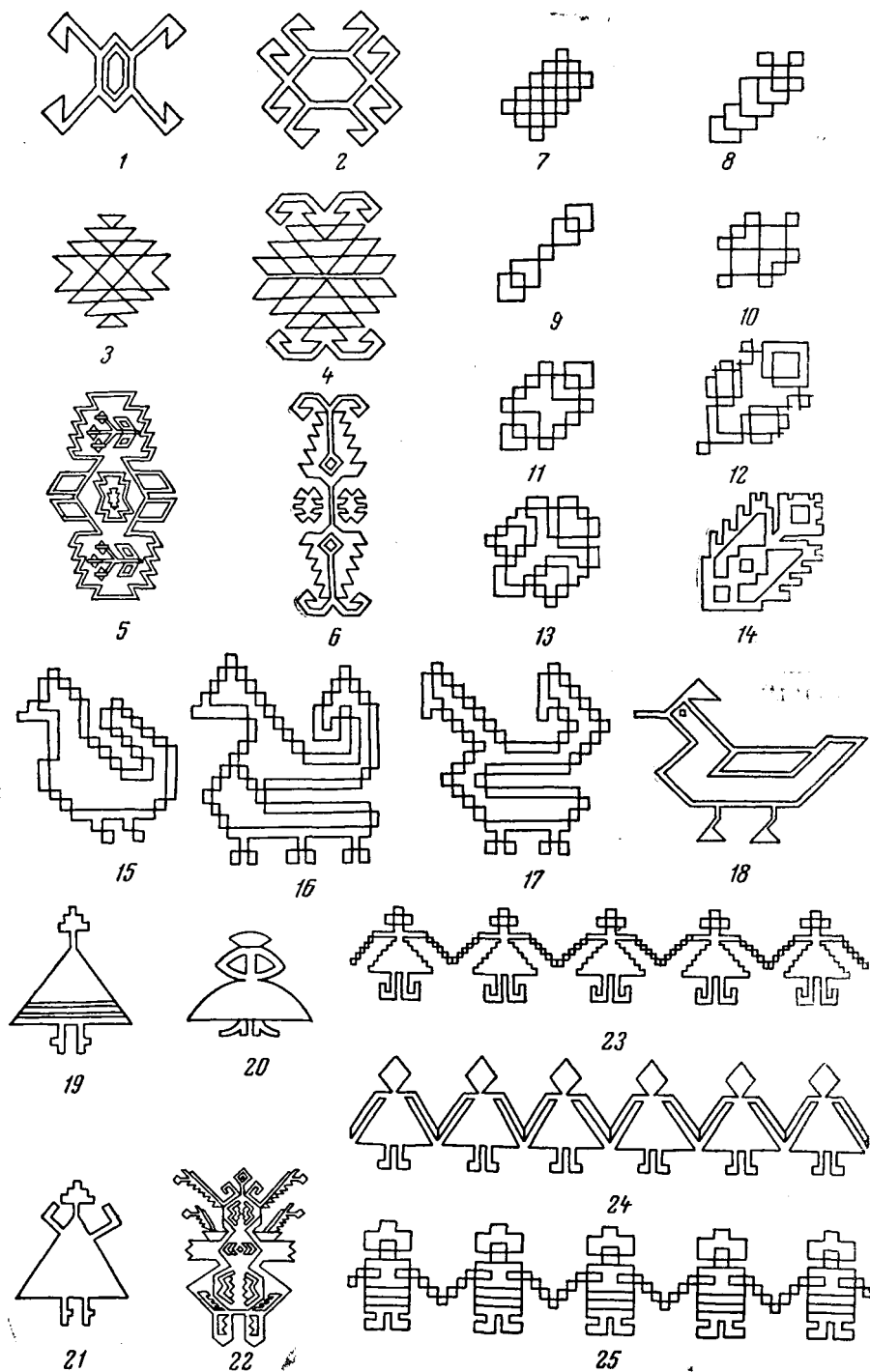

Рис. 6. Мотивы молдавских ковров: 1-6 — крюки и зубцы; 7-14 — мотивы с наклонно-осевой структурой; 15-18 — изображения птиц; 19-25 — изображения человеческой фигуры

поле ковра (фиг. 8—10). Простейший рисунок образуется чередованием различно окрашенных рядов треугольников (фиг. 8). Ковры с подобным узором напоминают мозаику, сложенную из треугольных плиток. Отголоски этого очень древнего узора можно видеть в шитых лоскутными ковриках и покрывалах, распространенных в народном быту.

Основу рисунка ковров со звездчатым узором составляет мотив восьмилучевой звезды (фиг. 11—13). Мотив этот, известный в орнаментике многих народов, часто применяется в молдавских коврах в виде очень крупных фигур. Разнообразие в трактовке звезды достигается расчленением ее на части и введением в мотив дополнительных геометрических форм — квадратов, ромбов и т. д. Часто звезда вписывается в восьмиугольный медальон, и ряд таких медальонов заполняет все центральное поле ковра.

Исходную форму ромбовидных мотивов мы встречаем в молдавской вышивке (фиг. 15, 16). В простейшем виде этот мотив представляет собой поставленный на угол ромб с продолженными сторонами. Имея прототипом узоры вышивки, мотив ромба в ковровом рисунке (фиг. 14, 17) не является их простым увеличенным повторением, в его трактовку вносятся своеобразные черты, связанные с особенностями ковровой техники; при этом крупные масштабы узора требуют и более подробной его разработки. Молдавские ковры с ромбовидными мотивами близки к подобным коврам Буковины.

Крюковидные и зубчатые мотивы (рис. 6, фиг. 1—3, 5), известные в молдавском ковровом узоре, схожи с подобными мотивами западных украинских ковров с характерным для них полосатым фоном. Некоторое родство между крюковидными и зубчатыми мотивами сказывается в том, что они обычно сопутствуют друг другу, а часто соединяются в одну фигуру, образуя интересную группу довольно сложных мотивов (фиг. 4, 6).

В особую группу можно выделить ряд симметричных фигур с наклонной осью. В процессе творческой разработки эти мотивы приобретают черты разнообразных предметов реального мира и соответственно — различные истолкования. Так, мотив фиг. 13 осмысливается как дерево, а мотив, имеющий зубчатый контур и выделенную верхушку (фиг. 14), истолковывается как павлинье перо.

Зооморфные мотивы. Круг образов животного мира (рис. 6, фиг. 15—18) ограничивается изображениями курочек, петушков, реже — водоплавающей птицы, голубей. Водоплавающая птица трактуется в формах, близких к подобным образам в буковинских коврах; для этих рисунков характерен резко выделяющийся цветной контур (фиг. 18).

Мотив птицы очень распространен в деревянной и каменной резьбе, вышивке, узорном ткачестве. При этом вышивке и нековровым тканым узорам свойствен более широкий круг мотивов животного мира; кроме «петушков», «уточек», «голубей», встречаются и «орлы», «собачки», «верблюды», «паучки» и другие. Имеется много изображений отдельных частей тела животных («глазки», «перья», «петушинный хвост», «гусиные лапки» и др.).

Изображения человеческой фигуры. Среди изображений человека, встречающихся в молдавских коврах и вышивках, преобладает мотив женской фигуры. Можно думать, что эти изображения связаны с элементами древнейшей культуры на территории Молдавии. Встречаются изображения без рук (фиг. 19), с руками на бедрах (фиг. 20), с воздетыми вверх руками (фиг. 21) — позой, которую В. А. Городцов при анализе севернорусских вышивок объясняет как выражение молитвенного обращения к высшему божеству. Такое же положение отростков-рук характерно для антропоморфных фигур, в которых сочетаются геометрические и растительные мотивы, получившие значе-

ние частей человеческого тела (фиг. 22). Подобные фигуры с руками в виде ветвей и т. п. связаны, вероятно, с древними дохристианскими верованиями. Здесь культ женского божества органически сливается с культом мирового дерева. В многовековом процессе трансформации эти мотивы утратили религиозный смысл, получив близкое и понятное народу содержание.

Известен прием изображения в молдавских коврах человеческих фигур в виде хоровода (фиг. 23). Здесь мы имеем один из немногих примеров сюжетной связи мотивов. Взявшиеся за руки фигуры изображаются обычно на кайме. При предельно обобщенном рисунке фигур они обладают большой выразительностью, и весь сюжет в цветовом решении приобретает нарядный праздничный вид.

Мотив танцующих фигур распространен в молдавской вышивке, ковровом ткачестве (фиг. 24, 25), встречается и в каменной резьбе. Известны случаи, когда схематизированная форма женской фигуры с руками на бедрах придана резным каменным колонкам в народном жилище. На штергарах, где этот мотив встречается наиболее часто, фигуры обычно располагаются в один или несколько рядов, образуя широкие узорные полосы на концах.

Как видно из приведенных сравнительных данных, мотивы ковровой орнаментики не являются специфичными лишь для узора ковров, хотя здесь они получили своеобразную трактовку. Мотивы эти широко распространены в других областях народного искусства — вышивке, росписи, деревянной и каменной резьбе и т. д. Такая связь мотивов коврового рисунка со всей народной орнаментикой является одним из свидетельств национальной самобытности молдавского ковроделия.

Ковровые мотивы тесно связаны не только с народной орнаментикой, но и со всем орнаментальным искусством Молдавии. Многие из рассмотренных здесь мотивов мы находим в молдавской архитектуре, в фресковой живописи, в украшениях церковной утвари XVI—XVIII вв. Отдельные мотивы восходят к очень древним орнаментальным формам, встречаемым на гончарных изделиях, обнаруженных при археологических раскопках. Все эти обстоятельства позволяют нам не согласиться с имеющимися в литературе утверждениями о том, что узоры молдавских ковров являются довольно поздним заимствованием у народов Востока. Ссылка на некоторое сходство ковровых узоров Украины, Молдавии и Румынии с подобными мотивами восточных ковров неубедительна, так как здесь мы сталкиваемся не столько с заимствованием, сколько с отражением в орнаментике различных народов общих для этих народов образов реального мира — растений, животных, предметов быта и т. п.

Нельзя, конечно, полностью отрицать наличия в рисунке молдавских ковров заимствований из орнаментики Востока. В позднейших молдавских коврах заметны заимствования и из узоров западноевропейских гобеленов. Однако эти заимствования никогда не становились в народном искусстве доминирующими. Они обычно подвергались такой значительной переработке, что органически входили в народное искусство, получая на новой национальной почве новые формы и часто новое осмысление.

* *
*

В последние десятилетия предоктябрьского периода ковровое искусство Молдавии переживало упадок. Традиционный, веками сложившийся ковровый рисунок вытесняется образцами дешевой городской печатной продукции. Развившийся в конце XIX в. кустарный ковровый промысел угасает. Лишь в советский период и особенно в послевоенные годы в воссоединенной Молдавии ковровое производство получает известный размах и творческую направленность. В настоящее время производство

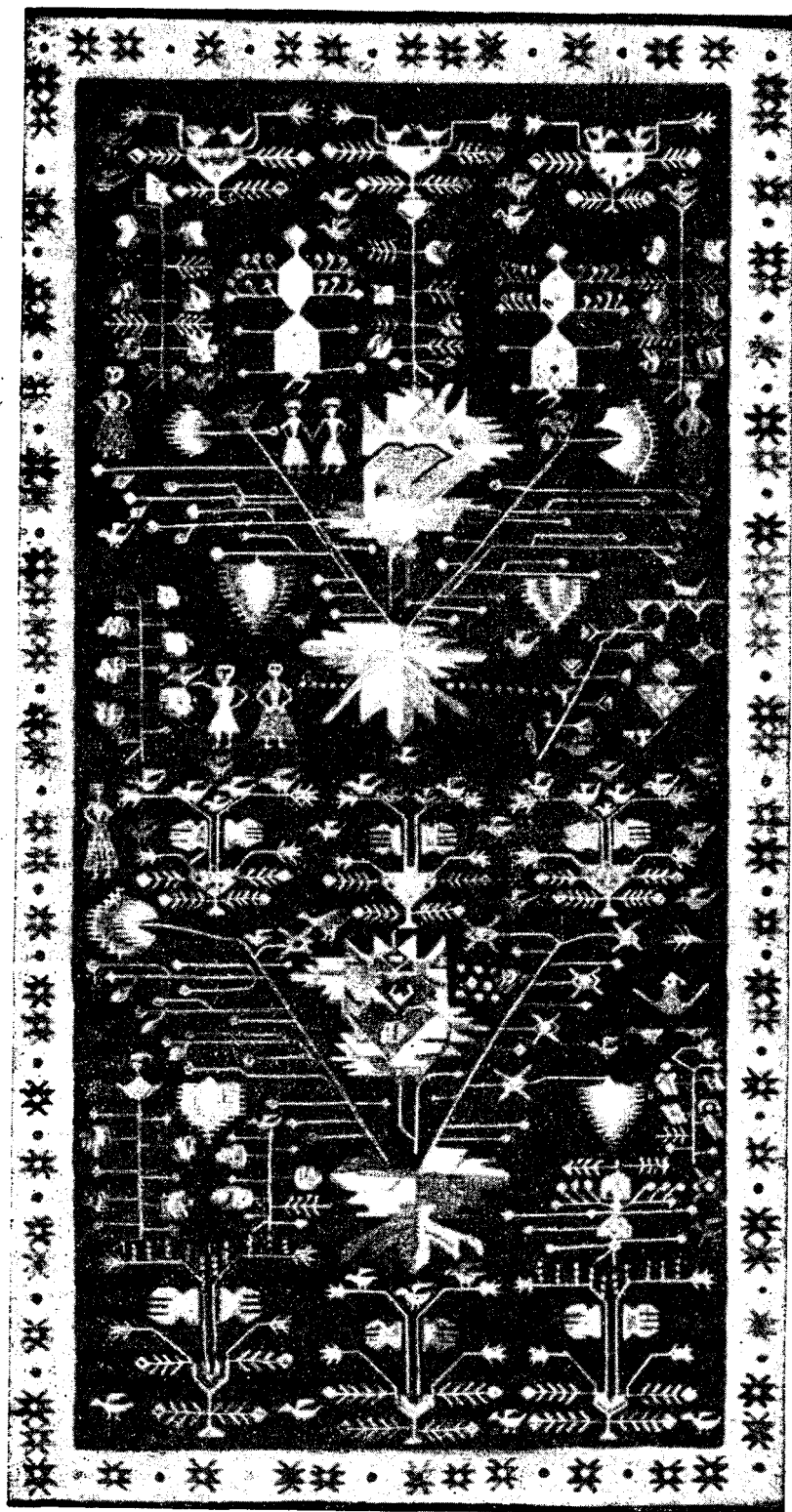

Рис. 7. Молдавский ковер. Начало XIX в.

ковров сосредоточено на специализированных ковровых фабриках (в Тирасполе, Таборе, Кангазе, Чадыр-Лунге) и в промкомбинатах (в Дубоссарах, Комрате, Оргееве, Резине, Сынжерее, Тараклии). Сюда привлечены лучшие народные мастера, работающие в содружестве с художниками-профессионалами. Молдавские ковры прочно вошли в ас-

Рис. 8. Молдавский ковер «Труд» (Молдавский павильон ВСХВ; автор И. Постолаки, 1953 г.)

сортимент ковровых изделий нашей страны, они неоднократно экспонировались на зарубежных и международных выставках.

Современное ковровое искусство Молдавии характерно развитием двух его форм — орнаментального и сюжетно-тематического ковра.

Значение орнаментального ковра в наше время очень велико. В условиях роста культуры и материального благосостояния советского народа ковер получает массовое распространение, составляя весьма важный

предмет украшения жилища. В советское время орнаментальное ковроделие развивается на основе творческого овладения национальным наследием в этой области, воскрешая лучшие народные традиции.

Хотя в основе современных орнаментальных ковров лежат традиционные узоры, они отнюдь не копируют старые образцы, а даются в свободной авторской трактовке. В рисунке ковров последних лет значительно усилился элемент творческий, новаторский. Заметно стремление художников к расширению круга мотивов, к поискам новых композиционных решений. В рисунке ковра значительное место отводится мотиву в граде, отражающему важнейшую отрасль сельскохозяйственного производства Молдавии. Глубокая связь этого мотива с жизнью оправдывает самое широкое его распространение в молдавском декоративном искусстве. Растительный орнамент в современных коврах обогащается мотивами хлебных колосьев, подсолнуха, кукурузы, хлопка и особенно плодовых культур. Эти мотивы часто приобретают в ковровом рисунке символический смысл, выражая идею изобилия, благосостояния сельского народа.

Молдавские сюжетно-тематические ковры представляют собой уникальные произведения, посвященные современным темам (рис. 8), календарным датам, историческим лицам, и предназначены для общественных зданий, музеев, выставок. В первых сюжетно-тематических коврах (1930-е годы — «Котовский», «Сбор урожая» и др.) художники шли по пути воспроизведения в ковровой технике живописных картин, добавляя к ним на ковре лишь орнаментальную кайму. В работах последних лет в этой области определились своеобразные для Молдавии приемы, когда орнамент, тесно переплетающийся с сюжетными кадрами, сам приобретает образно-символический смысл, участвуя в выявлении общей идеи произведения (например, герб Молдавской ССР в виде цветка на фоне — идея цветущей республики; эскиз ковра худ. В. Нечаевой).

Перед молдавским ковроделием открыты широкие перспективы дальнейшего развития. Для того чтобы ковровое искусство могло полностью удовлетворять современным требованиям, художникам и мастерам-ковроделам необходимо критически изучать лучшие национальные традиции этого искусства и непрерывно работать над созданием новых его форм.

НАРОДЫ МИРА

(ИНФОРМАЦИОННЫЕ МАТЕРИАЛЫ)

В. А. МАРТЫНОВ

УСЛОВИЯ ЖИЗНИ АФРИКАНЦЕВ БЕЛЬГИЙСКОГО КОНГО

Первые дни 1959 г. ознаменовались в бельгийской колонии Конго стихийными выступлениями народных масс против колониального режима и жестокой расправой колонизаторов с безоружным населением. Для многих людей на Западе, которые верили басням империалистической пропаганды о «процветании» Конго и об идиллических отношениях между бельгийскими колонизаторами и африканцами, кровавые события в административном центре колонии Леопольдвиле и других пунктах оказались подобными грому среди ясного неба. В действительности в этих событиях нет ничего неожиданного, они явились закономерным результатом многолетнего хозяйничания бельгийского империализма в Конго. Колониальный режим принес конголезцам безмерные страдания, обрек их на ужасающую нищету и унижительное бесправие. В течение многих десятилетий иностранные монополии, господствующие в экономике Конго, расхищали богатейшие природные ресурсы страны и извлекали баснословно высокие прибыли за счет бесчеловечной эксплуатации коренного населения. Понятно, что конголезцы не могли остаться в стороне от развернувшегося после второй мировой войны в странах Азии и Африки национально-освободительного движения, под могучим натиском которого рушится позорная колониальная система империализма. Народ Конго поднялся на борьбу за освобождение от оков колониализма, за восстановление своих погрязших человеческих прав.

В Бельгийском Конго более 13 млн. жителей. Около 75% населения колонии проживает в сельскохозяйственных районах, где еще в значительной степени сохранились натуральное хозяйство и докапиталистические отношения. Большинство сельского населения живет поныне патриархальными семьями, общинами и племенами. В результате значительного развития горнодобывающей промышленности, плантационного хозяйства и других отраслей экономики, связанных с производством и вывозом экспортных продуктов, в Бельгийском Конго насчитывается наибольшее среди стран Центральной Африки число коренных жителей, работающих по найму: 1198 тыс. чел. в 1956 г.

* *

*

В условиях колониального режима процветают самые варварские формы эксплуатации и угнетения широких масс населения. Колонизаторы, воздерживаясь от всестороннего развития производительных сил страны, используют все средства для извлечения максимальных прибылей и

ограбления поработенных народов. История Бельгийского Конго убедительно свидетельствует, что колониальный режим представляет собой одну из самых несправедливых и враждебных народам систем отношений между странами. В обстановке полного произвола и безнаказанности колонизаторов поработенным народам угрожает физическое вырождение и истребление. Хозяйничание бельгийского империализма в бассейне Конго привело к полному исчезновению с этнической карты целых племен и народностей, к обезлюдению многочисленных районов, к резкому ухудшению условий жизни африканцев. Многие исследователи признают, что за первые десятилетия колонизации население страны сократилось примерно наполовину. По данным, использованным в работах В. И. Ленина, на захваченной Бельгией территории к 1884 г. проживало 30 млн африканцев, к началу XX в. их численность сократилась до 19 млн, а к 1914 г.— до 15 млн чел.¹ Только потребность в рабочей силе побуждала колонизаторов принять некоторые меры для предотвращения полного вымирания аборигенов Конго.

Империалистическая пропаганда всячески старается провести резкую грань между прошлым и настоящим колониальных стран, объявляя о наступлении «новой эры» в отношениях между метрополиями и колониями. В действительности современное положение в странах, остающихся в колониальной зависимости, неразрывно связано с их трагической историей и ею обусловлено. При всех социально-экономических изменениях в колониях, их отношения с развитыми империалистическими державами остаются в такой же мере неравноправными, как прежде, а их развитие базируется на принципиально тех же основах, что и в период первоначального ограбления колоний. Народы этих стран и поныне подвергаются бесчеловечной эксплуатации, тираническому гнету, страдают от нищеты, голода, болезней, пребывают в бескультурье и невежестве. Неизменные проявления колониального режима в полной мере присущи Бельгийскому Конго, которое империалистическая пропаганда рекламирует как «образцовую колонию».

В особенно бесправном и бедственном положении находятся многомиллионные массы забитого и нищего крестьянства. В сельском хозяйстве развитие капитализма происходит в наиболее мучительных формах, сочетаясь с консервацией феодальных и родоплеменных отношений. Африканский земледелец, вооруженный примитивными орудиями производства и с большим трудом добывающий себе средства пропитания, подвергается хищнической эксплуатации со стороны частнокапиталистических компаний, колониальной администрации, а также родоплеменных и феодальных правителей.

В Бельгийском Конго в силу своеобразных условий колонизации европейцы господствуют в сельском хозяйстве как в сфере товарного производства, так и в сфере обращения. Исключение составляет выращивание хлопчатника и некоторых других сельскохозяйственных культур. В настоящее время около 800 тыс. африканцев, т. е. 20% взрослых мужчин и их семьи, получают денежный доход от производства хлопка-сырца в своих хозяйствах. Кроме того, африканцы поставляют свыше половины товарных продуктов масличной пальмы, а также некоторую часть производимого ими продовольствия. В целом удельный вес малопродуктивных предприятий и хозяйств африканцев в товарном сельскохозяйственном производстве составляет лишь около 50%.

Эксплуатация крестьян-отходников в сфере производства и выколачивание сверхприбылей за счет предельно низкой оплаты каторжного труда плантационных рабочих дополняется ограблением конголезского крестьянства в сфере обращения путем искусственного разрыва между

¹ См. В. И. Ленин, Соч., т. 22, стр. 243; его же, Тетради по империализму, М., 1939, стр. 248.

ценами на промышленные товары, производимые в значительной части вне колонии, и ценами на скупаемое сельскохозяйственное сырье. Этот разрыв имеет тенденцию к увеличению, в результате чего крестьяне получают в обмен на поставляемые ими продукты все меньше товаров. По мере освоения монополиями рынка колонии неэквивалентность товарного обмена усиливается: растет объем и ценность выкачиваемого из колонии сырья, неуклонно снижается стоимость единицы продукции. Такая политика обеспечивает колониальным компаниям непрерывный рост прибылей. Монопольное положение этих компаний на рынке колонии позволяет им диктовать политику цен, не боясь конкуренции.

Пример конголезских крестьян, занятых выращиванием хлопка, ясно показывает невыносимо тяжелое положение тружеников в мелкотоварных хозяйствах, к которым присосались, как пиявки, всевозможные компании, перекупщики и посредники. Хлопкоробы Конго — жертвы бесстыдного грабежа и обмана, в результате которого за свой изнурительный труд они получают жалкие гроши, малую часть действительной стоимости производимой продукции. В 1952 г. за выращенные 158,3 тыс. т хлопка-сырца 826 тыс. хлопкоробов Бельгийского Конго получили 675,1 млн фр. при общей стоимости продукции в 2464,2 млн фр.² Таким образом, в среднем 1 кг хлопка оценивался в 15 франков, тогда как непосредственный производитель получал за него только 4 франка. Сбор урожая на каждого хлопкороба составил в среднем менее 200 кг, за которые уплачивалось около 800 франков. Из этой суммы около 10% уходило на уплату подушного налога, а часть остальной выручки поглощалась налогами и поборами местных властей. Оставшаяся жалкая сумма составляла основной денежный доход конголезца и его семьи.

Основные доходы от продажи хлопка присваивали хлопкоперерабатывающие компании, располагавшие в Конго 2550 закупочными пунктами и 120 хлопкоочистительными предприятиями. В ограблении конголезцев успешно конкурировала с компаниями местная администрация. Помимо обычных налогов и пошлин, с каждого килограмма хлопкового волокна взималось 0,5 франка в 1946 г. и 0,8 франка в 1952 г. на строительство дорог в хлопковых районах, хотя совершенно очевидно, что такие работы должны проводиться за счет бюджетных средств. Кроме того, в Бельгийском Конго уже давно существует так называемая резервная касса, актив которой в середине 1955 г. достиг огромной суммы — 1308 млн франков. Средства этой кассы образуются за счет ежегодных отчислений с производителей, якобы с целью избавить их от влияния колебаний цен на хлопок на мировом рынке. В действительности резервная касса предназначена служить дополнительным средством ограбления крестьян, ее актив полностью контролируется администрацией и используется зачастую для финансирования различных мероприятий, не имеющих никакого отношения к улучшению условий жизни и труда хлопкоробов. Разумеется, их согласия на это не спрашивают.

Ограблению крестьян при помощи механизма неэквивалентного обмена способствуют монопольное положение компаний в пределах определенных сельскохозяйственных районов и экономическая разобщенность этих районов. В результате слабого развития транспорта и внутренних экономических связей сообщение между отдельными районами, даже при небольших дистанциях, нередко труднее и дороже, чем их связь с портами вывоза, расположенными за сотни и тысячи километров. Монополизация рынков позволяет компаниям скупать за бесценок сельскохозяйственную продукцию, которая затем перепродается втридорога в городах или за пределами колонии, а также беспрдельно вздувать цены на промышленные товары, сбываемые в сельских местностях. В результате монопольного хозяйничанья компаний в различных районах

² «Bulletin agricole du Congo Belge», Bruxelles, 1954, № 4, стр. 907.

создается большая разница цен на сельскохозяйственные продукты, о чем свидетельствует пример нескольких городов в провинции Леопольдвиле

Стоимость продовольственных товаров в отдельных пунктах провинции Леопольдвиле в конце 1955 г.³
(франков за 1 кг)

	Ошве	Бома	Мадимба	Леопольдвиле
Рис	—	7,50	8,00	10,00
Свежая рыба	6,50	—	20,00	23,73
Вяленая рыба	10,00	14,00	20,00	34,55
Фасоль белая	10,00	11,00	10,00	13,00
Шикванга	0,90	1,50	2,00	3,31
Пальмовое масло (бутыль $\frac{3}{4}$ л)	8,00	9,00	8,00	13,05
Соль	4,00	3,00	3,00	6,81
Арахис	4,50	—	7,50	16,08
Фрукты	1,00	—	2,00	4,50
Мясо	6,00	—	40,00	50,00
Овощи	1,50	2,25	8,00	10,86

Как видно из приведенных данных, наивысшего уровня цены на продовольствие достигают в городе Леопольдвиле, где стоимость продуктов дороже, чем в Ошве (500 км восточнее) в 3—8 раз. Понятно, что такое ненормальное положение способствует грабежу со стороны компаний, перекупщиков и спекулянтов, безжалостно обирающих как тружеников деревни, так и трудящихся городов и промышленных центров. Экономическая изолированность отдельных районов страны приводит к тому, что нередко в одном районе население голодает, тогда как в другом районе, иногда близко расположенном, обильный урожай сгнивает на корню из-за недостатка рабочих рук и невозможности вывезти продукцию.

В современных условиях эксплуатация малопроизводительных мелких товарных хозяйств африканцев в рамках общины уже не удовлетворяет монополистические компании. В угоду им колониальные власти перешли в последние годы к политике организации кооперативов и насаждения так называемых пейзаанов, т. е. поселений с индивидуальными хозяйствами, которые регламентируются и контролируются представителями администрации. Конголезские кооперативы и «пейзанаты» — типичные колониальные формы подчинения сельского хозяйства капиталистической эксплуатации. С одной стороны, сельскохозяйственное производство организуется на капиталистических началах, ликвидируются остатки натурального хозяйства, и общинный крестьянин уподобляется в какой-то степени фермеру, работающему для рынка. Но с другой стороны конголезский крестьянин получает землю не в собственность, а только в пользование и лишается всякой самостоятельности, так как вместе с капиталистическим предпринимательством действуют принуждение и диктат колониальной администрации, выполняющей волю монополистических компаний.

В условиях колонии кооперирование и переселение крестьян в «пейзанаты» представляют собой чисто административные мероприятия, а не формы организации производительных сил на базе сложившихся производственных отношений. В этих мероприятиях проявляется только произвол господствующего меньшинства — европейских колонизаторов и их стремление усилить эксплуатацию угнетенного и бесправного большинства — крестьян Конго. Фактически конголезцев насильственно объединяют в своеобразные резерваты, которые им запрещено покидать и где они трудятся под строгим контролем администрации. Крестьяне подни-

³ F. Bézy, Problèmes structurels de l'économie congolaise, Louvain, 1957, стр. 17.

няются директивам свыше, которые регламентируют всю их деятельность, вплоть до чередования севооборотов, ассортимента выращиваемых культур, норм выработки и т. д. Крестьяне не имеют также никакого влияния на решение общих дел кооператива или «пейзаната». Их удел — только изнурительный труд за нищенское вознаграждение. Выраженный ими урожай поступает в распоряжение администрации, которая контролирует сбыт продуктов, распределение доходов и распоряжается всеми кооперативными средствами. Переселение в «пейзанаты» позволяет попутно произвести учет наличных земель и освободить лучшие участки для европейской колонизации.

При помощи системы «пейзанатов» и кооперативов колонизаторы добиваются заметного роста поставок сельскохозяйственного сырья и полностью подчиняют монополистическим компаниям широкие слои крестьянства, часть которого сохраняла раньше некоторую самостоятельность в рамках полунатурального общинного хозяйства. В конце 1955 г. в Конго насчитывалось 55 производственных и торговых кооперативов, объединявших свыше 105 тыс. конголезцев. Обороты некоторых из этих кооперативов достигали десятков миллионов франков. Численность африканских крестьян в «пейзанатах» предполагается довести в 1960 г. до 500 тыс. человек. Можно предполагать, что в ближайшие годы новые формы более интенсивной эксплуатации конголезских крестьян в кооперативах и «пейзанатах» приобретут важное значение в сельскохозяйственной экономике Конго.

Беспощадной эксплуатации и угнетению подвергается молодой африканский пролетариат. Основная масса рабочих Конго — недавние крестьяне, которых привела в город безысходная нужда, постоянный голод, произвол администрации и родоплеменной верхушки. Многие из них поддерживают связь со своим племенем и селением. Набор рабочих на предприятия производится в сельских районах Конго и соседних колоний, как правило, путем контрактации, формально на срок от трех месяцев до трех лет. Активную помощь монополистическим компаниям в проведении контрактации оказывают представители администрации и вожди племен, получающие за это определенное вознаграждение.

Законотворенный не имеет права покинуть производство раньше истечения срока контракта без разрешения компании или предпринимателя. Если рабочий это сделает, он становится правонарушителем и его судят как «дезертира». В таких случаях полицейский трибунал обычно приговаривает его к тюремному заключению «за нарушение обязательства». Даже после окончания срока контракта многие рабочие, остающиеся должниками компаний, вынуждены продолжать работу. Часто они не в состоянии рассчитаться с долгами и превращаются в пожизненных рабов. Таким образом, контрактация представляет собой замаскированную форму принудительного труда.

Условия труда на предприятиях крайне тяжелые. Социальное законодательство практически отсутствует, и рабочий целиком зависит от произвола компаний и предпринимателей. Не существует никакой охраны труда. Рабочий день законом не ограничивается и, как правило, длится около 10—12 час. На вредных производствах, например в урано-радиевых рудниках Шинколобве, не принимаются элементарных мер для защиты здоровья трудящихся. Ежегодно большое число рабочих становится жертвами несчастных случаев на производстве. Пострадавшим выдается только небольшое единовременное пособие. Пенсий по инвалидности, болезни и старости до последнего времени не было. Рабочих, потерявших здоровье и силы, попросту выбрасывали на улицу, обрекая на голодную смерть.

С введением в 1957 г. в колонии системы пенсионного обеспечения положение фактически не изменилось. Право на пенсию предоставлено рабочим с 55-летнего возраста, имеющим 30 лет производственного стажа. Однако у подавляющего большинства конголезских рабочих, достиг-

ших установленного возраста, стаж работы по найму незначительны. Поэтому в течение многих лет право на пенсию будут иметь только единицы. За шесть месяцев во всей колонии было подано лишь около 6 тыс. прошений о пенсии⁴. К тому же пенсионный фонд создается за счет вычетов из заработной платы. Поэтому рабочие враждебно встретили это мероприятие колониальных властей. В частности, в связи с новыми вычетами из зарплаты в Элизабетвиле имели место волнения рабочих.

За свой изнурительный и подчас опасный труд рабочий в Конго получает мизерную заработную плату, которой не хватает для удовлетворения самых необходимых жизненных потребностей. Значительную часть заработной платы поглощают всевозможные штрафы и вычеты, широко практикуемые предпринимателями. Рабочие живут в нездоровых бытовых условиях, питаются впроголодь. Посетивший Конго помощник генерального секретаря Конфедерации христианских профсоюзов Бельгии Келерс заявил, что 60% африканцев Леопольдвилля страдают от голода. Между тем известно, что трудящиеся Леопольдвилля находятся в лучшем положении, чем рабочие большинства районов колонии. Келерс, которого трудно заподозрить в желании сгустить краски, весьма выразительно охарактеризовал повседневное существование леопольдвильцев: «Основная часть населения столицы недоедает... Подавляющее большинство чернокожих рабочих должно ежедневно пешком или на велосипеде покрывать от 10 до 20 км, чтобы достичь места работы. Они уходят в 5—6 час. утра, большей частью не поев, и едят первый раз только вечером, в 5 час. по возвращении домой. Их еда состоит обычно из маниоки и вяленой рыбы. Не удивительно, что в этих условиях большинство туземных рабочих физически не в состоянии дать хорошую производительность труда»⁵.

Уровень жизни африканского населения в Бельгийском Конго — один из самых низких в мире. Такое положение является прямым следствием колониального режима. По признанию ряда исследователей, конголезцы питаются сейчас гораздо хуже, чем до прихода европейцев. Внедрение сырьевых культур в сельское хозяйство коренного населения Конго производилось колонизаторами за счет продовольственных культур. Усиление капиталистической эксплуатации крестьян сопровождалось уменьшением производства продовольствия на душу населения. В результате колонизации аборигены Конго стали потреблять также меньше мяса, так как возможность охоты сильно сократилась, а скотоводство не получило достаточного развития. По потреблению мяса Конго занимает последнее место среди африканских стран, возможно, даже в мире: на одного жителя здесь приходится 0,5 кг мяса в год⁶. Индекс стоимости жизни возрос в 1958 г. по сравнению с довоенным временем (1935) более чем в три раза⁷.

Особенно тяжелы материальные условия жизни наемных рабочих. Для этой категории жителей колониальная администрация устанавливает периодически минимальный уровень заработной платы для различных районов страны. 1 января 1956 г. был установлен следующий минимум ежедневной заработной платы (в франках; см. табл. на стр. 79)⁸.

Подавляющее большинство рабочих в колонии получает минимальный заработок, который обычно устанавливается ниже прожиточного минимума и позволяет рабочим и их семьям вести лишь нищенское, полужизненное существование.

В конце 1950 г. 70% минимальных заработков в Конго не достигал даже предельно низкого прожиточного минимума, исчисляемого по нор-

⁴ Газ. «Le Soir», Bruxelles, 28 июня 1957 г., стр. 6.

⁵ Там же, 6 августа 1957 г., стр. 5.

⁶ «Atlas de la géographie alimentaire», Paris, 1954, стр. 26.

⁷ «L'écho du Katanga», Elisabethville, 4 июля 1958 г.

⁸ «XII национальный съезд Коммунистической партии Бельгии», М., 1956, стр. 209—210.

Главный город провинции	Заработная плата		Квартирные	Надбавка на одежду	Общая сумма дневной зарплаты
	деньгами	натурой			
Леопольдвиль	14,70	12,00	3,50	0,30	30,50
Кокийавиль	8,30	8,30	2,00	0,58	19,18
Стэнливиль	11,85	9,91	2,64	0,64	24,86
Букаву	7,50	8,17	2,40	0,45	19,32
Элизабетвиль	11,50	11,44	3,00	0,45	26,39
Лулуабург	8,00	7,45	1,60	0,40	17,45

мам администрации. Более того, нередко предприниматели снижают зарплату ниже установленного властями минимального уровня. Известно, что во многих сельскохозяйственных районах наемные рабочие зарабатывают 2—5 франков в день. В некоторых районах рабочий может приобрести на всю свою дневную зарплату лишь 2,8 кг очищенной кукурузы или 3 кг сорго⁹.

Даже в Леопольдвиле, где заработная плата отличается наиболее высоким уровнем, большинство жителей не в состоянии обеспечить себе официального полуголодного прожиточного минимума. Значительная часть получки уходит на непомерно высокую квартирную плату: одинокий человек платит до 150 франков в месяц за место для ночлега, небольшой семье жалкое жилище обходится не менее чем в 200 франков, а квартирная плата в новых домах администрации составляет 250—350 и более франков. Очень высоки цены на продовольствие: 1 кг маниоковой муки стоит 6 франков, хлеба — 11, мяса (дичь) — 40, сахара — 13, маргарина — 40, $\frac{3}{4}$ л пальмового масла — 9 и т. д.¹⁰ Но и по таким грабительским ценам эти продукты не всегда можно приобрести, так как в стране постоянно ощущается недостаток продовольствия. Этим пользуются перекупщики и спекулянты, поднимающие рыночные цены до совершенно недоступного для трудящихся уровня. Понятно, что у трудящихся в городах не хватает денег на самое необходимое.

До сих пор в Конго широко распространена так называемая «патерналистская система»: под лживым предлогом, будто африканцы неспособны сами регулировать свои расходы, предприниматели выдают рабочим часть заработка натурой, в виде продовольственного пайка и жилища. За недоброкачественные продукты питания и неблагоустроенные комнаты в бараках с рабочих вычитают втридорога. Такая система позволяет предпринимателям эксплуатировать трудящихся не только на производстве, но и как потребителей, в сфере обращения, и обеспечивает им дополнительные прибыли. О размерах этой дани в пользу капиталистов можно судить по тому факту, что в 1954 г. $\frac{1}{4}$ всех рабочих в провинции Леопольдвиль и $\frac{3}{4}$ рабочих Катанги получали содержание целиком или частично натурой¹¹.

Рабочий в Конго никогда не может быть уверен в завтрашнем дне, ему постоянно угрожает безработица. Предприниматели не только проводят массовые увольнения при неблагоприятной конъюнктуре, но и беспощадно выгоняют всякого заболевшего или ослабевшего в результате жестокой эксплуатации и тяжелых условий жизни. Уволенный не может рассчитывать ни на какое пособие по безработице. Численность безработных в Бельгийском Конго сильно увеличивается. Так, в 1954 г. в некоторых районах 10% всех рабочих не имели работы¹². В Леопольдвиле в 1955 г. только учтенные безработные составляли 8 тыс. (на 2 тыс. чел.

⁹ «Les cahiers d'outre-mer», Bordeaux, 1952, № 17, стр. 26.

¹⁰ «XII Национальный съезд Коммунистической партии Бельгии», стр. 210—211.

¹¹ См. F. Bézu, Указ. раб., стр. 45.

¹² «Bulletin de l'Institut de recherches économiques et sociales», Bruxelles, 1956, № 3, стр. 389.

больше, чем в предыдущем году)¹³. В Катанге в связи с экономическими трудностями, вызванными резким падением мировых цен на медь в 1957 г. число учтенных безработных за короткий срок возросло с 2 до 4 тыс., а которых 1,5 тыс. были единственными кормильцами больших семей.

Обострение кризисных явлений в ведущих странах капиталистического мира оказало пагубное влияние на экономику слаборазвитых стран и способствовало катастрофическому распространению безработицы. В Леопольдвиле 31 декабря 1957 г. насчитывалось около 7 тыс. безработных, ровно через шесть месяцев их стало около 16 тыс., а к концу года — 50 тыс. чел. С учетом членов семей безработных, около половины жителей столицы колонии осталось без средств существования. Из 16 тыс. безработных Леопольдвилля (на 30 июня 1958 г.) 31% не работали менее трех мес., 27% — от 3 до 6 мес., 19% — от 6 до 12 мес. и 23% — свыше года¹⁴. В Элизабетвиле в середине 1958 г. было учтено свыше 7 тыс. безработных, в Стэнливиле — свыше 2 тыс. Безработица свирепствует также в других городах и промышленных центрах страны. Предприниматели используют безработицу для своей выгоды: располагая огромной резервной армией труда, они всемерно усиливают эксплуатацию рабочих.

Тяжелые условия жизни способствуют образованию и росту в городах прослойки деклассированного населения, живущего нищенством, воровством и проституцией. В Леопольдвиле в 1957 г. насчитывалось 5—6 тысяч женщин, живущих исключительно проституцией; многие замужние женщины и живущие с родителями подростки также вынуждены заниматься проституцией¹⁵.

Наряду с общими для трудящихся всех капиталистических стран формами эксплуатации и угнетения, рабочие Конго подвергаются некоторым специфическим формам порабощения, среди которых расовая дискриминация является одной из самых тягостных. Расовая дискриминация, заложенная в самой природе колониального режима, пустила глубокие корни в Конго и до сих пор пронизывает все стороны социально-экономической жизни страны. В Конго, как и в других колониях, огромная масса африканского населения подвергается бесчеловечной эксплуатации и угнетению, влачит беспросветное и несправное существование. Конкретными носителями колониального рабства и главная опора колониальной системы — горстка европейцев, занимающих командные посты в экономике и системе управления. Отношения между завоевателями-европейцами и местными коренными африканцами, сложившиеся в рамках колониальной системы, характеризуются в целом расовым гнетом и недоверием.

Идеология расизма, служащая «идейной основой» колониализма обосновывает правомерность и «разумность» колониальных порядков, ссылаясь на неполноценность «туземцев» и их неспособность управлять собственными делами. Логическим следствием расизма является расовая дискриминация, используемая в качестве политического и экономического оружия в арсенале колонизаторов. Политическое назначение расовой дискриминации — служить одним из средств угнетения и подавления малейшего протеста колониальных народов. Экономическая сущность расовой дискриминации состоит в том, что она способствует усилению эксплуатации трудящихся масс до крайних пределов и выколачиванию колониальных сверхприбылей для империалистических монополий.

Трудящиеся-африканцы в Конго подвергаются расовой дискриминации в самых различных формах. Ярким показателем расового неравноправия является вопиющая несправедливость в распределении общественного богатства и результатов общественного труда. На одном полюсе — европейские пришельцы, которым колониальная система позволяет присва-

¹³ «La situation économique du Congo Belge et du Ruanda-Urundi en 1955», Bruxelles 1956, стр. 37.

¹⁴ «Courrier d'Afrique», Léopoldville, 4 сентября 1958 г.

¹⁵ Газ. «Le Peuple», Bruxelles, 31 декабря 1957 г., стр. 2.

вать огромные богатства, на другом — неимущая, нищая масса коренных обитателей страны. Среднегодовой доход конголезца — 2090 франков, европейца — 131 120 франков. Соотношение достаточно красноречивое — 1 : 64! ¹⁶.

Расовая дискриминация лежит в основе оплаты наемного труда. Достаточно сказать, что в 1954 г. фонд заработной платы 32 тыс. служащих-европейцев в Конго, в том числе уехавших в отпуск в Европу, составлял 10 070 млн франков, в то время как 1240 тыс. коренных жителей, работающих по найму, получили в этом году 10 960 млн франков. В среднем заработок у европейцев был больше, чем у африканцев, в 40 раз! Даже с учетом различий в уровне квалификации разница в оплате колоссальная. По свидетельству профессора-экономиста Ф. Бези, автора многих работ о Конго, в настоящее время, «особенно в столице и Верхней Катанге, имеются конголезцы, которые выполняют функции, осуществляемые в других местах европейцами с равной компетенцией, но за оплату, представляющую только половину или треть оплаты приезжих» ¹⁷. Например, речной лоцман-конголезец зарабатывает 3 тыс. франков, а лоцман-европеец — 12—15 тыс. франков.

Колониальные сверхприбыли и мизерная оплата труда африканцев позволяют монополиям подкупать европейский персонал повышенными окладами и вознаграждением с целью сделать всех европейцев соучастниками колониального грабежа и ревностными защитниками колониальной системы. Оплата европейцев одинаковой квалификации в колонии в 3—5 раз выше, чем в метрополии. По мнению Ф. Бези, европейский служащий в Конго — «один из наиболее высоко оплачиваемых в мире» ¹⁸.

Политическая дискриминация африканцев в Конго состоит в узурпации всей власти европейскими колонизаторами, лишении коренного населения элементарных политических прав и отстранении их от управления. Полный произвол колонизаторов приводит к тому, что африканцы живут в собственной стране на положении низшей, бесправной касты. Бельгийские колонизаторы поддерживают и укрепляют деспотическую форму правления, они упорно противятся введению конституционных институтов и предоставлению избирательных прав африканскому населению. Конголезцы лишены всякой возможности влиять на решение государственных вопросов легальным путем.

Вся полнота власти в колонии сосредоточена в руках бельгийского генерал-губернатора. Имеющиеся чисто консультативные представительные органы — правительственный совет при генерал-губернаторе и провинциальные советы при губернаторах провинций — оказывают ничтожное влияние на дела управления. Эти органы в Конго несомненно имеют даже еще менее реальное значение, чем соответствующие учреждения в английских и французских колониях. Представительство коренных жителей минимальное. Например, в правительственном совете Конго среди множества высших колониальных чиновников и представителей от различных групп европейцев имеется лишь восемь представителей-конголезцев, которые к тому же не выбираются населением, а назначаются генерал-губернатором. Правительственный совет собирается обычно раз в год. Его полномочия ограничиваются обсуждением бюджетных предложений и лишь тех вопросов, которые сочтет нужным поставить генерал-губернатор ¹⁹.

Система «цветного барьера» в Конго не позволяет местным жителям занимать высоко оплачиваемые и требующие квалифицированного труда должности, а также получать образование по ряду специальностей. Аф-

¹⁶ Газ. «Le Drapeau rouge», Bruxelles, 18 июля 1958 г.

¹⁷ Журн. «Zaïre», Louvain, 1958, № 2, стр. 120.

¹⁸ Там же, стр. 117.

¹⁹ «Encyclopédie du Congo Belge», т. III, Bruxelles, 1950, стр. 531—532.

риканец не имеет права свободно передвигаться по земле своей родины, не получив специального пропуска от властей; ему не разрешается оставаться после установленного часа в пределах «белого города» (благородная часть в городах, заселенная европейцами). Для африканцев отведены специальные вагоны в поездах и места в автобусах, отведена особая часть в магазинах, на почте, в церквях и т. д.

Расовая дискриминация в области народного образования и здравоохранения препятствует повсеместному распространению просвещения современной культуры, влечет за собой усиление заболеваемости и смертности коренного населения.

В своей стране африканец живет в атмосфере ненависти и презрения по всякому поводу его могут оскорбить, унижить, избить и подвергнуть аресту. О нравах касты «белых господ» свидетельствует откровенно высказывание известного миссионера Ван Винга: «Успех бельгийской политики был бы обеспечен, если бы 90 % белого населения удалось избавиться от своего комплекса превосходства, основанного на глупом расовом предрассудке»²⁰.

До сих пор для африканцев существуют телесные наказания, немногим из них удается избежать тюремного заключения. Например, в провинции Леопольдвиль в 1948 г. только полицейскими трибуналами осуждены 104 451 чел., т. е. около 4 % населения провинции²¹. Администрация по своему усмотрению может в любой момент выслать неугодного ей человека или подвергнуть его административному заключению (без суда и следствия) на срок до месяца. Ссыльных отправляют в самые вредные по климату районы, где большинство из них гибнет от болезней и истощения. Смертная казнь применяется в Конго только к африканцам.

В Конго и в других африканских странах поныне живут различные проявления принудительного труда — позорного пережитка рабства. Наибольшее значение имеет широко распространенная система обязательных работ. Местной администрации разрешено использовать в течение 60 дней в году труд каждого здорового мужчины, не работающего на европейца. Даровой труд африканцев используют для выращивания сырьевых и продовольственных культур, строительства и ремонта дорог, тюрем и т. д. В условиях полной бесконтрольности представители администрации нередко заставляют африканцев работать без всякой оплаты в течение полугода и больше. Кроме того, администрация и компании широко используют такие разновидности принудительного труда, как контрактацию рабочей силы, применение труда заключенных и др.

Коренное население Конго страдает не только от всесторонней изощренной эксплуатации и жестокого произвола, но также от невежества, бескультурия и повсеместно свирепствующих тяжелых заболеваний. Идеинные оруженосцы колонизаторов часто рекламируют «цивилизаторскую миссию» Бельгии в своей колонии. В действительности, к осуществленным в Конго минимальным мероприятиям социального характера полностью применима формула известного апологета колониализма Альбера Сарро: они вызывались только «необходимостью сохранять и увеличивать человеческий капитал для того, чтобы мог действовать и давать плоды денежный капитал»²².

Система народного образования в колонии подчинена прежде всего задаче воспитания подрастающего поколения африканцев в духе рабской покорности колонизаторам. Эту задачу с достаточной выразительностью сформулировал советник колониальной администрации Макс Хорн, ко-

²⁰ «Académie royale des sciences coloniales, Bulletin des séances», Bruxelles, 1951, № 3, стр. 549.

²¹ Журн. «Communisme», Bruxelles, 1951, № 7, стр. 44.

²² Журн. «Economie et politique», Paris, июль 1957 г., № 36, стр. 16

торый заявил на 6-й сессии колониального конгресса: «Прежде всего необходимо вдолбить основные принципы христианской морали, начиная с десяти заповедей. Нельзя забывать, что они предписывают уважение к чужой собственности. Коммунистические лозунги не замедлят распространиться среди народных масс Конго. Ради сохранения социального мира предупредим это, разъясняя достоинства частного предпринимательства и услуги, оказываемые капиталистом обществу. Туземцы должны понимать, что белые не забрали принадлежащих им земель и естественных богатств, а поставили на службу великому благу»²³. В этом высказывании махрового колониалиста выразилось стремление при помощи лжи и демагогии заглушить протест конголезцев против невыносимых условий существования.

Ведущую роль в отравлении сознания широких масс африканского населения, особенно детей и молодежи, играют многочисленные религиозные миссии. До 1946 г. вся система образования в колонии находилась в монопольном ведении этих миссий. На 31 декабря 1956 г. в Конго имелось 93 школы для европейцев и 26 535 школ для африканцев. Большинство из них остается под управлением миссионеров, имеются также государственные школы и частные светские школы, принадлежащие большей частью крупным капиталистическим компаниям.

Вся система образования в Конго проникнута духом расизма. Запрет учиться вместе с детьми белых распространяется не только на негров, но и на мулатов, индийцев и других так называемых цветных. В докладе миссии бельгийского сената, посетившей Конго, говорилось: «Вплоть до настоящего времени вопрос о допуске мулатов, даже признанных белыми отцами, в учебные заведения для белых детей оставлен на усмотрение школьных руководителей... Индийцев, как нам сказали, не принимают ни в духовные, ни в светские школы в силу решения генерал-губернатора». В другом месте того же доклада сказано: «Возникает впечатление, что государство не сделало ничего для образования туземцев»²⁴.

На нужды народного образования отпускаются ничтожные средства. Например, по бюджету 1957 г. на просвещение для почти 13-миллионного африканского населения выделено 1420 млн франков, тогда как в метрополии — стране с 9-миллионным населением — на просвещение затрачено 9956 млн франков. Таким образом, в среднем затраты на образование на одного бельгийца в 10 с лишним раз превышают затраты на конголезца. Расходы на просвещение составляют незначительную часть кредитов по 10-летней программе «экономического и социального развития» — менее 4%. В среднем на каждый год приходится 180 млн франков на образование для детей африканцев и свыше 100 млн франков на образование для детей европейцев. Если учесть, что в европейских школах обучалось в конце 1956 г. около 21 тыс. учеников, а в африканских школах — 1283 тыс. учеников, то нетрудно представить себе это издевательское и несправедливое распределение средств.

Значительная часть кредитов на народное образование поступает в распоряжение религиозных миссий, которые имеют все возможности урезывать в своих интересах и без того скудные ассигнования. Кроме того, миссионеры, владеющие обширными плантациями, скотоводческими фермами и разнообразными предприятиями, часто вынуждают учащихся и их семьи дополнительно оплачивать обучение, выполняя определенные работы или поставляя сельскохозяйственные продукты и сырье.

Все дети европейцев, проживающие в Конго, учатся в школе, где получают полноценное образование. В ином положении дети африканцев. Из четырех детей школьного возраста только один имеет возможность посещать школу, причем подавляющее большинство учащихся приходит-

²³ «Communisme», ноябрь 1952, № 3, стр. 40.

²⁴ Там же, стр. 43.

ся на двухгодичные начальные школы. Небольшая часть их заканчивает шестиклассную неполную среднюю школу, и лишь единицам удается получить образование в объеме полной средней школы. Конголезские женщины почти полностью лишены возможности приобщиться к образованию: среди общего числа детей, посещающих начальную школу девочек всего лишь около 4%.

В начальных классах преподавание сводится к самому примитивному «приобщению» к религии, имеющему целью увеличить число «верующих» и усилить власть церкви. Уровень подготовки преподавателей, как правило, чрезвычайно низкий. Проповедники и пасторы имеют право преподавания независимо от наличия у них соответствующего образования. Для преподавания в школах профессионального обучения требуется лишь владение необходимыми навыками. Во многих сельских школах работают люди, не имеющие дипломов, но признанные «пригодными» для этой деятельности. На всю страну имеется лишь два десятка школьных инспекторов, которые совершенно не в состоянии справиться с возложенной на них задачей систематического наблюдения за школами. Это мешает их перегруженность административной работой, огромные расстояния и т. д.

Школы обычно ютятся в совершенно не приспособленных для учебных занятий помещениях. Большинство из них находится в жалких хижинах с отверстиями вместо дверей и окон, нередко в сараях или под навесами. Лиственная крыша не спасает от ветра и дождя. Школьники сидят на листьях, заменяющих скамьи. Пишут они обычно на классных и грифельных досках. Тетради, ручки и карандаши им почти не ведомы. Школьный инвентарь практически отсутствует.

Согласно официальным программам, учащийся по выходе из начальной школы должен уметь считать, читать и писать на местном языке. Совершенно недостаточная подготовленность преподавательского состава и отсутствие учебных пособий превращают обучение в видимость. Часто преподавание ведется на языке, не знакомом большинству учеников. От всего обучения в их памяти остается набор примитивных сведений и несколько выдержек из катехизиса или священного писания, зубрежка которых уделяется наибольшее внимание. Особенно большое значение придается в школьных программах так называемому гражданскому воспитанию, т. е. культивированию в учениках рабской покорности перед европейскими колонизаторами. «Преподаватель,— говорится в программе,— должен делать упор на следующие моменты: социальная полезность обязательств, возлагаемых на туземца; причины, обязывающие уважать установленную власть; материальные и моральные преимущества, связанные с уважением законов; справедливость наказаний».

Покинув школу, молодые африканцы быстро утрачивают убогий запас полученных «знаний». Большинству из них никогда не приходится видеть газет, журналов и книг, поскольку ни администрация, ни миссионеры, ни предприниматели не заинтересованы в их распространении. На огромной территории Конго для африканцев насчитывается всего около двух сотен библиотек, общий фонд которых составляет не более 90 тыс. книг, а численность абонентов — 6 тыс. чел. К услугам же европейцев в колонии три десятка библиотек с фондом 190 тыс. книг и числом читателей в 4 тыс. человек. Если для европейцев в Конго издается 76 газет и журналов, то для африканцев — 63, из которых около трети на французском языке, остальные на местных языках²⁵.

В 1957/58 г. из 1375 тыс. учащихся 1338 тыс. (более 97%) приходилось на начальные школы и лишь 10,8 тыс. — на средние. Основное внимание в средних школах уделяется преподаванию «закона божьего» и латыни. По математике и естественным наукам, на которые отводятся

²⁵ «Zaïre», 1954, № 9, стр. 927.

небольшая часть учебных часов, даются жалкие крохи знаний. Программа по истории ограничивается в основном древним миром, жизнью Христа, историей церкви, крестовых походов, религиозных орденов и т. п.

Техническое и профессиональное образование получило в Конго ничтожное развитие, соответствующее минимальным потребностям частнокапиталистических компаний в квалифицированной рабочей силе. В 1957 г. в технических и сельскохозяйственных школах обучалось всего около 20 тыс. чел.²⁶ Крупные промышленные компании имеют собственные общеобразовательные и технические школы, в которых готовят кадры для своих предприятий. В школах компаний, как правило, преподавание носит более прикладной характер и стоит на более высоком уровне, чем в миссионерских школах, расположенных большей частью в сельскохозяйственных районах.

До последнего времени в Конго не было ни одного местного жителя с высшим образованием. В 1954 г. открылся католический университет «Лованиум» в Леопольдвиле, в 1956 г. — государственный университет Бельгийского Конго и Руанда-Урунди в Элизабетвиле. В 1957/58 учебном году в университете Леопольдвилля обучалось 169 студентов, в том числе 111 африканцев, в университете Элизабетвилля — 117 студентов, из которых только 15 африканцев²⁷.

Плачевное состояние системы народного образования — один из закономерных итогов многолетнего господства бельгийских колонизаторов. В условиях колониального режима невозможно приобщение широких масс угнетенного населения к современной культуре. Справедливость такого вывода подтверждается следующей установкой официальной учебной программы для Конго: «Лучше согласиться на ограничение числа будущих избранников общества, чем дать возможность большому количеству молодых людей получить диплом, которым они не сумеют воспользоваться и превратятся из-за этого в деклассированных и недовольных людей»²⁸. Колонизаторы, лицемерно выдающие себя за «просветителей», стараются всеми средствами заглушить в народе интерес к современным событиям, помешать развитию в нем национального самосознания, подорвать стремление к борьбе за свои элементарные права. Только в условиях подлинной независимости просвещение и культура могут стать могущественными средствами материального и духовного подъема африканских народов.

Другим пагубным итогом колониального режима является катастрофическое состояние здоровья коренных жителей Конго. Хроническое недоедание, пониженная сопротивляемость организма и отсутствие эффективной медицинской помощи способствовали широкому распространению тяжелых заболеваний и огромной смертности местного населения. Колонизация, вызвавшая массовые перемещения людей, привела к повсеместному распространению таких тяжелых эндемических заболеваний, как малярия, сонная болезнь и др. Кроме того, колонизаторы занесли в Центральную Африку ряд болезней, которые до их прихода были здесь совершенно не известны. Среди этих болезней, которые вызвали колоссальные опустошения коренного населения, особенно пагубны венерические заболевания и туберкулез.

Венерическими болезнями, которые «значительно прогрессируют в Конго из года в год»²⁹, страдает в некоторых провинциях 70—80% населения, в том числе дети. Миссионер Ван Винг сообщает о посещении им школ, в которых 60% учеников были заражены венерическими болез-

²⁶ «Bulletin mensuel de la Banque du Congo Belge», Bruxelles, сентябрь 1958 г., стр. 253.

²⁷ «Zaire», 1958, № 2, стр. 140.

²⁸ «Communisme», ноябрь 1952, № 3, стр. 48.

²⁹ A. Doucy, P. Feldheim, Travailleurs indigènes et productivité du travail au Congo Belge, Bruxelles, 1958, стр. 107.

ниями. Туберкулез стал подлинным бичом африканских трудящихся. Даже среди тех туберкулезных больных, которым оказывается медицинская помощь, смертность превышает 20%. В отдельных районах свирепствует проказа, которой страдает 5—10% всего населения. Бич многих районов — малярия поражает местами от 60 до 90% жителей, 85% детей до трех лет больны малярией. Африканское население страдает также от разнообразных болезней, вызываемых недоеданием и авитаминозом, особенно от пеллагры. Большие опустошения среди людей причиняют многочисленные желудочно-кишечные заболевания, в частности дизентерия. Особенно катастрофическая смертность отмечается среди детей. Главная причина заболеваний и смертности детей — недостаточное и неполноценное питание. Среди многих групп коренного населения смертность намного превышает рождаемость: до 40% детей погибает в грудном возрасте и свыше 60% в возрасте до 15 лет. На пути к вымиранию находится двухмиллионная этническая группа монго в Экваториальной провинции и много других племен и групп в различных районах страны.

Медицинское обслуживание в Конго ничтожно по сравнению с потребностями. За несколько десятилетий колониального господства Бельгии в Конго из среды африканцев не вышло ни одного врача, хотя в стране ощущается особенно острая нехватка квалифицированных медицинских кадров. По официальным данным, на одного врача в Конго приходится в среднем свыше 20 тыс. жителей, тогда как во всей Африке на врача приходится 9 тыс. жителей, в Юго-Восточной Азии — 6,5 тыс., в Латинской Америке — 2,5 тыс., в Европе и Северной Америке — около 900 жителей³⁰. В действительности на одного врача в колонии приходится гораздо больше коренных жителей, так как многие врачи заняты обслуживанием европейского населения и одна шестая часть их постоянно находится в отпуске в Европе.

По свидетельству А. Дуси и П. Фельдгейма, «целые территории остаются без врача, без достаточного санитарного персонала; в районе Н'Гир площадью свыше 17 тыс. км², населенном 45 тыс. туземцев, имеется всего два диспансера — в Бомонго и в Новом Антверпене, каждый из которых управляется санитаром, а также маленькая передвижная больница в Бомбома, обслуживаемая теоретически одним врачом... Район пустеет: многие туземцы умирают из-за отсутствия самого элементарного ухода, детская смертность и преждевременные роды достигают катастрофических размеров... Мы уже не говорим о территориях на северо-востоке Восточной провинции и о некоторых районах в провинции Киву, где положение аналогичное...»³¹.

Медицинские учреждения, обслуживающие коренных жителей, ютясь в непригодных помещениях, испытывают недостаток в самом элементарном оборудовании и медикаментах. На нужды здравоохранения выделяются ничтожные средства, которые крайне несправедливо распределяются между африканским населением и европейским меньшинством. Достаточно сказать, что по 10-летней программе «экономического и социального развития» на строительство новых и оборудование старых больниц выделено для европейцев 121 млн франков, для африканцев 98 млн франков³².

В условиях колониального режима немыслимо коренное улучшение положения в области здравоохранения. В лучшем случае колонизаторы способны провести лишь частичные мероприятия, чтобы предотвратить сокращение необходимой им рабочей силы или ввести в заблуждение демократическую общественность. Только добившись независимости, а

³⁰ «Rapport sur la situation sociale dans le monde», О. Н. У., New York, 1957, стр. 4.

³¹ А. Doucy, P. Feldheim, Указ. раб., стр. 109—110.

³² «Communisme», сентябрь 1951 г., № 8, стр. 55.

риканский народ сможет улучшить свое материальное положение и развернуть широкое наступление на смертоносные болезни. Поэтому борьба за национальное освобождение является одновременно борьбой за возрождение, за жизнь и здоровье многомиллионного коренного населения страны.

Беспросветно тяжелое, бедственное положение коренных жителей Конго в результате нескольких десятилетий господства иностранных империалистов убедительно свидетельствует, что в условиях колониального режима африканское население не может надеяться на существенное улучшение своей участи. Эту истину начинают отчетливо сознавать широкие массы народа Конго, которые все активнее поднимаются на борьбу за свои попранные человеческие права, за лучшую жизнь, за национальную независимость.

* * *

В Бельгийском Конго усиливается протест народных масс против ненавистного колониального режима, стремление как можно скорее обрести независимость. Подъем национально-освободительного движения в Конго выражается в многочисленных боевых выступлениях трудящихся в защиту своих прав, а также в создании политических организаций и профсоюзов, развернувших борьбу за улучшение экономического положения конголезских трудящихся, за демократизацию системы управления и за достижение национальной независимости. Усиливающаяся оппозиция колониальным порядкам внутри страны сливается с широкой кампанией мировой демократической общественности за полную ликвидацию колониализма. Империалисты, которые ставят превыше всего свои прибыли и привилегии, отказываются удовлетворить законные требования народных масс Конго и используют все средства, чтобы продлить, насколько возможно, существование колониального режима. Чувствуя растущую угрозу своим позициям в Конго, колонизаторы не останавливаются ни перед какой провокацией с целью расколоть и обезглавить национально-освободительное движение, подавить протест африканского населения.

К началу 1959 г. в результате провокационной политики бельгийских колонизаторов, а также под влиянием экономического кризиса, вызвавшего резкое ухудшение и без того невыносимо тяжелых условий жизни коренного населения, в Конго сложилась крайне напряженная обстановка. Достаточно было искры, чтобы вызвать взрыв. Такой искрой послужила провокация полиции, открывшей огонь по участникам мирной демонстрации в Леопольдвиле. Годами копившееся возмущение африканцев прорвалось наружу: улицы Леопольдвилля заполнили негодующие жители «туземного города», который колонизаторы с давних пор считают «пороховым погребом». Произошли столкновения с полицией и войсками. При помощи современного оружия каратели зверски расправились с народом. В результате кровавых событий в Леопольдвиле и ряде других пунктов Конго ранено, искалечено и убито много африканцев, нанесен большой материальный ущерб, тюрьмы заполнены арестованными. Колонизаторы использовали эти события для развертывания жестоких репрессий по всей стране, запрета и преследований ведущих организаций национально-освободительного движения, ареста их лидеров и активистов. Одновременно колонизаторы предприняли ряд маневров, направленных на раскол и ослабление сил национально-освободительного движения.

13 января в обстановке разгула колониальных репрессий была обнародована декларация бельгийского правительства о Конго, в которой излагалась программа половинчатых и ограниченных реформ. Народу Конго в результате длительной и напряженной борьбы удалось вырвать у своих

угнетателей обещание провести всеобщие выборы в местные органы власти, демократизировать систему управления, предоставить африканскому населению демократические свободы, улучшить условия его жизни, полностью ликвидировать расовую дискриминацию, а также предоставить Конго независимость. Совершенно очевидно стремление колонизаторов использовать декларацию 13 января, чтобы ослабить национально-освободительное движение и отвлечь народные массы от борьбы за свои права. Весьма характерно, что в декларации даже не установлен срок предоставления Конго независимости. Ультра-колониалисты, хозяйничающие в Конго, не скрывают намерения свести на нет обещанные реформы и любой ценой сохранить свое господство.

Наступление реакции в Конго натолкнулось на непоколебимую решимость народных масс добиться осуществления своих справедливых требований. С другой стороны, преступления бельгийских колонизаторов в Конго вызвали негодование демократической общественности во всем мире. Мощное движение в поддержку борющегося народа Конго развернулось во многих странах, в том числе и метрополии, где его возглавила коммунистическая партия Бельгии. Солидарность трудящихся различных стран оказала в этот трудный период большую моральную поддержку народу Конго. Планы колонизаторов изолировать национально-освободительное движение в Конго и задушить его потерпели неудачу. На террор и провокации конголезский народ ответил сплочением своих сил.

Большим событием в политической жизни Конго явился конгресс африканских партий и организаций, состоявшийся в апреле 1959 г. в Лулуабурге. Конгресс принял резолюции с требованиями формирования конголезского правительства в начале 1961 г., немедленного привлечения африканцев к делам управления, создания условий для свободной деятельности конголезских партий и организаций по всей стране. В специальной резолюции подтверждается принцип единства народов Конго и выносятся решение о срочном создании лингвистической комиссии, имеющей целью заложить основы единого конголезского языка³³.

Кровавые события в январе 1959 г. в Конго — показатель кризиса колониальной системы бельгийского империализма. Совершенно ясно, что варварства колонизаторов не в состоянии сломить народ, поднявшийся на борьбу за свои законные права. Террористическая политика империалистов Бельгии не только не устраняет причин, способствующих развитию национально-освободительного движения, но создает предпосылки для нового, еще более мощного подъема народной борьбы. Народ Конго полон решимости добиться независимости и стать хозяином своей страны.

---

³³ «Marchés tropicaux et méditerranéens», Paris, 18 апреля 1959, № 701, стр. 1068.

С О О Б Щ Е Н И Я

Ю. В. СТЕБЛЮК

ИСМАМУТ-АТА

(К типологии погребальных сооружений у народов Средней Азии)

В мае 1958 г. Узбекский этнографический отряд Хорезмской археолого-этнографической экспедиции проводил маршрутные исследования в Хорезмской области УзССР и прилегающих к ней районах Туркмении, собирая материалы для Историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана по разделу «Погребальные обычаи и погребальные сооружения».

Проводя исследования, отряд посетил комплекс культовых сооружений, именуемый местным населением Исмамут-ата. Он находится в Тахтинском районе Ташаузской области, в 12 км южнее Тахта, на самой границе песков Кара-Кум. Вследствие расположения его вдали от основных дорог, на самой окраине культурной зоны, памятник оставался не отраженным в архитектурно-исторической литературе¹. Между тем комплекс Исмамут-ата весьма своеобразен, а некоторые его сооружения принадлежат к редко встречающимся в зодчестве Средней Азии архитектурным типам.

Ввиду ограниченного срока пребывания отряда в Исмамут-ата не удалось произвести детального архитектурного исследования; была проведена лишь первичная фиксация ансамбля и собраны относящиеся к нему легенды².

Религиозное значение памятника было очень велико: он известен далеко за пределами области. Даже в наше время на поклонение «святому» месту прибывают паломники со всего Хорезма. Узбеки, туркмены, казахи привозят умерших из очень отдаленных районов для захоронения на кладбище, окружающем мазар.

По рассказам шейхов, особенно большое число верующих прибывает в дни мусульманских праздников; это подтверждают многочисленные следы очагов в саду, находящемся метрах в 200 от мазара, где приезжающие обычно останавливаются и где находится летняя мечеть.

С памятником Исмамут-ата связан ряд легенд, бытующих у местного населения, которые наделяют святого, якобы здесь захороненного, большой исцеляющей силой, что усиленно пропагандируется живущими при мазаре шейхами.

Комплекс Исмамут-ата заинтересовывает прежде всего своим своеобразным силуэтом, создаваемым рядом последовательно стоящих семи небольших куполов и возвышающимися над ними куполами мечети и

¹ Об Исмамут-ата упоминает Я. Г. Гулямов, ссылаясь на сведения, имеющиеся у Абульгази и позднейших авторов. См. Я. Г. Гулямов, История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней, Ташкент, 1957.

² Легенды записаны Г. П. Снесаревым, которому выражаю благодарность за предоставление мне этого материала и помощь в работе над данной статьей.

мазара. Но особенно интересен план комплекса в целом (рис. 1, а, б). Существующий комплекс расположен на старом средневековом городище, по легендам именуемом Ишрат-калой, и занимает центральную возвышенную его часть, где прежде находился арк. Общие контуры городища, вследствие сильного разрушения верхнего слоя (территория городища несколько раз подвергалась затоплению сбросовыми водами установить не удалось, но местные жители, которые помнят их (информаторы — старики Нерат-Супы и Яхшигельды Муратов) указывают отдельные следы стен городища, останцы которых исчезли совсем недавно. С именем «святого» легенды связывают проведение оросительного

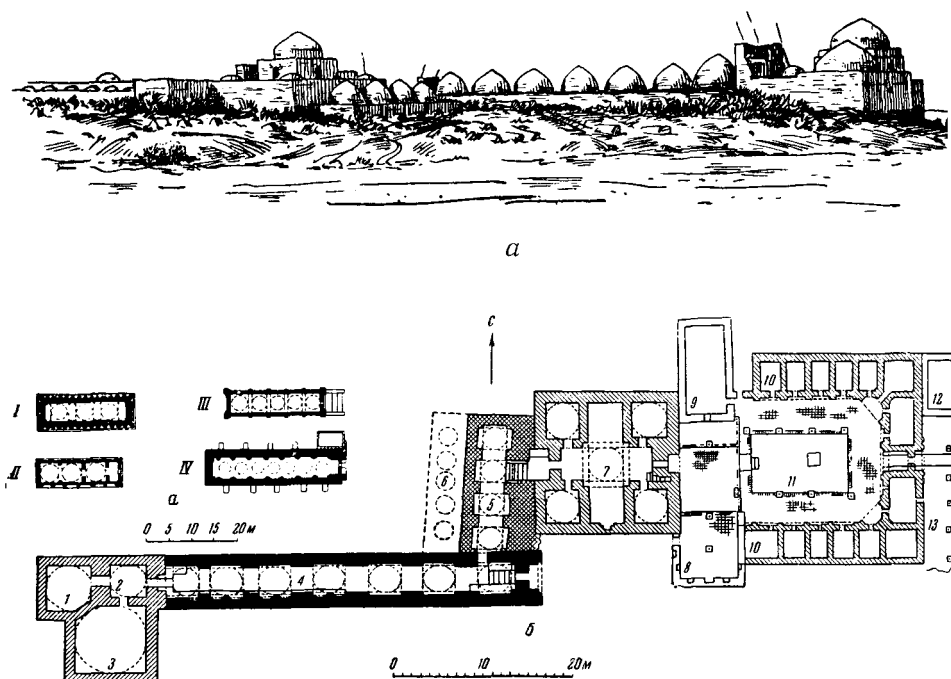

Рис. 1. Ансамбль Исмаут-ата: а — общий вид с северо-западной стороны; б — генеральный план (обмер автора): 1 — мазар «святого» Исмыа; 2 — тилау-хана; 3 — корихана; 4 — даш-куча; 5 — коридор; 6 — захоронения хивинского духовенства; 7 — мечеть; 8 — летняя мечеть; 9 — ош-хана; 10 — ханака; 11 — внутренний двор ханаки с айванами; 12 — дом шейха; 13 — внешний айван

В верхнем левом углу чертежа приведены аналогии с семикупольным сооружением Исмаут-ата: I — гофрированное здание в Шахриар-арке древнего Мерва XI—XII вв. (по обмерам Г. А. Пугаченковой); II — мавзолей Ходжа-Иса XI—XII вв. (по обмерам В. Л. Ворониной); III — мавзолей Ходжа-Данияра XIX в. (по обмерам В. Быкова и Ю. Яралова); IV — мазар Шамун-Наби XVII—XVIII вв. (по обмерам Ю. В. Кнорозова)

канала — мотив, характерный для агиологии Хорезма, в который многие «святые» выступают в качестве создателей и покровителей оросительной сети.

По легендарным данным, правителем города был Султан-Махмуд, живший якобы во время Мохаммеда и исламизации Хорезма. Как повествует легенда, святой Исым, сын арабского полководца Мусаиба Сахаба, был прислан из Аравии для обращения огнепоклонников Хорезма в ислам. Он посетил Ишрат-калу, и Султан-Махмуд добровольно принял новую религию. Исым остался в этом городе, где он жил, умер и был похоронен Султан-Махмудом «с большим золотом, а тело его

было зашито в бычью кожу». Легенда, видимо, сохранила воспоминание о каких-то древних, домусульманских элементах погребального ритуала. Существующая гробница в мазаре является якобы гробницей святого Исыма. Информаторы показывают также место, где был похоронен Султан-Махмуд, но самого строения уже не сохранилось.

Из соединения имен Исыма и Махмуда образовалось название Исмамут-ата, которое и носит существующий комплекс культовых сооружений.

В полукилометре от святилища есть место, где якобы Хазрат-Али (четвертый мусульманский халиф, излюбленный персонаж многих хорезмских легенд и преданий) остановился и привязал к дереву своего коня. Этот «кадам-джой» (буквально «место, куда ступала нога») обладает, по словам шейхов, силой исцеления, и местные жители издавна пригоняют сюда заболевший скот, который и обводят вокруг кадам-джоя.

Интересно, что мазар Шамун-Наби, расположенный на кладбище Мазлум-хан в Ходжейлинском районе Кара-Калпакской АССР, архитектура которого аналогична средней части мазара Исмамут-ата, о чем будет сказано ниже, также наделяется подобными свойствами и используется для магического «лечения» заболевшего скота. Чудесные свойства мазара Исмамут-ата, как гласит легенда, проявились в период монгольского нашествия. Воины Чингиса не смогли взять святыни и, поссорившись между собой, перебили друг друга. Шейхи указывают место, где это произошло, именуемое Калмук-крылган. Легенды уводят возникновение существующего памятника в далекое прошлое, что характерно для мусульманской традиции, но не подтверждается его архитектурно-историческим анализом. Городище, на месте которого расположен комплекс Исмамут-ата, датируется по подъемному материалу X—XI вв.³, существующий же комплекс создан значительно позднее.

Сложная планировка комплекса Исмамут-ата, все сооружения которого возведены из жженого кирпича, создавалась последовательным строительством отдельных его частей с последующим функциональным их объединением. В основном весь комплекс делится на три группы:

1) непосредственно мазар с примыкающими к нему тилау-ханой (помещение перед гробницей, где паломники обращаются с просьбами к «святому») и кори-ханой (помещение для чтения корана), объединенные в одно здание, но построенные не одновременно;

2) зимняя мечеть, летняя мечеть и ханака (помещение для паломников);

3) соединяющие две предыдущие группы коридоры («даш-куча», буквально «каменная улица»).

Наиболее интересной, с точки зрения архитектурного решения, является последняя группа.

Комплекс Исмамут-ата, помимо сложности планировки, интересен тем, что различные группы сооружений находятся на разных уровнях. Значительное заглубление средней части (даш-куча) по отношению к первой и второй группам позволяет предполагать, что это наиболее ранняя часть комплекса. Даш-куча представляет собой вытянутое в плане прямоугольное помещение шириной в 3 м, перекрытое семью последовательно поставленными куполами. Длина существующего помещения достигает 39 м. Габариты сооружения по внешнему периметру, включая пештак (портал), — 6×42 м.

Позднейшие наслоения (памятник находится на функционирующем до настоящего времени кладбище) скрыли внешние стены даш-куча, так что на поверхности остались небольшая кромка внешних стен и стройный ряд одинаковых по начертанию и размерам куполов. Только самый крайний с запада купол несколько больше.

³ Датировка по керамическому материалу производилась Н. Н. Вактурской.

Внутреннее пространство членится выступающими на 2—2,5 кирпича широкими пилонами, ширина которых варьирует от 2,5 до 1,5 м. Сокращение ширины пилонов от входа к концу помещения дает усиление перспективного эффекта длины внутреннего пространства. Каждый пилон переходит в подпружные арки, на которые опирается купольная конструкция.

Немного выше пят подпружных арок начинаются паруса, нижнюю часть которых занимают три ряда сталактитов. Сталактиты не являются основной конструкцией перехода к куполу, а носят больше декоративный характер (рис. 2).

Рис. 2. Исмамут-ата. Внутренний вид даш-куча

Освещение обеспечивают небольшие окна, расположенные над парусами. На стенах и куполах сохранились остатки штукатурки. Наличие на внутренней поверхности южной стены семи небольших ниш, расположенных в первых четырех пролетах и имеющих декоративное значение (причем первая ниша наполовину перекрывается пилоном), отсутствие аналогичных ниш на северной стене, а также в трех других пролетах, наводят на мысль, что строители использовали более раннюю сохранившуюся стену. Пештак не является доминирующим в этом памятнике; он имеет приземистые пропорции (даже если принять во внимание, что верхняя его часть сильно разрушена) и низкий дверной проем, за которым сле-

дует ведущая вниз лестница из пяти высоких ступеней (рис. 3). Но учитывая повышение наружного уровня, можно предположить позднейшее происхождение этой лестницы и изменение пропорций пештака. Первоначальный вид даш-куча был, несомненно, схож с мазаром Шамун-Наби.

В архитектуре Средней Азии известно несколько памятников, построенных по принципу даш-куча. Один из ранних памятников, где этот принцип только зарождался, — это мавзолей Ходжа-Иса, имеющий три последовательно поставленных купола и одну поперечную стену, деля-

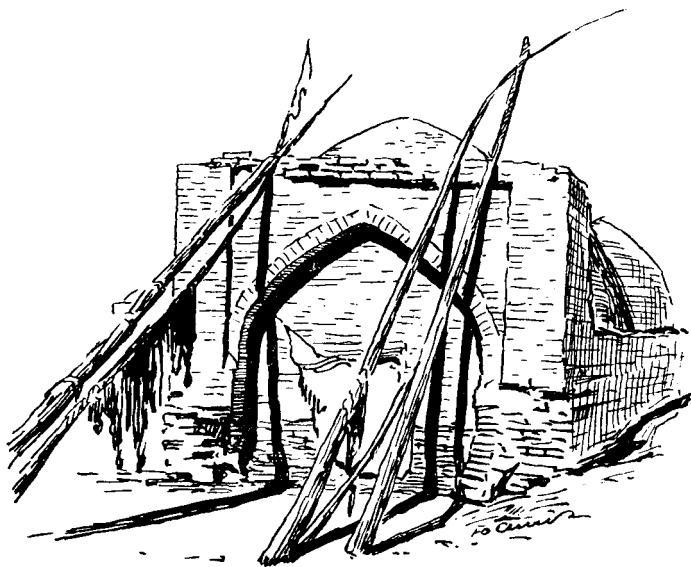

Рис. 3. Исмамут-ата. Пештак даш-куча

щую внутреннее пространство на два различных по назначению помещения. Датируется сооружение XI—XII вв.⁴ Неизвестного назначения гофрированное здание XI—XII вв. в Шахриар-Арке (древний Мерв) имеет трехчастное деление. Не сохранившееся перекрытие осуществлялось либо коробовыми сводами, либо куполами⁵. Подобный прием в позднейшее время был очень распространен в Мерве. Например, несколько севернее Султан-калы, на туркменском кладбище, расположен продолговатый мавзолей Чор-гумбаз (четыре купола), расчлененный арками на четыре части, каждая из которых перекрыта куполом⁶. Дальнейшее развитие этого принципа получило свое отражение в памятниках Шамун-Наби и Исмамут-ата. Это очень схожие по архитектуре семикупольные мазары, в которых анфиладный принцип доведен до предела. Ю. В. Кнорозов датирует памятник Шамун-Наби концом XVII — началом XVIII в.⁷

Более поздний известный нам памятник XIX в. — самаркандский мазар Ходжа-Данияра, имеющий пять куполов⁸. Внутреннее пространство его на три пролета из пяти занято гробницей. Подобная же ги-

⁴ См. В. Л. Воронина, Неизвестные памятники Средней Азии. Мавзолей Ходжа-Иса, «Материалы по истории и теории архитектуры Узбекистана», вып. I, М., 1950.

⁵ См. Г. А. Пугаченкова, Пути развития архитектуры южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма, М., 1958, стр. 216—218.

⁶ См. В. И. Пилявский, Сырцовые сооружения древнего Мерва, «Новые исследования по истории архитектуры народов СССР», М., 1947, стр. 49—50.

⁷ См. Ю. В. Кнорозов, Мазар Шамун-Наби, «Сов. этнография», 1949, № 2.

⁸ См. В. Быков, Ю. Яралов, Ансамбли Самарканда — Ходжа Абди-Дарун и Ходжа-Данияр, «Архитектура СССР», 1944, № 6.

гантская 27-метровая гробница находится в мазаре Шамун-Наби. Наличие этой гробницы сохранило основной объем памятника в неприкосновенности с точки зрения дальнейших пристроек и перестроек.

Отсутствие или разрушение подобной могилы «святого» в даш-куча ансамбля Исмамут-ата, а также своеобразный облик даш-куча, не характерный для мазаров, привели к тому, что это сооружение потеряло самостоятельное значение и было переоборудовано в проходной коридор перед стоящим рядом мазаром, выстроенным несколько позднее, о чем свидетельствует разница в уровнях полов мазара и коридора. Возможно, что торцовая стена, подобная стене Шамун-Наби, была разобрана или разрушена временем и был выстроен последний, седьмой, пролет. Купол этого пролета несколько отличается от остальных.

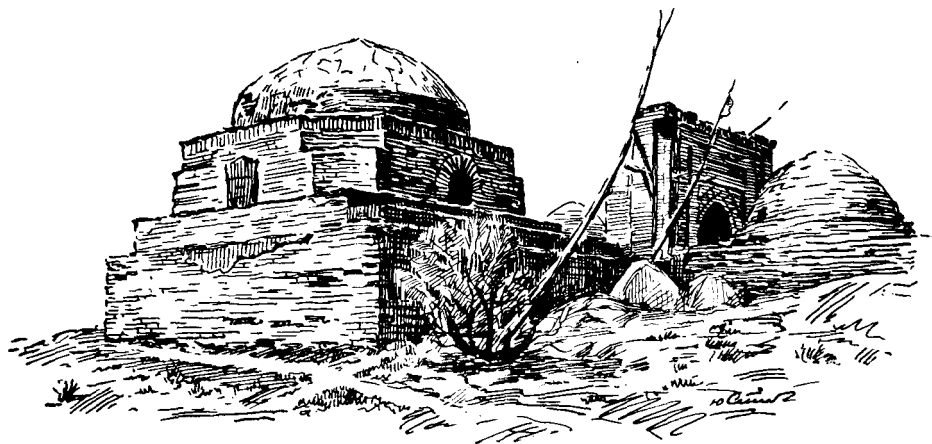

Рис. 4. Исмамут-ата. Слева — кори-хана, справа — пештак мазара с примыкающим к нему семикупольным сооружением

Отдаление входа в мазар посредством включения длинного коридора в композицию оказывало эмоциональное воздействие на сознание верующих. Сам мазар в дальнейшем был, вероятно, несколько видоизменен пристройкой к нему большого объема кори-ханы с куполом, доминирующим над всем ансамблем (рис. 4). Вход в тилау-хану оформлен хорошо сохранившимся высоким пештаком, к которому и пристроен седьмой пролет. Существующая связь между мазаром и даш-куча конструктивно нелогична, что еще раз доказывает одновременность возведения мазара и семикупольного сооружения.

Обстоятельства не позволили осмотреть интерьер мазара, и внутренняя планировка нанесена схематично, как производное от внешнего объема и по описанию шейхов. Внутри мазара находится гробница, покрытая кабыр-пушем (покрывало). Там же с потолка свешивается цепь с кольцом, как говорят информаторы, скопированная с имеющейся цепи «халкан занджир» в Каабе (Мекка). Паломники, по установившемуся ритуалу, касаются кольца рукой.

Большое число паломников, привлекаемое в прошлом могилой «святого», привело к возведению большой зимней мечети, летней мечети и ханаки. В этой группе сооружений привлекает прежде всего внимание симметричность и парадность композиции. Пристроенные в самое позднее время к восточной наружной стене ханаки здание дома шейхов и айван нарушили строгость и парадность центрального входа. Вход акцентирован невысоким пештаком на фоне гладкой стены. Усиливает значение входа сферический купол над небольшим проходным коридором.

(2×3 м), по сторонам которого расположены высокие суфы. Через коридор попадают во внутренний двор ханаки. Здание ханаки состоит из 14 худжр (комнат для паломников). Стены расчленены пилястрами, соединяющимися сверху с фризом, так что образуется прямоугольная рамка. В рамку вписана неглубокая ниша со стрельчатым завершением (рис. 5). В центре ниши — прямоугольный дверной проем, над которым располагается световое отверстие также стрельчатого очертания, заполненное решеткой геометрического рисунка. Ближе к полу, на уровне одного метра пилястры получают расширение, равное расстоянию между соседними нишами. Этот же прием уширения пилястры мы видим и на пештаках семикупольного сооружения и мазара, а также в интерьере даш-куча. Стены ханаки оштукатурены. Все дверные проемы обращены в

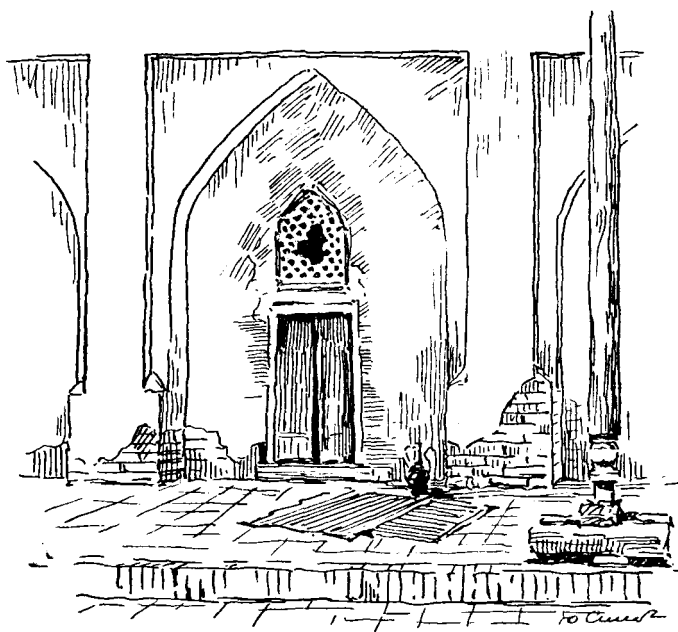

Рис. 5. Исмамут-ата. Ханака. Вход в одну из худжр

сторону двора, исключение составляет одна комната, имеющая второй выход на внешний айван, но по отдельным элементам видно, что этот выход сделан позднее. Худжры перекрыты куполами. По боковым сторонам двора сооружены айваны на восьми деревянных колоннах; некоторые из них имеют грубоватую резьбу. Колонны слабо утолщаются книзу и опираются на деревянные базы в виде коротких брусков. Расположены они по краю суф, обходящих двор со всех четырех сторон. Суфы выложены жженным кирпичом, так же как и весь двор. Почти в центре двора находится квадратное (1,4×1,4 м) углубление с внутренним водостоком (ташной), имеющим ритуальное значение. Здесь паломники совершают омовение.

Северо-западный угол двора занимает ош-хана (кухня), юго-западный — летняя мечеть типа айвана (рис. 6). Последняя, по словам шейхов, выстроена недавно, но сделана с большой любовью и мастерством. Стены мечети оштукатурены и побелены. Штукатурка не доходит до пола, а оставляет открытыми два немного выступающих ряда кирпичей: в нижнем ряду они поставлены на ребро, в верхнем, перекрывая нижние, уложены плашмя, так что получается своеобразный плинтус.

В стенах мечети находятся небольшие, не доходящие до пола ниши с полуциркульным завершением. Исключение составляет михраб с очень

слабо выраженной стрельчатостью, который доходит до пола. Дверной проем в западной стене прямоугольный. Насыщенное резьбой перекрытие мечети покоится на стенах и двух колоннах, украшенных тщательно проработанной резьбой. Резные подбалки поддерживают прогоны, также украшенные резьбой. На прогон, поддерживаемый ближайшей к михраб

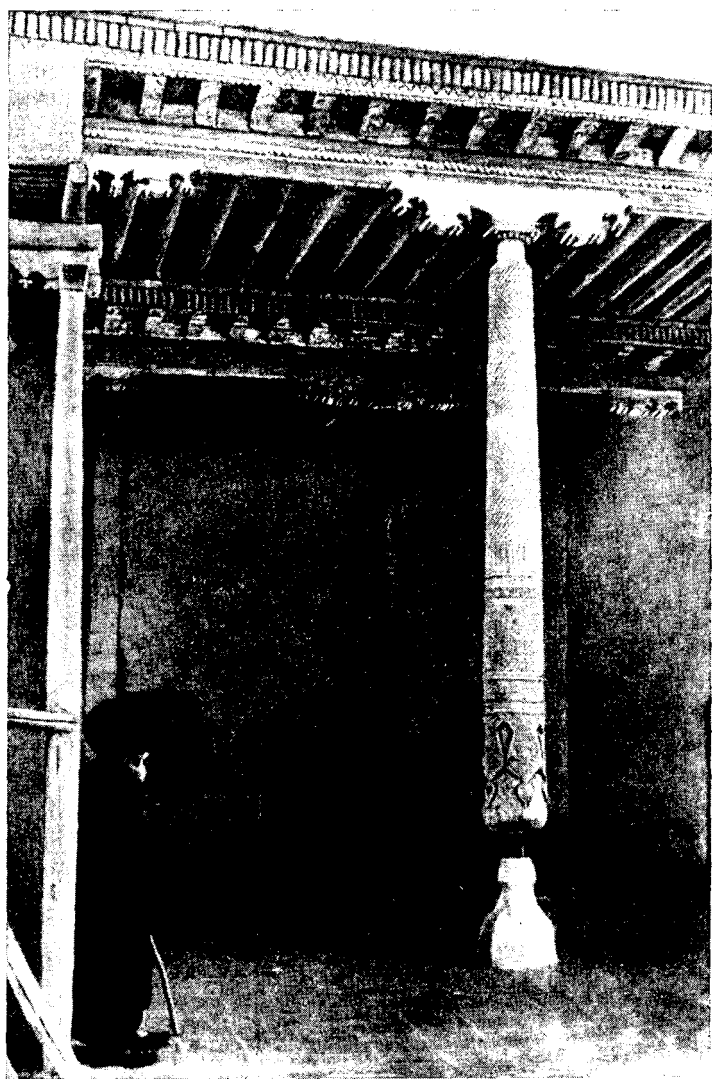

Рис. 6. Исмамут-ата. Летняя мечеть

колонной, опираются небольшие балки с резными консолями, перекинутые со стены на прогон (см. рис. 6). На них уложены два ряда кирпичей, аналогичных плинтусу. На это завершение опираются балки, перекрывающие пространство от первой колонны до второй; конструкция завершения над вторым прогоном абсолютно сходна с завершением над первым.

Летняя мечеть отделена от внутреннего двора деревянной решеткой. С западной стороны двор замыкается пештаком зимней мечети, которая представляет собой центричное здание, квадратное в плане (16×16 м) и увенчанное куполом стрельчатого очертания. Мечеть имеет крестооб-

разную внутреннюю планировку. Угловые помещения перекрыты куполами, которые снаружи выражены очень незначительно, так что мечеть воспринимается как однокупольное сооружение. Центральная часть мечети значительно возвышается над основным объемом за счет возведения стен на подпружных арках. Перпендикулярно примыкающие друг к другу соседние подпружные арки у опор пересекаются между собой, что является очень редким и своеобразным архитектурным решением. Ширина и высота этих арок больше, чем у сводов, примыкающих к центральной части здания; благодаря этому значение центральной части мечети еще больше усиливается. Над арками расположены оконные проемы — единственные источники освещения. На торцовой стене южного нефа находится михраб.

Центричность мечети несколько нарушается пештаком, который своими размерами не соперничает с массивом купола. В плане неф широтного направления значительно короче, что вызвано перемещением торцевых стен к центру. На восточной стороне это перемещение обусловлено наличием углубленной входной арки и устройством лестницы для выхода на крышу мечети. Положение западной торцовой стены указывает на то, что мечеть сразу была задумана как проходное помещение, иначе эта стена должна была бы быть аналогична северной.

Паломники, проходя через мечеть, выходили на открытое пространство на открытое пространство нарушал последовательно нараставшее эмоциональное напряжение, что привело к мысли соединить мечеть с ством и через основной вход попадали в коридор, ведущий к мазару. Выдаш-куча другим коридором, конструктивно схожим с первым. Коридор перекрыт четырьмя последовательно поставленными куполами меньшего размера, чем у даш-куча. В западной стене находится пять небольших замурованных лазов, ведущих в пристроенные к внешней стене этого коридора погребальные камеры, перекрытые в свою очередь небольшими куполами, почти совершенно скрывшимися под землей. По словам шейхов, здесь захоронены хивинские духовные лица, ахуны и мутавалли. Коридор соединяется с мечетью довольно крутой лестницей.

В семикупольном сооружении у входа и перед дверью в тилау-хану также находятся четыре захоронения.

Комплекс Исмамут-ата имеет архитектурно-историческую ценность как памятник, в котором до конца доведено стремление к последовательному нарастанию эмоционального воздействия на посетителей-паломников. Достигается это путем построения композиции ансамбля на последовательной смене одного помещения другим и направлением движения паломников к цели посещения — гробнице «святого».

Точная датировка памятника, а также периодизация этапов строительства возможны лишь при более детальном его изучении. По архитектурному облику, кладке и аналогии с другими памятниками можно ориентировочно датировать его XVI—XVII веком. Дальнейшие обмеры, фотографирование фасадов и интерьеров, уяснение конструкций и материалов, а также археологические исследования позволят в будущем создать более фундаментальную публикацию интересного памятника среднеазиатского зодчества — Исмамут-ата.

М. Г. ЛЕВИН

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ГРУППАМ КРОВИ У ЭСКИМОСОВ И ЛАМУТОВ

В нашем сообщении о группах крови у чукчей и эскимосов¹ мы привели данные о распределении систем АВО и MN у одной из территориальных групп эскимосов Чукотского полуострова — уроженцев селения Наукан. В 1958 г., продолжая археологические и антропологические работы на Чукотке, мы имели возможность собрать дополнительные материалы по другим эскимосским группам. Среди обследованных большая часть происходит из поселка Чаплино (они составили группу чаплинских эскимосов), остальные являются уроженцами поселков Сирэни, Пlover, Урелик и некоторых других (они выделены в группу «юго-западных эскимосов»). На обратном пути с Чукотки в Москву мы заехали в Магадане, чтобы в Ольском районе Магаданской области собрать материалы по группам крови у ламутов, известных на Охотском побережье под их самоназванием «орочел». В поселке Гадля, в нескольких километрах от районного центра Ола, нам удалось обследовать свыше 50 человек. В недавнем прошлом кочевники — охотники-оленьеводы, орочелы поселка Гадля живут ныне оседло, являются членами смешанного по своему национальному составу крупного передового колхоза.

Данные о распределении групп крови АВО и MN у эскимосов Чукотки и ламутов Ольского района приведены в табл. 1 и 2 (там же приведены сравнительные материалы по чукчам).

Таблица 1

Распределение групп АВО

Этнические группы	Число иссле- дованных	А		В		АВ		О	
		р	%	р	%	р	%	р	%
Эскимосы науканские	65	31	47,7	4	6,2	3	4,6	27	41,5
Эскимосы чаплинские	87	12	13,8	27	31,0	3	3,5	45	51,7
Эскимосы юго-запад- ные	53	17	32,1	24	45,3	2	3,7	10	18,9
Чукчи	256	94	36,7	32	12,5	9	3,5	121	47,3
Ламуты (орочелы)	53	16	30,2	11	20,8	7	13,2	19	35,8

Обращают на себя внимание очень большие различия в распределении О, А, В у разных территориальных групп эскимосов: частота А колеблется от 13,8 до 47,7%, В — от 6,2 до 45,3%, О — от 18,9 до 51,7%.

¹ См. М. Г. Левин, Группы крови у чукчей и эскимосов, «Сов. этнография», 1958, № 5, стр. 113—116.

Таблица 2

Распределение групп MN

Этнические группы	Число иссле- дованных	M		N		MN	
		р	%	р	%	р	%
Эскимосы науканские	65	29	44,6	8	12,3	28	43,1
Эскимосы чаплинские	87	26	29,9	20	23,0	41	47,1
Эскимосы юго-западные	52	14	26,9	10	19,2	28	53,9
Чукчи	256	68	26,6	56	21,8	132	51,6
Ламуты (орочелы)	53	31	58,5	5	9,4	17	32,1

Распределение M, N, MN обнаруживает меньшие вариации, но и по этой системе различия между территориальными группами эскимосов достаточно выразительны.

В нашем предыдущем сообщении мы установили значительные вариации в распределении систем ABO и MN у разных территориальных групп чукчей и указали на возможное их объяснение: влияние факторов длительной изоляции в малочисленных, даже родственных, популяциях.

Указанными факторами следует объяснить, как нам представляется, и распределение групп крови в разных территориальных группах эскимосов.

Науканские, чаплинские и юго-западные эскимосы представляют собою весьма малочисленные популяции и в недавнем прошлом характеризовались большой разобщенностью между собою. Следует указать, что по языку небольшая по численности группа эскимосов Чукотки распадается на три диалекта: центральный, с поселком Чаплино во главе, северный, на котором говорят эскимосы Наукана, и юго-западный, представленный у эскимосов поселка Сирэник. Очевидно, что эти языковые различия отражают разную историческую судьбу и длительную изоляцию территориальных групп эскимосов.

Для разных территориальных групп эскимосов Америки и Гренландии также отмечены значительные вариации в распределении ABO и MN², но в целом эскимосы характеризуются малым процентом B и N и высокой концентрацией A и M. Науканские эскимосы по распределению систем ABO и MN значительно более сходны с эскимосами Америки и Гренландии, чем эскимосы чаплинские и юго-западные; у последних двух групп нами найдена высокая концентрация B и сравнительно большой процент N. Эти особенности не могут быть отнесены за счет возможной чукотской примеси, так как у чукчей, по нашим же материалам, концентрация B и N невелика.

Ламуты по системе ABO должны быть отнесены к группам с высокой концентрацией A и B, по системе MN — к группам с большой частотой M и малой частотой N³.

При отсутствии сравнительных материалов по группам крови у других тунгусоязычных народов Сибири истолкование полученных нами результатов преждевременно.

Организация планомерного изучения групп крови у народов Сибири по возможно более широкой программе — насущная задача советских антропологических учреждений.

² Сводку см. в работе W. S. Laughlin, Blood Groups, Morphology and Population Size of the Eskimos. Reprinted from «Gold Spring Harbor-Symposia on Quantitative Biology», vol. XV, 1950.

³ Сводку по распределению групп крови у народов земного шара см. в книге: W. C. Boyd, Genetics and the Races of Man. An Introduction to Modern Physical Anthropology, Boston, 1952.

ВСЕСОЮЗНОЕ СОВЕЩАНИЕ ФОЛЬКЛОРИСТОВ

24—26 ноября 1958 г. в Ленинграде, в Институте русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР (ИРЛИ) состоялось Всесоюзное совещание по проблемам современного фольклористики.

Совещание было задумано как свободная творческая дискуссия по некоторым наиболее сложным и неразработанным вопросам теории и истории фольклора. Чтобы придать целенаправленность совещанию и обеспечить возможно более широкое обсуждение, организаторы совещания — Сектор народного поэтического творчества ИРЛИ и Координационная комиссия АН СССР по фольклору — отказались от постановки многих докладов по различным вопросам, а выдвинули только три доклада, которые и должны были сосредоточить внимание участников совещания на основных проблемах. Авторефераты этих докладов — «Проблемы теории фольклора» (В. Е. Гусев), «Проблемы изучения истории русского фольклора» (Б. Н. Путилов) и «Сравнительно-историческое изучение фольклора» (В. М. Жирмунский) — были напечатаны и в первой половине ноября разосланы в учреждения, занимающиеся фольклором, и отдельным фольклористам для предварительного ознакомления¹.

В совещании приняло участие более 200 человек из 23 республик Советского Союза. Совещание открыл заместитель директора ИРЛИ д-р филол. наук В. Г. Базанов. Всесоюзная конференция, сказал В. Г. Базанов, начинает свою работу в тот исторический момент, когда весь советский народ готовится достойно встретить XXI съезд КПСС, на котором будет дана развернутая программа развития коммунизма в нашей стране. Решение вопросов фольклора, вынесенных на конференцию, должно определяться задачами советской фольклористики в развитии социалистической культуры. Подобающее место должен занять вопрос о современном состоянии народной словесности и о связи фольклористики с жизнью. Для советской фольклористики важнейшей остается проблема взаимоотношений литературы и фольклора.

Задачей доклада В. Е. Гусева была постановка на обсуждение некоторых из наиболее важных вопросов теории народного творчества. Для понимания фольклора как вида идеологии, сказал докладчик, большое значение имеет правильное определение понятия «народ». В марксистском значении народ — это изменяющаяся от эпохи к эпохе совокупность различных социальных групп и классов, объединенных конкретно-историческими общими интересами и стремлениями, отличными от интересов господствующего класса, но в то же время различающихся друг от друга своим социальным положением и мировоззрением. Поэтому «народность» произведений фольклора — категория историческая, выражение существенных, прогрессивных интересов народных масс в определенную эпоху, часто в исторически ограниченной и противоречивой форме.

Признав коллективность народного творчества основным его признаком, В. Е. Гусев подчеркнул, что и данная категория — историческая, претерпевшая на протяжении многовекового развития фольклора изменения в своем социальном, этническом и эстетическом содержании. При этом сущность самого процесса коллективного творчества — в диалектическом единстве массового и индивидуального творчества. Говоря о специфике фольклора как вида искусства, докладчик особо отметил его «синтетичность» — нерасчлененное единство словесных, ритмических, мимических и других средств в различных их сочетаниях и соотношениях в разных жанрах, вследствие чего одностороннее изучение фольклора словесниками, музыковедами, хореографами и т. п. принципиально противоречит его природе.

В качестве совершенно не разработанных теоретических проблем В. Е. Гусев выделил проблемы художественного метода и жанра. Поскольку художественный метод есть способ образного мышления, в фольклоре нет одного извечного, раз навсегда данного метода, а каждой эпохе свойственны свои художественные методы. При этом нельзя отождествлять метод как способ образного познания действительности со стилем, который является лишь способом изображения действительности. Под жанром следует разуметь группу произведений, объединяемых сходным характером идейной проблематики и назначением в общественной жизни народа, а также сходством при-

¹ «Всесоюзное совещание фольклористов (1958). Проблемы современной фольклористики». (Авторефераты докладов), Л., 1958.

ципов и средств типизации, композиции, стиля. Очень часто не разграничивают понятия жанра и вида. Но вид — это внутрижанровая группа произведений, сходных по идейно-художественным признакам, не поддающаяся дальнейшему дроблению. Жанр также категория историческая. Но история фольклора не сводится к истории отдельных жанров; она является историей художественного познания действительности народными массами, т. е. историей художественных методов.

Доклад Б. Н. Путилова был посвящен проблемам изучения истории русского фольклора. В свете перспектив развития нашего общества, сказал Б. Н. Путилов, особенно важно создание научной истории народного творчества, обобщающей закономерности его развития и освещающей его современное состояние. Ввиду невозможности подробно осветить в докладе весь комплекс вопросов, связанных с проблемой истории фольклора, докладчик остановился подробно лишь на историческом изучении жанров и на проблеме современного народного творчества. Многие другие важные вопросы истории фольклора затронуты были в опубликованном автореферате, что давало возможность их обсуждения. Согласившись с положением В. Е. Гусева о том, что история фольклора не сводится к истории отдельных жанров или их совокупности, Б. Н. Путилов подчеркнул, что жанр есть та конкретно-историческая художественная форма, в которой реализуются различные методы и стили народного творчества. Жанр есть определенная система художественного отношения к действительности. Поэтому историческое изучение жанров может составить прочную основу построения истории фольклора: в смене жанровых систем и в их взаимодействии получает свое проявление историко-фольклорный процесс. Историю жанра следует изучать через историю отношений к этому жанру произведений, а также анализировать отдельные художественные образы, мотивы, типичные ситуации и т.п.

Особо актуальна проблема генезиса жанров, которой много занималась дореволюционная наука, но которую она, не будучи вооружена марксистской методологией, не могла решить. Проблему генезиса нельзя подменять установлением хронологических границ. Основное — исследовать процесс рождения жанра, его художественные истоки и жизненные основы.

Пути и формы исторического изучения жанров разнообразны, но особенно много для построения общей истории фольклора может дать изучение состояния и развития жанров и жанровых видов в пределах определенного исторического периода.

Докладчик коснулся также вопроса о реконструкциях ранних форм жанра на основе как древнерусского литературного материала, так и более поздних записей. Опыты таких реконструкций следует, по словам Б. Н. Путилова, продолжить и распространить на жанры, к которым они еще не применялись. В изучении жанров на поздних этапах их развития важно установить, что в изучаемом явлении принадлежит современности, а что — традиции. В этом отношении научно объективное изучение тормозилось утвердившимся положением, что фольклор — не только отзвук прошлого, но и громкий голос настоящего (известный тезис Ю. М. Соколова). Такой взгляд привел к тому, что каждое произведение рассматривалось прежде всего как своеобразная форма идейно-художественного осмысления действительности того времени, когда это произведение было записано. Этому положению докладчик противопоставил представление о фольклоре как наследии прошлого, но наследии, сложными нитями связанным с изменяющейся жизнью. Тщательный анализ должен показать, что в этом сплаве традиции и нового является определяющим началом и что только элементами.

Перейдя к вопросу об изучении современного народного творчества, Б. Н. Путилов отметил, что дискуссия 1953—1954 гг., завершив собою большой период в изучении современного фольклора, не открыла нового периода, и в общетеоретических представлениях по данной проблеме фольклористы остались в основном на исходных позициях. Ввиду того, что главный недостаток в изучении современного фольклора — это малое количество фактического материала, живых наблюдений, следует всячески активизировать собирательскую работу, решительным образом изменить ее методику. Экспедиции обычного типа не могут выявить всех форм жизни фольклора в среде колхозного крестьянства; нужно искать формы стационарного изучения и наблюдения. При изучении современного фольклора нельзя из народно-поэтической культуры отбирать только то, что относится к новому; надо изучать современное состояние народного творчества в целом — в сложном переплетении отживающей старины, живых традиций и нарождающегося нового.

Доклад «Сравнительно-историческое изучение фольклора разных народов» был прочитан В. М. Жирмунским. Сравнение, т. е. установление сходства и различий между явлениями и историческое их объяснение, сказал В. М. Жирмунский, представляет обязательный элемент исторического исследования. Это методический прием, который может применяться с разными целями и в рамках разных методов. Сравнение не снимает специфики изучаемого явления (индивидуальной, национальной, социально-исторической), а, наоборот, позволяет установить ее с большей точностью. Сравнение, применяемое в марксистском исследовании, ничего общего не имеет с буржуазной компаративистикой.

В соответствии с различными аспектами исследования сравнение может устанавливать: 1) родство между явлениями по их происхождению и последующие исторически-обусловленные различия (историко-генетическое сравнение); 2) возникновение сходства на основе сходных условий общественного развития (историко-типологическое

сравнение) и 3) международные культурные взаимодействия, обусловленные исторической близостью данных народов. Ведущая роль в сравнительно-историческом изучении должна принадлежать историко-типологическому сравнению, предполагающему значительные аналогии в идеологических надстроечных явлениях на одинаковых ступенях общественного развития. При этом наличие типологического сходства не снимает вопроса о международных взаимодействиях, так как сходство общественной ситуации является предпосылкой подобных взаимодействий. Но их нельзя преувеличивать, как это было в работах «компаративистов» старой школы. Методика историко-генетического сравнения находит применение в фольклористике при изучении вариантов одного и того же произведения, позволяя в известных пределах восстанавливать взаимоотношения между вариантами и древнейшие черты данного произведения. На основе ряда конкретных примеров докладчик показал возможность применения сравнительно-исторической методики указанных типов и те плодотворные результаты, к которым она может привести.

В заключение В. М. Жирмунский подчеркнул большое значение сравнительно-исторического изучения, которое дает возможность установить общие закономерности и аналогии исторического и культурного развития народов, помогая вместе с тем раскрытию национальной специфики народного творчества каждого из них.

После докладов слово было предоставлено заместителю директора Института мировой литературы имени А. М. Горького (ИМЛИ) А. А. Петросян для краткого сообщения об итогах трехдневного всесоюзного совещания в Москве в ИМЛИ по проблемам собрания и публикации эпоса народов СССР, проведенного 20—22 ноября 1958 г.

Затем развернулись прения по докладам. Выступавшие говорили о своевременности постановки вопросов теории и истории фольклора, приветствовали призыв к конкретному, историческому, научно-объективному изучению фольклора, его художественных методов, специфики, путей исторического развития.

Как показали выступления, советских фольклористов особенно волнуют вопросы современного состояния народного творчества — о развитии советского фольклора, о судьбах традиционного фольклора, о новых явлениях в нем. Некоторые из выступавших — В. М. Сидельников (Москва), В. Ф. Шурыгин (Смоленск), Ф. И. Лавров и П. Д. Павлий (Киев), К. В. Чистов (Петрозаводск), Ю. А. Самарин (Кировоград), В. К. Соколова (Москва) и др. отмечали как недостаток организации совещания, что проблема современного фольклора не была достаточно выдвинута в докладах и что не был поставлен специальный доклад по данной проблеме.

Говоря о советском фольклоре, многие указывали, что нельзя к нему подходить меркой, привычной для изучения традиционного фольклора, а необходимо расширить область наблюдений над явлениями современной поэтической культуры.

Советское творчество, сказал В. М. Сидельников, развивается и будет развиваться параллельно с художественной литературой, имея свои специфические особенности. Следует изучать поэтическое и музыкальное творчество русских сказителей, украинских кобзарей, казахских акынов, азербайджанских ашугов и т. п., не являющееся фольклором в старом понимании, но основанное на традициях устной народной поэзии. Эти произведения особенно важное значение имеют в развитии социалистической национальной культуры братских народов.

Наша советская жизнь такова, сказал К. В. Чистов, что нельзя в химически чистом виде выделить только устное, только коллективное, только индивидуальное. Все переплетено друг с другом, надо изучать это сплетение. Недостатком методики собрания и изучения современного фольклора является то, что ищут тексты, не связывая их со всей литературно-художественной культурой советского села, поселка, и т. д.

Те же мысли проводил в своем выступлении Г. Д. Гачев (Москва). Поскольку современная эпоха характеризуется взаимными переходами фольклора в литературу и обратно, следует фиксировать и изучать все смешанные, «гибридные» формы — они являются неоценимым материалом для изучения специфики литературного и фольклорного сознания. О новых и более сложных формах взаимодействия литературы и фольклора в настоящее время говорил также П. С. Выходцев (Ленинград), иллюстрируя это положение на конкретном примере «Василия Теркина». С одной стороны, поэм А. Твардовского как бы выросла из фольклора, с другой — она вызвала ряд художественных откликов, лирических, эпических, сатирических, которые являются в той или иной форме вариациями «Василия Теркина». Это — авторские произведения, тем не менее относящиеся к фольклору.

Выступавшие по вопросу о современном фольклоре указывали на сужение за последние годы работы по изучению советского фольклора и отмечали необходимость развернуть ее самым широким фронтом — Р. М. Сельванюк (Кострома), К. В. Чистов (Петрозаводск) и др.

Вопрос о советском фольклоре и задача изучения современного состояния народного поэтической культуры закономерно связывались в выступлениях с вопросом о роли и значении фольклорного наследия, с общим вопросом о фольклоре и современности.

Признав правильным положение Б. Н. Путилова о том, что народное творчество любой из предшествующих эпох по отношению к любой из последующих является художественным наследием прошлого, которое в качестве именно прошлого и живет в сознании народа, Р. Р. Гельгардт (Молотов) отметил, что сам по себе факт сохра-

нения фольклорного наследия свидетельствует об определенных чертах общественного сознания людей. Поэтическая культура прошлого не служит музейным экспонатом, а продолжает сохранять идейно-воспитательное значение. В этом смысле тезис о фольклоре как о «голосе настоящего», может быть, не теряет своего значения даже в применении к героическому эпосу, исчезающему из устного бытования. Речь идет о возможности идейного созвучия фольклорного наследия нашей современности.

Ту же мысль развил в своем выступлении Б. П. Кирдан (Москва). Традиционные произведения, сказал он, живут не только как наследие, но и говорят живым голосом, поднимая на борьбу за свободу и счастье народа, как это было, например, в годы Великой Отечественной войны. По мнению Б. П. Кирдана, одной из важнейших сторон деятельности советских фольклористов должно быть всестороннее изучение общего фольклорного репертуара, бытующего в народе, включая и произведения литературные, ставшие достоянием народа. Вообще следует интенсивнее изучать те процессы, которые происходят в современном фольклоре.

Об этом же говорил и Х. Т. Зарифов (Ташкент). Систематические наблюдения над процессами, происходящими в фольклоре в настоящее время, сказал он, много дадут для решения больших теоретических вопросов. Во многих национальных республиках фольклор и сейчас — «громкий голос настоящего». Х. Т. Зарифов привел чрезвычайно интересные факты в области взаимодействия литературы и фольклора — различные проявления широкого устного бытования у узбеков стихов поэта Физули.

В. К. Архангельская (Саратов) и некоторые другие из выступавших в прениях говорили о том, что часть жанров таит в себе возможности связи с жизнью в новых условиях и что не следует ограничивать понятие современного фольклора только произведениями с советской тематикой.

Большое внимание участники совещания уделили проблеме специфики фольклора и, в частности, соотношения в нем начал коллективного и индивидуального. Положение В. Е. Гусева о коллективности как ведущем признаке фольклора и об устности как вторичном признаке вызвало у некоторых возражения. Устность в фольклоре, говорил Н. И. Кравцов (Тамбов), надо понимать не как форму бытования, а как использование выразительных средств устного слова для создания образа и образного отражения действительности. Поэтому устное слово — важнейший признак фольклора как вида искусства. Основные художественные средства фольклора и такие особенности, как традиционность, вариантность, идут от устности. В таком же плане высказывался и В. Ф. Шурыгин (Смоленск). Устность в качестве одного из главных критериев фольклорности отмечали Ф. В. Тумилевич (Ростов-на-Дону) и Б. Ф. Егоров (Тарту); последний рассматривал устность в комплексе с коллективностью бытования, с распространенностью в народных массах.

Положение о коллективности как основном признаке фольклора поставили под сомнение с других позиций, чем Н. И. Кравцов, А. В. Позднеев (Москва) и Т. С. Вызго (Ташкент). А. В. Позднеев указал, что проявления коллективности наблюдаются и в древнерусской литературе, и в литературе XVIII в. (рукописные песенники). Т. С. Вызго, исходя из наблюдений над развитием народного музыкального творчества в Узбекистане, отметила, что новые песни, получающие хождение в народе, создаются там народными музыкантами, не имеющими специального музыкального образования и не занимающимися сочинением музыки как основной профессией.

Большая часть выступавших, однако, поддержала тезис В. Е. Гусева. Были сделаны попытки дальнейшего раскрытия понятия коллективности. Говорить о фольклоре как об едином виде искусства нельзя, сказала Е. Б. Вирсаладзе (Тбилиси). Эта — особая, и именно коллективная, форма, сопутствующая различным видам искусства — поэтическому, музыкальному, хореографическому и др. Устность не может считаться основным признаком, так как не свойственна всем видам фольклора. Ведущий признак — коллективность, выражающаяся не только в сотрудничестве класса, но и в сотрудничестве поколений.

О разных проявлениях коллективности — и в процессе создания произведений, и в процессе бытования, когда многие поколения вносят свой вклад, говорил также А. П. Моцкус (Вильнюс), основывавшийся на материале литовского фольклора. Часть выступавших указывала на необходимость уточнить понятие коллективности в фольклоре. В. П. Аникин обратил внимание на то, что коллективные формы, характерные для фольклора в прошлом, хотя и не исчезают в современности, но уступают место индивидуальному творчеству (формы самостоятельного искусства), и к нему необходимо применять новые критерии. П. Г. Богатырев подчеркнул важность собирания у всех народов СССР конкретного материала, который раскрывал бы проявления коллективности, устности, синтетичности, особенностей бытования и т. п. Р. Р. Гельгардт указал, что следует уточнить отличия между соответствующими фактами в области литературы и фольклора. И литература знает диалектическое единство массового и индивидуального творчества, например создание литературных произведений, разрабатываемых на основе фольклора. Также следует установить эстетические различия между традиционностью в народно-поэтическом творчестве и в письменной литературе.

Живой отклик вызвал у членов совещания тезис о синтетической природе фольклора. Ф. А. Рубцов (Ленинград) приветствовал то, что в докладах признано противостоящим одностороннее изучение фольклора — в отрыве слова от музыки. Многие вопросы теории и истории фольклора (специфика жанра, классификация, генезис и др.)

никак не могут быть решены без всестороннего рассмотрения явлений народного искусства. Такие случаи, как бытование поэтического текста с напевами разного типа или, наоборот, одного напева с поэтическими текстами различного содержания и назначения, могут помочь правильному освещению поднимаемых вопросов. Ввиду существующего еще разрыва между изучением слова и музыки в фольклоре целесообразно собрать чисто деловое совещание для обсуждения вопросов согласованного изучения фольклора.

Н. И. Гаген-Торн (Ленинград) отметила, что специфика фольклора как особой формы искусства заключается в том, что исполнитель воздействует не одним только словом, а целым комплексом средств. О том же говорил и В. Н. Всеволодский (Москва), выразивший сожаление, что народное сценическое и хореографическое искусство было затронуто В. Е. Гусевым лишь мимоходом.

Выступавшие указывали также на необходимость тесного сотрудничества фольклористов и этнографов в разработке теории и истории фольклора (И. С. Гурвич и В. Ю. Крулянская; Москва).

Обсуждению подвергался и вопрос о художественном методе фольклора. В. К. Архангельская признала очень важным и правильным положение В. Е. Гусева о многообразии и изменчивости методов художественной изобразительности. Однако схема развития и смены в фольклоре различных художественных методов, предложенная В. Е. Гусевым, по мнению В. К. Архангельской, выглядит искусственной; за ней не видны определенных художественных явлений.

В. П. Аникин тоже отметил необходимость уточнения выдвинутых в докладе В. Е. Гусева положений о методе. Реализм как метод, сказал Б. П. Кирдан, нельзя смешивать с реалистическими тенденциями и элементами, которые в фольклоре, несомненно, присутствуют, отражаясь даже в волшебных сказках. Н. Ф. Бабушкин (Томск) настаивал на том, что проблему реализма в фольклоре следует решать в том плане, в каком ставил ее еще Горький, а в дальнейшем — Фадеев в отношении Пушкина, Гоголя и Тургенева — как проблему синтеза реализма и романтизма. В противоположность ему В. М. Сидельников утверждал, что история фольклора есть история борьбы реалистических тенденций с антиреалистическими. Утверждение это вызвало, однако, справедливые возражения.

Большое внимание участников совещания привлекли также вопросы изучения истории фольклора, поставленные в докладе Б. Н. Путилова.

В выступлениях В. К. Архангельской, В. К. Соколовой, Н. М. Элиаш (Старый Оскол) и др. поддерживался тезис докладчика о том, что без истории жанров, а в пределах жанра — циклов, сюжетов, отдельных вариантов, нельзя создать истории русского фольклора. Обсуждался вопрос о том, как исторически изучать жанр. К. В. Чистов признал законными и возможными как путь исторической реконструкции ранних видов жанра, так и выявление в произведениях данного жанра отражений более позднего времени; задача состоит в сочетании обеих линий исследования. При определении более поздних элементов в фольклоре многое делалось примитивно, был погон за отдельными деталями, тогда как важен идейно-художественный смысл образов. Новое в фольклоре следует соотносить с мировоззрением, с эстетическими взглядами. Следовательно, историческое изучение фольклора не может обойтись без углубленного изучения истории общественных идей. Изучение истории жанров, сказала В. К. Соколова, следует сочетать с изучением общей истории фольклора, в которую должно войти историческое изучение поэтики, важное для истории народного мировоззрения. Большое значение при историческом изучении фольклора имеет критика фольклорных текстов, анализ основы произведения и позднейших привнесений. Но методика критики текстов еще не выработана.

В. Я. Пропп (Ленинград) обратил внимание на то, что история народа и история фольклора могут не совпадать, а это не учитывалось в должной мере при опытах построения истории фольклора. В области изучения жанров нужны монографические исследования. По мнению Г. А. Гачева, основная задача исторического изучения фольклора сводится к тому, чтобы установить и реконструировать последовательность типологически разных стадий внутри фольклора. Е. А. Александрова (Даугавпилс) и Л. С. Шептаев (Ленинград) на примере изучения исторической песни коснулись вопросов методики исследования конкретных материалов. Е. А. Александрова предложила использовать анализ типических мест для выявления исторической основы, так как именно типические места сохранили и донесли до наших дней черты жизни давно минувшего времени. Л. С. Шептаев поделился своим опытом изучения песен Разинского цикла, в котором можно наметить исторически развивающиеся типы художественного общения.

В связи с докладами В. Е. Гусева и Б. Н. Путилова выступающими были затронуты и некоторые другие вопросы. Б. Ф. Егоров согласился с данным В. Е. Гусевым определением народности как исторической категории. Неравномерно, сказал он, за рамки изучения выносятся явления фольклора, не отвечающие пониманию народности в наше время. С. Г. Лазутин (Воронеж) говорил о необходимости глубокого и всестороннего изучения языка народной поэзии, которое поможет в решении многих теоретических и исторических проблем — генезиса, художественного метода, национальной специфики, проблемы традиции и новаторства. Ряд положений докладчиков вызвал возражения, поправки, дополнения. Ф. И. Лавров (Киев) оспаривал тезис В. Е. Гусева

о том, что при быстрой смене одной эстетической системы другой возможен кризис художественности; в подтверждение он приводил народное творчество эпохи гражданской войны. В. Н. Кнейчер (Харьков) возражал против положения Путилова о бессознательном в фольклоре. А. П. Моцкус отметил, что вопрос о влиянии литературы на создание новых произведений не нашел должного отражения в докладах.

Доклад В. М. Жирмунского также вызвал оживленные прения. С критикой положений докладчика выступили В. М. Гоцак и К. С. Давлетов (Москва). Выделение сравнения в особое направление, по мнению В. М. Гоцака, объективно открывает возможность для проникновения в науку чуждых нам методологических положений. Так, в докладе предметом типологических сравнений являются искусственно выделяемые сюжеты, мотивы, темы; таким образом, идейное содержание не учитывается, и в основу кладется принцип формальных совпадений. Объективно-идеалистический смысл сравнительной методологии подчеркивал и К. С. Давлетов, говоря, что она ведет к отрыву искусства от конкретной исторической почвы. Например, путь сравнительной типологии неизбежно приводит к отождествлению мифа и эпоса, так как с формальной стороны в них много сходного, а между тем это две разные формы сознания.

Выступления В. М. Гоцака и К. С. Давлетова не встретили поддержки. Е. М. Мелетинский (Москва) указал, что сравнительно-историческое изучение в постановке В. М. Жирмунского как раз не «метод», а лишь научная методика, которая не предполагает заранее никаких выводов. Она принципиально отличается от сравнительной методологии на Западе, которая действительно проводит формальные сравнения и является методологией ползучего эмпиризма. Е. Б. Вирсаладзе (Тбилиси) отметила, что сравнительно-историческому методу зарубежных ученых надо противопоставить сравнительно-историческое изучение с марксистских позиций. В. Я. Евсеев (Петрозаводск) сказал, что надо приветствовать такое сравнительное изучение, подчиненное марксистско-ленинской методологии, о котором говорил В. М. Жирмунский. Но необходимо при его применении полное владение материалом. Р. Р. Гельгардт заявил, что нужно полностью принять все те аспекты сравнительно-исторического исследования, которые намечены в докладе В. М. Жирмунского. Сопоставив фольклор русских и чехословацких горняков, Р. Р. Гельгардт показал плодотворность такого исследования.

Интересные факты из грузинской словесности, относящиеся как к типологическим, так и генетическим схождениям, аналогичные приведенным в докладе, сообщила К. А. Сихарулидзе (Тбилиси). Т. С. Вызго отметила правильность положения В. М. Жирмунского о том, что каждая творческая версия произведения народно-поэтического творчества принадлежит создавшему ее народу независимо от более отдаленного происхождения ее основы. Так, известная по обработкам Глинки и Штрауса персидская мелодия распространена в самых различных версиях во многих странах Востока (Узбекистан, Туркменистан, Иран) и всюду приобрела национальную специфику. Х. Т. Зарифов напомнил, что только путем сравнительного изучения можно объяснить источники ряда явлений.

В обсуждении поставленных в докладах вопросов приняли также участие М. Г. Китайник (Москва), Л. Л. Христиансен (Свердловск), А. В. Руднева (Москва), В. М. Потявин (Горький), Эрнитс (Тарту), Е. В. Баранникова (Улан-Удэ) и др.

Участниками совещания был выдвинут ряд конкретных мероприятий, осуществление которых могло бы содействовать дальнейшему развитию и углублению фольклорной работы: создание оперативного печатного органа по фольклору, выявление архивных фондов, составление методической записки по собиранию и публикации фольклорных материалов. Было решено ходатайствовать перед Президиумом АН СССР об оборудовании институтов, занимающихся фольклором, необходимой материально-технической базой. Вновь была отмечена потребность в организации единого центра по изучению фольклора СССР — Института народного творчества.

Совещание единодушно приняло предложение заведующего сектором фольклора Института искусствознания, фольклора и этнографии Академии наук УССР — посвятить следующее всесоюзное совещание по фольклору специально вопросам современного народного творчества, организовав его в Киеве силами трех институтов: ИРЛИ, ИМЛИ и Института искусствознания, фольклора и этнографии АН УССР.

После ответных слов докладчиков с заключительным словом выступила А. М. Астахова (Ленинград). Отметив наиболее интересные и важные высказывания по поднятым вопросам, А. М. Астахова указала на общее значение проведенного совещания. Ни на одной конференции, сказала она, не могут быть разрешены все поднятые вопросы. Но само обсуждение, критика, споры, высказанные размышления всегда являются хорошей зарядкой для дальнейшей работы. На совещании был дан большой и ценный материал для раздумья, и это самое важное. Общение на почве совместной работы — необходимое условие плодотворного развития науки.

Закрывая совещание, В. Г. Базанов выразил благодарность его участникам и пожелание, чтобы высказывания и споры превратились в хорошие научные труды.

На другой день после конференции, 27 ноября, состоялось расширенное заседание Координационной комиссии Отделения литературы и языка АН СССР. На заседании был обсужден составленный в комиссии проект методической записки по развертыванию фольклорной работы. В обсуждении приняли участие многие из участников конференции, внесшие существенные поправки и дополнения.

А. Астахова

СОДРУЖЕСТВО РУМЫНСКИХ И СОВЕТСКИХ УЧЕНЫХ

С каждым годом крепнут научные связи между советскими и румынскими археологами и этнографами. Это вполне понятно, так как все основные вопросы античной средневековой археологии и этнографии юго-запада СССР и Румынской Народной Республики могут быть решены лишь совместными усилиями ученых обеих стран.

За последние годы научное сотрудничество между советскими и румынскими археологами и этнографами приняло особенно конкретные, деловые формы и стало важным фактором плодотворного решения указанных вопросов. С 1957 г. вошли в практику совместные полевые исследования, осуществляемые путем обмена специалистами между экспедициями, работающими на территории Молдавской ССР и Румынской Народной Республики, а также проведение совместных советско-румынских семинаров археологии и этнографии.

В июле 1958 г. в полевых работах Прутско-Днестровской археолого-этнографической экспедиции Института истории материальной культуры, Института этнографии и Молдавского филиала АН СССР приняли участие пять румынских археологов — сотрудников Института археологии Академии наук Румынской Народной Республики: проф. Р. Вульпе, Н. Константиnescу, Т. Мартинович, сотрудник Клужского филиала АН РНР проф. К. Хоредт и сотрудник Ясского филиала Д. Марин. В свою очередь пять советских специалистов — сотрудников Прутско-Днестровской экспедиции: Г. Б. Федоров (ИИМК АН СССР), Г. Д. Смирнов и И. Г. Хынку (МФАН СССР), М. Я. Салманович (Институт этнографии АН СССР) и А. Л. Осипенко (Одесский археологический музей) в сентябре 1958 г. приняли участие в полевых археологических и этнографических исследованиях на территории Румынской Народной Республики.

С 24 декабря 1958 по 5 января 1959 г. в Бухаресте находилась делегация Академии наук СССР в составе Г. Б. Федорова, Н. Я. Мерперта (ИИМК), Г. Д. Смирнова и П. П. Бырни (МФАН СССР) и М. Я. Салманович (Институт этнографии), прибывшая для участия в третьем советско-румынском семинаре, посвященном проблемам античной и средневековой археологии и этнографии Румынской Народной Республики и юго-запада СССР.

Семинар открылся 26 декабря 1958 г. в актовом зале Президиума Академии наук РНР речью главы отделения исторических наук акад. Константиnescу-Яш.

На пленарных и секционных заседаниях — античной археологии, феодальной археологии и этнографии было заслушано и обсуждено 53 доклада, посвященных различным проблемам археологии и этнографии Румынии и юго-запада СССР. Советские делегаты выступили со следующими докладами. Г. Б. Федоров сообщил об итогах и задачах археологии I тысячелетия н. э. в юго-западной части СССР. Им были обобщены результаты девятилетних полевых работ Прутско-Днестровской археолого-этнографической экспедиции, особенно в области изучения славянских памятников, на территории Молдавской ССР и Одесской области УССР. В докладе Н. Я. Мерперта были изложены результаты изучения советскими археологами древнейшей истории болгарских племен и путей их продвижения к Дунаю. О некоторых итогах этнографических исследований на территории Молдавской ССР рассказала в своем докладе М. Я. Салманович. На секции феодальной археологии Г. Д. Смирнов выступил с докладом, посвященным археологическому изучению средневекового молдавского города. Об археологическом изучении молдавской средневековой деревни рассказал в своем докладе П. П. Бырня. Здесь же были зачитаны тезисы доклада советского археолога М. А. Тиханович, посвященного обзору вопроса о населении лесостепной полосы Центральной и Восточной Европы в I-й половине I тысячелетия н. э. На секции античной археологии был зачитан доклад советского археолога В. Д. Блаватского об имущественном положении борщовцев в VI—II вв. до н. э. и тезисы доклада М. И. Леви о раскопках Ольвийского агора.

С интересными и содержательными докладами выступили на семинаре румынские ученые. На секции античной археологии, работавшей под председательством акад. Э. Кондураки, были заслушаны сообщения, посвященные итогам археологического изучения таких выдающихся античных памятников на территории РНР, как Истрия, Суцидава и Томис. Кроме того, были заслушаны доклады, посвященные исследованиям фрако-гетского населения в западнотимисских колониях, а также изучению эпиграфических, керамических, архитектурных и других античных материалов на территории РНР.

На пленарных заседаниях и заседаниях секции феодальной археологии, работавшей под руководством чл.-корреспондента АН РНР Г. Штефана, были заслушаны доклады об изучении археологических памятников последних веков до н. э. и первых веков н. э. на территории РНР, в частности памятников черняховской культуры. Ряд докладов был посвящен изучению южнославянских и восточнославянских памятников на территории западной Молдовы, Трансильвании и других областей РНР. Особое внимание было уделено влиянию славянской материальной культуры на формирование и развитие материальной культуры местного населения во 2-й половине I тысячелетия н. э. Большой интерес вызвали доклады чл.-корреспондента АН РНР Г. Штефана о начальном периоде истории замечательного памятника в низовьях Дуная — Диогении и М. Комша об изучении поселения IX—X вв. у с. Буков, принадлежавшего к протору

мынской культуре. Исключительно интересен пещерный монастырь X в., вырытый в меловой скале у с. Басараб, на стенах которого обнаружено свыше 100 надписей и рисунков. В нескольких докладах были подведены итоги изучения молдавских средневековых крепостей (Бырлада, Сучавы, Ясс и других), имеющего большое значение для освещения истории румынского народа.

На пленарных заседаниях и заседаниях этнографической секции, работавшей под руководством проф. Вуйя, было заслушано 16 докладов, посвященных вопросам этнографии Румынии и юго-запада СССР. Доклады были посвящены таким проблемам, как «Итоги и задачи румынской этнографии» (проф. Р. Вуйя), «Проблемы изучения скотоводства на территории РНР» (И. Влэдуцу) и конкретным вопросам изучения румынской народной культуры: подземного и наземного жилища, занятий населения, различных особенностей погребальных обрядов у румын и т. п.

Советские и румынские этнографы, в отличие от археологов, встретились на таком семинаре впервые. Судя по этнографической литературе, выходившей в Румынии в послевоенные годы, по ряду вопросов методологического характера часть румынских этнографов придерживается еще взглядов, господствовавших в дореволюционной румынской этнографии. В основном это сводится к тому, что они не рассматривают этнографию как историческую науку, а связывают ее теснейшим образом с географией, физической антропологией и т. п., и в этом их отличие от советской этнографической школы. Эта точка зрения прозвучала и на семинаре и особенно отстаивалась профессором Вуйя, доклад которого был посвящен изучению народного жилища. Однако следует отметить, что большинство румынских ученых уже не придерживается указанных позиций, разделяет взгляды советской этнографической школы. Выразителем этой части этнографов на семинаре был И. Влэдуцу, выступивший с докладом об изучении проблем скотоводства на территории Румынской Народной Республики.

Следует подчеркнуть, что на семинаре с большим успехом выступили молодые румынские ученые (М. Комша, Г. Дьяконы, И. Влэдуцу), показавшие, что они способны ставить и решать важнейшие научные проблемы археологии и этнографии. По всем докладам развернулись оживленные прения, в которых приняли активное участие и члены советской делегации.

Подводя итоги работы семинара, директор Института археологии и этнографии АН РНР акад. Э. Кондураки и ряд других ученых отметили его плодотворность, необходимость укрепления дальнейшего сотрудничества между советскими и румынскими археологами и этнографами и выработали конкретный план этого сотрудничества на 1959 г.

После окончания теоретической части семинара его участники ознакомились с археологическими и этнографическими материалами и памятниками в Бухаресте, Сибину и Куртя де Арджеш.

Труды семинара, в частности доклады советских делегатов, приняты к опубликованию в изданиях Академии наук РНР.

Г. Б. Федоров, М. Я. Салманович

ПОЕЗДКА К ТУРКМЕНАМ-САКАР

В 1956—1958 гг. по заданию Института этнографии АН СССР проводилось сплошное этнографическое обследование населения Чарджоуской области. В связи с этим мною дважды была совершена поездка к туркменам-сакар, живущим на территории сельсоветов Гарамахмуг, Хожайнабек и Сяядагсакар Куйбышевского района и сельсоветов Гызан и имени Тельмана Саятского района.

Сакары в прошлом — одна из многих племенных групп туркмен Бухарского ханства, ныне входят в состав туркменской социалистической нации.

По свидетельству Абульгази, сакары ведут свое происхождение от родоначальника по имени Кабаджык, отцом которого был Кара-Гази-бек; генеалогическое родство последнего через 14 поколений (имен предков) прослеживается до Салор-кагана и далее через два поколения до Огуз-хана, легендарного предка туркмен¹. По приводимым Н. Г. Галкиным легендам, сакары происходят от Сеюн-хана, сына Узун-хана². Капитан Н. Н. Муравьев, посетивший Хиву в 1819 г., при перечислении туркменских племен называет и «сахкар» численностью 20 тыс. кибиток, живущих вблизи «Бухарии»³. О сакарах, обитавших в окрестностях Старого Чарджуя в 1822—1823 гг. и имевших

¹ Абуль-Гази Богадур-хан, Родословная туркмен, Асхабад, 1897, стр. 62-64, 66.

² Н. Г. Галкин, Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю, СПб., 1849, стр. 5.

³ Рукописный экземпляр таблицы туркменских поколений, составленный Н. Н. Муравьевым в 1819 г.

свою крепость, сообщают и хивинские источники⁴. А. Борнс, посетивший Чарджу в 1831 г., в числе обитавших здесь туркмен отметил и 2 тыс. семейств сакаров⁵. Сведения же Н. Г. Петрусевич, племя сакаров обитало по левому берегу Аму-Дарьи в 25 верстах выше Чарджуя, в числе 3 тыс. кибиток⁶. О пребывании здесь в середине XIX в. сакаров сообщает и Агехи⁷. Численность сакаров в 1925 г. составила 11 431 чел.⁸

Легенды, записанные нами во время пребывания среди сакаров, подтверждающие некоторые сведения приведенных литературных источников, связывают происхождение этой группы с именем Эрсари-баба. По преданию, их предки более 300 лет назад жили в места современного расселения из северо-западной Туркмении.

В легенде, рассказанной нам в колхозе «Большевик» Куйбышевского района летним Шамурадом Бакиевым и Тачбаба Арыковым, приводятся интересные факты, подтверждающие вероятность образования в XVI в. обособленной группы сакаров и их вхождение в Эсенхановский союз туркменских племен, занимавших почти до конца XVI в. обширную территорию от низовьев Аму-Дарьи до восточного берега Каспийского моря, включая Мангышлак, Сарыкамыш и Узбой. Литературные данные и свидетельства стариков-сакаров позволяют заключить, что их предки, как и предки туркмен-эрсари, салоров и других групп, в связи с прекращением стока воды Аму-Дарьи в Сарыкамышскую впадину, обусловившим прекращение там земледелия и разорение туркменских поселений, — вынуждены были уйти на юго-восток, в Хорезмский оазис и долину среднего течения Аму-Дарьи, т. е. в места их современного расселения.

О давности обитания сакаров к югу от Старого Чарджуя (ныне Комсомольск) свидетельствует довольно густая старинная ирригационная сеть, носящая большей частью названия их родовых подразделений, а также выстроенная еще в XVII в. в районе их постоянного обитания крепость Сакар. Здесь они составляли особую племенную группу, в которую входили четыре рода (уруг) — хожанабек, гарамахмут гызан-мен и сыядагсакар. Каждый из них в свою очередь расчленился на более мелкие подразделения — тире (см. схему). В их состав, кроме родственных подразделений, входил небольшой по численности этнический компонент из других иноплеменных групп — тюркоязычного населения, например подразделения чагатай; потомки его в нашей стране, принимая себя к сакарам, указывали, что их предками были узбеки и жили на занимаемой территории задолго до поселения здесь родовых подразделений сакаров, а также, что чагатайцы в культуре и быту имели некоторые особенности, но в настоящее время уже ничем не отличаются от их соседей туркмен-сакаров⁹.

Кроме чагатайцев и хорасанлы, в состав сакаров, видимо, входили на основе приобретения земли в личное пользование, и другие небольшие обособленные группы — отдельные хозяйства. В дальнейшей совместной жизни эти мелкие группы постепенно приобщались к общему языку, культуре и быту сакаров. Процесс формирования из отдельных племенных групп туркменского народа завершился лишь в годы социалистического строительства.

От 87-летнего Халбаба Мередова и некоторых других лиц из колхоза имени Ленина Куйбышевского района мы узнали о давних историко-культурных связях сакаров с эрсаринцами и даже с салорами Серахса. Оказалось, что общение сакаров с подразделениями Лебаб с эрсаринцами кишлака (арыка) Лебаб, расположенного в пределах современного Карабекаульского района, в течение более пяти поколений было постоянным. Эти связи подтверждаются общностью некоторых элементов материальной культуры, в первую очередь женской одежды и вышивок на тюбетейках. Тесное общение продолжается и поныне: представители названных групп практикуют взаимные браки, часто посещают друг друга и т. д.

Кроме этнической принадлежности и истории расселения сакаров, нас особенно интересовали их исконные хозяйственные занятия, формы владения землей и вооружения в прошлом, их традиционные орудия и приемы труда, характер расселения, типы жилищ, его убранство, особенности одежды, украшений и некоторые другие вопросы культуры и быта.

По литературным данным, туркмены долины Аму-Дарьи (следовательно и сакары) занимались преимущественно скотоводством. В действительности их основным занятием со времени расселения на занимаемой территории было поливное земледелие; особое по значению место в их хозяйстве занимало отгонное скотоводство. Земледелие сочеталось с отгонным скотоводством, и ремесло, связанное с переработкой продуктов сельского хозяйства, а также с изготовлением различных предметов домашнего обихода и орудий труда (рис. 1), — исконные и основные отрасли хозяйства сакаров второй половины XIX в. В настоящее время эти отрасли получают все большее развитие.

⁴ «Материалы по истории туркмен и Туркмении» (в дальнейшем цит. МИТТ), т. М. — Л., 1938, стр. 422.

⁵ А. Борнс, Путешествие в Бухару, ч. III, М., 1849, стр. 349.

⁶ Н. Г. Петрусевич, Туркмены между старым руслом Аму-Дарьи (Узбоём) и северными окраинами Персии, «Записки Кавказского отдела Русского географического общества», кн. XI, вып. 1, Тифлис, 1880, стр. 3.

⁷ Агехи. Зубдет-ут-таварих, МИТТ, т. II, стр. 524.

⁸ Государственный архив Чарджоуской области, ф. 55, оп. 1, д. 156, лл. 56—57.

⁹ Полевая запись автора 1956 г., № 11.

пространение и значение в хозяйственной жизни туркмен. Они по своему удельному весу в различных районах и на разных исторических этапах имели не одно и то же соотношение, хотя в целом земледельцы (чомур) всегда численно преобладали над скотоводами (чарва). Об этом убедительно свидетельствуют чрезвычайно густая действовавшая до революции ирригационная сеть и оседлый образ жизни всех сакаров. Если бы преобладало скотоводство, требовавшее значительно меньшей затраты труда, чем земледелие, то вряд ли основная масса сакаров так стойко держалась бы за землю, для орошения которой каждый земледelec — чомур затрачивал ежегодно по 50, 80 и даже по 125 рабочих дней на тяжелые работы по очистке и поддержанию местной ирригационной сети.

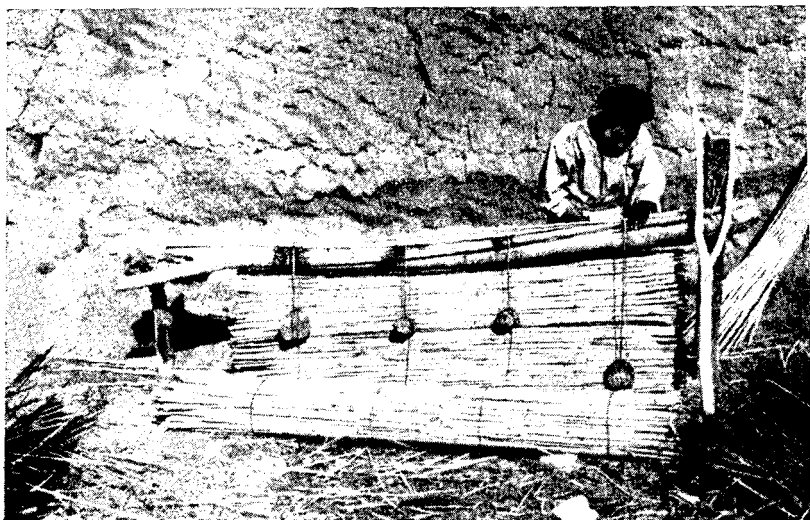

Рис. 1. Изготовление камышовой цинковки

Некоторое число дайхан, кроме того, дополнительно с помощью чигиря орошало свою землю, расположенную выше уровня воды в арыке.

Как показывают данные бюджетного обследования 1925 г., чисто земледельческие хозяйства — чомур по своей хозяйственной мощности стояли гораздо ниже смешанных земледельческо-скотоводческих. Бюджет скотоводческих хозяйств тоже значительно отставал от смешанных хозяйств, получавших в предреволюционные годы все большее распространение¹⁰. Так как условия хозяйственной деятельности дайханства и его орудия труда, по словам стариков-сакаров, оставались в течение столетий неизменными, то очевидно, что результаты обследования 1925 г. отражали в известной мере положение, существовавшее не только в начале XX или во второй половине XIX в., но и в более раннее время. Некоторые сдвиги в сторону интенсификации земледелия наблюдаются лишь в конце XIX — начале XX в. под влиянием проникновения товарно-денежных отношений и развития хлопководства, шелководства и каракулеводства.

В системе поливного земледелия сакаров, как и других групп туркмен долины Аму-Дарьи, господствовали парцелярность и чересполосица. По сведениям большинства пожилых колхозников, с которыми мы проводили беседы¹¹, свыше половины крестьян имели земли от четверти до двух танапов (0,1—0,7 га), расположенных нередко в разных местах. Эти сообщения подтверждаются и данными статистического обследования 1925 г., согласно которым 46% туркменского крестьянства имели землю в двух-трех, а 17% — в четырех и даже шести местах¹².

Земледелие сакаров, носившее натуральный характер, было основано на амляковой подворно-наследственной форме владения землей и на такой же примитивной технике, как и у других групп туркмен приамударьинских районов. Общими были у них приемы обработки земли, состав возделываемых культур (пшеница, джугара, люцерна и т. д.), употребляемые земледельческие орудия: деревянный омач — «сахты» с желез-

¹⁰ Центральный государственный архив Туркменской ССР, ф. 167, оп. 1, ед. хр. 152, л. 103.

¹¹ Полевые записи автора 1956 г., № 4, 6, 8; 1957 г., № 108, 109.

¹² Гос. архив Чарджоуской области, ф. 66, оп. 1, д. 4, лл. 500—501.

ным лемехом без отвала, «чаянпаза», бороны «мала», представлявшая собою массивную доску с зубьями, лопата «пиль», мотыга «кетмень», серп «орак» и др. Молоты с помощью быков, лошадей или ослов, которых гоняли на току по колосьям. Зерно молотили на ручных или приводимых в движение осликом мельницах (рис. 2).

Специфична была система эксплуатации сакаров, обусловленная социальной природой феодального государства, каким было Бухарское ханство, с неограниченной властью эмира. Правящая верхушка ханства — крупные феодалы и кушбеки и амлякдары, дарга, райсы, торгово-ростовщические элементы города и кишлака, местная родоплеменная знать и байство — нещадно эксплуатировала трудовое дайханство. Одной из наиболее тяжелых форм эксплуатации трудовых масс был налог-рента «херадж», взимаемый за находящуюся в подворно-наследственном владении землю «эмлек ер». Земля эмлек ер, говорится в «Истории Узбекской ССР» «в XVIII—XIX вв. имела характер расчлененной собственности: распоряжалось землей и собирало налоги государство, ренту получали феодалы, а обрабатывали землю и наследственно владели ею мелкие крестьяне»¹³.

Рис. 2. Мельница, приводимая в движение осликом

Система сбора хераджа через амлякдаров (чиновников Бухарского ханства, ведавших этим делом) и их помощников «дарга» была разорительной для непосредственных производителей. Амлякдары и дарга при обязательном участии аксакалов, эминов, а иногда и мирабов, как представителей от того или иного родового подразделения, объезжали участки или харманы (ток) дайхан и произвольно, «на глазок» определяли размер подлежащего уплате хераджа, нередко достигавшего половины собранного урожая¹⁴. В тех случаях, когда амлякдар называл особенно высокий размер хераджа, эмин или аксакал «защищал» интересы отдельных дайхан и если добивался сокращения налога, то за такие услуги дайхан, кроме уплаты положенной сороковой доли урожая «защитнику», отработывал известное время в его хозяйстве. Кроме хераджа, дайхане платили ренту с посева люцерны и хлопка, с садов и виноградников. Если к этому добавить и другие поборы духовенства, эмина (старшины), аксакала (старейшины родового подразделения) и прочих представителей чизшей местной администрации, то станет ясной чудовищная эксплуатация ими сакаров и других родоплеменных групп.

Эмины и аксакалы, находясь в формальной зависимости от феодалов Бухары, под держивали с ее представителями — беками, амлякдарами, дарга и другими чиновниками — постоянную связь, выступая вместе с тем в роли «покровителей» своих сородичей. Их положение в туркменском обществе и тесная связь с чиновничьим аппаратом Бухарского ханства позволяли им систематически эксплуатировать сородичей и членов соседних земельно-водных общин, маскируя это пережитками патриархально-родовых отношений.

¹³ «История Узбекской ССР», т. 1, кн. 2, Ташкент, 1955, стр. 16.

¹⁴ Там же, стр. 40; полевые записи автора 1956 г., № 4, 6, 8, 10; 1957 г., № 103, 108, 109, 113 и др.

Сказанное подтверждают сообщения 78-летнего колхозника Аннабаба Клычева из колхоза имени Сталина Куйбышевского района, 87-летнего Имамбаба Пирнепис — жителя сельсовета Гызан Саятского района и др.¹⁵

Пережитки патриархально-родовых отношений стойко сохранялись в общественной жизни сакаров, в системе управления, во взаимоотношениях членов земельно-водных общин, при организации работ по выполнению натуральной повинности, связан-

Рис. 3. Там-кепбе

Рис. 4. Кумбез-кепбе

ной с очисткой ирригационной сети, и т. д. Особенно устойчивыми они оказались в области семейных отношений, религиозных представлений, в различных обрядах и обычаях.

Завоевания Великой Октябрьской социалистической революции навсегда ликвидировали всякую возможность эксплуатации. Не останавливаясь на характеристике произошедших коренных изменений в хозяйственной деятельности сакаров, как и всего туркменского народа, укажем, что в настоящее время почти все они работают в колхозах с многоотраслевым высокотехнизированным сельским хозяйством, где земле-

¹⁵ Полевые записи автора 1956 г., № 4—10, 1957 г., № 108 113.

делие, в частности хлопководство, занимает ведущее место. Современный уровень сельскохозяйственной техники в колхозах, где живут и работают сакары, достаточно высок, а старые орудия труда используются кое-где лишь на небольших приусадебных участках.

Победа социалистической системы хозяйства обусловила коренное изменение в характере поселений не только сакаров, но и других групп местного населения. С 1940 г. почти все они переселились в колхозные поселки, которые по внешнему виду и планировке у сакаров мало отличаются от соседних поселений туркмен — эски,

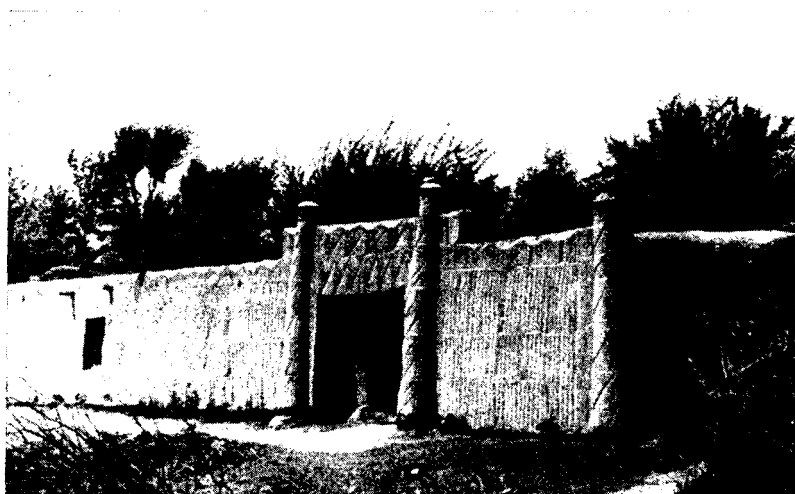

Рис. 5. Ховлы сакаров

Рис. 6. Современный жилой дшм

тов, салоров и других групп. Современные поселения в большинстве имеют несколько прямых, довольно хорошо озелененных улиц. В центре поселка обычно находится площадь, возле которой расположены административные, общественные и культурно-бытовые здания. Большие изменения произошли и в области жилищного строительства.

Изучение жилищ и домашней утвари сакаров позволяет не только охарактеризовать коренные изменения их быта в результате социалистического строительства, но и воссоздать типы их жилища, его убранства в прошлом, помогает выяснению образа жизни, культурно-исторических связей сакаров с другими группами туркмен. Жилища их было разнообразно как по времени возведения, так и по типам построек. Во второ-

половине XIX — начале XX в. основным видом жилища бедняков-сакаров было «там-кепбе» прямоугольной, иногда круглой формы. Прямоугольный там-кепбе, состоявший из деревянного каркаса, покрытого камышом и обмазанного глиной, включал иногда две комнаты (рис. 3). Круглый же там-кепбе, называемый «кумбез-кепбе», сооружался целиком из камыша. Стены его обмазывали снаружи глиной на высоту 120—130 см до куполообразной его части (рис. 4). Там-кепбе имел отверстие в крыше или гончарного изготовления вмазанную трубу для выхода дыма из очага; кумбез-кепбе же таких отверстий не имел, и дым выходил через приоткрытую дверь или пробивался через куполообразную камышовую крышу.

В отличие от этих жилищ большее распространение имел небольшой одно- или двухкомнатный из пахсы (слоев битой глины) дом «там», с плоской земляной крышей, державшейся по обычаю обязательно на нечетном числе деревянных, нередко кривых балок, положенных прямо на стены. Жилище этого типа имело обычно примитивного устройства деревянную дверь, проем в стене, чаще всего размером 20—30 см, заменявший окно, и чуть большего размера отверстие в кровле для выхода дыма из очага.

К третьему типу жилища, который бытовал у состоятельной части населения, относится «там», также глинобитной кладки, имевший форму вытянутого прямоугольника и состоявший из двух, трех, а иногда и более комнат, нередко разделенных узким коридором или навесом, заменявшим «айван» (террасу). К такому жилищу иногда примыкал двор с хозяйственными постройками, огороженный глинобитным дувалом.

Жилище зажиточных сакаров располагалось внутри обнесенной высоким дувалом усадьбы, известной в литературе под названием «ховлы» (рис. 5).

Жилые дома колхозного дайханства значительно отличаются от дореволюционных. Колхозники, переселившиеся, как уже отмечалось, в поселки, строят себе новые, просторные, высокие, в большинстве благоустроенные дома из двух, трех, четырех и более комнат, с довольно большими окнами, дверьми, иногда с деревянными полами. Эти дома в значительной степени сохраняют традиции туркменской архитектуры и быта, но отличаются от прежних жилищ тщательной внутренней и внешней отделкой стен, потолка, кровли и т. д. (рис. 6). Комнаты, как правило, оштукатурены, окрашены и отделены от хозяйственных построек. Последние, как и раньше, сооружаются из камыша и обмазываются глиной.

Всюду широко распространилась новая система отопления с железными или чугунными печами и плитками. Вместо прежних тесных, грязных и темных жилищ, в которых многие семьи сакаров жили вместе со скотом, сакары-колхозники живут в просторных, светлых, теплых и уютных домах.

Элементы нового занимают довольно заметное место в убранстве дома и домашней утвари. Наблюдается тенденция все большей замены предметов старого типа новыми — кустарными или фабричными вещами. Наряду с этим в домах колхозников широко распространены предметы традиционного убранства, как, например, узорчатые кошмы и паласы или ковры, которыми обычно покрывают пол жилого помещения и комнаты для гостей. Видное место в убранстве жилища занимают плакаты, карты, фотографии членов семьи, родственников и знакомых. Наличие почти во всех жилых помещениях колхозников этого нового элемента убранства свидетельствует о зажиточности и росте культуры сельского населения. Вместе с тем оно выражает новую его идеологию и способствует формированию социалистического сознания у населения.

У сакаров широко распространена покупная мужская, детская, в меньшей степени — женская одежда. Однако традиционные формы, особенно женской одежды, продолжают сохраняться. Мужской и женский костюм сакаров по комплексу, покрою и терминологии, имея общие черты с костюмом многих других групп туркмен (рис. 7), в то же время отличается некоторыми деталями. Это заметно в традиционном женском костюме, в частности в головном уборе. Женский костюм, изменяясь в деталях, продолжает сохранять некоторые особенности, идущие из отдаленного прошлого. Это туникообразного покроя рубаша «койнек» и халат «дон», штаны «балок» с широким шагом, узкие у икр, вышитые цветными нитками. Головной убор женщин из бывших родовых групп гарамахмут, хожаннабек и сыдагасакар включает тюбетейку, два цветных платка и белый марлевый платок «хаса», а головной убор женщин-сакарок из группы гызан-мейре состоит из вышитой тюбетейки «кештели тайха», красного личека, красного платка, повязанного спереди узлом, и белого марлевого покрывала «хаса». Прослеживаются некоторые особенности и в вышивках мужских и девичьих

Рис. 7. Пожилой сакар в традиционном костюме

тубетеек. Орнаментальные мотивы вышивок у группы гызан-мейре находят некоторые аналогии в вышивках атинцев и текинцев, с их мелким геометрическим узором «канде», «ак-гайма» и др. Характерной особенностью костюма девушек и молодых женщин — сакарок, как и прежде, является многообразие серебряных украшений, значительно преобладающих над вышивками, выполненными шелковыми нитками (рис. 8).

Как было сказано выше, во время поездки к сакарам мы познакомились с их производственным бытом, семейными отношениями и культурой колхозного крестьянина. Были выявлены огромные преобразования и в этой области. Организационно-хозяйственное укрепление колхозов, повышение уровня механизации производства, развитие всего общественного хозяйства содействовали успешному производственному, политическому и культурному развитию сакаров. Из их среды выросли многочисленные квалифицированные кадры колхозных работников. Изменилось общественное отношение к женщинам, которые в настоящее время играют огромную роль в колхозном производстве и под влиянием хозяйственных достижений, роста материального благосостояния

Рис. 8. Сакарки в современной одежде

и общего подъема культурно-политического уровня обрели полную свободу и фактическое равноправие. Обращает на себя внимание рост сознательности и активности колхозников, их социалистическое отношение к труду и общественной собственности.

Однако рост культуры сакаров еще отстает от темпов развития их производственной жизни и роста материального благосостояния. Не во всех еще поселках достаточно удовлетворяются все возрастающие культурные запросы колхозников, особенно тех их части, которая живет не в центральном поселке колхоза, а в так называемых участковых поселках. Так, культурно-просветительные учреждения колхозов «Большевик» имени Калинина и имени Сталина плохо обеспечены квалифицированными кадрами. Этим отчасти объясняется отставание культурно-массовой работы. Некоторые из культурно-просветительных учреждений, школы и т. п., не стали еще центрами пропаганды культуры и нередко содержатся в антисанитарном состоянии.

Перед партийными и советскими организациями республики стоит неотложная задача значительного улучшения и расширения партийно-политической и массово-разъяснительной работы. В основу должно быть положено улучшение воспитания учащихся, привитие им необходимых санитарно-гигиенических навыков, трудолюбия, правдивости, культурного поведения, любви к Родине, уважения к старшим и т. д. Особое внимание следует уделить борьбе с сохранившимися патриархальными и религиозно-бытовыми пережитками.

Решения XXI съезда КПСС, несомненно, послужат мощным стимулом не только ликвидации отставания в быту и культуре, но и к дальнейшему, еще большему подъему производственной жизни, материального благосостояния и культуры сакаров, как и всего туркменского народа.

Я. Р. Виннико

ВЫСТАВКА ДЕКОРАТИВНОГО ИСКУССТВА КАЗАХСКОГО НАРОДА

13—25 декабря 1958 г. в Москве, в связи с декадой искусства и литературы Казахстана, в помещении выставочного зала Союза Советских художников СССР была открыта выставка Декоративного искусства казахского народа. Необходимо отметить, что это была первая из выставок, организованных в Москве во время декад национального искусства и литературы, которая была специально посвящена народному декоративному творчеству. Раздел прикладного искусства обычно являлся до сих пор небольшой частью общей выставки изобразительного искусства той или иной республики.

На выставке были представлены художественные изделия преимущественно из коллекций Центрального музея Казахстана. Демонстрировались почти все виды традиционного народного искусства казахов: ковры войлочные, ворсовые, безворсные и вышитые; орнаментированные изделия из войлока и шерсти; образцы узорного ткачества и плетения; мебель и различные бытовые предметы из дерева, украшенные резьбой, росписью и костью; конская сбруя с тиснением по коже и металлическими накладками; старинные костюмы; женские ювелирные украшения и другие произведения народного творчества, связанные с убранством жилища, утвари и одежды.

Внимание посетителя выставки привлекала прежде всего большая, из восьми решеток (канат), покрытая белыми кошмами юрта (рис. 1а) *. Через дверь юрты, украшенную резьбой и яркой росписью, посетители могли войти внутрь юрты. У стены напротив входа, как обычно в казахском жилище, были установлены сундуки, окованные жстью или украшенные резьбой и росписью, на которых лежали сложенные орнаментированные кошмы, одеяла и поверх них подушки в вышитых чехлах (рис. 1б).

С правой стороны стояла казахская кровать типичной для Казахстана формы, с пологими спинками; лицевая стенка ее покрыта тонким узором из кости. У кровати висел шелковый полог (шымдык) с вышивкой гладью в национальном стиле, а в углу юрты стоял обычный в каждом казахском хозяйстве кожаный сосуд для сбивания кумыса (саба) с деревянной мутовой (испек), ручка которой украшена костяными орнаментированными пластинками. В левой части юрты была развешена старинная нарядная одежда. Внимание привлекали оригинальные вешалки (адал бакан) для сбруи и одежды в виде стоячих шестов с крючками, украшенных рельефной резьбой, росписью и насечкой по металлу.

Разнообразные по узорам тканые полосы (бау, баскур) крепили остов юрты, с купола свисали яркие шерстяные кисти (аяк бау), на стенах висели орнаментированные сумки из войлока (аяк кап). Пол был устлан войлочными коврами (сырмак).

В юрте каждый предмет имеет свое традиционное место; кроме утилитарного значения, он является произведением народного искусства. Художественные изделия, входящие в убранство юрты, составляли гармоничный национальный комплекс.

Осматривая юрту, москвичи, не бывавшие в Казахстане, наглядно знакомились с назначением предметов, представленных на выставке, с традиционными формами декоративного искусства, сложившимися в течение веков в условиях скотоводческого хозяйства и полукочевого образа жизни народа. Следует напомнить, что юрта, являясь в прошлом основным видом народного жилища, в настоящее время продолжает бытовать как временное летнее жилище колхозников-животноводов.

Небольшой вводный раздел выставки знакомил зрителя с древними истоками современного народного искусства Казахстана.

Большой бронзовый котел на трех ножках, имеющих вид горных козлов с загнутыми рогами, и другие культовые предметы из бронзы, найденные в Семиречье и относящиеся к культуре древних саков I тысячелетия до н. э., отличаются тем, что в их формах и скульптурных украшениях преобладают образы животных, реальных и фантастических. Изображения животных, типичные для искусства саков Семиречья — древних обитателей территории Казахстана, нашли отражение в сильно стилизованных орнаментальных мотивах различных видов казахского народного искусства более позднего времени.

Основное место среди экспонатов выставки занимали, соответственно их роли в быту, орнаментированные изделия из войлока: постилочные ковры (сырмак и текемет), настенные ковры (тускииз), сумки для одежды и посуды, подвешиваемые к решетчатым стенам юрты (аяк кап), а также чехлы для сундуков (сандык кап).

Наиболее полно на выставке были представлены войлочные ковры — сырмак с вышитым узором из цветного войлока, аппликацией тканями, нашивкой цветного шнура и узорной строчкой.

Для казахских кошм характерно сочетание белого и коричневого войлока на центральном поле, красной ткани и белого войлока в кайме. В местах соединения войлока двух цветов прокладывается шнур, чаще красного цвета, подчеркивающий узор.

Большое количество выставленных образцов кошм, относящихся преимущественно к северным и восточным областям Казахстана, позволяет выделить несколько типов, отличающихся вариантами построения орнамента и техники выполнения. Для одного типа характерна единая свободная композиция узора, развивающегося по обе

* Публикуемые в статье снимки — работы З. А. Зеликмана (рис. 1, 10—12) и Ю. А. Аргиропуло (рис. 2—9).

Рис. 1. Юрта, экспонированная на выставке: а — внешний вид;
б — внутреннее убранство

стороны вертикальной оси. На ковре из белого войлока (рис. 2) узор выполнен коричневым войлоком; изящный мелкий орнамент каймы, выполненный аппликацией из красной ткани, контрастирует с крупным узором центрального поля. Другой образец ковра дает яркое представление об одном из основных законов построения казахской орнаментики, который состоит в том, что мотивы фона и узора повторяют друг друга; при выделке ковра данного типа это достигается тем, что из кошм двух цветов вырезают по трафарету узоры одинаковой формы и размера и сшивают их, чередуя между собой. Орнамент ковра представляет собой сочетание затейливых коричневых и

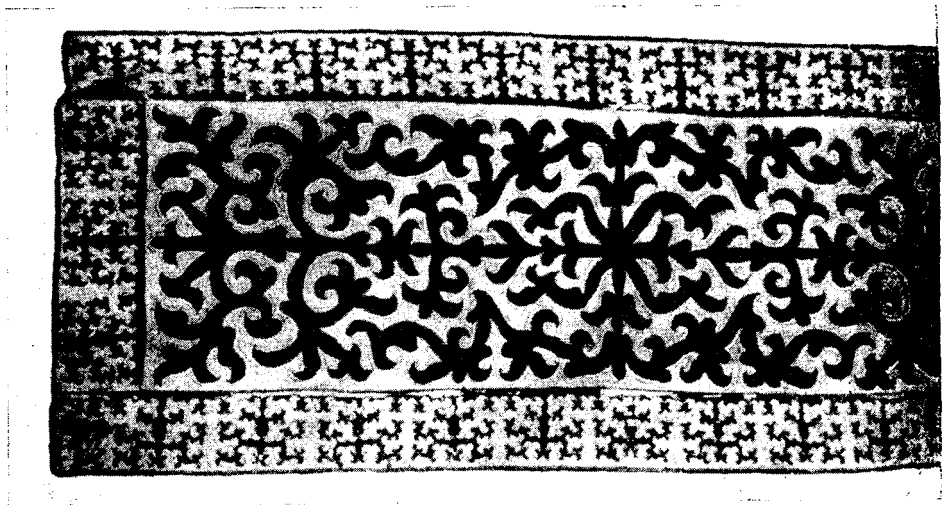

Рис. 2. Войлочный ковер «сырмак» из Восточно-Казахстанской обл.

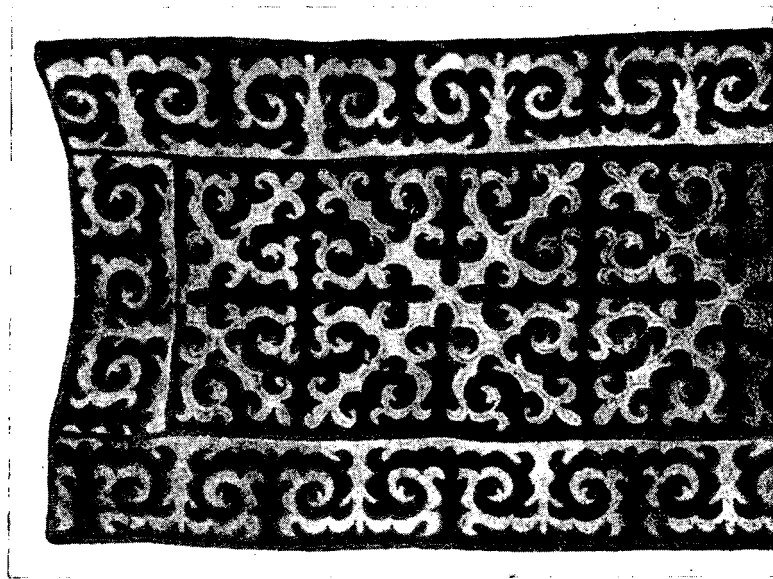

Рис. 3. Войлочный ковер «сырмак» из Семипалатинской обл.

белых завитков, как бы входящих друг в друга. В кайме мы видим те же завитки в других вариантах, выполненные той же техникой инкрустации (рис. 3). В данном ковре использованы войлоки только двух цветов, с окантовкой узора красным шнуром.

На выставке были также представлены войлочные ковры, в которых цвета распределены по принципу негативного и позитивного изображения. Сырмак вдоль короткой

стороны делится на две равные части: в одной белый узор расположен на коричневом фоне, в другой — коричневый узор на белом фоне.

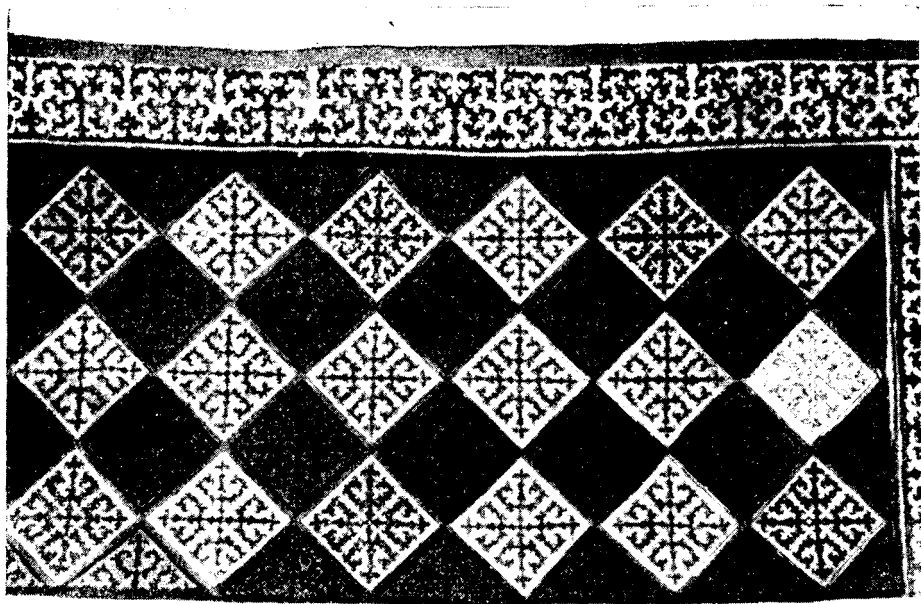

Рис. 4. Войлочный настенный ковер «тускииз» из Павлодарской обл.

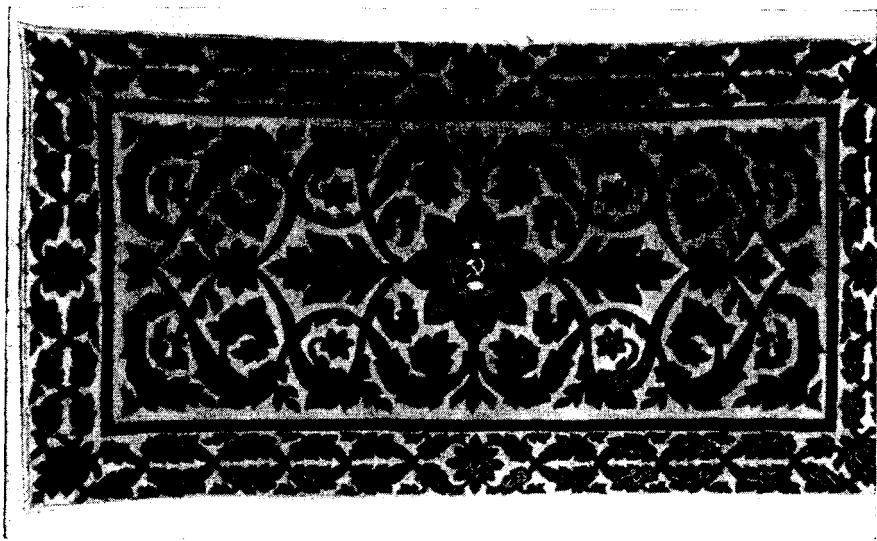

Рис. 5. Настенный ковер из цветного сукна «мауты текемет». Работа современных мастериц Хадичи Бекмухаммедовой и Мубины Ниязовой (Западно-Казахстанская обл.)

В коврах юго-восточных районов Казахстана встречается сочетание красного и синего войлока, что типично также для соседних киргизских районов. Узорные войлочные ковры, выполненные в иной технике, так называемые «текемет», в которых узор образуется в результате валяния войлока с наложенной в соответствующих местах окрашенной шерстью, были, к сожалению, показаны лишь несколькими образцами, не дающими полного представления об этом виде орнаментированных кошм.

Производство войлочных ковров сырмак и текемет, являющееся одним из наиболее древних в Казахстане, повсеместно распространено там и теперь. Невозможно найти жилище, особенно в сельской местности, где бы эти прекрасные изделия не вносили в его убранство особый национальный колорит. В советское время, с переходом казахов на оседлый образ жизни и переселением в благоустроенные дома, войлочные ковры не утратили своего практического значения.

Своеобразный вид декоративных изделий из войлока — большие настенные ковры тускииз¹ с аппликацией из ткани. На выставке были представлены два прекрасных

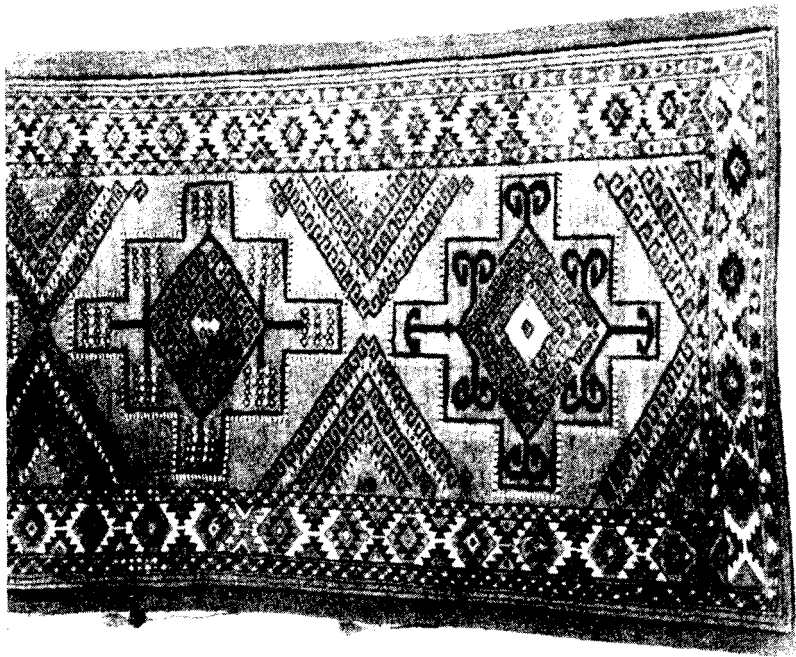

Рис. 6. Ворсовый ковер «туктиклем». Работа современной мастерицы Бибайши Румановой (Южно-Казахстанская обл.)

аринных образца этих изделий. Все поле их разделено на небольшие квадраты из двух цветов войлока, чередующихся в шахматном порядке, в каждом из которых расположен фигурный мотив из завитков. На ковре из Павлодарской области узор в квадратах одинаков; он выполнен аппликацией из красной ткани по белому и коричневому войлоку (рис. 4). Тускииз отличается тонкостью узора и строгой расцветкой. Второй скииз, из Кокчетавской области, поражает разнообразием мотивов узора, богатством расцветки, сочетанием различной техники выполнения (золотошвейная и тамбурная шшивка, аппликация).

Среди современных тускиизов особыми художественными достоинствами отличаются работы известной народной мастерицы Рымжан Барлыбаевой.

Своеобразны художественные изделия из западных областей Казахстана. В прежние времена здесь изготавливали декоративные полосы для украшения юрты, так называемые «салма», выполненные техникой инкрустации из тонкого сукна ярких цветов — зеленого, красного, желтого, синего, черного. Используя старые традиции, народные мастерицы Хадича Бекмухаммедова и Мубина Ниязова выполнили в 1958 г. два парных настенных ковra «мауы-текемет» с однотипным растительным узором, но разной расцветкой. В одном ковре желтые стебли выделяются на ярко-синем фоне, в другом — синий с красным узор расположен на желтом фоне (рис. 5). Очень удачно, гармонично в середину центральной растительной розетки вписан на одном ковре герб Казахской ССР, на другом — пятиконечная звезда с серпом и молотом.

¹ Настенные ковры (тускииз) встречаются в Казахстане двух видов: войлочные с аппликацией тканью и вышитые шелками по ткани. В некоторых тускиизах вышивка сочетается с аппликацией. В XIX в. бывали и тускиизы кожаные с тиснением.

Необыкновенно разнообразны по орнаменту и технике исполнения тканые казахских мастериц. Среди них выделяются паласы «такыр-килем»² из Кызылской и Южно-Казахстанской областей с характерным чередованием широких орнаментированных полос, а также имеющие повсеместное распространение пестрые безворсные ковры «алаша». Такыр-килем и алаша обычно вешают на иногда застилают ими пол в парадной части жилища.

Очень красивы широкие тканые полосы «баскур», служащие для скрепления ревянных частей юрты и для ее декоративного оформления. Техника их выполнения различной. Особенно интересны полосы с ворсовым узором по гладкому фону, напоминающие подобные изделия туркмен и каракалпаков.

Рис. 7. Старинное женское седло «аель ер токым»
(Семипалатинская обл.)

До настоящего времени очень мало изучены ворсовые ковры Казахстана. Поэт, особый интерес представляли выставленные образцы таких ковров. На одном из них, относящемся, вероятно, к XIX в., изображены три крупных ступенчатых медальона красного и синего цвета. По всей поверхности ковра расположен узор в виде горизонтальных стержней с отходящими от них по обе стороны роговидными завитками. Такое своеобразие придает ковру игра различных оттенков красного цвета поперечных полос поля ковра. В хороших традициях выполнен ковер современной работы молодой мастерицы из Южно-Казахстанской области Бибайши Румановой (рис. 6). По тем же красному фону его расположены крупные ступенчатые медальоны с многоцветными деталями.

Оригинальны узорные плетеные циновки из степной травы «чий». Такими узорами циновками окружались решетчатый остов юрты. Снаружи их закрывают кошами, а изнутри их красочные узоры видны через просветы решеток юрты. Циновки меньшей длины служат ширмой, отделяющей хозяйственную часть юрты (ашхан). Техника изготовления циновок заключается в том, что каждый стебель травы оплетают в отдельности цветной шерстью с таким расчетом, чтобы при скреплении их вместе получился определенный узор. Обычно преобладает геометрический орнамент, в особенности мотив ромба со спиральными завитками. Узор выполняется шерстью синего, коричневого, белого и желтого цвета по красному фону. Яркие циновки придают казахскому жилищу праздничный вид. Циновки описанного типа бытуют и в Киргизии.

На выставке было показано несколько хороших образцов циновок современной работы. В современном быту казахов, когда основным их жилищем стал обычный дом, производство циновок значительно сократилось. Между тем традиции этого оригинального искусства, которые живы и поныне, могли бы быть использованы и теперь в применении к предметам, приспособленным к новому, современному быту (жалюзи на окна, настенные ковры, ширмы и др.). При этом возможна замена шерстяных ниток шелковыми или бумажными.

Вышивка различных видов издавна известна у казахов. Ею украшали предметы убранства жилища и одежды. На выставке можно было познакомиться с типичными для Казахстана настенными коврами тускииз, вышитыми тамбуром по бархату. Бол

² Термин «такыр-килем» — название безворсного ковра — происходит от тюркского слова «такыр» — ровный, гладкий.

шой интерес представляют показанные на выставке старинные богатые мужские и женские костюмы и головные уборы, украшенные золотошвейной вышивкой. Помимо старинных предметов золотошвейной работы, были экспонированы изделия известных современных народных мастериц-вышивальщиц Халимы Есереповой и Нурзады Тойкиной.

В настоящее время вышивка шелками является одним из наиболее распространенных видов народного творчества в Казахстане. Помимо традиционных швов — тамбуром (біз-кесте) и гладью (басма-кесте), там за последние десятилетия широкое распространение получила вышивка крестом (джермеме-кесте). Этим швом вышивают по белой ткани пологи и подзоры для кровати, наволочки и полотенца, занавеси на окна и другие бытовые предметы. Вышивка крестом, заимствованная у русского и украинского населения, получила в Казахстане своеобразную национальную интерпретацию.

Значительной областью народного искусства казахов искони являлась художественная обработка металла и кожи. На выставке были представлены парадные женские

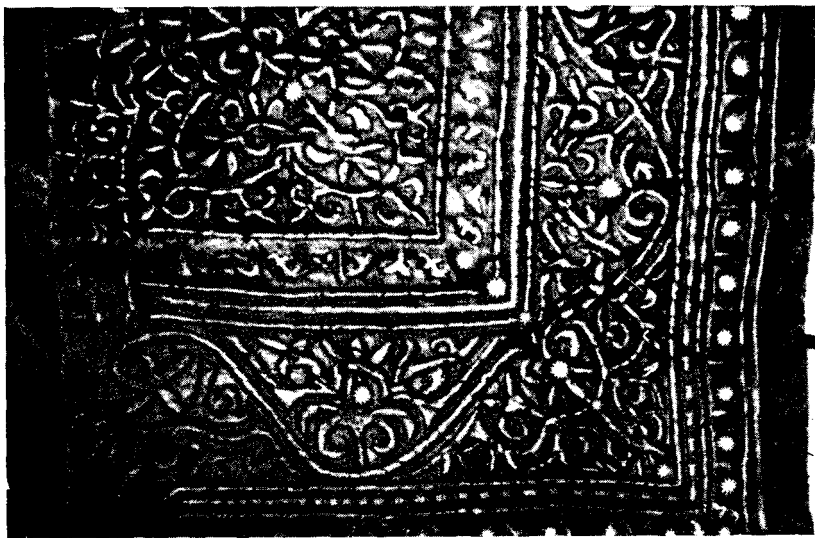

Рис. 8. Настенный ковер тускиниз. Тиснение по коже (Талды-Курганская обл.).

и мужские седла и принадлежности сбруи, покрытые фигурными посеребренными бляхами, украшенными гравировкой, насечкой, штамповкой и цветными камнями (рис. 7). Были показаны также мужские и женские кожаные пояса с бляхами аналогичной работы.

Ювелирные изделия были представлены большим количеством экспонатов. Национальным своеобразием отличаются широкие браслеты, соединенные цепочками с двумя-тремя перстнями, массивные нагрудные украшения из нескольких фигурных медальонов (онир жиек), большие двойные перстни, соединенные между собой и надеваемые на два пальца, прикрытые сверху общим овальным щитком, наконечники, пуговицы оригинальной формы, пряжки для женской одежды и др. Эти изделия украшены рельефными узорами в виде зубцов и треугольников, выполненных зернью, с вставками сердолика или цветного стекла.

В условиях полукочевого образа жизни казахи-скотоводы выделывали самые разнообразные предметы из кожи, украшая их тиснением: различной формы сосуды для кумыса (торсык), потники (токум), сундуки (жаглан). Особый интерес посетителей выставки вызывал уникальный кожаный тускиниз с прекрасным рельефным тисненным узором и металлическими накладками (рис. 8).

Изделия из дерева характеризовали еще одну область народного творчества. Большим разнообразием и изяществом форм отличаются фигурные гладкие ковши для кумыса (ожау), вытаскиваемые со всеми деталями, с подвесными колечками, из одного куска дерева. Много изобретательности вкладывают мастера в изготовление этих ковшей, служащих для разливания и питья кумыса — любимого напитка казахского народа. На одном из ковшей вырезано имя современного мастера — резчика по дереву Шахи Мустафина. Интересны также деревянные лари для хранения продуктов (кебеже), украшенные глубокой рельефной резьбой в сочетании с росписью (рис. 9).

На выставке обращали на себя особое внимание посетителей предметы, отделанные узорными костяными пластинками. Мелкий белый орнамент в виде гибких растительных завитков четко выделяется на темном фоне. Так украшали лицевую стенку

старинной деревянной кровати, шкафчики, сундучки, ручки мутовок для сбивания мяса и другие бытовые предметы, а также народные музыкальные инструменты. Достоянием продолжателем этого вида искусства является народный мастер, заслуженный деятель искусств Казахской ССР Камар Касымов. Домбра его работы с богатым вкусом инкрустирована костью и перламутром (рис. 10). На выставке была показана и другая работа мастера — деревянная папка с инкрустацией перламутром костью.

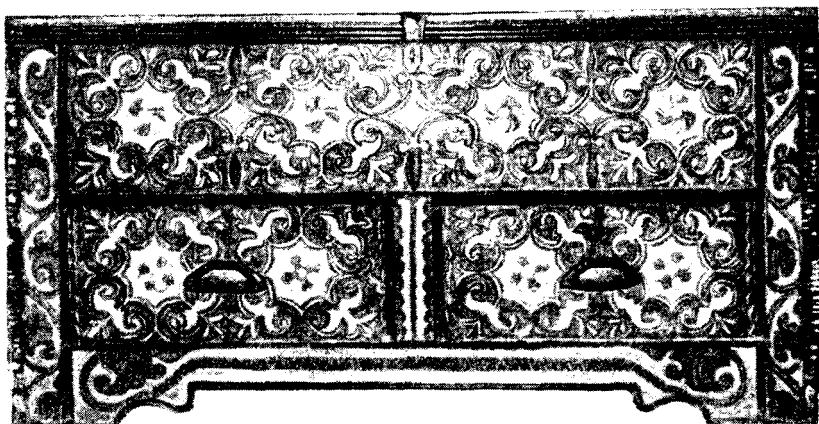

Рис. 9. Ларь «кебеже» для хранения продуктов. Рельефная резьба с росписью (Западно-Казахстанская обл.)

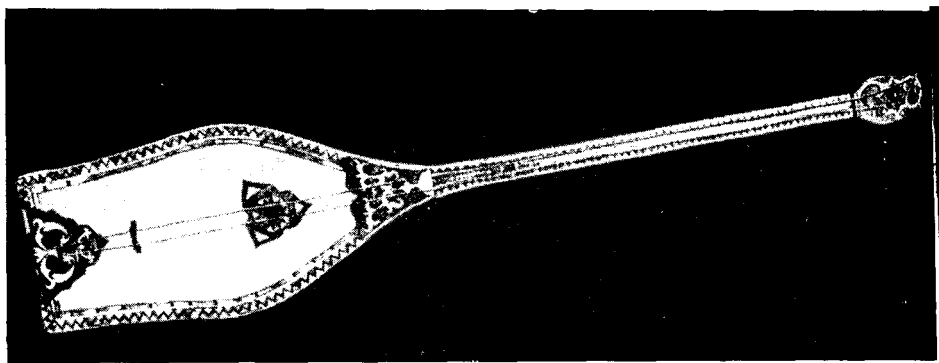

Рис. 10. Народный музыкальный инструмент «домбра». Инкрустация костью и перламутром. Работа современного мастера Камара Касымова

Орнаментальное богатство казахского народного творчества используется в наше время и в новых для Казахстана художественных промыслах. На выставке было показано много керамических ваз разной формы, выполненных алма-атинской научно-экспериментальной керамической станцией. В дореволюционном Казахстане керамического производства не было. Алма-атинская керамическая станция организована свыше 20 лет назад, и ее изделия получили широкую известность. Казахская орнаментика нашла применение и в этих изделиях, хорошо выполненных технически. Нужно, однако, сказать, что в последние годы формы сосудов не всегда получаются удачными, вазы перегружены орнаментом, плохо связанным с формой предмета, а сюжетные изображения не входят органически в оформление этих ваз.

В другом новом художественном промысле Казахстана — производстве гобеленов — сюжетно-тематические изображения занимают основное место.

ис. 11. Гобелен «Амангельды Иманов», выполненный по эскизу художника Канаша Тельжанова. Работа мастериц алма-атинской артели «Ковровщица»

ис. 12. Вышитое панно, выполненное по эскизу народного художника Казахской ССР Абылхана Кастеева

Среди многочисленных гобеленов, созданных за последнее двадцатилетие в Казахстане, можно считать одним из наиболее удачных экспонированный на выставке гобелен «Амангельды Иманов» (рис. 11). Он выткан по эскизу молодого казахского художника К. Тельжанова народными мастерицами алма-атинской артели «Коммунистка». С большой силой в гобелене воспроизведен образ прославленного героя гражданской войны. Амангельды изображен как сказочный батыр, на белом мчащемся впереди своего отряда, на фоне красного развевающегося знамени. Узкая полоска каймы с легким изящным национальным орнаментом оттеняет изображение центрального поля.

Гобелен «Советский Казахстан», исполненный по эскизу художника М. Кенесбаева, нельзя признать удачным. Недостатки гобелена заключаются главным образом в композиционной неслаженности. Фигуры переднего плана соединены друг с другом механически и не связаны с пейзажным фоном.

Интересным опытом создания декоративного изделия можно считать панно, выполненное по эскизу народного художника Казахской ССР Абылхана Кастеева, на котором изображены отары колхозных овец на фоне казахстанских гор (рис. 12).

Выставка казахского народного искусства показала, что древнее орнаментальное творчество продолжает жить и развиваться в новых, социалистических условиях. Теперь, как и прежде, широкие народные массы являются создателями прекрасных художественных изделий, которые находят применение в современном быту. Особое успешно развивается производство узорных кошм и тканых декоративных изделий, также художественная вышивка. Но такие виды ремесел, как узорное плетение, художественная обработка металла, кожи и дерева, в наше время почти не развиваются. Между тем традиции этих видов искусства еще живы, и следовало бы обратить внимание на возрождение этих забытых художественных промыслов. Оригинальная казахская резьба по дереву могла бы найти широкое применение в современной архитектуре. Что касается использования кости в художественных изделиях, то следует отметить интересный опыт создания специальных костяных чехлов, изготовляющих мелкую скульптуру, при мясокомбинатах в Алма-Ате и Семипалатинске. Образцы изделий были представлены на выставке. Нам кажется, что традиционная орнаментальная резьба по кости может также найти применение в украшении различных предметов современного быта (шкатулок, рамок и др.).

Следует отметить, что за последние годы в Казахстане наблюдается некоторый сдвиг в организации художественных промыслов. Большое значение в этом деле и постановление Совета министров Казахской ССР в 1957 г. о развитии народного прикладного искусства в республике. В 1957—1958 гг. проходили слеты народных мастеров, конкурсы на лучшие художественные произведения, республиканские и областные выставки. Лучшие народные мастера приняты в Союз Советских Художников Казахстана.

Необходимо отметить превосходную организацию выставки казахского народного прикладного искусства во время декады казахского искусства и литературы в Москве и выдающуюся роль в этом деле Центрального музея Казахстана, проработавшего большую работу по сбору и показу экспонатов выставки. Следует отметить точную научную паспортизацию выставленных вещей и их описание в каталоге выставки³.

К декаде были подготовлены и изданы красочный альбом по истории казахского национального костюма⁴ и другие работы по прикладному искусству⁵, которые демонстрировались на выставке.

Большое внимание организаторы уделили обслуживанию посетителей выставки. Объяснения давали специально подготовленные экскурсоводы. Консультации по бытовому прикладному искусству казахов давали директор музея С. С. Есова, научные сотрудники Н. А. Орозбаева, М. Г. Кенжегалиева, а также приехавшие на декаду народные мастера и мастерицы К. Касымов, Х. Есерпова.

Высокую оценку получила выставка казахского прикладного искусства на общесоюзном, организованном Союзом художников СССР.

Е. И. Махова, Г. Л. Чепелевецкая

³ «Казахское прикладное искусство», Каталог, М., 1958.

⁴ «Казахский народный костюм», Алма-Ата, 1958 г., составители С. С. Есова, Н. А. Орозбаева.

⁵ Т. М. Басенов, Прикладное искусство Казахстана, Алма-Ата, 1958; его же Казахский народный орнамент, Альбом, М., 1958.

ПОЕЗДКА ВО ВЬЕТНАМ

В октябре 1958 г. Институт этнографии командировал во Вьетнам двух своих сотрудников — автора этой работы и А. И. Мухлинова¹. В круг наших задач входило установить контакты с научными учреждениями этой страны и отдельными учеными, а также собрать материалы по современной этнографии народов Вьетнама, главным образом для соответствующих глав издающейся серии «Народы мира».

Вьетнамские товарищи, давно ожидавшие запланированного приезда советских этнографов, провели большую подготовительную работу. Это позволило нам приступить к работе на следующий же день. Первые две недели мы провели главным образом в самом Ханое, посещая различные научные учреждения и встречаясь с компетентными вьетнамскими специалистами. Время наше было заполнено весьма интенсивно, сходясь с часами деятельности учреждений во Вьетнаме. Работа начиналась обычно в 7 час. утра и длилась до 11 час. 30 мин. В этот час в учреждениях Ханоя раздаются громкие звуки сирены, возвещающие обеденный перерыв с обязательной следующей за обедом сиестой, или по-просту «мертвым часом», длящимся до 2 час. Вторая половина рабочего дня обычно длится с 2 до 5 час. 30 мин. Время сиесты мы обычно использовали для осмотра города и пригородов, а вечер — либо для подготовки к очередной беседе, либо для ознакомления с искусством столицы.

Из научно-исследовательских учреждений мы наиболее тесно были связаны с Комитетом по делам национальных меньшинств, который, подобно министерствам и Комитету литературы, истории и географии, ведет, помимо научной, и практическую работу. В настоящее время ряд этих организаций расформировывается и частично заменяется вновь создаваемыми институтами, в том числе историческим.

Кроме того, мы ознакомились с деятельностью университета, где на ряде факультетов, кроме педагогической, проводится большая научно-исследовательская работа. В частности, мы ознакомились с работами историков и археологов. Археологами на базе реорганизованного музея Луи Фино создан Вьетнамский исторический музей. В нем сосредоточена богатая коллекция памятников культуры народов Юго-Восточной Азии. Вьетнамские ученые на основе марксистской методологии перестроили экспозицию музея, освободив ее от колониально-экзотического привкуса, присущего стилю некоторых французских исследователей Индокитая, и создали яркую и запоминающуюся картину истории своей страны.

Несмотря на то, что колонизаторы после своего поражения ограбили многие научные учреждения, вывезя перед своим уходом множество коллекций и литературы, в Центральной научной библиотеке сохранилось много сокровищ — ценнейшие издания, рукописные и архивные материалы и очень интересная и хорошо организованная фототека. Как и везде, вьетнамские товарищи проявили много старания и заботы, чтобы мы в имевшийся у нас короткий срок смогли с максимальной полнотой использовать эти материалы, а также получить по возможности исчерпывающую информацию по самым разнообразным вопросам, как, например, современная музыкальная культура вьетнамцев, вьетнамский народный театр и т. д.

С театром, впрочем, мы имели все возможности познакомиться лично, и не только просмотреть наиболее типичные постановки, но и пройти на сцену, за кулисы, наблюдать работу режиссеров, постановщиков, художников, костюмеров, настройку музыкальных инструментов, короче — ознакомиться со всем процессом создания спектакля, который в стране далеко не везде одинаков. Театр во Вьетнаме делится на много национальных жанров, не говоря уже о театре западного стиля. Следует отметить еще одну особенность вьетнамского национального театра — он крайне популярен среди всех слоев населения. Цены на билеты весьма доступны, и зал неизменно бывает переполнен.

За эти же две недели мы успели несколько раз съездить в близлежащие деревни в радиусе до 30 км от Ханоя (рис. 1), в основном известные ремесленными производствами — бумажным, ткаческим, керамическим, побывать там же в ряде исторических мест и детально осмотреть сам Ханой — его улицы, рынки, храмы, ремесленные кварталы. Ханой — очень красивый и своеобразный город. Он образован в основном прямоугольной сетью широких и длинных зеленых тенистых улиц. Дома, как правило, окрашены в светлые тона, выдержаны в современном простом и удобном для тропических стран стиле, с некоторыми декоративными элементами, характерными для дальневосточной архитектуры. Лишь ремесленные и торговые кварталы старого города, с их запутанными и узкими улочками, несколько напоминают застройку южнокитайских провинциальных городов. Автомобилей на улицах Ханоя не очень много, пешеходов вряд ли многим больше, зато поражает громадное количество велорикш и велосипедов, в управлении которыми вьетнамцы достигли высокой виртуозности. Не редкость увидеть на велосипеде целое семейство: отец правит, мать сидит сзади на багажнике, свесив ноги обязательно влево, обе руки ее заняты вязанием, и в то же время она, не переставая, беседует с супругом, тогда как младенец спокойно сидит в креслице, укрепленном на раме за рулем.

Кроме велосипедов, наиболее широко распространенным предметом на любой вьетнамской улице или дороге, городской или сельской, является бамбуковое коро-

¹ Информация А. И. Мухлинова будет дана в одном из ближайших номеров журнала.

мысло. Оно с подвешенными к нему корзинами обычно используется для перевозки грузов. На всех улицах города можно видеть десятки торговцев, сидящих на щипках на мостовой и разложивших на этих корзинах свои товары — фрукты, рыбные изделия и т. д. Протяжным выкриком они зазывают покупателей. Раннее перед началом работы, тротуары на перекрестках превращаются в импровизированные столовые: торговка раздает со своих корзин чашки, палочки и холодные закуски, покупатели тут же садятся на корточки и завтракают. Обедуют все плотно в жилищах дома, ужин же иногда бывает на улице, как и завтрак, но по вечерам торговцы уже не корзины, а жаровни на тех же коромыслах, и торгуют они горящей — рисовой кашей с курицей.

В первых числах ноября мы выехали в первую из запланированных вьетнамскими товарищами совместных полевых экспедиций. Переезд занял один день, в котором мы пересекли дельту Красной реки. Дороги в этом густонаселенном районе очень хорошие, так что ехали мы без затруднений. Нам удалось посетить

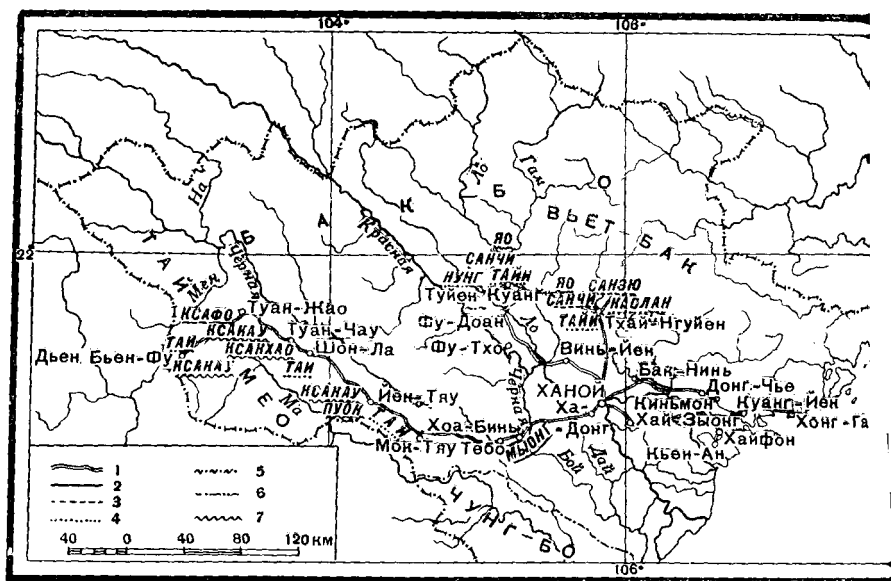

Рис. 1. Расселение народностей, обследованных экспедицией

1 — маршрут экспедиции

Языковые группы народностей

2 — вьетнамская, 3 — китайская, 4 — тайская, 5 — мяо-яо, 6 — тибето-бирманская, 7 — мон-кхмерская

провинции Хай-Зыонг, где находилась выбранная для исследования деревня, и встретиться с представителями провинциального административного комитета, после чего мы вместе с его председателем поехали дальше.

Во второй половине дня мы уже были в уездном центре Киньмон (рис. 3), а утром присутствовали на торжественном собрании, где глава провинции вручил грамоту деревне, которая за короткий срок полностью ликвидировала неграмотность.

Последующая неделя была посвящена этнографическому изучению двух деревень — Хиеп-Сон и Хиеп-Ан, находящихся в полутора километрах от Киньмона. Мы довольно детально ознакомились с современной культурой крестьян, их жилищами, одеждой, сельскохозяйственными орудиями и т. д. Удалось нам это, конечно, благодаря помощи сопровождавших нас вьетнамских ученых и всего населения деревень. Жители деревень относились к нашей работе с исключительным пониманием и с большим интересом, так что стоило только попросить одного из них, как уже к дому, где мы работали, со всей деревни начинали сходить люди, извлекая со двора свои сувениры, интересовавшие нас предметы домашнего обихода, так что мы, мобилизовав всех наших спутников, еле успевали фотографировать, обмерять и записывать все то, что нам было нужно. Когда мы заходили на какую-либо усадьбу, хозяева, осведомленные о наших интересах, не дожидаясь просьбы, выносили из дома во двор для фотографирования всю обстановку, разбирали на части инвентарь (например, ручные мельницы, веялки), сами обращали наше внимание на особенности усадьбы. Это значительно облегчало и упрощало нашу работу.

В Ханой мы вернулись только на праздник 41-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции и сразу же после праздника выехали в самый длинный и трудный наш маршрут — в автономную область Таи-Мео.

Мы проехали по знаменитой дороге № 6, которая во время войны была единственным путем снабжения войск, сражавшихся за Дьен-Бьен-Фу; естественно, что она подвергалась особенно ожесточенным бомбардировкам французской авиации. Сейчас правительство и народ Вьетнама прилагают большие усилия к восстановлению горных дорог, и нам повсюду встречались дорожные машины — грейдеры, катки — и группы солдат и местных жителей, занятых строительством. Однако на ряде участков дорога продолжает оставаться очень тяжелой, и нам не раз приходилось выходить из машин, чтобы протолкнуть их по крутым каменистым осыпям или вытащить из воды, когда моторы глохли при переезде вброд.

Однако все трудности пути были щедро вознаграждены: в Таи-Мео мы собрали богатейший материал для наших будущих исследований. Прежде всего мы использовали наличие в двух городах области — Туан-Чау и Шон-Ла — школ национальных кадров, где сконцентрировано много представителей самых малочисленных народностей из самых труднодоступных областей; они к тому же обладают достаточной

Рис. 2. Мостик к храму в деревне Дай-Фук близ Ханоя

образованностью, позволяющей получить более подробную, детальную и квалифицированную информацию, чем просто при опросе сельского населения. Здесь мы прежде всего уточнили вопросы этно-лингвистической классификации, а также выяснили многие стороны духовной культуры.

Этно-лингвистическая классификация населения Вьетнама далеко не проста. Народы Вьетнама распадаются на много языковых групп, причем вопросы их родства во многом остаются спорными, и в науке нет еще установившегося мнения в этой области. Например, вопросы о том, составляют ли тайские и китайские языки единую тай-китайскую группу китайско-тибетских языков или образуют две равнозначные группы; являются ли мон-кхмерские и малайско-полинезийские языки членами одной языковой семьи или же составляют две отдельные независимые семьи. Наконец, спорен вопрос о принадлежности самого вьетнамского языка. Даже отбросив эти споры и придерживаясь эмпирического разделения на наиболее явно выделяющиеся группы, мы получим весьма пеструю картину. Помимо собственно вьетнамцев, которые вместе с мьянгами образуют особую языковую группу, можно выделить следующие группы: мон-кхмерскую, малайско-полинезийскую, тибето-бирманскую, тайскую и отдельно от нее китайскую, наконец, мало изученную группу мяо-яо.

Существующие обиходные вьетнамские сборные наименования отдельных групп народов, как, например, «кса» или «ман», включают народы, говорящие на языках различных семей. Так, например, к группе «ман» относили, кроме различных подразделений яо, также каолан — народ тайской группы. Более того, оказалось, что под одним и тем же именем — ксакхао — были известны два народа: один мон-кхмерской, а другой тибето-бирманской принадлежности.

Мы встретили также, помимо различных диалектальных подразделений мяо, группу, тоже относящую себя к мяо, но говорящую на совершенно непонятном другом мяо языке, хотя он, несомненно, должен быть отнесен к той же группе мяо-яо. С другой стороны, этнонимы, зафиксированные в представленных нам документах как имена отдельных народов, на проверку оказываются часто принадлежащими одному и тому же народу.

При непосредственной полевой работе в деревнях нацменьшинств на первый план выдвигалось изучение материальной культуры. Мы посетили несколько тайских дере-

вень, три деревни ксакау, одну деревню ксакхао и одну деревню пуок. За исключением тайских деревень (рис. 4), которые расположены в долинах небольших речек, в деревни остальных перечисленных нацменьшинств, принадлежащих в этно-лингвистическом отношении к горным мон-кхмерам, находятся высоко в горах, и туда приходилось идти по руслам ручьев и по горным тропам пешком за 10—15 км. В более легко доступных местах находятся поселения мыонгов, близких по языку и культуре к собственно вьетнамцам. Два таких селения мы посетили на обратном пути в провинцию Хоа-Бинь.

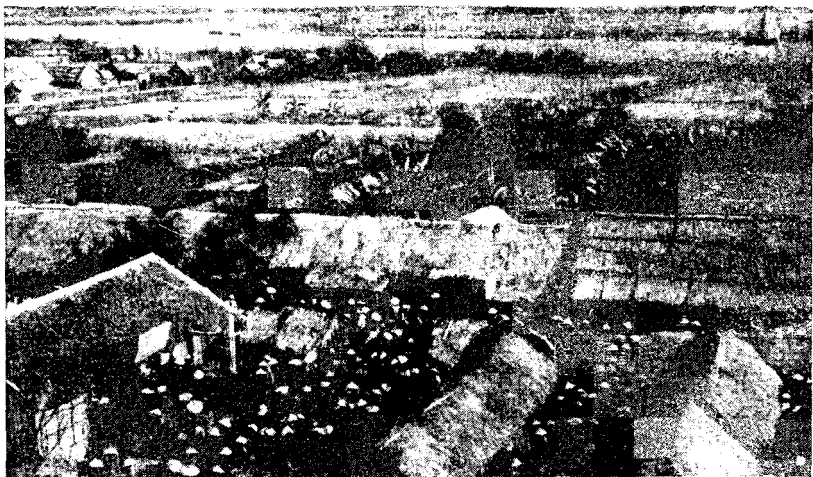

Рис. 3. Вид местечка Киньмон в рыночный день

Рис. 4. Тайский поселок в районе Мок-Чау (Таи-Мео)

Поездка в Таи-Мео заняла две недели. По возвращении мы задержались в Ханой только на один день и сразу же выехали в другую автономную область Вьетнама — Вьет-Бак. Это путешествие заняло у нас последнюю неделю ноября. Во Вьет-Бак наши исследования велись по тем же направлениям, что и в Таи-Мео, причем основное внимание было сконцентрировано на изучении различных подразделений яо, составляющих вместе с мяо особую группу, а также ряда тайских народностей, как тайи, нун, каолан (рис. 1).

Повсюду в самых отдаленных и затерянных в лесах деревнях Вьетнама все еще мало до велика хорошо знают и уважают Советский Союз, и к нам — двум представителям братской социалистической страны — везде относились с большим радушием и теплотой. Невозможно забыть ряд трогательных эпизодов. Когда мы шли в деревню ксакау, в районе Туан-Чау, несколько жителей встретили нас по дороге и побежали

вперед, чтобы предупредить о нашем приходе. Через несколько часов, когда мы дошли до деревни, вся она была прибрана, чисто выметена и все население, одетое в лучшие праздничные платья, приветствовало экспедицию на тропе радостными криками. До начала осмотра и сбора полевого материала все собрались в самом большом свайном доме (это, впрочем, не был общинный дом, их мы уже не встречали нигде в маленьких горных деревнях). Тут же в знак приветствия гостей импровизировались хвалебные песни под аккомпанемент тростниковой губной гармоники и маленькой свирели, на

Рис. 5. Женщины яо в районе Туйен-Куанга (Вьет-Бак)

Рис. 6. Женщина ксаккау за ткацким станком. Район Туан-Чау (Таи-Мео)

которой, как нам сказали, специально играют только в тех случаях, когда хотят показать, что гость приятен хозяевам. Староста поселка обратился к нам с глубоко проникновенной и поэтичной речью, образность которой хорошо дошла до нас, несмотря на четырехступенчатый перевод — с ксаккау — на таи, с таи — на вьетнамский, с вьетнамского — на французский. Заметим попутно, что такой перевод в нашей практике был самым обычным, но иногда число ступеней возрастало. Рекордным был случай, когда мы вели опрос женщины из народа уни: приходилось переводить с русского на французский, с французского на вьетнамский, с вьетнамского на таи, с таи на ксакхао-муонг-тэ, с ксакхао-муонг-тэ на уни. Ответ проходил обратный цикл.

В деревне пуок, после того как мы закончили все работы, жители заявили нам, что теперь мы стали друзьями и что, как это положено между друзьями, они хотели бы распить с нами кувшин рисового пива. Обряд этот неоднократно описан в лите-

ратуре, но мы позволим себе остановиться на некоторых его деталях. Герметично закупоренный кувшин, в котором замоченный рис выдерживался две недели вместе с ферментом из листьев некоторых деревьев, был вскрыт. В слегка влажную массу разбухших зерен хозяин дома вбил три гибкие, но прочные тростниковые трубки, затем маленьким буйволовым рогом зачерпнул родниковую воду из бамбукового сосуда, в каких вода обычно переносится и хранится (рис. 8) и влил ее в кувшин. Воду вымывает из зерен содержащийся в них спирт, и этот раствор тянут через тростники все присутствующие группами по трое (в различных сочетаниях) по очереди. Пиво было довольно крепкое и очень приятное на вкус, закуской служили бананы и вареные корни таро. Завязалась оживленная и непринужденная беседа, и кажется даже число ступеней перевода в ходе этой беседы несколько сократилось.

Трогательна была также неподдельная радость детей, встречавших нас в детской секции школы национальных кадров близ Шон-Ла. Они встретили нас с подарками: глиняными изображениями пионерских значков и вырезанными из бумаги изображениями орнамента своих народов. А. И. Мухлинову один мальчик подарил, очевидно,

Рис. 7. Девушки яо (слева) и носу в национальных костюмах. Школа национальных кадров в Тхан-Нгуйене (Вьет-Бак)

свое любимое сокровище — резиновую рогатку. Потом на большой ровной и зеленой поляне, окруженной уступами гор, начались танцы. Под звуки свирелей и барабана на зеленой траве закружились десятки хороводов. Взрослые и дети танцевали по обычаям своих народов — таи в черных костюмах и вышитых тюрбанах шли сдержанно и плавно, девушки мяо в плиссированных юбках плясали веселей, а в центре хоровода двое юношей мяо вдруг пустились вприсядку, очень похожую на наши русские и украинские пляски.

За несколько недель пребывания в автономных районах мы очень сдружились и сроднились с этими гостеприимными и сердечными людьми, которых французские колонизаторы пренебрежительно называли «дикарями». На самом же деле у всех этих народов имеется своя, по-своему высокая, интересная и ценная культура. Мы говорили здесь не только о художественной культуре, о большом вкусе, проявившемся в песнях, танцах, музыке, одежде, орнаменте, но и о высокой культуре поведения — тактичности, вежливости, свойственной всем кса, яо и другим народам Вьетнама, и даже о культуре труда и быта. На каждом шагу нам попадались простые, но очень остроумные приспособления, использующие силу падающей воды для обмолаа риса. Во многих домах у входа можно видеть специальные умывальники (разумеется, из бамбука, и все остальное), предназначенные для омовения ног перед тем, как подняться в святиный дом, который почти всегда содержится в достойной подражания чистоте. В некоторых домах мы встречали даже водопровод, который по бамбуковым трубам подает воду из ближайшего ручья прямо в дом.

Однако многие годы феодального и колониального угнетения чувствительно задерживали хозяйственное и культурное развитие горных областей Вьетнама. До сих пор

одним из основных источников существования здесь является подсечно-огневое земледелие. Многие малые народы бежали высоко в горы, спасаясь от террора захватчиков; теперь, после освобождения страны, их страх проходит, они начинают постепенно спускаться в прежние места обитания. Вьетнамская партия трудящихся и правительство проводят большую работу по пропаганде передовых методов земледелия, по охране и рациональному использованию лесных богатств. В результате, как мы могли убедиться на месте, многие деревни полностью отказываются от подсечно-огневого земледелия и переходят к поливному рисосеянию террасового типа.

Кроме таи, издавна пользовавшихся различными вариантами палического письма, ни один народ горного Вьетнама не имел ранее своего алфавита. Теперь создана латинизированная письменность для языков мяо и тайи, но работа по ее внедрению только начинается. Основными языками общения различных народностей служат во Вьет-Баке и Хоа-Бини вьетнамский, а в Таи-Мео — тайский. На этих языках и ведется в основном преподавание в школах, которые имеются сейчас почти в каждой горной деревушке, — вещь неслыханная и невообразимая в годы французского господства.

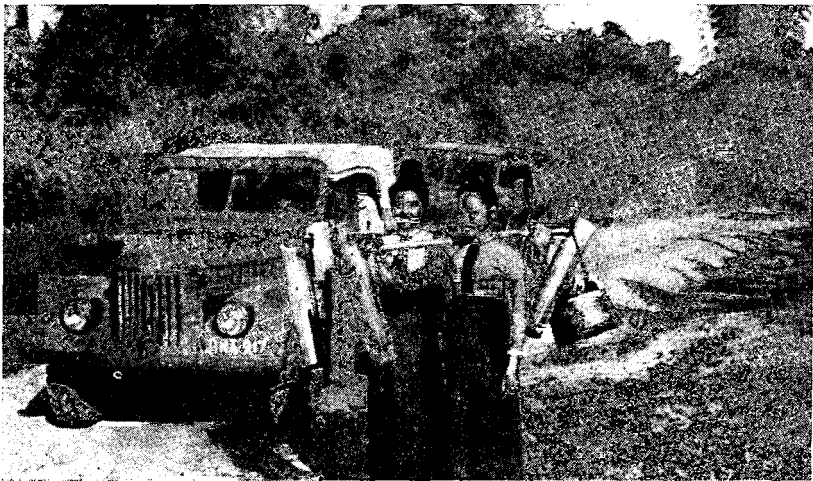

Рис. 8. Женщины таи, несущие воду. Район Шон-Ла (Таи-Мео)

В быту большинства национальных меньшинств, особенно в Таи-Мео, сохраняется много черт национального своеобразия. Хотя фабричные ткани довольно широко распространены почти везде, но в значительных размерах используются и домотканые материи (рис. 6). Национальный костюм, в особенности среди женщин, сохраняется почти повсеместно и полностью (рис. 5 и 7). Много специфических черт можно отметить и в архитектуре жилищ разных народов; интересно при этом упомянуть, что в смешанных поселениях одни народности пользуются наземными, а другие — свайными домами. Однако в ряде мест, где собственно вьетнамцы (так называемые «кин» — проживают вперемежку с народами тайской группы, например каолан или санчи (китайскоязычные каолан), они переходят к свайному типу дома, принятому у их соседей, хотя и вносят в него некоторые модификации. Меньше своеобразия встречается в орудиях труда и домашней утвари, которые большей частью следуют либо вьетнамским, либо тайским образцам.

Что касается так называемых «европейских», или «западных», влияний в быту, то и они сочетаются с национальными традициями. Например, национальный головной убор вьетнамцев — коническая шляпа из бамбука, пальмового листа и т. д. — сейчас в значительной степени заменен так называемым тропическим шлемом из пробки, луба и других растительных материалов. Очевидно, здесь сказывается близость шлема по характеру, защитным качествам, материалу к традиционной шляпе. У таи, напротив, шлем не прививается, зато очень многие носят черные береты, мало употребительные среди собственно вьетнамцев. Дело в том, что национальный головной убор таи — тюрбан — близок к берету по форме, материалу и цвету; на некотором расстоянии часто не сразу можно понять, носит ли человек тюрбан или берет.

Собранный нами материал, разумеется, нуждается в длительной обработке, и не место в данной заметке, носящей лишь информационный характер, делать какие-либо выводы. Можно лишь упомянуть о некоторых узловых проблемах, по которым распределяется этот материал, с учетом которых будет проведена научно-исследовательская работа.

Прежде всего результаты нашей экспедиции позволят внести существенные уточнения в этно-лингвистическую карту Вьетнама, особенно его северной части. Во время

полевой работы мы собрали сравнительные языковые данные, позволяющие решить вопрос о классификации по языковым группам некоторых малых народностей, известных до того только по названию, да и то лишь во Вьетнаме, а не в мировой научной литературе. Этот же материал, возможно, позволит уточнить наши сведения о степени близости и характере связей между различными группами мяо и яо и внесет известную ясность в крайне сложные проблемы исторического развития и этнических связей ряда малых народностей, которые, будучи весьма далеки по своей культуре китайцев, говорят на диалектах китайского языка, зачастую столь своеобразных, что

Рис. 9. Новые дома рабочих цементного завода в Хайфоне

Рис. 10. Транспортная джонка в дельте Красной Реки

их, возможно, следует признать особыми, близко родственными китайскому языками. Таковы некоторые народы Вьет-Бака как санзю, санчи, квичау и, может быть, другие.

Возможно, что известную ценность представит сравнение различных похоронных обрядов, зафиксированных нами у ряда тайских, тибето-бирманских и мон-кхмерских народов; здесь, несмотря на различия в языке, проявляется несомненная общность, причем создается впечатление, что в наши дни у различных народов представлены различные этапы развития похоронного обряда; общие черты проявляются, например, в украшении могилы флажками, для окраски которых у большинства народов употребляется кровь жертвенных животных.

Исследование населения автономных областей заняло весь ноябрь, а первые недели декабря мы посвятили изучению быта вьетнамских рабочих и рыболовецкого

приморского населения. Для этого мы выехали в Хайфон и в расположенный рядом особый округ Хонг-Куанг, выделенный ввиду своего большого хозяйственного значения. В Хайфоне мы посетили ряд старых и новых промышленных предприятий — цементный завод, верфь, рисоочистительную и рыбоконсервную фабрики. В Хонг-Гае основное промышленное предприятие — знаменитые хонгайские угольные копи. В обоих городах мы осмотрели старые и новые рабочие поселки, посетили ряд рабочих семей, собрали информацию, сравнивая полученные сведения с тем, что наблюдали сами. Мы без труда убедились в том, как неузнаваемо изменился быт вьетнамских рабочих за четыре года, прошедших со времени окончания войны (рис. 9).

Очень интересен облик обследованной нами рыбацкой деревни вблизи Хонг-Гая. Все селение состоит из вбитых в дно залива причальных свай, мола и расположенных на нем двух-трех административных зданий. Население деревни целиком живет на судах. Эта рыбацкая деревня также охвачена процессом кооперации, быстро развивающимся сейчас среди вьетнамского крестьянства. На примере местного кооператива наглядно можно было видеть, как благотворно влияют обобществление средств производства и плановая организация хозяйства на повышение производительности труда: улов в кооперативе в полтора раза выше, чем у индивидуальных рыбаков той же деревни.

Мы подробно изучали различные, очень остроумные орудия лова а также суда — маленькие рыбацкие и большие транспортные. Нельзя не восхищаться гением народа, который при помощи самых простых орудий и материалов создает такие технически совершенные и приспособленные к местным условиям корабли. Это плоскодонные суда, имеющие при достаточной грузоподъемности ничтожную осадку (для рыбацких лодок — 30 см), что позволяет им вплотную подходить к любым островкам, окруженным известковыми рифами, — такими островками усеян живописный залив Алонг. В то же время выдвижной шверткиль кинжального типа, сделанный из массивной доски, пропущенной через колодец в днище, и регулируемый руль обеспечивают судам достаточную устойчивость и хорошую маневренность (рис. 10).

Вернувшись в Ханой, мы возобновили работу над некоторыми очень ценными и редкими изданиями, хранящимися в Научной библиотеке. Теперь, после поездок в районы национальных меньшинств, следовало более критически подойти к имеющимся в литературе этнографическим данным, а с другой стороны, попытаться подобрать недостающие звенья в сложившихся во время экспедиции представлениях об этническом облике Северного Вьетнама.

Много времени также ушло на подготовку к лекциям, которые мы должны были прочесть в университете по просьбе вьетнамских товарищей. Эта просьба налагала на нас большую ответственность, так как темы трех запланированных лекций были весьма широки — они включали предмет, метод и задачи этнографии, связь этнографии со смежными дисциплинами и основные этапы этнической истории Юго-Восточной Азии. Несмотря на недостаточность наших познаний, нам пришлось мобилизовать все наши возможности и общими усилиями подготовить и провести эти лекции, так как вьетнамские ученые настоятельно просили нас сообщить им о достижениях советской этнографической науки. Кроме лекций, нас попросили также дать практические консультации музейным и библиотечным работникам в Историческом музее и Научной библиотеке. Этими мероприятиями завершилась наша работа во Вьетнаме, в течение которой, таким образом, мы не только собрали очень ценный научный материал, но и в меру наших сил помогли вьетнамским ученым, передав им какую-то часть опыта советской этнографической науки.

В заключение хотелось бы еще раз выразить свою благодарность всем участвовавшим так или иначе в нашей работе вьетнамским товарищам — партийным и государственным работникам, ученым, трудящимся города и деревни, которые проявили большое внимание к нашей работе и стремились всячески содействовать ей, оказав нам тем самым поистине неоценимую помощь.

С. А. Арутюнов

PERSONALIA

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ЗАМЯТНИН

5 ноября 1958 г. после длительной тяжелой болезни скончался старший научный сотрудник Института этнографии Академии наук СССР, руководитель археологического отдела Музея антропологии и этнографии Сергей Николаевич Замятнин. Его безвременная кончина — тяжелая потеря для исторической науки. Вклад Сергея Николаевича в изучение древнейших эпох человеческой истории, в особенности в науку о палеолите, исключительно велик.

С. Н. Замятнин родился в 1899 г. в г. Павловске Воронежской губернии. Свою археологическую деятельность он начал 16-летним гимназистом, на раскопках скифских курганов под Воронежом. В 20-х годах он пришел в аспирантуру Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК), имея за плечами уже ряд лет работы в качестве научного сотрудника Воронежского краеведческого музея, ряд важных научных открытий и печатных изданий. Годы занятий в аспирантуре ГАИМК под руководством П. П. Ефименко и А. А. Миллера не были для Сергея Николаевича годами простого ученичества, он был тогда уже крупным самостоятельным ученым, с чьим именем были связаны археологические раскопки в Костенках, Бердыже, Гагарине, Ильской и во многих других местах.

После окончания аспирантуры научная деятельность С. Н. Замятнина разветвляется еще шире, будучи все время, вплоть до его кончины, теснейшим образом связана с двумя научными учреждениями: Музеем антропологии и этнографии Академии наук СССР и Государственной Академией истории материальной культуры (ныне — Институт истории материальной культуры Академии наук СССР).

В начале 30-х годов, в период бурной марксистско-ленинской перестройки советской археологической и этнографической науки, Сергей Николаевич издал свою замечательную работу о Гагаринской стоянке, где дана не только блестящая характеристика этого выдающегося памятника, но

вместе с тем изложена целостная концепция развития палеолитических религиозных верований. Затем, начиная с 1934 г., разветвляются его плодотворнейшие работы на Черноморском побережье Кавказа, давшие науке Яштух, Ахштырскую пещеру и много других первоклассных палеолитических памятников.

В послевоенные годы здоровье Сергея Николаевича пошатнулось. Врачи настаивали на полном отказе от участия в экспедиции, но Сергей Николаевич не мог жить без любимого дела. Врачам пришлось пойти на уступки. В 1952 и 1954 гг. им была раскопана на большой площади, с широким применением современной техники, Сталинградская мустьерская стоянка. Ни одна мустьерская стоянка в мире не раскопана на такой большой площади и не дала таких выразительных остатков первобытного охотничьего лагеря. Наконец, в 1957 г., будучи уже тяжело больным, Сергей Николаевич продолжал начатые им еще в 1954 г. раскопки многослойных пещер на Северном Кавказе,

особенно грота Сосруко, давшие ценнейшие материалы для понимания позднего палеолита и мезолита юга нашей страны. Открытие мезолита на Кавказе, явившееся результатом упорных систематических поисков, начало новую главу в исследовании первобытной истории Кавказа.

С. Н. Замятин был подлинным советским историком-марксистом, исключительно тщательно и любовно изучавшим археологические находки и в то же время умевшим связывать их с большими проблемами истории первобытного человечества, изучавшим первобытное прошлое народов нашей страны на широком историческом фоне.

До исследований С. Н. Замятина палеолитические жилища на территории СССР не были известны; он открыл и раскопал в 1927 г. первое такое жилище в Гагаринской стоянке на Дону. До исследований С. Н. Замятина считалось общепризнанным, что территория СССР впервые была заселена только неандертальцами мустьерской эпохи; он доказал, что территория СССР была заселена людьми на несколько сот тысяч лет раньше, начиная еще с шельфской и ашельской эпох древнего палеолита. В 1934 г., а также в последующие годы он открыл на Кавказе целую группу шельфских и ашельских памятников. До работ С. Н. Замятина на территории СССР не были известны памятники пещерного палеолитического искусства, он открыл их в 1934 г. в гротах Мгвимеви в Грузии. До С. Н. Замятина проблемы позднего палеолита Кавказа оставались слабо разработанными; полагали, что к позднему палеолиту Кавказа применима западноевропейская схема: ориньяк — солютре — мадлен; Сергей Николаевич в ряде работ 1935—1957 гг. показал своеобразие позднего палеолита Кавказа, создал твердую его периодизацию, ставшую в настоящее время общепризнанной. До С. Н. Замятина проблема локальных групп в развитии палеолитической культуры Старого Света оставалась во многом неясной, мало разработанной, в 1951 г. он надежно обобщил положение о существовании трех основных, больших локальных групп палеолитических памятников, описал характерные черты каждой из них.

Ему принадлежат обобщающие работы, отмеченные печатью таланта и своеобразием, оригинальные и глубокие мысли по важнейшим и наиболее сложным проблемам истории древнейшего человечества — о хозяйстве людей палеолитического времени, об их верованиях, мировоззрении и искусстве. В этих работах С. Н. Замятин мастерски пользуется, наряду с археологическими источниками, также и этнографическими материалами, раскрывая на этой основе действительную жизнь древнего человека.

Круг интересов С. Н. Замятина не был ограничен проблемами палеолита и мезолита. Он много занимался неолитом, эпохой бронзы, а также более поздними периодами. Для изучения неолита и ранней бронзы Европейской части РСФСР исключительно важна была, например, его работа, посвященная кремневым скульптурным изображениям. В этой работе С. Н. Замятин остроумно показал совпадение между наскальными изображениями Карелии и кремневыми неолитическими скульптурами. Тем самым он не только впервые и неопровержимо датировал карельские петроглифы, но и дал исследователям новый обширный материал для понимания искусства, мировоззрения неолитических племен севера.

Большое значение имеет вклад ученого в разработку методики археологических раскопок и особенно в историю археологической науки, всегда привлекавшую его пристальное, любовное внимание. В частности, своей работой «Первая русская инструкция для раскопок» Сергей Николаевич показал, что научные археологические раскопки производились в России еще в XVII в.

Мы перечислили лишь часть научных проблем, которые получили свое разрешение в работах С. Н. Замятина. Его важнейшие научные выводы вошли уже в учебные пособия, принеся ему широкую известность и признание как в Советском Союзе, так и за рубежом.

Международное признание заслуг выдающегося советского ученого нашло выражение в избрании его действительным членом Международного антропологического института в Париже (в 1927 г.) и почетным членом Королевского антропологического института Великобритании и Ирландии (в 1943 г.).

С. Н. Замятин никогда не замыкался в тесные рамки кабинетной деятельности. Он всегда был активным участником научно-общественной жизни, прежде всего в области музейной работы. Его знания и талант целиком принадлежали народу, его друзьям и товарищам. Он был глубоким знатоком музейного дела, выдающимся музейным деятелем нашей страны, много сделавшим для развития Музея антропологии и этнографии и его археологического отдела. За последние три десятилетия С. Н. Замятин был душой этого отдела, ставшего благодаря его неустанным заботам крупнейшим в нашей стране хранилищем палеолитических и неолитических коллекций, средоточием большой научной работы по изучению культуры первобытного человечества и важным центром научно-просветительной деятельности в этой области.

Сергей Николаевич обладал огромным личным обаянием. Его живость, остроумие, самоотверженная любовь к науке, теплое отношение к людям, искренняя и доброжелательная заинтересованность в их судьбе — все это привлекало к нему сердца других. Он всегда был окружен молодежью, учившейся у него, считавшей за честь и счастье помочь ему в чем-либо. Каждый из сотрудников, друзей и младших товарищей Сергея Николаевича, отправляясь в экспедицию, вернувшись из нее с новыми материалами, приступая к работе над новой большой темой или завершая такую работу, — первым делом шел к Сергею Николаевичу поделиться мыслями, обсудить новые материалы и

вопросы, поучиться. И такие беседы значили порой больше, чем участие во многих научных заседаниях, чем десятки прочитанных книг.

С. Н. Замятин был чрезвычайно требователен к себе и другим во всех случаях когда речь шла о научной истине. Труды его — образец методической тщательности и завершенности. У него учились десятки исследователей, как начинающих и вполне зрелых.

Сергей Николаевич был чутким другом, надежным товарищем; таким он и остался в памяти всех нас.

П. Борисковский, Л. Лавров, А. Окладников, Л. По

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ РАБОТ С. Н. ЗАМЯТИНА

- По поводу археологической карты Воронежской губернии. «Воронежский историко-археологический вестник», 1921, № 1.
- Археологические разведки в Алексеевском и Валуйском уездах. «Воронежский историко-археологический вестник», 1921, № 2.
- «Бюллетени Усманского общества изучения местного края», №№ 1—28, 23/X—1925/X—1921 г. [рец.]. Там же.
- Инструкция для изучения первобытных древностей. «Воронежский краеведческий вестник», вып. 2, Воронеж, 1925.
- Археологические исследования в Острогожском и Россошанском уездах в июне—1925 г. «Изв. Воронежского краеведческого общества», 1925, № 2.
- Работа С. Н. Замятина по исследованию Ильской палеолитической стоянки в 1922—1923 гг. «Обзор деятельности Северо-Кавказской ассоциации научно-исследовательских институтов за 1926 и 1927 гг.», Ростов н/Д, 1928.
- Übersicht über die Literatur des Jahres 1927. VIII. Russland (1926). «Vorgeschichtliches Jahrbuch», Bd. IV, Bibliographie des Jahres 1927, Berlin und Leipzig, 1930. [Совместно с П. П. Ефименко и М. Г. Худяковым].
- Gisement moustérien d'Iskaïa près Kouban (résumé). «Institut International d'Anthropologie, III-e session, Amsterdam, 20—29 septembre 1927», Paris, 1928.
- Экспедиция по изучению культур палеолита в 1927 г. «Сообщения Государственной академии истории материальной культуры» [ГАИМК], т. 2, Л., 1929.
- Карачаровская палеолитическая стоянка. «Сборник ГАИМК, Бюро по делам аспирантов», Л., 1929.
- Station moustérienne à Iskaïa, province de Kouban (Caucase du Nord). «Revue d'anthropologie», № 7—9, Paris, 1929.
- Раскопки Бердыскай палеолитической стоянки в 1927 г. «Беларуская акадэмія навукаў і гісторыі», кн. II. Працы археалагічнай камісіі, т. Менск, 1930.
- К вопросу о библиографии по производству раскопок. «Сообщения ГАИМК», т. 1, № 4/5 (апрель — май).
- La station aurignacienne de Gagarino et les données nouvelles qu'elle fournit sur les magiques des chasseurs quaternaires. «Bulletin de l'Académie de l'Histoire de la culture matérielle», M.—L., 1934.
- Габриель де Мортилье. «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1934, № 8 (июль — август). [Совместно с П. И. Борисовским].
- Итоги последних исследований Ильского палеолитического местонахождения (в Краснодаре, 1926—1928 гг.). «Труды II Международной конференции ассоциаций по изучению четвертичного периода Европы», вып. V, Л.—М.—Новосибирск, 1935.
- Работы на строительстве санатория КСУ в Кисловодске. «Археологические работы академии на новостройках в 1932—1933 гг.», т. I, М.—Л., 1935.
- Раскопки у с. Гагарина (верховья Дона, ЦЧО). Сборник «Палеолит СССР. Материалы по истории дорожного общества», «Изв. ГАИМК», вып. 118, Л., 1935.
- Новые данные по палеолиту Закавказья. «Сов. этнография», 1935, № 2.
- Résultats des dernières fouilles à la station paléolithique d'Iskaïa. «Transactions of the II International Conference on the Study of the Quaternary period», V, 1935.
- Пещерные навесы Мгвимеви близ Чиатуры (Грузия). (Первые следы наскальной палеолитической графики в Закавказье). «Сов. археология», т. III, М.—Л., 1937.
- Палеолит Абхазии. «Труды Института абхазской культуры», вып. X, Сухуми, 1927.
- К определению кремневого отщепца из миндель-рисской толщи Азовского побережья. «Труды советской секции Международной ассоциации по изучению четвертичного периода (inqua)», [в дальнейшем цит. МАИЧП], вып. 1, Л., 1937.
- Навалишинская и Ахштырская пещеры на Черноморском побережье Кавказа. «Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. Итоги работ второго пленума Комиссии ископаемого человека советской секции МАИЧП», № 6—7, М.—Л., 1940.
- Первая находка палеолита в долине Сейма (1930 г.). «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры» [в дальнейшем цит. «Краткие сообщения ИИМК»], вып. VIII, М.—Л., 1940.
- Исследования пещерных палеолитических местонахождений в окрестностях Адлера. «Труды советской секции МАИЧП», т. VI. [Заматрировано в 1941 г.].

- Скифский могильник «Частые курганы» под Воронежом (Раскопки Воронежской ученой архивной комиссии 1910—1915 гг.). «Сов. Археология», т. VIII, М.—Л., 1946.
- Находки нижнего палеолита в Армении (1946 г.). «Изв. Академии наук Армянской ССР», Ереван, 1947, № 1.
- Миниатюрные кремневые скульптуры в неолите северо-восточной Европы. «Сов. археология», т. X, М.—Л., 1948.
- Некоторые данные по нижнему палеолиту Кубани. «Сборник Музея антропологии и этнографии» [в дальнейшем цит. «Сборник МАЭ»], т. XII, М.—Л., 1949.
- О характере культурных остатков в пещере у с. Ильинки Одесской области. «Археология», т. IV, Київ, 1950.
- Памяти Михаила Вацлавовича Воеводского (1903—1948), «Сов. археология», т. XII, М.—Л., 1950.
- Первая русская инструкция для раскопок (находка костей «волота» в 1679 г.). «Сов. археология», т. XIII, М.—Л., 1950.
- О первоначальном заселении пещер. «Краткие сообщения ИИМК», вып. XXXI, М.—Л., 1950.
- Исследования палеолитического периода на Кавказе за 1936—1948 гг. Сб. «Материалы по четвертичному периоду СССР», вып. 2, М.—Л., 1950.
- О старинных русских шахматах. Археологические находки на острове Фаддея и на берегу залива Симса. «Исторические памятники русского арктического мореплавания XVII в.», Л.—М., 1951.
- Разведки пещер в Таджикистане осенью 1943 г. Труды Таджикского филиала АН СССР, т. XXIX, Сталинабад, 1951.
- О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода. Сб. «Происхождение человека и древнее расселение человечества». Труды Института этнографии АН СССР, новая серия, т. XVI, М., 1951.
- Находки межледниковой фауны и оббитых кварцитов у с. Шубного Воронежской области. Труды Института антропологии при Московском университете, «Ученые записки», вып. 158, 1952.
- Заметки о палеолите Донбасса и Приазовья. «Сборник МАЭ», т. XIV, М.—Л., 1953.
- Палеолит Западного Закавказья. I. Палеолитические пещеры Имеретии. «Сборник МАЭ», т. XVII, М.—Л., 1957.
- Исследования по каменному веку в Кабарде (в 1954—1955 гг.). Предварительный отчет. «Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института», т. XI, Нальчик, 1957.
- Раскопки грота Сосруко в 1955 г. «Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института», т. XIII, Нальчик, 1957 [совместно с П. Г. Акритасом].
- Археологические исследования 1957 г. в Баксанском ущелье. Там же [совместно с П. Г. Акритасом].

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

МЕТОДЫ РАСОВОГО АНАЛИЗА В РАБОТАХ Я. В. ЧЕКАНОВСКОГО И ЕГО ШКОЛЫ

Методы анализа расового состава популяции, т. е. определение доли образующих ее элементов,— одна из наиболее актуальных проблем антропологической науки. На протяжении всей истории человечества расы, для смешения которых биологические факторы никогда не являются препятствием, постоянно скрещивались между собой. Поэтому любая популяция может и должна рассматриваться в той или иной мере как результат смешения. Понятно, что антропологи всегда проявляли интерес к методам, способствующим выявлению составных частей, образующих физический облик изучаемых ими народов. При решении этих вопросов исследователи сталкиваются с рядом затруднений.

1. Группы, занимающие промежуточное положение, могут либо возникать в результате смешения, т. е. представлять собой новообразования, либо, наоборот, представлять собой исходную группу, из которой впоследствии выделяются обе «типичные». Для решения этого вопроса пользуются разными приемами: изучаются физические типы древних народов, исследуются дополнительные признаки, помимо тех, которые послужили для выделения изучаемых типов.

2. Промежуточные группы, если они образовались в результате смешения, могут приобрести одинаковые черты при смешении разных элементов. Группы, отличающиеся средним ростом и умеренной пигментацией, могут возникнуть в результате смешения темных высокорослых людей со светлыми низкорослыми или, наоборот, темных низкорослых со светлыми высокорослыми. В этом случае исследователь определяет вероятность того или иного сочетания на основе исторических и географических данных о распространении возможных компонентов во времени и в пространстве.

Возможности решения при этом не альтернативны. Изучаемая группа может занимать промежуточное положение, являясь исходным прототипом, но в то же время испытать действие смешения. Сходные результаты могут получиться при смешении не только двух типов, но и трех и всех четырех из только что перечисленных.

Если учесть при этом, что некоторые признаки не всегда занимают в смешанной группе промежуточное положение, что признаки изменяются и помимо смешения, под влиянием иных причин, что данных для решения возникающих вопросов часто бывает недостаточно, то становится ясным, какое огромное количество возможностей следует иметь в виду при разрешении поставленных проблем. Не будучи в состоянии рассмотреть все теоретически возможные решения, исследователь обычно оценивает ситуацию «на глаз», выбирая некоторые возможности, представляющиеся наиболее вероятными. Естественно, что при этом остается известная неудовлетворенность и неуверенность. Правильное решение может выпасть из поля зрения, и соответствующие возможности могут вообще остаться не рассмотренными.

Понятно, что при этом возникает желание найти более объективные методы, при помощи которых решение проблемы меньше зависело бы от квалификации и интуиции исследователя и в какой-то мере приближалось бы антропологический анализ к анализу, например, химическому. Мысль обычно обращается в этих случаях к вариационной статистике. Однако последовательное, широкое и глубокое применение вариационно-статистических методов почти неизбежно ведет к огромному увеличению вычислений.

Можно надеяться, что успехи современной вычислительной техники со временем дадут в руки антропологов гораздо более совершенные средства. Пока же, к сожалению, область применения статистики в расовом анализе вынужденно ограничивается лишь отдельными частными сторонами исследования.

Не следует, конечно, заменять расчет впечатлением в тех случаях, когда можно этот расчет произвести. Но так как все возможные расчеты произвести пока технически

льзья, то при производстве расчетов невольно приходится исходить из определенных предпосылок. И всякий расчет приводит к верным выводам только при этих предпосылках, которые обычно далеко не исчерпывают всех возможностей. Принятие этих предпосылок за объективную реальность может явиться источником заблуждений и ошибок.

В связи с этими вопросами представляет значительный интерес деятельность так называемой «львовской школы» и ее руководителя проф. Я. В. Чекановского.

Этот исследователь получил широкую известность вскоре после опубликования им в 1909 г. статьи, посвященной анализу черепов палеолитического времени. Я. В. Чекановский применил в этой работе остроумный прием графического изображения различий между индивидуумами, позволяющий наглядно показать степень их взаимного сходства. Данный прием можно использовать и при сопоставлении серий. Само собой разумеется, что значение этого приема главным образом иллюстративное и что он хотя и полезен, но только в той мере, в какой определенная тем или иным способом азича между индивидуумами или между сериями действительно отражает степень их взаимного сходства.

Позднее главное внимание в работах школы Чекановского было перенесено на анализ основных элементов, входящих в состав исследуемой популяции. Методы этого анализа и должны явиться предметом внимательного рассмотрения.

В последних работах, касающихся, между прочим, и народов СССР¹, Я. В. Чекановский пользуется методом, подробно изложенным им в статье об антропологическом составе населения Швейцарии². Метод основан на формуле А. Ванке

$$f(d_{(p-a)}^{-2} + d_{(p-b)}^{-2} + \dots + d_{(p-n)}^{-2}) = 1,$$

где d — разность средних величин смешанной популяции p и средних величин составляющих ее компонентов $a, b, \dots, n$, f — нормализующий коэффициент, необходимый для выражения полученных результатов в долях или в процентах.

Соображения Я. В. Чекановского основаны на предположении о том, что средние величины смешанной популяции отстоят от средних величин составляющих ее компонентов на расстояние, более или менее эквивалентное доле этих компонентов. В применении к большинству расовых признаков, имеющих обычно сложную генетическую структуру, это в общем верно³, когда дело идет об одном признаке и двух компонентах.

Если, например, средняя величина (a) головного указателя одного из компонентов равна 70, а второго (b) — 80, то в смешанной популяции со средней величиной p , равной 75, доля каждого компонента равна, вероятнее всего, 0,5; при средней величине p , равной 78, доля первого компонента (x) составляет около 0,2, второго (y) — около 0,8 и т. д. Этот результат может быть получен при помощи расчета:

$$a = 70; \quad b = 80; \quad p = 78; \quad x + y = 1;$$

$$p - a = 8; \quad b - a = 2;$$

$$\frac{1}{8} = 0,125; \quad \frac{1}{2} = 0,500; \quad 0,125 + 0,500 = 0,625;$$

$$x = \frac{0,125}{0,625} = 0,2; \quad y = \frac{0,500}{0,625} = 0,8 = 1 - x$$

Ясно при этом, что средние величины исходных компонентов должны быть заранее известны. Необходимым условием является также отсутствие таких изменений признаков, которые могут иметь место после смешения или вызываются наличием третьего компонента.

Формула Ванке применяется, однако, Я. В. Чекановским к любому количеству признаков и компонентов. В этом случае, как справедливо замечает сам А. Ванке⁴, формула выражает лишь степень сходства смешанной популяции с составляющими ее компонентами. Но Я. В. Чекановский использует ее для определения доли каждого компонента в составе популяции, полагая, что доля эквивалентна степени сходства.

Ясно, что в общей форме определение долей x, y, z компонентов a, b, c , когда известны только средние величины этих компонентов и средняя величина смешанной

¹ См. J. Czekanowski, Zur Anthropologie des Baltikums, «Materialy i prace antropologiczne», № 27, Wroclaw, 1957.

² См. J. Czekanowski, Die schweizerische anthropologische Aufnahme im Lichte der polnischen Untersuchungsmethoden, «Przegląd antropologiczny», т. XX, 1954.

³ См. J. C. Trevor, Race Crossing in Man. The Analysis of Metrical Characters, «University of London, Eugenics Laboratory Memoirs», XXXVI, 1953.

⁴ См., например, его выступление на дискуссии по типологическому анализу в «Przegląd antropologiczny», т. XXI, 2, 1955, стр. 693.

популяции p , имеет бесконечное число решений. Подставим какие-либо a , b , c и p в формулу:

$$ax + by + cz = p;$$

$$a = 70; \quad b = 80; \quad c = 90; \quad p = 81.$$

Возможны решения:

$$70 \times 0,4 + 80 \times 0,1 + 90 \times 0,5 = 81,$$

$$70 \times 0,3 + 80 \times 0,3 + 90 \times 0,4 = 81,$$

$$70 \times 0,01 + 80 \times 0,88 + 90 \times 0,11 = 81 \text{ и т. д.}$$

Ясно также, что если взять несколько признаков, то степень сходства, определенная по формуле Ванке, может быть совсем не эквивалентна доле каждого из компонентов.

Допустим, что исследуемая группа состоит из трех компонентов a , b , c . Средние величины этих компонентов, средние величины исследуемой группы и доля каждого из трех компонентов представлены на табл. 1. Допустим для упрощения, что квадратические отклонения всех признаков равны и нет необходимости выражать разности долей σ^2 .

Таблица 1

Средние величины трех вымышленных компонентов и исследуемой группы

Признаки	Исходные компоненты			Смешанная группа
	a	b	c	
I	70	80	90	81,0
II	50	70	75	64,5
III	60	65	80	70,5
IV	65	75	85	76,0
Доля компонентов в смешанной группе	0,4	0,1	0,5	1,0

Подсчитав долю компонентов по методу Ванке, получаем, что:

компонент a	вместо 40%	оказывается в	9%
» b	» 10%	»	» 78%
» c	» 50%	»	» 13%

В нашем примере средние величины компонента b всегда занимают промежуточное положение между средними величинами двух других компонентов. Можно, однако, подобрать такие величины исходных компонентов, при которых каждый из них будет занимать среднее положение в равном числе случаев. Тогда средние величины смешанной популяции действительно не окажутся наиболее близкими к средним величинам того компонента, доля которого при подсчете по формуле Ванке является наименьшей. Я. В. Чекановский так и поступает. В состав населения Средней Европы входило по его мнению, четыре исходных компонента: a — северный, e — средиземноморский (иберио-островной), h — арменоидный и l — лапоноидный.

Эти компоненты различаются главным образом по головному, лицевому и носовому указателям, а также по цвету волос и глаз. На табл. 2 приведены средние величины, характерные, по мнению Я. В. Чекановского, для этих компонентов. Цвет волос и глаз выражен непосредственно в долях среднего квадратического отклонения по сравнению со швейцарцами, исходя из предпосылки, что частоты оттенков по шкалам Мартина и Фишер-Заллера распределяются по нормальной (Гауссовой) кривой. Средняя величина цвета глаз швейцарцев отстоит на $0,670\sigma$ от общей средней, лежащей между 12 и 13 номерами шкалы Мартина. Средняя величина цвета волос швейцарцев отстоит на $0,506\sigma$ от общей средней, лежащей между оттенками О и Р шкалы Фишер-Заллера.

⁵ Впрочем, антропологи школы Чекановского не всегда это делают, даже средние величины квадратического отклонения существенно различаются.

Таблица 2

Средние величины исходных компонентов, образующих население Средней Европы (по Чекановскому)

Признаки	^a Северный	^e Средиземно- морский	^h Арменоидный	^l Лапоноидный
Широтно- продольный указатель	78	71,5	89	89
Лицевой »	89,5	88	86	80
Носовой »	63	63	57	72
Цвет глаз	—1,252	0,984	2,170	0,944
Цвет волос	—1,052	0,074	1,146	0,477

Сложив все четыре компонента в равной пропорции и вычислив по формуле Ванке их долю в полученной таким образом смешанной популяции, получаем следующие доли:

$$\begin{aligned} a &= 0,255 \\ e &= 0,231 \\ h &= 0,233 \\ l &= 0,281 \end{aligned}$$

т. е. величины, мало отличающиеся от 0,25.

Надо, таким образом, не только определить заранее, из каких компонентов сложилась исследуемая популяция, но и скомбинировать признаки этих компонентов так, чтобы они находились в определенных соотношениях.

Впрочем, это требование не всегда соблюдается. Самоанцы, например, по А. Л. Годлевскому⁶, сложились из семи типов: тихоокеанского, центральноазиатского, ориентального, меридионального, средиземноморского, австралийского и австро-африканского. Если сложить величины, характерные для этих типов, в равных долях, а затем вычислить эти доли, как это делает А. Л. Годлевский, то окажется, что вычисленные доли будут вовсе не равны и доля средиземноморского типа, например, будет вдвое больше доли ориентального. Это происходит потому, что А. Л. Годлевский недостаточно тщательно подобрал типы, доли которых он определяет. Впрочем, это обстоятельство не является помехой, — при помощи нормализующего коэффициента сумма долей всех типов так или иначе оказывается равной единице.

К работе А. Л. Годлевского мы еще вернемся ниже, а теперь проследим на конкретном примере ход рассуждений самого Я. В. Чекановского при анализе европейских популяций.

Разность по измерительным признакам между средними величинами исходных компонентов и средними величинами исследуемой популяции Я. В. Чекановский выражает в долях среднего квадратического отклонения, которое для суммарной серии швейцарских военнослужащих равно: широтно-продольный головной указатель 3,85, лицевой указатель 5,40, носовой указатель 6,98.

Средние величины суммарной популяции швейцарских призывных равны: широтно-продольный головной указатель 81,31, лицевой указатель 89,45, носовой указатель 32,95, цвет глаз 0,670, цвет волос 0,506.

Весь процесс вычисления приведен на табл. 3.

Отсюда Я. В. Чекановский заключает, что четыре основных элемента входят в состав швейцарских военнообязанных в следующем числе:

северный	— 47,5%,
средиземноморский	— 21,5%,
арменоидный	— 14,5%,
лапоноидный	— 16,5%.

Попробуем, однако, изменить условия.

Переменим местами квадраты разностей цвета глаз и лицевого указателя, а также цвета волос и носового указателя. Суммы квадратов разниц и, следовательно, доли исходных компонентов останутся после такой операции без изменения (табл. 4). Но средние величины исходных компонентов, которые получают, таким образом, в результате совершенно произвольной манипуляции, существенно изменятся по всем признакам, кроме, конечно, головного указателя. Вместо северного мы будем иметь тип с очень низким лицом и довольно широким носом, по пигментации близкий

⁶ См. A. L. Godlewski, Struktura antropologiczna polinezyjczykow, «Materiały prace antropologiczne», № 8, Wrocław, 1955.

Таблица 3

Определение доли исходных компонентов в составе суммарной популяции швейцарских призывных
(по Чекановскому)

Признаки	Северный			Средиземноморский			Арменонидный			Лапонидный		
	$a - p$	$\frac{a - p}{\sigma}$	$\frac{(a - p)^2}{\sigma}$	$e - p$	$\frac{e - p}{\sigma}$	$\frac{(e - p)^2}{\sigma}$	$h - p$	$\frac{h - p}{\sigma}$	$\frac{(h - p)^2}{\sigma}$	$l - p$	$\frac{l - p}{\sigma}$	$\frac{(l - p)^2}{\sigma}$
Широтно-продольный указатель	3,31	0,860	0,740	9,81	2,548	6,492	7,69	1,997	3,988	7,69	1,997	3,988
Лицевой указатель	0,05	0,009	0,001	4,45	0,269	0,072	3,45	0,639	0,408	9,45	1,750	3,062
Носовой	0,05	0,007	0,000	0,05	0,007	0,000	5,95	0,852	0,726	9,05	1,297	1,682
Цвет глаз	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Цвет волос	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
d^2	—	—	3,416	—	—	7,537	—	—	11,444	—	—	9,851
$\frac{1}{d^2} = d^{-2}$	—	—	0,2927	—	—	0,1327	—	—	0,0897	—	—	0,1015
$\frac{f}{d^2}$	—	—	0,475	—	—	0,215	—	—	0,145	—	—	0,165

$$\sum d^{-2} = 0,6166; f = \frac{1}{0,6166} = 1,6218$$

Таблица 4

Определение доли исходных компонентов в составе суммарной популяции швейцарских призывных после произвольной перемены мест квадратов разниц

Признаки	Исходные компоненты										
	«Кроманьонский»			«Понтийский»			«Балтийский»			«Динарский»	
	$a - p$	$\frac{a - p}{\sigma}$	$\frac{(a - p)^2}{\sigma}$	$e - p$	$\frac{e - p}{\sigma}$	$\frac{(e - p)^2}{\sigma}$	$h - p$	$\frac{h - p}{\sigma}$	$\frac{(h - p)^2}{\sigma}$	$l - p$	$\frac{(l - p)^2}{\sigma}$
Широтно-продольный указатель	3,31	0,860	0,740	9,81	2,548	6,492	7,69	1,997	3,988	7,69	3,988
Лицевой указатель	6,76	1,252	1,568	5,31	0,984	0,968	11,72	2,170	4,709	5,10	0,891
Носовой »	7,34	1,052	1,107	0,52	0,074	0,005	8,00	1,146	1,313	3,33	0,228
Цвет глаз	—	0,009	0,001	—	0,269	0,072	—	—0,639	0,408	—	3,062
Цвет волос	—	0,007	0,000	—	0,007	0,000	—	—0,852	0,726	—	1,682
d^2	—	—	3,416	—	—	7,537	—	—	11,144	—	9,851
$\frac{1}{d^2} = d^2$	—	—	0,2927	—	—	0,1327	—	—	0,0897	—	0,1015
$\frac{f}{d^2}$	—	—	0,475	—	—	0,215	—	—	0,145	—	0,165

$$\sum d^{-2} = 0,6166; f = \frac{1}{0,6166} = 1,6218$$

к швейцарцам, который можно назвать «кроманьонским». Средиземноморский окажется более узколицым и не столь темным, и его можно именовать «понтийским». Место арменоидного займет очень широколицый и светлый «балтийский» тип, ме-
лапоноидного — узколицый и узконосый темный «динарский» тип (табл. 5).

Таблица 5

Средние величины исходных компонентов, полученные после перестановки квадратов разниц

Признаки	Исходные компоненты			
	«Кроманьонский»	«Понтийский»	«Балтийский»	«Динарский»
Широтно-продольный указатель	78	71,5	89	89
Лицевой »	82,69	94,76	77,73	94,55
Носовой »	70,29	62,43	70,95	59,62
Цвет глаз	0,009	0,269	— 0,639	1,750
Цвет волос	0,007	0,007	— 0,852	1,297

Соотношение таких искусственно полученных «типов» полностью совпадает, конечно, с соотношением типов Чекановского:

«кроманьонский» тип — 47,5%
 «понтийский» » — 21,5%
 «балтийский» » — 14,5%
 «динарский» » — 16,5%

По отношению к швейцарцам оказывается, что доля северной расы, если исходить из характеристики Чекановского, равна доле «кроманьонской», характеристика которой получена при помощи произвольной манипуляции; доля средиземноморской равна доле «понтийской» и т. д. Но если применять обе характеристики к какой-либо иной группе, то никакого совпадения, конечно, не получится. Возьмем, например, группу лимбажских латышей из работы Я. В. Чекановского по Прибалтике. Средние величины здесь равны:

широтно-продольный указатель 82,0
 лицевой указатель 84,5
 носовой » 70,1
 цвет глаз — 0,364
 цвет волос — 0,597

Исходя из типов Чекановского, получаем:

северный тип 47,5%
 средиземноморский 15,9%
 арменоидный 10,9%
 лапоноидный 25,7%

Вычисление, основанное на комбинациях, полученных путем перестановки квадратов разниц:

«кроманьонский» тип 64,59%
 «понтийский» 8,33%
 «балтийский» 20,74%
 «динарский» 6,34%

Предположим, что в состав лимбажских латышей, помимо механически полученных нами четырех типов, входят также тихоокеанский (более или менее соответствующий северокайтаюскому) и центральноазиатский. Заимствуем характеристику этих типов из работы А. Л. Годлевского о полинезийцах⁷ и придадим им очень темную пигментацию:

	Тихоокеанский тип	Центральноазиатский тип
Широтно-продольный указатель	80,1	86,0
Лицевой »	91,6	79,3
Носовой »	66,6	77,7
Цвет глаз	2,500	2,500
Цвет волос	2,500	2,500

⁷ См. А. Л. Godlewski, Указ. работа.

Доля четырех перечисленных выше «типов» несколько уменьшится за счет того, что в составе лимбажских латышей окажется 3,8% тихоокеанского и 4,9% центрально-азиатского типа.

Гипотеза Я. В. Чекановского о четырех исходных компонентах в составе населения Средней Европы оказывается, следовательно, совершенно произвольной. С тем же успехом можно исходить из множества других компонентов, характеризующих совершенно иными сочетаниями признаков⁸.

Но если производимые Я. В. Чекановским расчеты ни в коей мере не подтверждают его гипотезы о четырех компонентах, входящих в состав населения Средней Европы, то, может быть, наличие именно этих четырех компонентов доказывается каким-либо иным способом? Такое мнение действительно существует. Оно ясно выражено, например, тем же А. Ванке: для него положение о том, что «антропологический облик населения Средней Европы сформировался в результате скрещивания четырех элементов: *A, E, H, L*»⁹, уже не требует доказательства и является основой, на которой строится метод индивидуального определения расовой принадлежности.

Некоторые польские антропологи (лодзинская школа И. Михальского) отрицают роль статистических методов. Но в их работах четыре расы Чекановского также фигурируют в качестве основных компонентов, входящих в состав населения Европы¹⁰.

После дискуссии 1948 г. в ВАСХНИЛ некоторые польские антропологи подвергли сомнению методы Я. В. Чекановского как основанные на формальной генетике¹¹. Поэтому авторы ряда работ¹² подсчет расовых элементов производят по методу Жеймо-Жеймиса, исходя из предположения, что в каждом из смешанных типов основные расы встречаются в равной пропорции. Пример такого подсчета приведен в табл. 6. При этом представления Я. В. Чекановского об антропологическом составе населения Европы также признаются доказанными.

Таблица 6

Подсчет основных элементов в серии черепов из Черска

(по Б. Мишкевичу)

Типы, полученные путем индивидуального анализа	Символ	%	Основные элементы			
			<i>a</i>	<i>e</i>	<i>h</i>	<i>l</i>
Северный	<i>a</i>	5,26	5,26	—	—	—
Северо-западный	<i>a + e</i>	21,05	10,53	10,52	—	—
Подсеверный	<i>a + l</i>	26,32	13,16	—	—	13,16
Сублапоноидный	<i>e + l</i>	26,32	—	13,16	—	13,16
Лапоноидный	<i>l</i>	5,26	—	—	—	5,26
Альпийский	<i>a + h</i>	5,26	2,63	—	2,63	—
Динарский	<i>h + l</i>	5,26	—	—	2,63	2,63
Литторальный	<i>e + h</i>	5,26	—	2,63	2,63	—
Сумма	—	99,99	31,58	26,32	7,89	34,21

Приходится поэтому обратиться к тем работам Я. В. Чекановского, в которых изложены доказательства существования именно четырех перечисленных типов. Эти работы были уже предметом рассмотрения как в советской¹³, так и в зарубежной¹⁴ литературе.

⁸ Я. В. Чекановский полагает, что полученные результаты контролируются при помощи вычисления средней величины головного указателя. К этому методу контроля мы вернемся несколько ниже.

⁹ А. Ванке, Индивидуальное таксономическое определение, «Przegląd antropologiczny», т. XXI, 1955, стр. 990.

¹⁰ См., например, T. W. Michalski, Studia nad strukturą antropologiczną krajów alpejskich, «Łódzkie towarzystwo naukowe», wydział, III, № 41, Łódź, 1956.

¹¹ В действительности эти методы не выдерживают критики и с точки зрения учения Менделя.

¹² См. B. Miszkiewicz, Analiza antropologiczna serii czaszek z Czerska koło Warszawy, «Przegląd antropologiczny», т. XX, 1954; N. Wołanski, Szczątki ludzkie z cmentarzyka wczesnohistorycznego z Bazaru Nowego, «Przegląd antropologiczny», там же.

¹³ См. Г. Ф. Дебец и М. В. Игнатьев, О некоторых вариационно-статистических методах расового анализа. Школа Чекановского, Сборник «Наука о расах и расизм», М., 1938.

¹⁴ См. J. Schwidetzky, Die Rassenforschung in Polen, «Zeitschrift für Rassenkunde», т. I, 1935, стр. 2; H. Szpidbaum, Über das sogenannte Typenfrequenzgesetz, «Verhandlungen der Gesellschaft für physische Anthropologie», т. 6, 1931/32.

Четыре компонента, или «расы», о которых идет речь, являются, по мнению Я. В. Чекановского¹⁵, основными, но не единственными. В результате их смешения между собой образуется еще шесть типов. Генетические отношения между ними поставлены в табл. 7.

На
Таблица 24.

Генетические взаимоотношения антропологических элементов, входящих в состав населения Европы (по Чекановскому)

Р а с а	Северная	Иберо-островная (средиземноморская)	Лапоноидная	Арменоидная
Северная	—	северо-западный	подсеверный	альпийский
Иберо-островная (средиземноморская)	северо-западный	—	преславянский	литторальный (левантинский)
Лапоноидная	подсеверный	преславянский	—	динарский
Арменоидная	альпийский	литторальный (левантинский)	динарский	—

Задача состоит в том, чтобы установить удельный вес четырех основных рас в смешанной популяции. Исходным материалом служат индивидуальные определения комбинаций признаков, в результате чего выявлялись как основные расы, так и смешанные типы. К вопросу об индивидуальном определении антропологического типа в смешанной популяции мы предполагаем вернуться в специальной работе, а сейчас рассмотрим лишь приемы, используемые Я. В. Чекановским для обработки полученных материалов.

Я. В. Чекановский пользуется приемами, предложенными Бернштейном для подсчета частоты генов групп крови на основании данных о частоте их фенотипов. Бернштейн исходит, как известно, из предположения о следующей генетической структуре:

Фенотипы	Гены
О	rr
А	pp, pr
В	qq, qr
АВ	pq

Таким образом, $(p + q + r)^2 = p^2 + q^2 + 2pq + p^2 + 2pr + 2qr = 1$. Пользуясь элементарными приемами решения квадратных уравнений, легко определить частоту каждого из трех генов. Я. В. Чекановский исходит из тех же предпосылок, а именно:

$$(a + e + h + l)^2 = a^2 + e^2 + 2ae + h^2 + 2ah + 2eh + l^2 + 2al + 2el + 2hl = 1.$$

На основе данных о частоте основных рас и смешанных типов Я. В. Чекановский и определяет частоту исходных четырех компонентов.

Чаще всего Чекановский начинает подсчет с a^2 , что, при равном распределении фенотипов, приводит к увеличению доли северной расы¹⁶. Но допускается и иной порядок. При определении доли компонентов, составляющих серию черепов XVIII в. из Скалы¹⁷, подсчет начинается с l^2 ; черепов из окрестностей Плонска¹⁸ — с e^2 и т. д.

Можно не только изменять порядок. Можно добавить те или иные компоненты, не выявленные при первоначальном анализе. В серии швейцарских черепов¹⁹ не были

¹⁵ См. J. Czekanowski, Zarys antropologii Polski, Lwów, 1930.

¹⁶ Если бы все расы были представлены поровну, то мы имели бы для a^2 , e^2 , h^2 и l^2 по 0,1384, а для шести смешанных типов по 0,0744. При этом доля первого элемента, с которого начинается подсчет, равна 0,3720; второго — 0,2206; третьего — 0,2063; четвертого — 0,2011.

¹⁷ См. J. Czekanowski, Zarys antropologii Polski, стр. 346.

¹⁸ Там же, стр. 348.

¹⁹ Там же, стр. 316, 324.

выявлены иберо-островной (e^2) и северо-западный (ae) типы. Но в уравнениях эти типы фигурируют на основании предположения, что они входят в состав литторального типа (eh).

Можно также исключить некоторые компоненты. В населении окрестностей Насельска²⁰ обнаружен подсеверный тип, составляющий 21,33% среди мужчин и 24,49% среди женщин. В уравнениях этот тип не фигурирует вовсе.

Можно использовать долю того или иного типа более одного раза. Подсчет данных о польских шляхтичах из Антонин²¹ основан на системе уравнений:

$$\begin{aligned} a^2 + 2ae + e^2 &= 0,3333 &> \text{откуда } a = 0,514 \\ l^2 + 2la + 2le &= 0,6000 &> e = 0,063 \\ 2al &= 0,4000 &> l = 0,389 \\ h^2 + 2ha + 2he + 2hl &= 0,0667 &> h = 0,034. \end{aligned}$$

Подсеверный тип ($2la$ или $2al$) фигурирует здесь дважды.

Можно и уменьшить долю тех или иных компонентов по сравнению с первоначальными результатами. В серии черепов из «Казацкой могилы» под Львовом²² найдено следующее соотношение:

Типы	%
Северный	9,28
Подсеверный	14,43
Преславянский	20,62
Лапоноидный	23,71
Динарский	19,59
Литторальный	12,37

По мнению Я. В. Чекановского, в этой серии, помимо черепов украинских казаков, есть и черепа татар. Сумма $a + e + h + l$ равна 1,614. Предположив, что для освобождения от этой примеси следует исключить 20 черепов лапоноидного и литторального типов, Я. В. Чекановский получает иное соотношение долей:

Типы	%
Северный	11,69
Подсеверный	18,18
Преславянский	25,97
Лапоноидный	7,79
Динарский	24,68
Литторальный	11,69

При помощи всех этих приемов сумма $a + e + h + l$ оказывается близкой к единице даже в тех случаях, когда для подсчета используются не все типы. В этом Я. В. Чекановский видит доказательство правильности основной предпосылки своего метода — предположения о четырех расах, составляющих население Европы.

В свое время М. В. Игнатьев²³ подверг критике метод Я. В. Чекановского с математической точки зрения. Было показано, что имеется множество систем, приводящих к решению, при котором сумма неизвестных равна единице. Не повторяя соображений М. В. Игнатьева, покажем это на примере.

Возьмем ту же серию из «Казацкой могилы», из которой изъято 20 черепов. Я. В. Чекановский получает:

$$\begin{aligned} a^2 &= 0,1169, &> \text{откуда } a = 0,3419 \\ l^2 &= 0,0779, &> l = 0,2791 \\ h^2 + 2ha + 2hl &= 0,2468, &> h = 0,1742 \\ e^2 + 2eh &= 0,1169, &> e = 0,2095 \end{aligned}$$

Сумма 1,0047

²⁰ Там же, стр. 328.

²¹ Там же, стр. 512.

²² Там же, стр. 335.

²³ См. Г. Ф. Дебец и М. В. Игнатьев, Указ. работа.

Для достижения этого результата Я. В. Чекановский исключил 18,18% черепов судического типа ($2al$) и 25,97% преславянского ($2el$). Он предположил также, в число черепов динарского типа ($2hl$) вошли не найденные при первоначальном анализе черепа арменоидного (h^2) и альпийского ($2ha$) типов, а в число черепов литторного типа ($2eh$) включается также иберо-островная раса (e^2).

Но найденное решение не единственное. Исключив те же черепа, которые были изъяты Я. В. Чекановским, изменим лишь одно. Предположим, что не альпийский ($2ha$) скрыт в динарском ($2hl$), а северо-западный ($2ea$) в литторальном ($2eh$). Тогда получаем:

$$\begin{array}{ll} a^2 = 0,1169, & \text{откуда } a = 0,3419 \\ l^2 = 0,0779, & \text{» } l = 0,2791 \\ h^2 + 2hl = 0,2468, & \text{» } h = 0,2907 \\ e^2 + 2eh + 2ea = 0,1169, & \text{» } e = 0,0864 \end{array}$$

Сумма 0,9981

Сумма даже ближе к единице, чем у Чекановского, но доля арменоидного типа на 12% выше, а иберо-островного, соответственно, ниже.

Впрочем, для получения суммы, близкой к единице, и не нужно исключать 20 черепов, и сумма $a + l + h + e$ не обязательно составляет 1,614. Достаточно исключить рассматриваемый литторальный тип ($2eh$) и допустить, что в состав преславянского типа ($2el$) вошел также иберо-островный (e^2), а в состав северного (a^2) и подсеверного ($2al$) вошли северо-западный ($2ae$) и альпийский ($2ah$), чтобы получить:

$$\begin{array}{ll} l^2 = 0,2371, & \text{откуда } l = 0,4869 \\ e^2 + 2el = 0,2062, & \text{» } e = 0,1789 \\ 2hl = 0,1959, & \text{» } h = 0,2012 \\ a^2 + 2al + 2ae + 2ah = 0,2371, & \text{» } a = 0,1274 \end{array}$$

Сумма 0,9944

Один из учеников Чекановского — Р. Ендык²⁴ приводит систему уравнений, в которой ничего, кроме единицы, и не может получиться:

$$\begin{array}{ll} e^2 = 0,1316, & \text{откуда } e = 0,3627 \\ a^2 + 2ae = 0,2368, & \text{» } a = 0,2443 \\ l^2 + 2al + 2el = 0,2105, & \text{» } l = 0,1539 \\ h^2 + 2ah + 2eh + 2lh = 0,4211, & \text{» } h = 0,2391 \end{array}$$

Сумма 1,0000

Мы уже имели случай указать²⁵, что свободные члены уравнений здесь перепутаны и что по первоначальному распределению следовало бы получить:

$$\begin{array}{ll} e^2 = 0,1316, & \text{откуда } e = 0,3627 \\ a^2 + 2ae = 0,4211, & \text{» } a = 0,3807 \\ l^2 + 2al + 2el = 0,2105, & \text{» } l = 0,1302 \\ h^2 + 2ah + 2eh + 2lh = 0,2368, & \text{» } h = 0,1264 \end{array}$$

Сумма 1,0000

В свое время Я. В. Чекановский в частном письме сообщил нам, что здесь вклялась досадная опечатка, оговоренная в соответствующем месте. Это действительно верно. Но если единица получается (и не может не получиться) и в результате опечатки, то это не говорит в пользу метода. Можно как угодно переставить числовые значения, — сумма $a + e + h + l$ в любом случае окажется равной единице.

Таким методом произведены, например, подсчеты в работе В. Кочки²⁶. При первоначальном анализе этот автор получает обычно четыре или пять комбинаций признаков. Одна или две из этих комбинаций определяются как чистые представители той или иной расы, остальным приписывается сложный состав. Понимая, что в результате

²⁴ См. R. Jendyk, Czaski alanskie z VII—IX wieku, «Kosmos», сер. A, IV, 1—2, Lwów, 1930.

²⁵ См. Г. Ф. Дебеч и М. В. Игнатьев, Указ. работа.

²⁶ См. W. Kocka, Wczesnodziejowa antropologia slowian zachodnich, «Prace Wroclawskiego towarzystwa naukowego», сер. B, № 17, 1953.

такого подсчета ничего, кроме единицы, получиться и не может, В. Кочка полагает, что его выводы контролируются при помощи другого приема, также широко применяемого в работах школы Чекановского. Этот метод основан на сравнении эмпирической средней величины головного указателя с величиной, полученной путем суммирования средних, характерных для отдельных компонентов. Я. В. Чекановский предлагает для суммирования следующую формулу:

$$76a + 68,5e + 88(h + l) + 12a(h + l) + 7,5ae = Ms$$

Эта формула применяется Чекановским для краниометрических данных о сериях позднего времени, начиная, примерно, с конца XIII в. н. э.²⁷ Для более древних серий, до латенского времени, контрольная средняя вычисляется по другой формуле:

$$76a + 68,5e + 88(h + l) - 7,5ae - 12ah - 19,5le = Ms$$

По первой формуле, где $a + e + h + l + a(e + h + l) > 1$, средняя получается больше, чем по второй, где $a + e + h + l - a(e + h + l) < 1$. Этим облегчается нахождение близости эмпирической средней величины черепного указателя с теоретической в соответствии с общеизвестным явлением увеличения черепного указателя населения Европы.

Для наблюдений на живых, следовательно, для превращения средней величины черепного указателя Ms , полученного по первой формуле, в величину головного M_k , Я. В. Чекановский еще в 1907 г. предложил формулу:

$$M_k = \frac{Ms + 8,6}{1,09721}$$

Казалось, можно бы и не прибегать к таким вычислениям, а непосредственно подставлять в формулу величины головного указателя: 78 для a ; 71,5 для e ; 89 для h и l . К тому же используемые для вычислений величины не вполне соответствуют формуле. Черепной указатель северной расы при переводе на головной должен был бы составлять, по формуле Чекановского, не 78, а 77,10; средиземноморской — не 71,5, а 70,27; арменоидной и лапоноидной — не 89, а 88,04.

Но увеличение значений головного указателя в соматологических материалах по сравнению с краниологическими, в сочетании с вычислением теоретического головного указателя по формуле, где $a + e + h + l + a(e + h + l) > 1$, дает больше возможностей для увеличения доли северной расы в населении, у которого головной указатель сравнительно высок. Как известно, одним из теоретических открытий Я. В. Чекановского как раз и является установление значительной доли северной расы в антропологическом типе поляков.

Впрочем, эта сторона дела не имеет особенно большого значения. Не будем поэтому отвлекаться для обсуждения деталей и станем строго следовать приемам Я. В. Чекановского.

Выше мы привели результаты подсчета «типов», входящих в состав лимбажских латышей на основе намеренно искусственной, совершенно механической характеристики этих «типов», полученной путем перестановки квадратов разниц в серии швейцарских военнообязанных. Я. В. Чекановский нашел, что разница между эмпирической величиной головного указателя лимбажских латышей и теоретической величиной, полученной путем суммирования средних величин основных компонентов, равна 0,44. Эта величина признается Я. В. Чекановским достаточно малой и, следовательно, подтверждающей правильность произведенных расчетов. Применив те же методы по отношению к распределению искусственно образованных нами «типов», мы получили разницу всего в 0,22. Очевидно, что этот метод контроля дает возможность подтвердить множество различных решений.

Покажем это еще на одном примере.

В работе Ф. Вокроя о немецких колонистах Прикарпатья²⁸ приведены данные о всех десяти типах (основных и смешанных), встречающихся, согласно концепциям «львовской школы», у населения средней Европы (см. табл. 8). Метод подсчета основных элементов не указан, но правильность полученных результатов контролируется при помощи сопоставления эмпирической величины головного указателя с вычисленной на основе полученного распределения.

Используя для подсчета все десять типов, можно получить 24 разных решения. И некоторые из них, несмотря на существенные отличия от того, которое приводит Ф. Вокрой, дают возможность получить средние величины головного указателя, столь же близкие к эмпирическим.

Для мужчин можно использовать следующую систему уравнений:

$$\begin{array}{ll} l^2 = 0,0191, & \text{откуда } l = 0,1382 \\ e^2 + 2el = 0,0726, & \text{» } e = 0,1646 \\ h^2 + 2hl + 2he = 0,3588, & \text{» } h = 0,3684 \\ a^2 + 2la + 2ea + 2ha = 0,5495, & \text{» } a = 0,3288. \end{array}$$

²⁷ См. J. Czekanowski, Goci a Lechici i dowody antropologiczne, «Przegląd antropologiczny», т. XXI, 2, 1955, стр. 86.

²⁸ См. F. Wokroj, Charakterystyka demograficzna—antropologiczna ludności kolonii podkarpackich, «Przegląd antropologiczny», т. XX, 1954.

Для женщин возьмем другую систему²⁹.

$$\begin{array}{rcl}
 a^2 = 0,0110, & \text{откуда} & a = 0,1210 \\
 l^2 + 2al = 0,3199, & & l = 0,4574 \\
 h^2 + 2ah + 2lh = 0,4117, & & h = 0,2854 \\
 e^2 + 2ea + 2el + 2eh = 0,2574, & & e = 0,1362.
 \end{array}$$

Сравнение полученных результатов с результатами Ф. Вокроя даны в табл. 9 и Как видно, они в общем одинаково удовлетворяют требованиям контроля, несмотря на резкое различие в величине долей.

Таблица 8

Распределение типов немецких колонистов
Прикарпатья
(по Ф. Вокрою)

Типы	Мужчины	Женщины
Северный a^2	0,0229	0,0110
Северо-западный 2 ae	0,1145	0,0772
Подсеверный 2 al	0,3663	0,2831
Иберо-островной ¹ e^2	0,1115	0,0110
Преславянский ² 2 el	0,0611	0,0846
Лапоноидный l^2	0,0191	0,0368
Альпийский 2 ah	0,0458	0,0735
Арменоидный h^2	0,0191	0,0257
Динарский 2 hl	0,3092	0,3125
Литторальный 2 he	0,0305	0,0846

¹ В работе Ф. Вокроя именуется средиземноморским.

² В работе Ф. Вокроя именуется сублапоноидным.

Таблица 9

Доля основных элементов в составе немецких колонистов Прикарпатья
(по Ф. Вокрою и по другому возможному подсчету)

Типы	Мужчины		Женщины	
	по Вокрою	по нашему подсчету	по Вокрою	по нашему подсчету
Северный	42,56	32,88	36,95	12,10
Иберо-островной	11,45	16,46	7,90	13,62
Арменоидный	20,60	36,84	26,83	28,54
Лапоноидный	25,39	13,82	28,31	45,74

Таблица 10

Наблюдаемые и вычисленные величины широтно-продольного указателя немецких колонистов Прикарпатья

Величины	Мужчины		Женщины	
	по Вокрою	по нашему подсчету	по Вокрою	по нашему подсчету
Наблюдаемые	83,92	83,92	85,34	85,34
Вычисленные	83,82	83,71	85,03	85,40
Разница	+0,10	+0,21	+0,31	-0,06

²⁹ Метод Я. В. Чекановского допускает использование разных систем уравнений для мужчин и женщин в одной серии наблюдений. См., например, J. C z e k a n o w s k i, *Zarys antropologii Polski*, стр. 329 и 331 (жители окрестностей Насельска) и стр. 356 (жители Кракова).

Метод Я. В. Чекановского оказывается пригодным для контроля любой гипотезы о генетических взаимоотношениях антропологических элементов. На табл. 11 представлен один из возможных вариантов.

Таблица 11

Генетические взаимоотношения антропологических элементов, входящих в состав населения Европы
(по произвольной их группировке)

Раса	Подсеверная	Северо-западная	Литторальная (левантинская)	Динарская
Подсеверная	—	северный	лапоноидный	альпийский
Северо-западная	северный	—	иборо-островной (средиземно-морский)	преславянский
Литторальная (левантинская)	лапоноидный	иборо-островной (средиземно-морский)	—	арменоидный
Динарская	альпийский	преславянский	арменоидный	—

Для достижения известного правдоподобия характеристику основных и смешанных элементов надо, конечно, несколько изменить. Для черепного указателя, например, можно считать характерными следующие величины:

Подсеверная	раса	88
Северо-западная	»	72
Литторальная	»	78
Динарская	»	83,5.

Для смешанных типов можно принять промежуточные величины. Надо допустить также, что подсеверный тип обладает наиболее светлой пигментацией и т. д. Не будем подробнее обосновывать нашу «гипотезу». Мы не рассматривали с фактической стороны и классификацию, предлагаемую «львовской школой», поскольку речь идет в данном случае о возможности математической проверки этой классификации.

Обозначим, по примеру Я. В. Чекановского, четыре «расы» буквами латинского алфавита: подсеверную — *g*, северо-западную — *i*, литторальную — *r* и динарскую — *d*. Возьмем серию швейцарских черепов³⁰ и будем исходить из иного предположения о генетической структуре выявленных типов:

Тип	Частота (в %)	Символ по Чекановскому	Символ по произвольной группировке
Лапоноидный	7,30	l^2	$2gr$
Преславянский	14,82	$2el$	$2di$
Литторальный	5,09	$2eh$	r^2
Подсеверный	14,16	$2al$	g^2
Северный	21,68	a^2	$2gi$
Альпийский	28,32	$2ah$	$2gd$
Арменоидный	5,09	h^2	$2dr$
Динарский	3,54	$2hl$	d^2

По Чекановскому, состав серии определяется, исходя из следующей системы:

$$\begin{array}{ll}
 a^2 = 0,2168, & \text{откуда} \quad a = 0,4656 \\
 h^2 = 0,0509 & \quad \quad \quad h = 0,2256 \\
 l^2 = 0,0730 & \quad \quad \quad l = 0,2702 \\
 e^2 + 2ae + 2eh = 0,0509 & \quad \quad \quad e = 0,0359
 \end{array}$$

Сумма 0,9973

³⁰ См. J. C z e k a n o w s k i, Zarys antropologii Polski, стр. 316.

Чтобы получить этот результат, Я. В. Чекановский исключает из подсчета: славянский (2el), подсеверный (2al), альпийский (2ah) и динарский (2hl) типы, пуская вместе с тем, что в состав литгорального типа (2eh) входят также первоначально не обнаруженные иберо-островной (e²) и северо-западный (2ae).

Исходя из произвольной группировки, получаем:

$$\begin{array}{ll} g^2 = 0,1416, & \text{откуда } g = 0,3763 \\ r = 0,0509 & \text{» } r = 0,2256 \\ d^2 = 0,0254 & \text{» } d = 0,1881 \\ i^2 + 2di + 2gi + 2ri = 0,3650 & \text{» } i = 0,2045 \end{array}$$

Сумма 0,9945

Для достижения этого результата достаточно было исключить из подсчета альпийский (2gd), арменоидный (2dr) и лапоноидный (2gr) типы и предположить, что в преславянском (2di) и в северном (2gi) скрываются также первоначально не обнаруженные типы: северо-западный (i²) и иберо-островной (2ri).

Контроль при помощи вычисления средней величины черепного указателя дает: эмпирическую величину 84,43

вычисленную по Чекановскому 84,37

вычисленную по произвольному сочетанию «элементов» g, r, d, i 84,45.

* *
*

Из всего сказанного следует, что многолетняя деятельность школы Чекановского не привела к обоснованию гипотезы о сложении населения средней Европы из четырех компонентов, положенной ныне в основу практического применения метода А. Ванке. Пользуясь методом Я. В. Чекановского, можно с тем же успехом доказать, что:

а) четыре элемента a, e, h, l входят в состав любой популяции в иной пропорции
б) в составе любой популяции имеются четыре (или три, или пять, или любое другое количество) каких-либо иных элементов.

Остановимся в заключение на применяемом антропологами «львовской школы» способе контроля при помощи разных методов. Совпадению получаемых при этом результатов в работах этой школы придается большое значение как доказательство правильности получаемых выводов. Так, в упомянутой уже работе А. Л. Годлевского антропологический состав полинезийцев анализируется при помощи методов Жеймса и Ванке.

Вычислив степень взаимного сходства между всеми индивидуумами, А. Л. Годлевский получает известное число групп, характеризующихся более или менее сходными сочетаниями признаков. Предполагается, что в состав полинезийцев входит десяток основных типов, каждый из которых характеризуется определенным сочетанием признаков. Сочетаясь попарно, эти десять основных типов дают 45 смешанных, каждый из которых характеризуется полусуммой признаков, свойственных основным типам, образовавшим данный смешанный тип. Средние величины групп, полученных путем вычисления индивидуальных разниц, сопоставляются затем со средними величинами всех 55 (основных и смешанных) типов. Определенный таким путем состав каждой из первоначально найденных групп служит основанием для подсчета доли каждого из основных типов по методу Жеймо-Жеймса (см. табл. 6). Результаты оказываются близкими к тем, которые получаются по методу Ванке. Правда, в том и в другом случае производится сравнение с одними и теми же исходными компонентами. Но дело не только в этом. Мы видели, что если не подгонять заранее характеристику исходных компонентов под такое сочетание признаков, где каждый компонент в равной мере занимает среднее положение по сумме признаков, то подсчет по методу Ванке может показать преобладание такой комбинации признаков, которая в действительности встречается очень редко. Годлевский, как мы видели, не сбалансировал характеристику своих исходных компонентов. И все же результаты подсчета по методу Жеймо-Жеймса и по методу Ванке оказываются довольно близкими.

Но дело в том, что определение состава групп, полученных путем индивидуального анализа, тоже может быть произведено по-разному. Возьмем первую группу самоанцев по Годлевскому. Она определена как результат смешения тихоокеанского и меридионального типов. Исходя из этого предположения и произведен расчет по методу Жеймо-Жеймса. Но с еще большим вероятно можно определить эту группу как результат смешения ориентального типа с центральноазиатским. Соответствующие данные приведены в табл. 12. Средняя разность³¹ между величинами гипотетического тихоокеанско-меридионального типа и первой группы самоанцев составляет 2,3. Та же разность, если взять гипотетический ориентально-центральноазиатский тип, равна

³¹ Не отнесенная к квадратическому отклонению, как поступает и А. Л. Годлевский при своих подсчетах. Впрочем, если учесть величину σ , то разница будет еще больше.

всего 1,8. Сам А. Л. Годлевский определил свою восьмую группу как результат смешения ориентального типа с центральноазиатским. Оснований для этого не больше, чем для такого определения первой группы, так как средняя разница здесь составляет 2,15.

Таблица 12

Средние величины некоторых групп самоанцев, выявленных путем индивидуального анализа, и разных гипотетических типов

Группы или типы	Указатели			
	головной	лицевой	носовой	длина тела
Первая группа самоанцев	79,1	90,9	70,7	174,2
Восьмая группа самоанцев	83,8	89,5	72,1	172,3
Тихоокеанский тип	80,1	91,6	66,6	171,8
Меридиональный тип	71,0	88,0	70,0	180,0
Смешанный тихоокеанско-меридиональный тип	75,5	89,3	68,3	175,9
Ориентальный тип	76,5	95,0	64,0	177,0
Центральноазиатский тип	86,0	79,3	77,7	172,2
Смешанный ориентально-центральноазиатский тип	81,2	87,1	70,8	174,6

Достаточно было нам (притом с большим, чем у А. Л. Годлевского, основанием) изменить определение только одной первой группы самоанцев, чтобы соответствие результатов подсчета по методу Жеймо-Жеймиса и по методу Ванке сразу же нарушилось (табл. 13). Можно, следовательно, без особого труда получить те совпадающие величины, которые рассматриваются антропологами «львовской школы» как доказательство объективности применяемых ими методов.

Таблица 13

Сопоставление результатов подсчета типов самоанцев по методу Ванке и по методу Жеймо-Жеймиса при разном определении принадлежности первой группы

Типы	По методу Ванке	По методу Жеймо-Жеймиса	
		в интерпретации Годлевского	в другой возможной интерпретации
Тихоокеанский	42,4	42,03	31,16
Центральноазиатский	14,8	18,12	28,99
Ориентальный	13,4	10,14	21,01
Меридиональный	11,9	12,32	1,45
Медитерраноидный	7,1	7,25	7,25
Австралоидный	5,3	5,07	5,07
Австро-африканский	5,1	5,07	5,07

Приходится признать, что работы «львовской школы» ни в малейшей мере не продвинули антропологическую науку в целом по пути объективизации методов, что в основе этих работ по существу лежит еще большая произвольность, чем в критикующих сторонниках этой школы «впечатлениях морфологов». «Морфологи» по крайней мере свободны в выборе числа и свойств выделяемых ими типов. А «львовская школа» целиком зависит от положенной в основу предпосылки о тех или иных исходных компонентах с определенными свойствами. Методы «львовской школы» уводят от субъективного анализа не в сторону объективности, а в прямо противоположном направлении — в сторону предвзятости.

Г. Ф. Дебеч.

НАРОДЫ СССР

В. Н. Белицер. *Очерки по этнографии народов коми*, XIX — начало XX. Труды Института этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая Академии наук СССР. Новая серия, т. XLI, М., 1958, 392 стр., 150 илл.

В числе задач, стоящих перед советской этнографией, в первую очередь отметить фиксацию современного состояния культуры народов СССР, изменений, внесенных Великой Октябрьской социалистической революцией во все области жизни, изучение пережитков более ранних общественно-экономических формаций и, наконец, разработку проблемы этногенеза, в которой этнографии принадлежит почетное место.

Все эти задачи поставил перед собой автор книги «Очерки по этнографии народов коми, XIX — начало XX в.». По сравнению со своими предшественниками В. Н. Белицер построила работу на несравненно более широкой базе. Ею использованы все старые и новые архивные, музейные, литературные и этнографические материалы в том числе ее собственные полевые наблюдения. Если к этому прибавить методологию исследователя, отвечающую требованиям марксистско-ленинской исторической науки, станет понятна ценность данного труда.

Богато иллюстрированная книга открывается небольшим введением от автора, в котором определены задачи, поставленные в данном исследовании. В четырех больших разделах («Общие исторические сведения о народах коми», «Хозяйственные занятия», «Материальная культура», «Семейный быт и духовная культура») всесторонне освещена культура народов коми и изменения в ней, обусловленные Великой Октябрьской социалистической революцией. Заключение подводит итоги данного исследования. В приложении даны: основная литература по народам коми, указатель терминов на языках коми, список иллюстраций.

Положительной стороной книги является привлечение археологических, письменных и лингвистических данных.

Как видно из изложенного, в книге отсутствует история вопроса, разбор хотя бы основной литературы и оценка важнейших этнографических исследований. Правда, автор в разных местах книги дает критический разбор работ своих предшественников, но читатель получил бы более полное впечатление при наличии особой историографической части.

Исчерпывающий обзор литературы по истории и этнографии народов коми был дан в конце прошлого века в очерке профессора Казанского университета И. Н. Смирнова «Пермяки» (Казань, 1891). Однако с тех пор прошло немало времени, появились новые работы, касающиеся различных сторон жизни народов коми. Главное же, коренным образом изменилась методология, в силу чего и оценка работ требует пересмотра установившихся взглядов. Нельзя пройти мимо проблемы Биармии, имеющей непосредственное отношение к истории народов коми, а в связи с этим необходима оценка древних норвежских сказаний. Небезынтересны для истории коми и житие святого Стефана, и ряд других свидетельств.

При наличии новых археологических исследований, позволяющих всесторонне характеризовать культуру коми на протяжении длительного времени, необходимым была новая критическая оценка таких источников, как, например, карта Fra Maug. Нельзя забывать, что в науке имеют еще хождение труды М. Кастрена, Д. Европеуса, М. Веске, И. Аспелина, требующие критики в свете нового материала, выделенного в них устарелого и, с другой стороны, того, что еще сохранило значение. Неравноценна и новая литература, вышедшая за советский период. Здесь, наряду с весьма важными исследованиями Л. П. Лашука, В. И. Лыткина, А. С. Сидорова и самого автора книги, имеется и сомнительная работа В. М. Подорова «Очерки по истории коми (зырян и пермяков)».

Исследование начинается общими историческими сведениями о народах коми. Дано определение этнонима коми, территории, которую они занимают в настоящее время.

История края дана на основе всей совокупности археологических данных с включением всех новейших материалов.

Если не считать некоторой неточности в определении хозяйства племен ананьинской культуры, основу которого составляли уже не охота и рыболовство, а скотоводство и мотыжное земледелие, то все положения автора соответствуют уровню современной науки. Что касается этнической интерпретации некоторых археологических памятников, то нельзя не заметить спорности ряда положений. В настоящее время нет оснований сомневаться в отнесении ананьинских племен к числу финно-угорских. Это положение доказано в ряде работ и не нуждается в дополнительной аргументации. Поэтому есть все основания полагать, что и культура, к которой относится Ванвиздинская стоянка, так же как галицкая и черняковская культуры, тоже принадлежит к финно-угорской языковой системе. Сохранившиеся остатки неизвестного языка, отмеченные автором, с окончаниями на -ма, -га, нет никаких оснований относить к населению культуры Ванвиздинской стоянки. Правда, считать ванвиздинцев непосредственными предками коми нет оснований, но все же это было население, принадлежащее к финно-уграм.

В связи с разрешением проблемы этногенеза народов коми автор привлекает, наряду с археологией, и лингвистику.

Поставленный автором вопрос (стр. 9) о территории, где сложился язык-основа угро-финских народов, едва ли можно разрешить в настоящем исследовании. Этот вопрос требует привлечения более широкого материала, главным образом лингвистического. Едва ли можно полагать, что этнография может решить эту проблему. Соседство с ираноязычными племенами, на что ссылаются В. И. Лыткин и автор настоящей монографии, не помогает разрешению этой проблемы, так как это соседство сохранялось вплоть до гуннского нашествия. Положение, высказанное на стр. 10 о наличии единства финно-угров еще примерно за два-три тысячелетия до нашей эры, может быть принято как самая поздняя дата. Вероятнее всего, что это единство относится еще ко времени мезолита или раннего неолита. Во всяком случае, в эпоху поздней бронзы (вторая половина II тысячелетия до н. э.) и раннего железного века (время ананьинской культуры) говорить о таком единстве уже нельзя. Сама ананьинская культура, как мы знаем из работы А. В. Збруевой «История населения Прикамья в ананьинскую эпоху» (МИА, № 30, 1952), представляет в рамках этнической общности комплекс небольших локальных групп, имеющих своеобразные черты. А. В. Збруевой были выделены эти группы районов Верхней Камы, Нижней Камы и Вятки, рек Белой и Ветлуги. К аналогичному выводу пришли и другие исследователи, например автор настоящей рецензии в работе «Очерки древней и средневековой истории Среднего Поволжья и Прикамья», (МИА, № 28, 1952). К этому времени уже сформировалась поволжская группа, включающая городецкую и дьяковскую культуры, также принадлежавшие к финно-угорской языковой группе. Позднее, в конце I тысячелетия до н. э., в первую половину I тысячелетия н. э. — в эпоху пяноборской культуры продолжала сохраняться этническая карта, зафиксированная для ананьинского времени. Для конца I тысячелетия н. э., когда, по мнению Белицера, произошел распад языка-основы на удмуртский и коми, эта карта была подтверждена археологическими данными, но самый процесс распада языка-основы следует отнести к значительно более раннему времени.

Широкое и критическое использование археологических данных позволило автору правильно осветить культуру древних коми, как мы ее знаем на основе работ покойного исследователя Прикамья М. В. Талицкого. В. Н. Белицер права, говоря о последовательном развитии культуры на протяжении длительного времени, не нарушаемом никакими крупными передвижениями племен. Это положение совершенно верно. Внедрение сарматского, а по иной точке зрения — угорского населения в Енисей явилось незначительным событием. Эти племена, оставившие такие памятники своего пребывания, как курганы Харинские или Качка на Средней Каме, растворились в местной этнической среде и, по-видимому, не оказали большого влияния на последующее развитие культуры края. В целом читатель из данного раздела выносит ясное и правильное представление о сложении коми-пермяков и коми-зырян ко времени X—XI вв. н. э.

Разбирая материал, характеризующий хозяйство племен коми в начале II тысячелетия н. э., В. Н. Белицер правильно отметила, что основой хозяйства прикамских коми в XII—XV вв., когда с ними познакомились русские, было уже пашенное подсеочное земледелие. Правда, ниже, на стр. 29, она смягчает это положение, отметив, что развитие плужного земледелия в Прикамье и на Вычегде, весьма вероятно, не лишено было славянского влияния, так как некоторые пермские сошники по форме близки к славянским, найденным на Русском Севере. Это положение верно лишь частично. Есть отдельные общие формы земледельческих орудий у русского народа и коми. Однако древнейшие формы сошников, найденные в слое, хорошо датированном монетами X в., имели иную, своеобразную форму, не встречаемую в русских землях¹. Таковы находки с Донды-Карского и Кушманского городищ.

В книге хорошо освещен процесс феодализации у коми и внедрения русских, которое документируется XII в. Основные вехи исторического развития XV—XIX вв. освещены в степени, достаточной для понимания истории культуры народов коми. Не могу не отметить некоторые неточности в этой части работы. Так, на стр. 21 сказано, что классовое расслоение пермской деревни началось в крепостное время. По-видимому, начало этого процесса относится к значительно более раннему времени, когда стали складываться феодальные отношения. Своеобразие расслоения, отмеченное автором для более позднего времени, второй половины XIX в., состоит в выделении кулачества и полном обезземеливании части сельского населения. Правильно указав на культурную и экономическую отсталость коми в царское время, автор на стр. 23 чересчур категорично утверждает, что до Великой Октябрьской социалистической революции на территории Коми АССР и Коми-Пермяцкого национального округа почти не было промышленности, за исключением мелких кустарных предприятий по обработке кожи и выделке замши, соеварен и металлургических заводов с устаревшим техническим оборудованием, недра края почти не использовались, а лесные богатства расхищались. Вместе с тем выше (стр. 18—22) указаны значительные промышленные предприятия, существовавшие уже в XVIII в. Приведенный в книге список заводов может быть увеличен. Надо было бы отметить Мотовилихинский завод, существовавший с 1736 г., Егошихинский,

¹ См. А. П. Смирнов, Донды-Карское городище, «Тр. Научн. о-ва по изучению Вятского края», вып. IV, Ижевск, 1928; его же, Финские феодальные города, Сб. «На удмуртские темы», М., 1931, стр. 56, 60—61.

Висимский, Пыскорский, Пермский заводы. Нельзя забывать, что в самом конце XIX в. Пермский завод считался передовым в отношении технического оборудования. Он имел различные мастерские, в том числе с заграничным новым оборудованием, на пример печи Сименса-Мартена, а с другой стороны, — и новым русским. Гордость завода в то время был 50-тонный паровой молот с весом падающей массы свыше 3 тыс. пудов, а при действии верхнего пара — с силой удара до 100 тыс. пудов, так что молот этот с полной справедливостью считался одним из крупных в промышленности того времени. Этот пример показывает, что тезис о примитивности техники в Приуралье в царское время не совсем верен. Наряду с весьма отсталыми в техническом отношении небольшими предприятиями, существовали и крупные, с передовой, по тогдашнему уровню, техникой. Не совсем точно освещено и положение с открытием нефти в советский период. Ухтинская нефть была известна значительно раньше, но ее разработка, имеющая промышленное значение, в то время не велась.

В целом же исторический раздел дает правильное представление об этногенезе народов коми и правильно трактует основные этапы их истории. В книге дана всесторонняя характеристика социалистического периода. Хорошо показаны и экономические и культурный рост этих народов. Читатель узнает не только о бытовых, но и о коренных изменениях во всех областях жизни: в экономике, науке, искусстве и литературе.

Следующий раздел посвящен хозяйственным занятиям. Начало развития сельского хозяйства на территории коми-зырян и коми-пермяков раскрыто на большом археологическом материале, начиная с эпохи раннего железа. Здесь автор допустил небольшую неточность, отнес развитие скотоводства к послепалеолитическому времени, к первым тысячелетиям нашей эры. Как можно судить по данным, приведенным в указанной работе А. В. Збруевой, скотоводство получило большое развитие уже в ананьинскую эпоху (стр. 49).

Более поздние эпохи — XVI—XVIII вв. — проанализированы автором на основе жованых грамот и писцовых книг. История развития земледелия и скотоводства в этих разделах замечаний не вызывает. Конец XIX — начало XX в. получили исчерпывающую характеристику. В основу изучения положены статистические материалы, описания путешественников и материалы, собранные автором монографии при этнографических поездках. В науке впервые с такой полнотой получили конкретную характеристику вопросы землевладения, земледельческой техники и системы земледелия. Четко выявлено своеобразие их у народов коми и черты, общие с их соседями — русскими. Такую же исчерпывающую оценку получило скотоводство, причем выяснено своеобразие его в отдельных районах. Интересны страницы, освещающие систему охоты. Охотничьи маршруты, подробно исследованные автором, представляют интерес не только для этнографов, но и для археологов. В этом разделе рассмотрены многочисленные орудия лова, бывавшие в досоветский период. Исчерпывающую оценку получило и рыболовство. Во всех разделах при характеристике технической базы и организации труда отмечены изменения в системе хозяйства, наступившие в советское время.

Весьма подробно разобраны домашние производства, ремесла и промыслы. Исчерпывающая и всесторонняя характеристика этого раздела культуры представляет большую ценность для истории хозяйства, в частности важны страницы, посвященные ремеслу и мелкой промышленности. В. Н. Белицер выявила архаические черты в организации производства мелких капиталистических предприятий.

Значительный материал положен в основу раздела «Пути сообщения и средства передвижения». Записки путешественников, начиная от Герберштейна до начала XX в., позволили исследователю подробно разобрать этот вопрос.

Интересны наблюдения над использованием саней в качестве погребального катафалка, практиковавшимся еще в 20-х годах нашего столетия. В этой связи в книге приведен большой сравнительный материал, показывающий широкое распространение этого обычая с весьма раннего времени. Много помогает понять в этом вопросе разбор терминов. В качестве небольшого замечания отмечу, что лошадь известна в Приуралье еще с эпохи раннего железа (стр. 135), а значительно раньше. Во всяком случае в памятниках прикладного искусства сеиминской культуры известна фигурка лошади, датируемая половиной II тысячелетия до н. э.

Много внимания уделит автор вопросу о поселениях. Хорошо показано, как в силу природных условий, историко-культурных традиций и хозяйственной деятельности у народов коми сложились различные типы поселений, отражающие различные исторические этапы. Детальный анализ самих планов, терминов позволил автору убедительно выделить древнейший, гнездовой план, обусловленный еще первобытными и феодальными отношениями, и более поздние планы, выработанные при капиталистических отношениях. Отмечены и изменения в характере деревень, связанные с социалистическими отношениями. Удачно использован анализ терминов и легенд, относящихся к истории возникновения различных поселений.

Разбирая характер жилищ, автор также привлекает археологические данные. Использование сравнительного материала позволило выделить более архаические и новые формы жилищ. Этот анализ дан с учетом семейных отношений. Выделены локальные варианты жилищных строений.

Особый раздел посвящен декоративному убранству дома. Здесь большое место отведено конским головам и фигурам птиц. Пожалуй, мало внимания уделила В. Н. Белицер выявлению магического значения этих фигур. Некоторые воспоминания местных

жителей, записанные автором, и работа Я. К. Сыропята — это, пожалуй, все, что приведено в книге для выявления смыслового значения фигур, утраченного в настоящее время. Автор не привел в данном случае аналогий, известных в этнографических и археологических данных. А между тем в Прикамье значение лошадиной головы в качестве оберега прослеживается в материале волжских болгар, у которых лошадиные головы клали под угол дома или закапывали в подполье. В костюме населения Прикамья у предков коми широко практиковались привески с парными лошадиными головами. Должен заметить, что резьба, опубликованная на стр. 214 (рис. 85), также представляет головки лошадей и птиц, переданных в стилизованном виде.

Интересно описание обрядов, сопровождавших постройку дома, и изложение наблюдений М. К. Супинского, Н. Я. Рогова и других авторов (стр. 215) о закладке под угол дома монет, шерсти или кудели. Этот обычай имел широкое распространение начиная с глубокой древности и не является специфически местным, как можно понять из текста книги. Если брать близкие примеры, то можно указать находки под углом домов серебряных монет и украшений на Нижней Каме у болгар.

Разнообразен материал по разделу «Пища» и «Утварь», но особенно интересны страницы о народной одежде. В. Н. Белицер сама много работала по этой тематике, ее наблюдения и скрупулезный анализ этого материала позволяют решить ряд историко-культурных вопросов. Подробно анализируя все составные части женского и мужского костюма, она выделила три комплекса мужской одежды, связанных со своеобразием хозяйства на данной территории. В одежде коми ею убедительно выявлены четыре хронологических пласта: древний, представленный простейшими формами, общими для охотников и рыбаков; второй пласт, близкий одежде других финно-угорских народов; третий — близкий русской одежде, по мнению В. Н. Белицер, являющийся специфически народным как для коми, так и для русских; четвертый — оленеводческая одежда, заимствованная от ненцев. Интересны украшения, часть которых, несомненно, восходит к древним прототипам, но опубликованные на рис. 129 серьги по внешнему виду напоминают изготовляемые кустарями-татарами в Рыбной слободе Лаишевского района ТАССР, откуда они распространялись по всему Приуралью. Серьги в виде кольца со стержнями с нанизанными бусами получили особенно широкое распространение после XIV в. Едва ли их можно считать характерными для коми. Мы встречаем их и у мордвы, и у мари, и у удмуртов.

Отдельные разделы монографии посвящены семье и браку, народным верованиям и обрядам. Интересен материал по народному творчеству. Здесь читатель имеет возможность детально познакомиться и с прикладным искусством, и с народной сказкой. В последнем разделе есть предания о богатырях и о чуди, которую коми считают своими предками.

Книга В. Н. Белицер — крупнейшее исследование по этнографии народов коми. Оно не только вводит в науку прекрасно разобранный, исчерпывающий этнографический материал, но и дает стройный очерк истории культуры. Весь этнографический материал проанализирован путем сопоставления с археологическим материалом, с различными письменными документами, памятниками устного творчества. Автором привлечен широкий круг сравнительных данных, выделены в отдельных разделах культуры последовательные хронологические пласты, развитие культуры связано с этапами развития общества, выявлены черты, общие культуре ряда народов, иногда различных по происхождению и языку.

В. Н. Белицер отметила отсутствие культурного единства между отдельными народами финно-угорской языковой системы, что указывает, как она справедливо отмечает, на большую древность языковой общности этих народов. В современной культуре коми, эстонцев, суоми, мари нет особой близости, что объясняется различной историей этих народов. Ее работа разрушает старую точку зрения о единой монолитной культуре финно-угорских народов. Последняя теория, обоснованная в свое время М. Кастреном, И. Аспелином, А. Гейкелем, У. Сирелиусом и А. Тальгреном, не выдержала проверки временем. Точный всесторонний анализ материала, взятого не выборочным порядком, а в целом, показывает, что в культуре народов коми есть черты, общие с другими финно-угорскими народами, так же как есть и черты, общие с народами другой языковой системы, с которыми их связывает общий исторический путь. Поэтому, например, близость с русской культурой весьма значительна, так как связи со славянами начались с X—XI вв. «Усваивая многие культурные достижения своих русских соседей, — пишет В. Н. Белицер, — коми по-своему перерабатывали их и обогащали тем самым свою культуру, передавая и в свою очередь русским многочисленные навыки, выработанные в условиях таежной природы» (стр. 369).

Книга В. Н. Белицер заслуживает самой положительной оценки. Выход ее в свет — большое событие в исторической науке.

А. П. Смирнов

Л. П. Потапов. *Происхождение и формирование хакасской народности*. Абакан 1957, 307 стр.

Выход рецензируемой работы был приурочен к юбилейной дате — 250-летию добровольного присоединения Хакасии к России, что вполне оправдано, так как ряд рассматриваемых в ней вопросов имеет самое непосредственное отношение к этому историческому событию. Книга делится на две части: I — «Население Минусинской котловины в XVII в.» и II — «Формирование современной хакасской народности в XVIII—XIX вв.». Следует отметить, что вопрос о происхождении и формировании хакасской народности был еще в 1952 г. поставлен автором в книге, изданной в Абакане под названием «Краткие очерки истории и этнографии хакасов (XVII—XIX вв.)». В этом труде автор преследовал цель не только проследить процесс формирования хакасской народности, но и дать общий очерк истории хакасов, осветить их общественный строй, культуру, быт и т. д. В рецензируемой же монографии автор, отказавшись от освещения целого ряда вопросов, сосредоточился на центральном сюжете — о происхождении и формировании хакасской народности. В этой связи шире привлечены такие источники, как документы Сибирского приказа XVII и особенно XVIII века. Ряд источников XVIII в. привлекается Л. П. Потаповым впервые. Это работы Г. Миллера «Описание сибирских народов», «Описание Красноярского уезда Енисейской провинции в настоящем его положении в начале 1735 г.»; путевые заметки И. Фишера по дороге из Томска в Красноярск в 1741 г.; дневник Д. Мессершмидта; анкетные материалы В. Н. Татищева и некоторые другие. Привлечение этих материалов, бесспорно, обогатило содержание книги, сделало ее более интересной и разносторонней.

Происхождение и формирование хакасской народности показано на широком фоне политической жизни Южной Сибири XVII—XVIII вв. Автор подробно и ярко рисует политическую обстановку Южной Сибири в XVII в. накануне включения ее в состав Русского государства. Феодалная раздробленность и междоусобицы, эксплуатация енисейских киргизов феодалной верхушкой, зависимость от ойратов и джунгар — таковы характерные черты этой обстановки. «Грабежи и набеги были частым явлением и весьма тяжело отражались на мирных хозяйственных занятиях трудящихся скотоводов и охотников. Анархия, произвол и насилие, чинимые азиатскими феодалами по отношению к трудовому населению различных мелких родоплеменных групп Южной Сибири, многообразие, увод в рабство и т. д. тормозили экономическое и культурное развитие местного разноязычного населения» (стр. 60—61).

В таких условиях шло продвижение русских, открывавшее перед трудящимися Южной Сибири иные перспективы. «Мелкие родоплеменные группы, жившие разбросанно и изолированно друг от друга, довольно охотно встречали появление русских и, как правило, добровольно соглашались на включение в состав Русского государства и взнос ясака. Местное население в сближении с русскими видело облегчение своего положения» (стр. 61).

Включение народов Южной Сибири в состав Русского государства имело прогрессивное значение для всей последующей истории трудящихся хакасов. «Вместе с русскими в Южную Сибирь проникала не только централизованная, твердая государственная власть, но и более высокие и развитые формы хозяйства, культуры и быта, которые быстро стали оказывать положительное влияние на экономику, быт и культуру местного населения» (стр. 61).

В состав Русского государства добровольно переходила основная масса населения Южной Сибири. Киргизские же феодалы, господствовавшие в Минусинской котловине в XVII в., опираясь на монгольскую и джунгарскую знать, боролись против русского проникновения, отстаивая сохранение своего привилегированного положения и монопольное право эксплуатации трудящихся масс. Л. П. Потапов совершенно справедливо рассматривает эту борьбу против Русского государства как реакционную, отвечавшую лишь корыстным интересам эксплуататорской верхушки енисейских киргизов. «Никаких общенародных освободительных задач эта борьба не ставила, не преследовала она и целей политической самостоятельности и создания собственной государственности енисейских киргизов» (стр. 69).

Отмечая в целом правильность трактовки Л. П. Потаповым вопроса о вхождении народностей Южной Сибири в состав Русского государства, отмечаю один недостаток. Значение рассматриваемого вопроса выходит далеко за пределы Южной Сибири (зачастую и сам автор выходит за эти рамки), и логично было бы поставить этот вопрос сперва для всей Сибири в целом, а затем уже для Южной Сибири в частности. Тогда яснее выступили бы как некоторые факты, общие для всей Сибири, так и специфические особенности, характерные для ее южной части. Присоединение Сибири начинается с знаменитого похода Ермака. Им, как указывал Маркс, «была заложена основа Азиатской России»¹. Это было военное предприятие, разгромившее Сибирское татарское царство. Уже в этом походе мы найдем переплетение моментов насильственного присоединения и добровольного перехода местного населения на сторону России. Часть хантыйских и мансийских племен, тяготясь зависимостью от татарских феодалов, по

¹ Архив Маркса и Энгельса, т. VIII, стр. 166.

ловам летописи, «от Кучумова повеления и раменга отступиша», т. е. добровольно перешла в подданство России. Вместе с тем разгром Ермаком Сибирского татарского царства явился завершением длительной борьбы русского народа против Золотой Орды и ее обломков, против двухвекового татаро-монгольского ига. Недаром Ермак стал одним из излюбленных героев русских былин, исторических песен², причем в былинах он не только завоевывает Сибирь, но и вместе с Ильей Муромцем обороняет Киев от татар.

Вопрос о присоединении Южной Сибири к Московскому государству тем целесообразнее было связать с вопросом о присоединении всей Сибири, что некоторые сообщаемые Л. П. Потаповым факты о передвижке отдельных этнических групп объясняются именно разгромом Кучумова царства. Так, на стр. 153—155 автор сообщает интересные данные о передвижке части сибирских татар после разгрома Кучума на восток, вплоть до бассейнов Чулыма и Енисея. Эти тюркоязычные группы позднее смешались с местным кетоязычным и самодийскоязычным населением.

В связи с постановкой вопроса о присоединении Южной Сибири к Русскому государству и тех перспективах, которые открывались перед ее народами, уместно было бы показать, что же давало Русскому государству присоединение Сибири, и в частности Южной Сибири. В. И. Ленин, подчеркивая одну из сторон сложного пути покорения и добровольного присоединения Сибири, указывал, что это была «борьба за хозяйственную территорию»³. Включение Сибири, в частности ее южной части, в состав Русского государства дало ему новые, важные в хозяйственном отношении территории и укрепило его хозяйственную и политическую самостоятельность. Это было особенно важно в связи с попытками Польши и Швеции в начале XVII в. подорвать независимость России. Продвижение России на Восток в это время обеспечило ей успех на Западе.

Изложение в монографии основной проблемы — происхождения и формирования хакасской народности, — несомненно, вызовет интерес со стороны многих специалистов по истории и этнографии Сибири — и тюркологов, и изучающих самодийские народы и так называемых палеоазиатов. В Минусинской котловине скрещивались судьбы многих племен и народностей Сибири, шли важные этногенетические процессы, осложнявшиеся притоком сюда различных этнических групп с севера (например, татар после разгрома Кучумова царства). В советской исторической и этнографической литературе наблюдается живой интерес к процессам, протекавшим в Минусинской котловине. Достаточно назвать работы С. В. Киселева, Б. О. Долгих, З. В. Бояршиновой, А. П. Дульзона и др. Монография Л. П. Потапова в значительной мере обобщает то, что было проделано советскими учеными в отношении истории народов Минусинской котловины в XVII—XIX вв. и продвигает дальше исследование сложных вопросов межплеменных отношений в этом районе.

Автор убедительно показывает, что хакасская народность образовалась не из родственных племен путем слияния их в единое этническое целое, а из различных по своему происхождению и языку этнических групп (тюркоязычных, кетоязычных и самодийскоязычных). Совместная жизнь в Красноярском и Кузнецком уездах Сибири постепенно порождала общность быта, культуры и языка. В книге хорошо раскрыт процесс тюркизации самодийскоязычных и кетоязычных элементов. Формирование хакасской народности происходило в относительно благоприятных условиях. Включение народов Южной Сибири в состав Русского государства устранило ту анархию и грабежи, которые господствовали до XVII и в XVII веке. В XVIII в. уже сложилась устойчивая мирная обстановка, благоприятствовавшая как связям различных этнических групп между собой и консолидации их в единое целое, так и связям их с русским народом. Конечно, не следует идеализически рисовать историю народов Южной Сибири в XVIII—XIX вв. Крепостники-помещики всячески поддерживали произвол царской администрации и эксплуатацию этих народов, чему был положен конец только Великой Октябрьской социалистической революцией.

Отмечая достоинства монографии Л. П. Потапова, касающиеся этногенетических процессов в Южной Сибири в XVII—XIX вв., следует остановиться и на некоторых ее недочетах в этом отношении. Автор стремился в том сложном переплете различных по происхождению и языку этнических групп, который имел место в Минусинской котловине в XVII—XVIII вв., выявить этническую принадлежность каждой из этих групп. В большинстве случаев с аргументацией автора можно согласиться, но есть и недостаточно обоснованные положения. Так, на стр. 120—122 Л. П. Потапов пытается доказать тюркоязычность мадов и тем самым отграничить их от самодийскоязычных матов, с которыми сближали мадов некоторые исследователи. Приведенный материал, однако, не убеждает читателя в выдвинутой гипотезе, да и сам Л. П. Потапов, видимо, далеко не убежден в ней. Во всяком случае, читая, что «мады, в и д и м о, были тюркоязычными» (стр. 120; разрядка здесь и ниже моя. — Н. С.), что «маторы и маты в XVII в. были различны по своей численности, управлялись различными князьями, жили в различных местах и, в и д и м о, резко отличались по своему этническому составу» (стр. 121), «по языку мады, были, в и д и м о, тюркоязычными, о чем

² См. «Исторические песни» (Серия «Библиотека поэта»), Л., 1951, стр. 101—120; Л. Оксенов, Ермак в былинах русского народа, СПб., 1892.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 26, стр. 139.

говорит их тесное общение с енисейскими киргизами, которым они, как ж е т с я, были родственны. Каж е т с я, мады упоминаются в енисейских рунических надписях, обнаруженных в бассейне р. Уюка» (стр. 122), — мы далеко не уверены в правильности этих «видимо» и «кажется». Для обоснования этих положений у автора нет еще достаточно убедительных данных.

Нельзя согласиться и с характеристикой социальных отношений у некоторых этнических групп. Если положение автора о наличии феодальной верхушки у тюркских язычных народностей подкреплено достаточным материалом, то это же положение применительно к самодийскоязычным и кетоязычным группам повисает в воздухе из-за отсутствия данных. Так, на стр. 81 Л. П. Потапов говорит о наличии у аринов «полуфеодальной, полупатриархальной знати» только на основании того, что в источниках XVII в. сообщается о «князях» и «лутчих людях» у аринов. Однако, такая же терминология («князцы» и «лутчие люди») имеется в источниках XVII в. и в отношении ряда других народов Сибири, в частности народов Севера — тунгусов, якутов и др., у которых ни в XVII в., ни позже не было феодальных отношений. Термин «князь» мог обозначать и родового и племенного вождя, а термин «лутчие люди» — родоплеменную верхушку. Так это и было, видимо, в отношении аринов.

На стр. 26 автор пишет о наличии у енисейских киргизов «сословной иерархической и наследственной собственности князей». С такой формулировкой трудно согласиться. У енисейских киргизов, при наличии феодальных отношений, несомненно имелаась феодальная собственность на землю, однако она не являлась юридически закрепленной («сословной»), так же как у енисейских киргизов не было и юридически оформленных сословий.

На стр. 142—143 Л. П. Потапов высказывает свои соображения о термине «волость» в русских документах XVII в. Он пишет, что в источниках этого времени под властью «подразумевалась не территория, а население, состоящее под главенством того или иного князца и нередко называемое по его имени. Вследствие этого территория той или иной волости была не всегда постоянной. Вот почему в документах этого времени можно встретить такие выражения: волость убежала, волость отложилась и изменила и т. д. Правильнее было бы говорить о том, что в источниках XVII в., как и последующего времени, вплоть до XIX в., термин «волость» имеет двойное значение: 1) территориальной единицы (а зачастую и административно-территориальной, как в отношении русского населения) и 2) населения этой территории. Второе значение является производным от первого и вместе с тем не отделяемо от первого.

В конце книги даны два приложения — словари «языка койбальского» и «языка моторского», составленные в 1806 г. «членом С. П. Б. Общества любителей наук, словесности и художеств Григорьем Спасским» и хранящиеся ныне в рукописном отделе Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Публикация этих словарей вполне оправдана, словари — ценный источник для изучения этногенетических процессов, которые составляют основное содержание книги. Следует только пожалеть о том, что комментарии к этим словарям слишком кратки (стр. 105). Материал заслуживал большего внимания.

Особо следует остановиться на техническом оформлении книги. К сожалению, следует отметить, что оно не на высоком уровне, и это производит крайне досадное впечатление. Корректорская работа проведена небрежно. Отсюда — полный произвол в строчных и прописных буквах. Уже на первой странице основного текста (стр. 11 книги) мы встречаем такую фразу: «Он назвал при этом киргизского князца Номчи... телеутского князя Обока... Умацкого, точнее же Мацкого князца Чита...». На протяжении всей книги перемежаются: «Русское государство» и «русское государство», «Тюлькина земля» и «тюлькина земля», «Кетский острог» и «кетский острог» и т. д. и т. п.

В заключение следует еще раз подчеркнуть, что опубликованная монография представляет собой интересное, ценное исследование по истории и этнографии народов Южной Сибири XVII—XIX вв. Примыкая к предшествующим исследованиям и публикациям Л. П. Потапова, она вносит много нового в изучение сложных этногенетических процессов, происходивших в Минусинской котловине в XVII—XIX вв.

Н. Н. Степанов

Е. В. Яковлева. *Малые народности Приамурья после социалистической революции*, Хабаровск, 1957, 77 стр.

Специальная литература, вышедшая за последнее время, о народах советского Дальнего Востока, в частности о народах Приамурья, очень скудна. Этнографические исследования об отдельных народностях ограничиваются книгами И. Лопатина о нанайцах¹ и А. Золотарева об ульцах². Существенное значение имел выход в свет тома «Народы Сибири»³, где имеются и статьи о народах Дальнего Востока. Специальных же исследований о современном положении этих народов, тем более — о процессе перестройки всего их жизненного уклада после Великой Октябрьской социалистической революции — почти не появлялось⁴.

Естественно, что выход каждой новой работы на эту тему вызывает большой интерес. Рецензируемая брошюра Е. В. Яковлевой должна в известной мере заполнить существующий пробел; автор — местный хабаровский научный работник — использовала для своей работы обширные архивные материалы, а также, как можно думать (хотя она прямо об этом и не сообщает), личные материалы, наблюдения и данные периодической печати.

Основной задачей автора было показать процесс перехода малых народностей Приамурья от первобытно-общинного строя к социализму, процесс перестройки всей жизни этих народностей. Книга делится на три основных раздела: «Малые народности Приамурья до Октябрьской социалистической революции», «Переход малых народностей Приамурья от патриархально-родового строя к социализму», «Малые народности Приамурья в период социализма».

По замыслу это издание очень нужное и полезное, но такое впечатление нарушает первый раздел, свидетельствующий о том, как мало работники на местах знакомы с бытом местных народностей, как еще живо до сих пор пренебрежительное, неправильное отношение ко всей культуре, созданной ими в прошлом. Можно предполагать, что автором владела идея на фоне мрачного прошлого этих народностей более ярко оттенить все достижения, к которым они ныне пришли, но и это не оправдывает архаизации дореволюционного быта народностей Приамурья.

«Основной общественной жизни малых народностей Дальнего Востока, — пишет автор, — являлся род, члены которого имели одного предка и сообща вели свое хозяйство. Род имел общие места для ловли рыбы и охоты, общие дома и культовые сооружения» (стр. 4). Так как работа посвящена малым народностям Приамурья, по-видимому, именно их и имел в виду автор. Но у нанайцев, ульчей, удэгейцев, орочей низов род в том виде, как представлено в приведенной выдержке, не существовал ни в XIX в. (на стр. 6 автор говорит, что со второй половины XIX в. у народов Приамурья начинается разложение рода), ни гораздо раньше. Уже в XVII в. пушнина поступала в сферу товарного обращения, и это постепенно приводило к разложению родовых устоев. Об общих родовых домах, общем хозяйстве всех членов рода, якобы существовавших у народностей Приамурья, мы узнали только из рецензируемой книги, но из каких источников это взято — неизвестно. Нужно было ясно сказать, что в XIX в. сохранились только отдельные пережитки родового строя.

Автор приводит и ряд совершенно неверных «этнографических» сведений о прошлом малых народностей Приамурья. «Как только девочке исполнялось 5—6 лет, родители выдавали ее замуж, получая выкуп от родителей жениха. Нередки были случаи, когда девочка в возрасте 5—6 лет выдавалась замуж за мужчину 25—30 лет, и брачная жизнь девочки начиналась задолго до половой зрелости» (стр. 6). Истины ради нужно сказать, что браки в столь раннем возрасте заключались гораздо реже, чем в возрасте 12—16 лет для девочки. Но даже если и имели место столь ранние браки и если при этом девочка действительно переселялась в дом своего будущего мужа, фактическая брачная жизнь по обычаям, существовавшим у этих народов, начиналась как раз с наступлением половой зрелости.

Этнографические ошибок в небольшом первом разделе книги очень много: экзотика объявляется пережитком группового брака (стр. 5), у народов Приамурья вместо дощатых лодок оказываются кожаные. На стр. 7 изображено «старое жилище тунгусов», относящееся не к Приамурью, а к северо-востоку (по современному административному делению — Магаданская область). На стр. 9 дана подпись под фотоснимком: «Старое орудие лова — „пасть“ на медведя. Ульчский район»; но этот снимок — не из Ульчского района, а также из северо-восточных районов страны, о чем свидетельствует одежда на человеке, стоящем около пасти. На Амуре же «пасть» никогда не употреблялась.

¹ См. И. Лопатин, Гольды амурские, уссурийские, сунгарийские, Владивосток, 1922.

² См. А. М. Золотарев, Родовой строй и религия ульчей, Хабаровск, 1939.

³ «Народы Сибири» под ред. М. Г. Левина и Л. П. Потапова (из серии «Народы мира», издаваемой Институтом этнографии АН СССР), М.—Л., 1956.

⁴ Эта лакуна несколько восполняется книгой М. А. Сергеева «Некапиталистический путь развития малых народов Севера» (Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Новая серия, т. XXVII, М.—Л., 1955); однако материалы о народах Приамурья там теряются в общей массе сведений обо всех народах севера Сибири и Дальнего Востока.

«Бичом народностей Приамурья были венерические заболевания и туберкулез (стр. 8). Венерические заболевания среди малых народностей Приамурья не бы распространены, можно говорить лишь об исключительных случаях»⁵.

Рыбу, мясо зверей, растения якобы «употребляли в пищу чаще в сыром виде (стр. 4). Версия о сыроядении у народов Приамурья усиленно раздувалась раньше! Дальнем Востоке; но ульчи, нанайцы и другие народности Приамурья более 90 потребляемой рыбы ели и раньше в вяленом, сушеном, вареном и жареном виде, мя же в сыром виде почти не ели.

Дореволюционная культура народов Приамурья описана в книге так, что население кажется стоявшим тогда чуть ли не на грани дикости. Это не соответствует действительности, так как эти народности принесли из прошлого в современную жизнь ряд весьма полезных элементов культуры (старинных орудий труда, тип лодок, лы и проч.). Трудовые навыки также в значительной степени унаследованы современным коренным населением от прошлого: нивхи, ульчи, орочи, нанайцы и сейчас лучшие рыбаки в крае, а удэгейцы — лучшие охотники.

Мы очень далеки от идеализации прошлого народов Приамурья, но считаем, что это прошлое историку нужно рассматривать, исходя из истинных фактов.

Автор, дающий общую картину истории народностей Приамурья с дореволюционного времени до современности, должен был хотя бы обмолвиться об участии в местном партизанском движении.

Основной раздел книги — «Переход малых народностей Приамурья от патриархально-родового строя к социализму» — в целом мы расцениваем положительно; и определяются ценность данного исследования. Собран воедино и систематизирован материал, показывающий, какую большую работу проделали центральные правительственные органы и местные дальневосточные партийные и советские организации для поднятия экономики, культуры, быта малых народностей Приамурья.

Но и в этом разделе имеется много существенных недочетов. На стр. 20 — автор рассказывает о том, как якобы создавались родовые советы у народов Приамурья в 1923 г. Автор утверждает, что «опыт создания Советов на основе родового принципа у народов Дальнего Востока оправдал себя и был распространен на районы Севера, где проживали малые народности» (стр. 23). Но в Приамурье создавали и не могли создавать родовых советов, так как здесь от рода остались лишь пережитки, а у чукчей и коряков рода к этому периоду уже не существовало.

Автор правильно указывает, что вопросы национального районирования «явились важным моментом национального строительства и развития советской государственности у малых народностей» (стр. 25). Однако вопросы эти рассмотрены в книге весьма поверхностно, и действительно важный процесс районирования на нижнем Амуре, длившийся несколько лет, остался не раскрытым. Автор сообщает, что к 1934 г. национальное районирование на Амуре было закончено и что к этому времени было создано восемь национальных районов, но по какому принципу они создавались — не говорится. На стр. 38 и др. упоминаются Куканский, Лимано-Гилякский и Амуро-Тунгусский районы. Однако этих районов уже не существует. Нужно было конкретно сказать, когда же были созданы современные районы нижнего Амура и почему были ликвидированы созданные ранее.

Отмечая мероприятия по подъему культуры и называя учебные заведения, готовившие кадры интеллигенции из представителей северных народностей в 1920—1930-е годы, Е. В. Яковлева не упоминает об Институте народов Севера, в котором, как известно, училось и много представителей нижеамурских народностей и который сыграл важную роль в подъеме их культуры. В то же время говорится о Северном отделении при Педагогическом институте имени Герцена в Ленинграде, хотя это отделение было открыто лишь после Великой Отечественной войны.

Думается, что этот важный раздел работы с большим основанием можно было бы назвать «Мероприятия партийных и советских органов Дальнего Востока и правительственные постановления, направленные на подъем культуры и экономики народов Дальнего Востока», а не «Переход малых народностей Приамурья от патриархально-родового строя к социализму», так как конкретные материалы, показывающие, как претворялись все эти решения и постановления у народов Приамурья, в этом разделе почти отсутствуют.

Однако даваемая автором, хотя и не полная, сводка официальных постановлений по этим вопросам все же представляет значительный интерес.

В разделе «Малые народности Приамурья в период социализма» дана краткая, но яркая картина современного положения этих народностей: возросла экономика нанайских, ульчских, удэгейских, орочских, нивхских колхозов, в них появилась новая техника. Многие рыбаки и охотники из малых народностей прославились на весь Хабаров-

⁵ Об этом свидетельствуют такие серьезные исследования, как «Медико-топографические очерки Амурского края» Ф. Шперка («Сб. соч. по судебной медицине», т. III, СПб., 1881), «Приморская область в санитарном отношении» Н. Зеланда («Военно-медицинский журнал», ч. 144, кн. VII, СПб., 1882), «Протоколы второго Хабаровского съезда врачей» (Хабаровск, 1901) и другие работы

ский край. Приводимый автором в доказательство этих положений материал убедителен. Характеризуя изменившийся современный быт этих народностей, следовало бы сказать, что у них ныне почти не осталось неэлектрифицированных и совсем не осталось нерадиофицированных селений и жилищ.

Существенным пробелом рецензируемой книги является то, что в ней ничего не сказано о постановлении 1948 г., согласно которому правительство взяло на себя все расходы по содержанию учащихся малых народов Севера не только в школьных интернатах, но и в вузах и средних специальных учебных заведениях.

Говоря о создании национальной интеллигенции — целой «армии» педагогов, клубных работников, медицинских сестер, партийных и советских работников, автору нельзя было не сказать о последнем достижении — о появлении врачей из ульчей, нанайцев и других малых народностей. Из их среды вышли также писатели, поэты, художники, научные работники. Приводя ряд имен, автор и тут допустил некоторые фактические ошибки. Так, С. Н. Онинко назван учителем Ульчского района, готовящим диссертацию по языку нанай, тогда как в действительности он уже несколько лет назад защитил диссертацию и задолго до того являлся сотрудником Института языкознания АН СССР; на стр. 69 говорится, что ульч А. Вальдо является секретарем Ульчского райисполкома, в действительности же он с 1957 г. работает ответственным редактором районной газеты «Красный Север».

В целом рецензируемая книга, хотя и изобилующая ошибками и существенными пробелами, дает общую картину большой работы, проделанной партийными и советскими органами среди малых народов Приамурья по перестройке их культуры и экономики. Чтобы глубоко показать эти процессы перестройки, необходимы кропотливые исследования по отдельным народностям, внимательное изучение их прошлого и современного быта.

В заключение мы еще раз хотим подчеркнуть, что рецензируемая работа показывает, насколько необходимо издание трудов, раскрывающих прошлое и настоящее народов Дальнего Востока, и в частности народов Приамурья.

А. В. Смоляк

«Ученые записки Государственного педагогического института имени А. И. Герцена», т. 132, Факультет Народов Крайнего Севера, Л., 1957, 277 стр.

Как отмечено в предисловии, данная книга является вторым томом «Трудов» сотрудников факультета Народов Крайнего Севера. По существу же это — четвертый том. Два первых — работы тех же лиц — были выпущены Ленинградским государственным университетом в серии его «Ученых записок» (№ 115, 1950 — вып. 1; № 157, 1953 — вып. 2).

Рецензируемый том включает три статьи, посвященные социалистическому строительству в национальных округах и районах народов Крайнего Севера в связи с 25-летием существования национальных округов; три статьи — по отдельным вопросам истории; две — по некоторым вопросам фольклора; в четырех — приведены материалы по загадкам народов Крайнего Севера.

Статья Н. Н. Степанова и Н. М. Ковязина «25-летие национальных округов Крайнего Севера» (стр. 5—25) представляет собою обзорный доклад на сессии факультета Народов Крайнего Севера, посвященной этому юбилею. Статья предваряется кратким историческим очерком состояния народов Севера в досоветский период; в ней приводятся высказывания представителей дворянско-буржуазной науки об обреченности народов Крайнего Севера и высказывания революционных демократов (В. Г. Белинский, А. П. Шапов) о необходимости оказания помощи этим народам. Основная же часть статьи — иллюстрация ленинской национальной политики применительно к народам Крайнего Севера. Отметим, что в создании новых очагов промышленности и культуры на Севере активное участие принимали представители этих народов, авторы дают исторический обзор создания советской государственности у народов Крайнего Севера начиная с 1922 г. (организация родовых советов, прекращение деятельности частного капитала, развертывание государственной и кооперативной торговой сети, землеустройство, ограничение и вытеснение эксплуататорских групп, культурное строительство, подготовка кадров, организация национальных округов и районов, национально-территориальное районирование, коллективизация и техническая реконструкция хозяйства). По конституции 1936 г. народы Крайнего Севера получили представительство в Совете Национальностей. Вместе с другими народами они защищали родину во время Великой Отечественной войны и участвовали в восстановлении хозяйства после войны.

В статье вызывает сомнение следующее замечание авторов: «Народности Крайнего Севера первыми заселили тайгу и тундру, приручили северного оленя, вышли к берегам Ледовитого и Тихого океанов и первыми начали плавать в их... водах»

(стр. 6. Разрядка моя.— Г. В.). Такая фраза позволяет считать автохтонными совмещенные народы Севера на занимаемой ими территории.

Интересна гипотеза автора, будто незавершенность процесса консолидации народов Крайнего Севера в досоветский период объясняется тем, что «не завершен был процесс оформления классового общества на Крайнем Севере» (стр. 17) и что «близк по языку и происхождению роды и племена стали консолидироваться вокруг национальных окружных экономических и культурных центров, все больше объединяясь на базе развития социалистического хозяйства» (стр. 17). Здесь можно поставить авторам вопрос: как же протекает консолидация у тех народов Крайнего Севера, которые не имеют национальных округов (например, нанайцы, селькупы, нивхи и др.)? В пути развития у всех народов Крайнего Севера в советский период одинаковы!

Статья нанайца С. Н. Онинко «Советское и культурное строительство в Нанаском районе» (стр. 25—55), являющаяся вводной частью защищенной им кандидатской диссертации, дает живую и всестороннюю картину советского и культурного строительства в Нанайском районе. Автор статьи обращает особое внимание на роль нанайцев в гражданской войне.

Статья Л. В. Хомич «Социалистическое строительство на Ямале» (стр. 57—64) построена на материалах, собранных ею в советских учреждениях округа во время экспедиции в 1953 г.

Статья А. Н. Баландина «О происхождении самоназвания манси» (стр. 65—68) дает новую этимологию этого этнонима. Предварительно автор перечисляет все данные угроведов этимологии: манси и *paгуаг* — одного корня (А. Регули, Б. Мункачи; манси ← финск. *mies* «человек» (И. Тойвонен); манси ← мансийск. *мань* + *селькупси* (Г. Н. Прокофьев); манси ← *мось* — название фратрии (В. Н. Чернецов, В. Штейнниц). Новая этимология автора статьи ведет манси от *мань* «маленький» и собирает суффикса *си*, одного корня с *сир* — «род», «сообщество». Автор переводит его как «сообщество маленьких этнических коллективов». Свою этимологию А. Н. Баландин подкрепляет тем фактом, что название «манси» с определителем по местности относится и к группе хантов. Он считает, что мансийский язык, как и хантыйский в прошлом представляли собою отдельные языки родоплеменных этнических коллективов, преемственно унаследовавших каждый в отдельности общее для них самоназвание, которое позже стало обозначать сообщество маленьких этнических коллективов ведущих происхождение от одного предка. Эта этимологизация менее убедительна, чем предшествующие. Этнонимы народов Сибири в ряде случаев уходят в глубокую древность, и этимологизировать их из данных современного языка народности, к которой они относятся в настоящее время, едва ли правильно.

Статья Е. П. Лебедевой «Расселение маньчжурских родов в конце XVI и начале XVII в.» (стр. 60—110) представляет собою перевод с маньчжурского той части списка 642 родов, состоящих в знаменных войсках, которых маньчжуры того времени называли маньчжурскими. Начинается статья объяснительной запиской, заканчивается приложением алфавитного указателя 642 родов.

Ксилограф «*Чжакунь гусай маньчжусай мукунь хала бэ ухэри эчжэхэ битхэ*» («Общее обозрение маньчжурских родов, находившихся в составе восьми знамен») был издан правительством Маньчжурской династии в Пекине в 1744 г. Один экземпляр хранится в Восточной библиотеке Ленинградского университета под шифром МД 22 (всего 22 книги, объединенные в четыре тома). Издание его было обусловлено стремлением увековечить в памяти потомства роды, входившие в знаменные войска. В некоторых статьях, кроме названия рода и его местонахождения, даны биографии глав родов.

В объяснительной записке Е. П. Лебедева отмечает: 1) роль знаменных войск в походах против Китая и в объединении маньчжурских племен; 2) значение слова *хала* — «род», «племенная группа», «народность»; 3) совпадение названий родов и местности; 4) совпадение названий некоторых маньчжурских родов с названиями родов тунгусских народностей, расселенных по Амуру. В конце записки дана справка о расселении племен по Амуру в XVII в. по русским историческим документам.

В ксилографе все 642 рода названы маньчжурскими, и Е. П. Лебедева, несмотря на указание сходства некоторых названий с наименованиями родов разных тунгусских народностей Приамурья, несмотря на ссылки на работы А. Рудакова, В. П. Васильева и В. Горского о пестром национальном составе знаменных войск, не отходит от официального названия «маньчжурские роды». Кроме указанных трудов, Е. П. Лебедевой следовало бы использовать труды К. Россохина и А. Леонтьева «Обстоятельное описание происхождения и состояния маньчжурского народа и войска, в восьми знаменах состоящего», изданные на русском языке (тт. I—XVI, СПб., 1784). В этой работе анализируются данные маньчжурской истории о племенном составе маньчжур с целью выяснения вопроса об их происхождении. Обойден почему-то в указателе Лебедевой и эвенки-солоньсы с онгкорами, состоявшие в знаменных войсках.

Из названий «маньчжурских» родов, имеющих аналогию в именах эвенкийских родов, в статье указан только один (Долар). На самом деле их довольно много. Интересно, что некоторые из них записаны с разными оформителями множественного числа, например: род Монго — Монгосо, Монгоро, Монголчи — с тремя оформителями (*-со*, *-ро*, *-ла+чи*), что говорит о древности рода и о разных говорах, которыми пользовались потомки этого рода в XVII в. Род Монго (мн. ч. Монгол) был и у эвен-

ков. В XVII в. группы этого рода уже жили на севере, в районе оз. Есей (русская запись — Мугальский), часть их вышла на Оленек (русская запись — Муганский). По записи С. Попова, в 1794 г. отдельные семьи (в его записи — Могинны) кочевали в районе Н. Тунгуски — Ербогочена — Чоны. В XIX в. в этом же районе А. Миддендорф записал их в эвенкийской форме множественного числа (Монголи). Потомки ербогоченских Монго, передвинувшись на запад, живут сейчас в Эвенкийском округе под фамилией Монго. Из Забайкалья и Приамурья ушли на север не все Монго, и И.-Г. Георги в XVIII в. отметил их в районе Телембинского острога, а перепись 1897 г. зарегистрировала их потомков в Баргузинском и Читинском округах. В 1947—1948 гг. мы встретили отдельные семьи Монго/л/ в бассейне Бурен, сородичи их жили в бассейнах Селемджи и Чумикана. По преданию, чумиканские Монго вели свое происхождение от киданей. Следом пребывания их на Амуре ниже Хабаровска осталось название села — Монгол.

Укажем еще род Ехэ, многочисленный у маньчжуров и широко расселенный. Среди названий эвенкийских родов ему соответствует Екэ (*йэкэ*, мн. ч. *йэкэл* ~ *йэкэт*). Это название уже в XVII в. у тунгусов зарегистрировано тремя оформителями множественного числа (-т, -л, -гир), в районе озер Еравна, Иргень, Ярклея, на реках Баргузин, Шилка (в русской записи — Якогирский). В 1632 г. на Лене различались «якольские» (*йэкэ-л*) и «якуцкие» (*йэку-т*) люди. У эвенков онгор-солонгов, в 1763 г. переселенных из Маньчжурии на охрану западных границ Китая, один из родов назывался якус (тот же *йэкэ* ~ *йэку*) с суфф. мн. ч. с. По языку онгоры были близки зейским и верхнеамурским эвенкам (говоры одного диалекта). Перепись 1897 г. отметила Джакутский (тот же *йэкэ-т* ~ *йэкут*, в огласовке *зэку-т*) род на Вилюе. В 1929 г. мы встречали потомков Екэ в средней части бассейна Витима (реки Калар, Калакан), кочевали они в районе оз. Баунт, а отдельные семьи их ушли к югу от Амура. Несомненно, этот род очень древний, и место его происхождения — на бассейнах правых верхних притоков Амура, откуда в Сибирь вышли группы, оформлявшие свое название уже разными суффиксами множественного числа (-л, -т, -гир), одно из которых стало названием народа саха.

Из многих названий мы привели только два как пример того, что в составе знаменных войск не все роды, называвшиеся «маньчжурскими», были действительно маньчжурами.

Не отмечает автор и того, что ряд родовых названий (на -ча, -нга, -га) происходит от собственных имен родоначальников.

Статья И. И. Огрызко «Владимир Атласов» (стр. 111—157), состоящая из краткого введения и шести параграфов, освещает хронологические этапы деятельности Атласова и ее историческое значение.

Если Ермак начал вековой процесс присоединения Сибири, то Атласов завершил его. Этот момент и продиктовал необходимость публикации научной биографии Атласова. В статье приводятся не опубликованные ранее данные из фондов Центрального Государственного архива древних актов (ЦГАДА). Автор останавливается подробно на биографиях отца и сына Атласовых, которых раньше путали, и описывает подготовку к обним камчатским экспедициям и их проведение. Статья написана несколько растянуто, встречаются повторы.

Статья Е. С. Новгородовой «Народные истоки творчества якутского писателя Эрилик Эристина» (стр. 159—179) дает подробный анализ произведений этого якутского прозаика и знатока фольклора под углом зрения их связи с якутским фольклором (характеристика лиц, сравнения, гиперболы, употребление народных поговорок и пословиц, речевые характеристики).

Статья З. Н. Куприяновой «К характеристике ненецкого эпоса» (стр. 181—214) основана на личных записях автора 1948—1949 гг. в Ненецком национальном округе и материалах А. М. Щербаковой из того же округа, собранных в экспедиции 1946 г., привлечены и записи М. А. Кастрена (середина XIX в.). В статье приведены образцы текстов на ненецком языке с переводом на русский. Арханческие эпические песни «сюдбац» не исчезли из быта ненцев, хотя и наметилось идейное переосмысление образов.

В первой части статьи автор рассматривает песни как этнографический и исторический источник, во второй — как произведение словесного искусства. Поскольку все бытовые картины в песнях связаны с тундрой и оленем, автор считает, что в них описывается недалекое прошлое ненцев. Эта мысль подтверждается и другим: описание межплеменных и межродовых войн с целью грабежа (угона оленей) свидетельствует о возникновении их в период разложения родо-племенного строя. Олени — самое дорогое в имуществе, они являются собственностью героев и отдельных семейств. Герои, кроме собственных имен и родовых названий, носят клички оленей. Коллективная охота и рыболовство изображаются лаконично. В песнях ненцы большей частью живут большими семьями со старшим братом во главе; в таких семьях есть рабы «хаби», захваченные в боях. Наряду с богатыми семьями упоминаются и бедные.

Сравнивая записи XX в. с записями Кастрена, автор отмечает, что, при сохранении общности тематики, современные песни отличаются по композиции; это — не отдельные эпизоды, а связанные между собой повествования, стоящие на пути слияния в эпопею. В вариантах XX в. введена оценка действий и заметна более высокая идей-

ная направленность, чем в вариантах XIX в. Межплеменная борьба, обусловленная раньше кровной мстостью, в поздних вариантах расценивается как борьба за нацию. Повествование в песнях ведется от третьего лица или от лица самой песни: «сюдба ма» (песня сказала).

Четыре статьи посвящены загадкам: В. И. Цинциус, «Загадки негидальцев» (стр. 215—227), А. П. Путинцевой, «Нанайские загадки» (стр. 227—248), М. Г. Воскобойникова, «Эвенкийские загадки» (стр. 249—267), А. Н. Жуковой, «Образцы загадок коряков Пенжинского района» (стр. 271—277). В каждой статье текстам загадок предпослано предисловие. Было бы выгоднее объединить эти предисловия в общее так как классификация загадок по отгадкам, художественные приемы в основном одни и те же у всех этих народов. Сюда следовало бы ввести этимологию термина «загадка» у тунгусских народов; даже корякское название загадок «лымгыл» (оно же — название сказок) можно было бы сопоставить с тунгусским «нимган» (~ нэнган).

В. И. Цинциус отмечает интересный факт — разные названия для жанра загадки в тунгусо-маньчжурских языках (нэнэвкэ, тагивка — в эвенкийском, негидальском, эвенском; нагбунгу — в удэгейском; намбокэн — в нанайском; нгэнукэн, хэнукэн — в эвенском; ганггоу ~ гангга — в ульском и орокском). Но, к сожалению, автор не пытается объяснить причину этого факта, делая попытку лишь этимологизировать некоторые из названий.

Ближние связи негидальцев с эвенками, естественно, отразились и на значительном числе общих для них загадок. Собираательница нанайских загадок А. П. Путинцева обратила внимание на бытование старых и появление новых загадок и на их роль в учебной работе. Название статьи М. Г. Воскобойникова — «Эвенкийская загадка» — не соответствует содержанию, так как автор ее публикует только загадки, записанные среди баунтовской группы эвенков Бурятии, и 33 загадки, записанные К. М. Рыковым в 1903—1913 гг. от сымских (хоенских, по Рычкову) и илимпийских (северных по Рычкову) эвенков.

При описании художественной формы загадок автор распространяет черты (рифма и аллитерация), характерные для загадок эвенков Забайкалья (баргузинские и баунтовские), на загадки всех других групп. Традицию коллективного потребления мяса добытых животных автор почему-то относит к праздникам «в связи с добычей крупного копытного зверя» (стр. 254). Неубедительно и объяснение автором причины бытования загадок в детской среде, во-первых, «отмиранием обрядов, имевших связь с загадкой», и, во-вторых, «отмиранием ряда магических функций и запретов» (стр. 255). Основным назначением загадок было развитие наблюдательности и сообразительности как у детей, так и у подростков, уже принимавших участие в охоте. Хороший охотник должен был очень быстро отгадать любую загадку. На бытование в детской среде загадки, как и сказки, большое влияние оказала советская школа. В глубинных колхозах загадки и сказки бытуют до сих пор и среди взрослого населения.

Приведение в предисловии некоторых особенностей, свойственных всей группе шекающих диалектов, не дает характеристики специфических особенностей говоров баунтовских эвенков и здесь излишне. Статья значительно выиграла бы, если бы при некоторых загадках на основании опубликованных ранее материалов было указано распространение их. Перевод некоторых загадок требует уточнения; например, илэкзиду не «на безлесной горе», а «на проталинке» (загадка 27); дояви гэлэдевки не «есть просит», а «наполнения просит» (загадка 41). Приводя загадки, записанные Рычковым, М. Г. Воскобойникову следовало бы в скобках дать их правильную транскрипцию и правильный перевод, так как некоторые переводы Рычкова не соответствуют тексту; например: Тогонзорон? — Шен (Эти какие рядышком сидят? — Уши; надо: [что за зверь] на боку лежит? — Ухо). Или: Ажилин? — Залин (Тот какой умны быстроекрылый? — Ум; надо: [Что это за] добытчик? — Ум). В ответе загадки 28 Рычков записал: дю (чум) ~ дюкун (выдра); надо: дюкэ (лед).

В целом публикацию такого рода статей в серии «Ученых записок Государственного педагогического института имени А. И. Герцена» можно приветствовать, в особенности — идею публикации одного жанра фольклора на разных языках, что очень важно для сравнительно-исторического анализа.

Г. М. Василевич

А. Ф. Анисимов. *Религия эвенков в историко-генетическом изучении проблемы происхождения первобытных верований*. Изд-во АН СССР, Л., 1958, 233 стр.

Проблемы возникновения и развития религии относятся к числу наиболее сложных. Это не только потому, что корни религиозных верований уходят в глубокое прошлое, от которого не осталось почти никаких следов, но и потому, что данная отрасль человеческой культуры, не имеющая четко очерченных контуров развития, дает широкий простор различным гипотезам и построениям, опровергнуть которые часто не менее трудно, чем доказать.

Советские историки, этнографы и философы много и весьма плодотворно работают над проблемой религии. Теме происхождения первобытных верований посвящена и новая книга А. Ф. Анисимова.

Как отмечает автор, данное исследование является продолжением его предыдущей работы о родовом обществе эвенков, изданной в 1936 г. Книга написана на материале полевых исследований, проведенных автором в 1929—1931 и 1937 гг. в Байkitском районе Эвенкийского национального округа.

Книга состоит из авторского предисловия и шести глав: I. «Представления эвенков о шингэнах и проблема генезиса древнейших верований»; II. «Эвенкийские воззрения о душе и проблема исторического развития анимизма»; III. «Семейные охранители эвенков и проблема генезиса культа предков»; IV. «Культе медведя у эвенков и проблема генезиса представлений о „верховных духах“»; V. «Разложение древних родовых культов и проблема происхождения шаманства»; VI. «Шаман как служитель религиозного культа и проблема соотношения шаманства и жречества».

Автор последовательно прослеживает генезис и эволюцию религиозных представлений эвенков от периода материнско-родового строя, который он реконструирует на основании данных фольклора, до периода, непосредственно предшествующего советизации и коллективизации Эвенкии. Схема автора вкратце такова: тотемистические верования (период «раннеродового матриархального строя»); культ природы и стихий («с. смутным представлением о личных божествах» («период развитого матриархата»); политеизм («период патриархально-родового общества»). Под политеизмом автор не совсем удачно, как нам кажется, разумеет множественность духов — хозяев природы.

Читатель, несомненно, почерпнет из книги немало интересного, относящегося к старой идеологии эвенков.

В комплексе представления эвенков о душах — «ханян» (тень, отражение) и «бэен» (телесная душа) исследователь прослеживает архаические черты эвенкийского общества, восходящие к матриархату: кросскузенный брак, особую роль зятя и дяди по матери в религиозной жизни сородичей, культ женских родовых духов, мифические образы старейших женщин (стр. 64—65).

Автор широко показывает космогонические представления эвенков (стр. 68). В книге приведены два любопытных эвенкийских мифа о сотворении мира. В них в роли творцов Земли выступают мамонты, некогда обитавшие в Сибири.

Заинтересовывает приводимое автором объяснение свойственного в прошлом эвенкам и другим народам Сибири страха перед покойниками: по старому представлению эвенков, умершие, попавшие в так называемый нижний мир, стремятся вернуться назад — на «среднюю землю»; если это им удастся, они превращаются в злых духов, преследующих людей и уводящих их с собой в страну мертвых (стр. 101—102).

Автор обращается к параллелям, известным у народов Америки, Австралии, Новой Гвинеи, Передней Азии и других частей света, к памятникам позднего палеолита в Европе и Азии. Это делает его книгу интересной с точки зрения сравнительного изучения религиозных верований различных народов.

В своих построениях автор исходит из принятой в настоящее время многими советскими этнографами концепции, согласно которой материнско-родовой и патриархально-родовой строй представляют собой различные по социально-экономическому содержанию этапы первобытного общества, причем патриархально-родовой строй — этап, переходный к классовому обществу. Это позволяет А. Ф. Анисимову дать в общем правильную картину развития дохристианских верований эвенков.

Однако как предыдущей, так и настоящей работе А. Ф. Анисимова в заметной степени свойствен дедуктивный метод исследования, при котором материал группируется и используется для подтверждения заранее принятых положений. Указанное обстоятельство приводит автора к неудачной попытке конструировать общий процесс развития верований на примере фактов и выводов, относящихся непосредственно к эвенкам.

Широта исторических обобщений автора, наряду со слабостью, а иногда и отсутствием доказательств, вызывает у читателя чувство неудовлетворения. Показательна в этом отношении концовка главы IV, где А. Ф. Анисимов делает чрезвычайно широкие выводы относительно эволюции эвенкийского «медвежьего праздника» из материнско-родового культа в патриархально-родовой, позднее — в межродовой и, наконец, — в межплеменной, даже не пытаясь как-либо аргументировать это (стр. 126).

С матриархатом автор автоматически связывает охоту и рыболовство, а с патриархатом — оленеводство (стр. 229). Предания, в которых более или менее положительно обрисована женщина, автор, не обинуясь, относит к периоду матриархата. Рассказывая, например, о том, что медведь в эвенкийском эпосе часто выступает как «культурный герой», одаривший людей огнем и орудиями производства, автор пишет: «Получателем этих даров была женщина, состоявшая якобы в связи с медведем, что указывает на возникновение мифа в эпоху материнского рода» (стр. 129).

Есть в работе и недостатки другого рода.

Общепринятым стало мнение, что религия — результат иррационального отражения действительности в голове человека вследствие его бессилия перед силами природы или общества (см. стр. 8). Но автору следовало бы указать, что одновременно существовало и рациональное отражение действительности, так как иначе неясно, как могла бы развиваться наука — результат правильного, рационального отражения мира? В работе А. Ф. Анисимова этот вопрос обойден молчанием.

Возникновение родового общества автор объясняет «выгодами общего труда», который, однако, «необходимым образом» должен был ограничиваться «узкими рамками»

кровного родства». Но, очевидно, выгоды общего труда и узкие рамки кровного рода существовали и прежде. Поэтому мотивировка А. Ф. Анисимова по существу бы мимо цели.

А. Ф. Анисимов в данном случае, по-видимому, излагает точку зрения М. О. Косвена в его «Очерках истории первобытной культуры». У М. О. Косвена сказано: «Ритивие производительных сил обусловило и потребовало прочного и постоянного, тесного спаянного производственного коллектива, который одновременно обеспечивал бы непрерывность хозяйства, преемственность опыта и навыков. Наступившая теперь известная обеспеченность человека средствами существования создала и возможность возникновения такого постоянного коллектива. Форму и связь, объединившую этот коллектив, дало естественное родство»¹. Это одна и та же мысль, но выражена она А. Ф. Анисимовым не совсем четко.

Автор, думается, неправильно, механически связывает с культом мужских предков свойственным патриархально-родовому строю, более ранний, может быть один из древних, культ огня-очага (стр. 93). Понятия «род» и «очаг» у эвенков выражены одним словом «тогб» с незначительными отклонениями в его произношении. Это упирает на то, что данный культ скорее связан с периодом возникновения рода, чем периодом его распада. Сам автор (на стр. 94) признает, что дух огня понимается эвенками в образе женщины. Тем не менее на стр. 97 он утверждает, что «патриархальным чертам культа предков в прошлом предшествовали матриархальные черты» (стр. 97). Каких-либо доказательств в пользу этого утверждения в книге нет. Ссылка автора на нанайских духов-предков «джуолин» неправомерна, так как в них не обнаруживается связей с огнем.

А. Ф. Анисимов пишет, что болезни и смерть насылали на человека, по мнению эвенков, духи шаманов враждебных родов (стр. 13). Так как это духи, являвшиеся в прошлом духами-тотемами, автор пытается объяснить их враждебную деятельность тем, что в условиях родового строя дух-тотем одного рода всегда оказывается враждебным представителям другого рода (стр. 214). Автор ссылается при этом на то место у Энгельса, где говорится, что в древнем обществе, при отсутствии мирного договора между племенами царил война, которая велась с жестокостью, отличающей человека от животных². Но ведь здесь речь идет о племенах, а не о родах. Если следовать за автором, то внутри племени должна была царить непрерывная война, так как любое несчастье в жизни человека могло быть расценено как враждебный акт со стороны соседних родов. История не дает нам фактов, подтверждающих это.

Многие простые и естественные явления в жизни эвенков выглядят в изложении автора сложными и запутанными, получают символическое значение.

«Когда собранное пастухом оленье стадо подгоняли к чуму, навстречу стаду выходила хозяйка чума с головешкой, взятой из костра чума», — пишет А. Ф. Анисимов (стр. 95). Не останавливаясь на том, существовал ли в действительности «обряд встречи оленьего стада» (непонятно, какой встречи, зачем и когда, ибо оленеводы постоянно «встречаются» со своими оленями), следует отметить, что и теперь пастухи «встречают» приходящее к чумам с ночной пастбы стадо оленей зажженными кострами, возле которых животные спасаются летом от комаров и мошки. «От той же головешки разводили летом дымокуры, а зимой костер, подле которого грелись люди и бродили олени», — продолжает автор (95). Но откуда же было брать головешку, как не из костра, зажженного в чуме? Это было обычное практическое действие.

В широко распространенном раньше у эвенков праздничном обряде, посвященном поеданию медвежьего мяса, автор находит тотемический смысл. Извинения охотников перед убитым медведем, их попытки изобразить свою непричастность к убийству, вытекающие из опасения мести со стороны зверя, автор трактует как «тотемическую предосторожность». Он ссылается при этом на «родовой характер» медвежьего праздника (стр. 119—120). Но даже если и признавать родовой характер праздника (хотя для этого нет никаких оснований), то придется признать, что медведь является тотемом чуть ли не всех эвенкийских родов (не говоря уже о других народах Сибири), а это не только не было, но не известно даже, существовал ли хоть один эвенкийский род, носивший название, производное от слова «медведь» и имевший этого зверя своим тотемом.

Автор преувеличивает роль шаманства в жизни эвенкийского родового общества. В изложении А. Ф. Анисимова шаманство выступает как культ, который имел родовой и чуть ли не официальный характер у эвенков. «Право шаманить с новым шаманским бубном», — сообщает автор, — признавалось за всеми сородичами шамана и носило характер обычной правовой нормы рода, а осуществление этого права являлось обязательным, священным обычаем и имело форму массовой родовой церемонии» (стр. 165).

В результате начинает казаться, что религия, особенно ее обрядовая часть (шаманство), занимала в жизни эвенков очень значительное место. На самом деле ничего подобного, конечно, не было. Большинство архивных и литературных источников сви-

¹ М. О. Косвен, Очерки истории первобытной культуры. Изд-во АН СССР, М., 1957, стр. 119.

² Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, М., 1952, стр. 100.

детельствует о весьма слабом влиянии эвенкийских шаманов на хозяйственную и общественную жизнь общества; чаще всего шаманы выполняли функции знахарей, а не служителей культа.

Говоря о шаманстве, автор настойчиво упоминает о роде, об участии рода в различных религиозных церемониях. У читателя создается впечатление, что эвенки еще недавно жили классическим родовым строем с родовыми празднествами и другими атрибутами. В это также трудно поверить, учитывая распыленное состояние эвенкийских родов в условиях кочевого образа жизни, да и вообще свойственное патриархату заметное ослабление самостоятельного значения родовой организации, экономическое обособление семей. Как известно, сородичи у эвенков собирались все вместе обычно только на так называемых сугланах («ярмарках») — в местах, согласованных с русской администрацией, куда они прибывали для сдачи ясака, торговли и других целей. Кроме того, задолго до Великой Октябрьской социалистической революции родовая организация эвенков распалась, уступив место объединениям на территориально-соседской основе, и А. Ф. Анисимов, без сомнения, знает об этом. Наконец, автор полностью игнорирует такое важное событие в жизни сибирских народов, как крещение их, проведенное православной церковью в XVIII—XIX вв., и борьбу церкви с шаманством, что не могло не отразиться на общественном сознании коренного населения.

Картина, которую нарисовал автор, изображая идеологию эвенков в прошлом, правдоподобна в том отношении, что описанные явления имели место у различных или у всех групп эвенков, и не соответствует действительности, поскольку частные, разрозненные явления приведены им в стройную систему, которой на самом деле не существовало. Иначе говоря, в книге найдла отражение сконструированная автором, а не реальная, объективно существовавшая картина. Этому, несомненно, в значительной степени способствовало то, что автор основывался главным образом на материалах фольклора, собранных им самим, и не использовал имеющихся по данному вопросу архивных и литературных источников.

В целом книгу все же можно характеризовать как полезную: она довольно верно трактует вопросы возникновения и развития различных анимистических верований. Недостатками книги являются ее схематизм, недостаточно убедительная аргументация некоторых положений, отсутствие исторического подхода к изложению материала.

Книга написана тяжелым, перегруженным специальной терминологией языком и читается с трудом.

В. А. Туголуков

Кавказский этнографический сборник, II. Труды Института этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая, Новая серия, т. XLVI, М, 1958, 275 стр.

Более трех лет назад вышел из печати первый выпуск Кавказского этнографического сборника, вызвавший весьма положительные отклики. Изданный теперь второй выпуск этого сборника безусловно будет встречен советским читателем столь же положительно.

Сборник открывается обстоятельной статьей С. Ш. Гаджиевой «Каякентские кумыки». Автор — природная кумычка — с большим знанием дела описывает старый и новый быт своего народа. Обладая большой наблюдательностью, С. Ш. Гаджиева создала хороший этнографический очерк кумыков, безусловно лучший из известных в литературе.

Давая общую положительную оценку работе Гаджиевой, отметим и некоторые недостатки.

Когда С. Ш. Гаджиева говорит о старом быте, то сплошь и рядом у читателя исчезает историческая перспектива. Необходимые хронологические указания обычно подменены маловыразительными «раньше», «прежде», «в прошлом» и т. д. Свой рассказ о каякентской группе кумыков автор часто дополняет материалами о кумыках вообще, и переход этот не всегда уловим для читателя. Например, на стр. 14 упоминается канал имени Октябрьской революции без указания на то, что он не проходит по территории каякентских кумыков.

Вряд ли правильно утверждение автора, будто накануне Великой Октябрьской социалистической революции у кумыков «господствующим был феодальный способ производства» (стр. 6) Не следует забывать, что у кумыков, как и у многих других народов Северного Кавказа, накануне Октябрьской революции феодальные отношения тесно переплетались, с одной стороны, с патриархальными, а с другой — с капиталистическими.

Встречаются иногда противоречия. Так, на стр. 56 говорится: «В прошлом при гостях-мужчинах женщина должна была только готовить. ...В настоящее время этот обычай совершенно исчез. Все члены семьи теперь едят совместно, за одним столом. Однако в некоторых семьях женщины по-прежнему принимают пищу отдельно, если в доме присутствуют посторонние мужчины». Спрашивается: можно ли говорить, что этот вредный обычай исчез «совершенно»? На стр. 45 сказано, что «прежде большинство женщин носили зимой ту же одежду, что и летом. О пальто вообще не имели понятия»,

и на стр. 49 узнаем, что и теперь «пальто, за исключением школьниц и женщин-инженеров, почти никто не носит».

Автор утверждает, что «при разделении труда между женщинами и мужчинами в колхозных бригадах исходят из целесообразности использования мужчин на более тяжелых работах, в то время как прежде основные работы выполняли женщины. И овцеводческие и коневодческие фермы в настоящее время почти целиком обслуживаются мужчинами, а уход за птицей и за молодняком, доение коров, переработка молока являются делом женщин» (стр. 16—17). Можно подумать, что раньше у кумыков чабаны, табунщиками и конюхами работали женщины, а мужчины доили коров и ухаживали за птицей.

Описание «чутку» (женского головного убора у кумыков) сопровождается следующим заявлением: «В годы шамилевского режима женщины стали тщательно прятать волосы под чутку» (стр. 46). Но известно, что власть Шамиля не распространялась на территорию кумыков. Говоря о привозных тканях, автор без ссылки на источники прибавляет: «Еще в XV в. русские купцы торговали ими на территории равнинного Дагестана» (стр. 38). С. Ш. Гаджиева, очевидно, допустила ошибку, так как в источниках об этом ничего не говорится.

С большим интересом читается статья М. В. Покровского «Адыгейские племена конца XVIII — первой половине XIX века». Значение этой работы в том, что она дает четкую характеристику общественных отношений, существовавших в Адыгее в указанное время; в частности, автором обращено особое внимание на расслоение так называемых «тфокотлей», часть которых (старшины) постепенно шла по пути превращения в феодальную знать, а другая, большая, часть закрепощалась. Из работы М. В. Покровского мы впервые узнаем об «институте старожильства» (стр. 124) как об одном из источников пополнения кадров адыгейских крепостных. Автор дает глубокий анализ землевладения и землепользования в адыгейской общине, которую он убедительно обосновывает как разряд не родовых, а сельских. Нельзя не согласиться с его выводом, что «феодальная собственность на землю уже, несомненно, существовала у черкесов в рассматриваемое время, но в скрытой форме. Она была опутана пережитками родового общества» (стр. 121). Большой интерес представляют страницы, относящиеся к Бзыжской битве, к отсутствию вассалитета у адыгейцев, к путям комплектования адыгейских крепостных, хозяйству, торговле и делению адыгейских племен на «аристократические» и «демократические». Выводы, сделанные на основании этого анализа, и большая эрудиция автора заставляют признать настоящую работу М. В. Покровского вместе с недавно изданной его книгой («Русско-адыгейские торговые связи», Майкоп, 1957), крупным вкладом в изучение истории адыгейского народа.

Однако и в статье М. В. Покровского имеется ряд неточностей. На стр. 112 сказано, что адыгейское «племя» делилось на хабли, каждый из которых состоял из сумм сельских общин — «тсухо». Это неверно. Хабль (хябл) — название не объединенных сельских общин, а мелких территориальных групп усадеб, из которых состояла сельская община, — примерно то же, что в дагестанских селениях именуется «мехле» и переводится обычно словом «квартал». При разбросанном типе поселения в горах Адыгеи нередко встречались сельские общины, территория которых совпадала с ущельем одной или двух рек. В этом случае адыгейский термин «псухо» (правильнее псыхуэ), означающий «река», допустимо было распространить на сельскую общину. Но в адыгейском и кабардинском языках существовало особое слово для обозначения сельской общины, именно «кьуадж» (кабардинское кьуажьэ). В дальнейшем, с наложением усадебного принципа расселения адыгов и созданием укрупненных населенных пунктов, термин этот в Адыгее потерял свой смысл, а в Кабарде стал синонимом слова «селение». Что касается термина «хябл» (кабардинское «хяблэ»), то он в Адыгее стал обозначать и селение, и квартал, а в Кабарде — только «квартал».

М. В. Покровский пишет, что «несколько родов, которые отделились от общины, составляли братство, или тлеух» (стр. 114). Это неправильно. В первой половине XIX в. адыгейские тлеухи (описанные Белем, Люлье и Васильковым) не были кровнородственными объединениями. Это были преимущественно военные союзы неродственных фамилий, которые для укрепления связей между собой вступали в искусственное родство путем массового обряда усыновления (см. об этом обряде у Василькова).

Последняя работа сборника — вторая часть исследования проф. М. О. Косвена «Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке» (первая часть опубликована в «Кавказском этнографическом сборнике», I, М., 1955). Она включает весьма существенные дополнения к первой части (доведенной до 1850-х годов) и самостоятельное исследование по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке 1860—1870-х годов. Труд М. О. Косвена является также ценным справочным пособием. Особое внимание уделено автором исследованию этапов изучения социального строя народов Кавказа.

Очень трудно дать всестороннюю оценку грандиозной по замыслу работе М. О. Косвена. Чтобы собрать биографические сведения об огромном числе зачастую малоизвестных или совсем забытых исследователей, об их работах, напечатанных в многочисленных периодических и неперіодических изданиях, а также о работах, по разным причинам не увидевших света, автору пришлось проделать поистине титанический труд, на который может решиться лишь тот ученый, который накопил огром-

ные знания, а главное — по-настоящему любит свое дело. Имя М. О. Косвена широко известно советскому и зарубежному читателю как имя крупного историка первобытного общества и столь же крупного кавказоведа. Можно сказать, что его «Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке» станут настольной книгой для многих поколений кавказоведов. Пожелаем, чтобы автор скорее издал уже подготовленное им окончание этого ценного исследования.

В работе имеются некоторые упущения, но они неизбежны при таком широком охвате материала. Принятый автором принцип отбора сочинений, содержащих только этнографические материалы, весьма условен, так как трудно бывает определить, где кончается этнография и начинается экономика, история, археология или лингвистика. Условность принятого автором принципа нередко чувствуется при чтении этой работы.

Второй выпуск «Кавказского этнографического сборника» — безусловно удачная и полезная для советского читателя книга. Желательно, чтобы в дальнейшем не было столь длительных задержек в издании следующих выпусков этой серии.

Отметим, наконец, следующее непонятное обстоятельство. Первый выпуск «Кавказского этнографического сборника» был напечатан тиражом в 2000 экземпляров и очень быстро полностью был распродан. Второй выпуск издан тиражом в 1200 экземпляров. Таким образом, 800 обладателей первого выпуска лишены возможности приобрести второй выпуск этого крайне нужного пособия.

Л. И. Лавров

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ О ТИБЕТЕ И ТИБЕТЦАХ

В 1954—1958 гг. в разных странах было издано несколько альбомов, посвященных Тибету. До последнего времени иллюстрированных изданий об этой далекой и до сих пор малоизученной стране не было, а иллюстративный материал в книгах о Тибете никогда не занимал большого места¹. Авторы данных альбомов — в основном участники научных экспедиций, фотокорреспонденты и кинооператоры. Эти издания дают непосредственное и конкретное представление о стране, ее населении, архитектуре ее городов и деревень, в них отражены важнейшие события в жизни Тибета последних лет.

В 1954 г. в Китае был издан альбом «Тибет»². Введение и текст «Соглашения о мероприятиях по мирному освобождению Тибета» даны на китайском и тибетском языках. Иллюстративная часть альбома состоит из нескольких разделов, каждый из которых открывается небольшим вступлением. Основная цель альбома — отразить в иллюстрациях мирное освобождение Тибета, то новое, что внесло оно в жизнь тибетского народа после его воссоединения с братской семьей народов Китая. Эта цель составителями альбома достигнута. В иллюстрациях отображена жизнь Тибета последних лет. На фотоснимках запечатлены моменты дружеской встречи населением вступающих в Тибет частей Народно-Освободительной армии Китая. Совместный труд тибетцев и китайских солдат на полях земледельцев, на работах по подъему целинных земель, на строительстве новых сооружений также достаточно полно отражен в альбоме. На фотоснимках мы видим китайских воинов, беседующих с местным населением, китайцев, изучающих тибетский язык.

Нашла отражение в альбоме жизнь тибетского народа — прием больных в лхасской народной больнице, сценки из школьной жизни Лхасы, строительство новых домов в городе. Многие иллюстрации этого раздела интересны в этнографическом отношении: на них запечатлены современная одежда и прически тибетцев различных районов, процесс кустарного производства ковров в Гьянцзе, традиционном центре этого ремесла, работа тибетских ткачей и т. п. Интересны снимки широко известных в Тибете монастырей, играющих значительную роль в его жизни, — Брайбуна, Сэры, Галдана, Дашийхлунбо, а также общий вид города Гьянцзе.

Таким образом, в альбоме «Тибет» отображены главным образом мирное освобождение Тибета, первые шаги тибетского народа на пути экономического и культурного строительства и дружба китайского и тибетского народов.

С этнографической точки зрения большой интерес представляет альбом «Путь в Лхасу»³, составленный двумя чешскими кинооператорами — В. Сисом и Й. Ванишем. Авторы находились в Тибете с 1953 по 1955 г. и вместе с китайскими кинооператорами работали там над созданием фильма о Тибете. В большом предисловии к альбому авторы в эмоциональных тонах повествуют о своем путешествии по Сикан-Тибетскому

¹ В русской литературе одни из первых фотографий Лхасы дал О. М. Норзунов в работе «Лхаса и главные монастыри Тибета в фотографиях» (см. «Изв. Русского географического общества», т. XXXIX, вып. I—V, 1903, стр. 219—227).

² «Сицзан хуацзи», Пекин, 1954, 139 стр.

³ V. Sis, J. Vaníš, Der Weg nach Lhasa, Prag, 1956, 55 стр. + 223 илл.

шоссе, строительство которого было закончено к 1954 г., о посещении Лхасы и других районов Тибета. Иллюстрации в альбоме, как цветные, так и черно-белые, отличаются высоким качеством. В 1958 г. этот альбом был издан в Лондоне в переводе на английский язык⁴.

Альбом «Путь в Лхасу» ценен прежде всего тем, что в нем представлены одея, головные уборы и украшения различных слоев населения Тибета (снимки 57, 64, 173, 205, 218—220). В некоторых случаях, что также важно, авторы давали отдельные детали одежды или украшения более крупным планом. Снимки городов, деревень, монастырей, отдельных домов тибетцев знакомят с основными особенностями тибетской архитектуры. В этом разделе также даны крупным планом снимки (в основном цветные) архитектурных деталей тибетских домов, преимущественно храмовых строений и Поталы (украшения на углах крыши, детали фронтонов, входов, окон и т. д.). На снимке 177 видна общая планировка тибетского дома центральных районов страны — замкнутый четырехугольник с открытым двором в центре и выходящей на него верандой. Особенно большую ценность представляют снимки стеной росписи и различных архитектурных деталей внутренних помещений Поталы. Снимки выполнены, несмотря на технические трудности, с большим мастерством. Если общий вид Поталы по фотоснимкам был давно хорошо известен, то снимки внутренних помещений двор в таком количестве даны впервые. В этом альбоме широко отражены повседневная жизнь и обычные занятия различных слоев населения Тибета. Мы видим на них скотоводов на пастбищах, земледельцев во время пахоты и уборки урожая, тибетских женщин, занятых приготовлением чая или сушкой аргала на топливо.

Многочисленны и иллюстрации альбома, на которых показаны связанные с ламаизмом обряды, танцы «чам» (в монгольском произношении «цам») и т. п. Особый раздел издания посвящен новым явлениям в жизни тибетцев после мирного освобождения Тибета. На одной из иллюстраций запечатлен исторический момент, как бы знаменующий наступление новой эры в истории Тибета, — первый автомобиль 25 декабря 1954 г. въезжает в Лхасу под приветственные возгласы населения города.

В целом этот альбом, в известной мере отражая повседневную жизнь тибетцев по винный Уй и Цзан, представляет большую ценность для всех интересующихся бытом и хозяйством тибетцев, архитектурой их жилищ.

В 1957 г. был издан альбом П.-Ф. Меле «Тибет»⁵. Автор его — участник тибетской экспедиции 1948 г., которой руководил один из виднейших ученых, занимающихся связанными с Тибетом проблемами, профессор Римского университета Д. Туччи. Экспедиция, в которой Меле выполнял, наряду с другой работой, также и обязанности фотографа, обследовала районы долины Цангпо (за исключением Лхасы). Наиболее полны в альбоме отражена религиозная жизнь Тибета. Здесь интересны фотоснимки (34—37, масок, употребляемых тибетцами во время чамы. Значительное место в альбоме занимают портретные снимки людей различного социального положения. В разделе архитектуры можно отметить снимок одного из древнейших монастырей страны — Самье. Интересна деревянная лодка, вмещающая до десяти человек и десяти лошадей, которой пользуются на Цангпо наряду с обычной кожаной. Отдельно крупным планом дан нос, украшенный вырезанным из дерева изображением головы лошади, типичным для такого рода лодок. Альбом П.-Ф. Меле во многом полезен для этнографов.

В иллюстративном отношении известный интерес представляет также книга И. Патко и М. Рев «Тибет», изданная в 1957 г. в Будапеште⁶. Ее авторы, по национальности венгры, в 1956 г. побывали в Лхасе, и их впечатления о поездке по Цинхай-Тибетскому шоссе и о центральных районах Тибета обобщены в данной книге, в которой помещено большое количество черно-белых и цветных иллюстраций. Но, к сожалению, зачастую качество их оставляет желать лучшего. К тому же известной небрежностью можно объяснить то, что иллюстрация на супер-обложке издания была напечатана с перевернутого негатива, чем обусловлено обратное и поэтому неверное изображение старика-тибетца с обнаженным левым плечом, тогда как тибетцы, спустив рукав верхней одежды, обнажают только правое плечо (фото 89 дает нормальное изображение этого же старика). В иллюстрациях книги отражен в основном уже довольно хорошо известный по другим изданиям район центрального Тибета, а иллюстрации по северным районам страны, к сожалению, немногочисленны. Для этнографа здесь интересны снимки женских украшений, типичных для северных, скотоводческих, районов Тибета (фото 184, 186). Все же данная книга благодаря обилию иллюстративного материала является приятным исключением из ряда вышедших в последние годы книг о Тибете, где, как правило, иллюстрации занимают незначительное место.

Более интересен для этнографа альбом Е. Сяо и Х. Хаузера, проведенных в Тибете лето и осень 1956 г.⁷ Во введении авторы сообщают краткие сведения по истории Тибета и происшедших за последние годы переменах в стране. Они прибыли в Тибет по Цинхай-Тибетскому шоссе и через Шигацзе, Гьянцзе доехали до Ядуна. В прекрасно выполненных черно-белых и цветных фотоснимках отражены природа и быт населе-

⁴ V. Sis, J. Vaniš, On the road through Tibet, translated by I. Urwin, London, 1958, 51 стр. + 224 илл.

⁵ P. F. Mele, Tibet, London, 1957, 80 илл.

⁶ Imre Patko, Miklós Rév, Tibet, Budapest, 1957, 147 стр. + 210 илл.

⁷ E. Siao, H. Hauser, Tibet, Leipzig, 1957, 38 стр. текста + 143 стр. илл.

ния посещенных авторами районов страны. Для специалиста-этнографа в этом альбоме важны снимки значительно различающихся между собой головных уборов и украшений тибеток Цинхя, провинций Уй и Цзан, а также портретные снимки тибетцев различных районов страны. Можно отметить также несколько иллюстраций, посвященных работе ткачей в Гьянцзе. К сожалению, фотоснимки, сделанные в районе Ядуна, не отличаются особой выразительностью, и крайние южные районы Тибета, в отличие от центральных, не отображены в альбоме достаточно полно. Раздел, отражающий строительство новых дорог, больниц, электростанций, труд ветеринаров и сельскохозяйственных работников на опытных полях, дает самое непосредственное представление о новых явлениях жизни Тибета.

Несколько особняком среди рецензируемых изданий стоят два альбома. В обширном предисловии к альбому Л. Исла, В. Сиса и Й. Ваниша «Тибетское искусство»⁸ сообщаются некоторые сведения о ламаизме — о пантеоне его божеств, о его отношении к древней религии тибетцев — бон, а также о традиционных культурных связях Тибета с Индией и Китаем и об их преломлении в искусстве. Хорошие черно-белые и цветные фотоснимки предметов искусства тибетцев снабжены подробными пояснениями, что еще более повышает ценность издания.

Альбом дает относительно полное представление об искусстве тибетцев. Большой раздел отведен архитектуре домов, храмов, различных сооружений религиозного назначения, в том числе столь многочисленных в Тибете монастырей и т. д. Интересен снимок 15 — вид с Поталы на жилые помещения дворцовых слуг, огражденные каменной стеной. На иллюстрации видна характерная для тибетских домов-крепостей общая планировка. Особый интерес представляют снятые крупным планом отдельные архитектурные детали — капители колонн, консольные и архитравные балки зданий, обрамления оконных и дверных проемов, которые тибетские мастера, как правило, богато украшают. Авторы отмечают, что в резьбе по дереву сказывается влияние Индии. По-видимому, здесь также можно говорить и о наличии некоторых черт непальского искусства. Известно, что в Тибете с давних пор работали непальские ремесленники различных специальностей.

Следующий раздел альбома посвящен одежде, прическам и украшениям тибетцев. Следует отметить, что, взяв в совокупности иллюстрации всех рассматриваемых альбомов, мы уже можем получить довольно полное представление о бытующей в настоящее время, преимущественно в центральных районах Тибета, одежде различных слоев населения.

Наиболее ценен в научном отношении раздел, в котором представлена стенная роспись внутренних помещений Поталы. До самого последнего времени эта область художественного мастерства тибетского народа не была широко известна. В альбоме помещены репродукции настенной росписи, где, в частности, изображено строительство самого дворца. Мы благодарны авторам альбома за то, что они дали наглядное представление о художественных богатствах сокровищницы тибетского народа — Поталы.

Работа тибетских резчиков по камню также нашла отражение в альбоме, наряду со скульптурой из глины и различных пластических масс с примесью глины. Скульптурные портреты известных в истории Тибета лиц выполнены в традиционной манере, как бы подчеркивающей отрешение от всего земного. Более реалистичны некоторые из бронзовых статуэток; так, изображая настоящего монгольского монастыря (фото 72), неизвестные мастера сумели передать в выражении его лица целую гамму человеческих чувств, характер этого человека.

Закладывает альбом раздел прикладного искусства тибетцев: чеканные изделия из металла (чайники, сосуды и ящички различного назначения), изделия из дерева с накладками из позолоченной латуни и красной меди и т. д. Следует отметить, что самые лучшие изделия тибетских ремесленников издавна бесплатно поступали в монастыри, являвшиеся в силу этого своеобразными хранилищами предметов народного прикладного искусства. Этот раздел, как и весь альбом, дает яркое представление о художественном мастерстве талантливого тибетского народа.

Влияние буддизма на тибетское искусство с достаточной полнотой отражено в альбоме Лю И-сы «Буддийское искусство Тибета»⁹. Альбом составлен из фотоснимков, сделанных в 1955 г. в разных районах Тибета членами экспедиции, изучавшей буддийское искусство страны. В альбоме, что очень важно, приведены точные данные о местонахождении того или иного предмета искусства, а также его размеры и время его создания. Недостатком альбома является то, что его составитель не дал подробных пояснений к репродукциям. Выполнение их к тому же часто оставляет желать лучшего. В альбоме даны три раздела: по архитектуре, живописи и скульптуре; во всех этих разделах есть немало новых материалов, что составляет главную ценность издания.

Таким образом, за последние годы появился ряд иллюстрированных изданий о Тибете, в которых нашли отражение исторические перемены, происходящие в жизни тибетского народа, а также его традиционный быт, архитектура, искусство.

Значение данных изданий усугубляется тем обстоятельством, что с течением времени в Тибете будет все более и более расширяться экономическое и культурное

⁸ L. Jisl, V. Sis, J. Vaniš, *Tibetische Kunst*, Prag, 1958, 46 стр. + 112 илл.

⁹ Лю И-сы, *Сицзан фочжао ишу*, Пекин, 1957, 8 стр. + 81 илл.

строительство, что приведет к большим изменениям в общественной структуре Тибета в укладе жизни его населения. Поэтому как можно более широкое отображение в фототграфии и кинематографии различных сторон жизни Тибета наших дней приобретает особо важное значение.

С другой стороны, Тибет — труднодоступный район земного шара, систематический иллюстративный материал по которому почти полностью отсутствовал. Это пробел лишь теперь начинает заполняться. Уже на основании имеющихся в наше распоряжении альбомов можно получить наглядное представление об архитектурных особенностях жилища центрального и южного Тибета, о единстве типа одежды и всей территории страны и о многообразии типов головных уборов и украшений, бытующих в различных районах. К сожалению, в этих изданиях освещены только центральные и отчасти северо-восточные и южные районы страны. Но несомненно, что с течением времени появятся альбомы и по остальным районам.

Важность иллюстративного материала по Тибету определяется еще и тем, что в этнографическом отношении он практически почти не изучен и представление об отдельных сторонах его материальной культуры в науке до сих пор довольно нечеткое, что дает повод к всевозможным умозрительным построениям. В связи с этим необходимо отметить следующее. Изданные альбомы построены авторами в основном по одному и тому же принципу — отображение всех доступных для наблюдения сторон жизни тибетцев. Этот принцип имеет несомненное достоинство — он дает возможность показать повседневную жизнь населения страны во всем ее многообразии. Выпуск таких альбомов не только по Тибету, но и по всем труднодоступным районам мира, был бы очень желателен. Но теперь уже более желательными были бы издания иллюстраций по отдельным сторонам материальной культуры тибетцев или же их искусства. В этом отношении выгодно выделяются альбомы «Тибетское искусство» и «Буддийское искусство Тибета», которые можно считать первыми изданиями подобного рода. Материал для таких тематических изданий в некоторой мере уже, очевидно, есть; объем его будет увеличиваться и в дальнейшем, по мере все более широкого знакомства с этой областью земного шара, и, несомненно, что с течением времени подобные альбомы (или атласы) будут созданы. Пока же можно с удовлетворением констатировать появление совершенно не известного ранее особого рода изданий, посвященных Тибету, расширяющих наши представления об этой стране. Эти альбомы могут быть полезны не только специалисту-этнографу и искусствоведу, но и лектору, пропагандисту, преподавателю и широкому кругу читателей, ибо они дают наглядное представление об этой области Китайской Народной Республики.

* * *

В литературе по этнографии Тибета встречается сравнительно немного сведений о тибетцах других районов Китая. Отдельных работ на эту тему также очень мало. Поэтому появление книги Г. Штубеля об одной из групп тибетцев провинции Ганьсу можно только приветствовать¹⁰. Нелишне будет вспомнить, что большинство всех тибетцев Китая расселено вне Тибета: из 2 775 600 тибетцев в собственно Тибете и районе Чамдо проживает примерно только 1 274 000, а остальные — в провинциях Сычуань, Юньнань, Цинхай и Ганьсу, причем в последней более 204 600.

Г. Штубель одним из первых дал этнографическое описание населения района близ Линьтаня. Маршруты известных русских исследователей Центральной Азии и северных районов Тибета в конце XIX — начале XX в. пролегли северо-восточнее этого района. Ближе всех от него прошли Г. Н. Потанин в 1885 г. и П. К. Козлов во время своего путешествия 1889—1901 гг. Этнографическое описание тибетцев этой части Ганьсу привлекает внимание также тем, что, по сообщению китайских летописей, предки тибетцев (ян) населяли области к востоку от оз. Кукунор. Восточные районы Ганьсу и западная часть Шэньси, будучи древнейшей этнической территорией тибетцев, входили в область расселения ян, которые на протяжении длительного периода своей истории сталкивались здесь с племенами чжоу, сюнну, юэжи и с китадцами. Это обстоятельство делает этнографическое изучение современных тибетцев Ганьсу особенно важным.

Рецензируемая книга написана на основе собранных автором полевых материалов во время его пребывания в Ганьсу летом и осенью 1936 г. Материал, конечно, частично устарел, но почти полное отсутствие этнографических описаний отдельных групп тибетцев Ганьсу заставляет считать целесообразным остановиться на нем. К сожалению, автор не смог в условиях войны в Китае сохранить собранные им этнографические коллекции и фотоматериалы, которые теперь трудно восстановить, и это отразилось на работе.

Г. Штубель побывал у одного из тибетских племен, которое он называет меву,

¹⁰ Hans Stübel, *The Mewu Fantzu. A Tibetan tribe of Kansu*, New Haven, 1958, 66 стр.

расселенного к востоку от Линьтаня¹¹. Он дал краткие сведения об антропологическом типе и языке меву, описал хозяйство, различные стороны материальной и духовной культуры и обычное право этой группы тибетцев. Социально-экономические отношения освещены автором в меньшей степени. Книга является добросовестной, хотя и не совсем полной сводкой этнографических данных о тибетцах-меву. Материал расположен по кратким разделам, но несколько бессистемно.

По роду занятий меву в годы пребывания у них автора четко делились на земледельцев и скотоводов, связанных между собой прочными экономическими отношениями. Скотоводы держали яков, овец, лошадей. Количество скота, принадлежавшего в 1936 г. отдельным семьям, резко колебалось: богатые скотоводы владели стадами более чем в 100 голов яков и 700 овец, в то время как другие меву не имели ни одной головы скота и были вынуждены арендовать его на тяжелых условиях. Автор отмечает, что семья в пять человек необходимо было иметь стадо в десять яков, чтобы обеспечить себе прожиточный минимум (стр. 18). Скотоводы объединялись для перекочевки в группы от 4 до 40 семей, в среднем же по 20—25 (стр. 14). Объединения были непостоянными; состав семей в каждом из них ежегодно определял глава племени. За год скотоводы-меву, входившие в одно объединение, совершали три перекочевки, сменяя два летних пастбища и одно зимнее. Каждая семья из года в год пользовалась одним и тем же зимним пастбищем, тогда как летние пастбища периодически менялись. Зимние пастбища были как бы центрами, вокруг которых объединялись постоянные группы соплеменников, распадавшиеся на лето на более мелкие объединения с переменным составом участников. На зимних пастбищах скотоводы засеивали овсом участки земли и жали его зеленым, заготавливая на зиму как корм лошадям. (Скотоводы же Тибета, наоборот, никогда не заготавливали кормов для скота). Поля овса принадлежали главе племени, которому все скотоводы-меву должны были уплачивать за пользование ими ежегодную натуральную ренту, преимущественно маслом (стр. 55). Это обстоятельство говорит о том, что уже вся земля фактически находилась в руках вождя племени.

Большую часть времени Штубель провел у скотоводов, и поэтому о земледельцах он пишет очень мало. Земледельцы-меву, по его сообщению, выращивали главным образом цинко (сорт ячменя), пшеницу, овес, бобы, репу.

Меву занимались также охотой, но она не имела для них большого значения. Охотились на сурков, оленей, лисиц, рысей, волков. Ремесла были развиты слабо. Мужскими ремеслами считались изготовление одежды и производство седел, женскими — производство пряжи (в кочевых районах) и ткачество (в земледельческих).

Как видно из приводимых автором данных, у меву господствовали общественные отношения раннефеодального типа с сильными пережитками родоплеменного строя. У них еще сохранились некоторые формы взаимопомощи. Так, если у какой-либо семьи в результате бескормизы или эпидемии падал весь скот, то соседи и друзья передавали в собственность пострадавшей семье по несколько голов животных (стр. 26). Эта обязанность помогать пострадавшим сородичам или соседям, по-видимому, уже сходила на нет, так как среди меву было довольно много арендаторов, не имевших ни одной головы скота. Трудовая взаимопомощь соседей в широких масштабах осуществлялась при стрижке овец (стр. 20). У меву, по сообщениям автора, были особые общества, известные под названием «тзаова» (стр. 56)¹². Главная их задача состояла в обеспечении безопасности своих членов. Тзаова объединяла до ста семей; во главе стоял избиравшийся всеми ее членами вождь. Она делилась обычно на четыре группы; каждую возглавлял выборный вождь, по имени которого и называлась данная группа. Тзаова различались по общественному весу, и некоторые семьи старались перейти в более влиятельное общество, за что вождю его делали ценный подарок, а членам тзаова, с чьим именем считалось общество, дарили овец и устраивали для них угощение. Группа в целом несла ответственность за преступление, совершенное ее членом. Виновный уплачивал штраф; если же он не мог выплатить его целиком, то платила вся группа, а должник потом расплачивался с ней. Тзаова имела право изгнать преступника из своей среды, причем в этом случае его могла принять в свои члены другая тзаова.

Автор, говоря о материальной культуре тибетцев-меву, отмечает некоторые важные особенности. Скотоводы жили в обычной тибетской палатке¹³, разделенной на две половины очагом, имевшим прямоугольную форму. Правая половина от входа и очага считалась мужской, левая — женской, и мужчины и женщины без особой на то необходимости не заходили на противоположную сторону палатки. У меву сохранялись следы почитания огня: строго запрещалось переступать через очаг или открытый огонь, что-либо передавать через него. Автор упоминает об особенностях очага у меву. Правая часть очага, выходящая на мужскую половину, была устроена по типу простейшего

¹¹ Сейчас этот район входит в Ганьнаньский тибетский автономный округ провинции Ганьсу, в котором в конце 1956 г. проживало 178 397 тибетцев.

¹² О подобных же обществах упоминал и Эквалл. См. R. B. Ekvall, *Cultural Relations on the Kansu-Tibetan Border*, Chicago — Illinois, 1939, стр. 69.

¹³ Тибетская палатка имеет прямоугольную форму. Она состоит из двух полотнищ, натянутых на два вертикальных шеста, соединенных перекладиной. От углов крыши и от середины ее сторон протянуты шесть оттяжек, прикрепленных к земле кольями. В середине крыши почти во всю ее длину оставлено узкое отверстие для выхода дыма от очага и для освещения.

кана: пламя, проходя через два коротких колена в виде труб, нагревало их (стр. 16). Остается только пожалеть об отсутствии в книге рисунков или фотоснимков, ибо в полном описании не дает возможности решить, действительно ли это простейший тип кана, как утверждает автор (в таком случае он скорее всего заимствован у китайцев, ибо остальные тибетцы кана никогда не знали), или же — один из вариантов очагов тибетцев-кочевников Дэга и северного Тибета. Хорошее описание и рисунки этих типов очагов дал еще А. Н. Казаков¹⁴.

Зимнее жилище кочевников по своему устройству было несложно. Это глинобитный двухкамерный дом с плоской крышей (деревянные горизонтальные балки клали на стены и затем покрывали несколькими слоями хвороста и земли). В одной из комнат, по свидетельству автора, был установлен кан, который топили с улицы. Это также можно объяснить только заимствованием у китайцев. Дом был расположен в центре двора и окружен глинобитной стеной, за которой на ночь укрывали скот.

Одежда тибетцев-меву была близка к общему типу одежды тибетцев Китая. Особенностью ее являлось то, что к подолу мужской чубы¹⁵ подшивали несколько ярких разноцветных полосок шелка, которые должны были изображать как бы нижние края нескольких чуб, надетых одна на другую, что у тибетцев-меву являлось признаком богатства. Прическа тибеток этой группы — две-три ниспадающих вдоль спины толстые косы в обрамлении 80—100 тонких кос (стр. 11) — типична для тибеток в большинстве районов кочевого скотоводства Тибета. Первый раз такую прическу девочке делали в шесть-семь лет; примерно с этого же возраста она начинала носить украшения обычного для тибеток типа: серьги, ожерелья, ладанку и т. п.

Пищей скотоводов были в основном различные молочные продукты: масло, сыр и пр., цзамба (мука из размолотых поджаренных зерен ячменя). Мясо ели сравнительно редко, причем его не жарили¹⁶, а только варили, что было характерно для большинства групп тибетцев. Обычно употребляли баранину; если же забывали яка, то сообщали одного на несколько семей. Под Новый год скотоводы покупали у земледельцев-меву свиней, так как свинина у них была обязательным блюдом новогоднего стола; в обычное же время тибетцы не употребляли ее в пищу (стр. 24). Отметим, что тибетцы-скотоводы вообще в редких случаях едят свинину, и появление этого необычного для них обязательного праздничного блюда объясняется, по-видимому, также тем, что тибетцы этого района Китая уже с древнейших времен тесно соприкасались с китайцами. Многочисленные пищевые запреты у скотоводов-меву были посвящены ламаизму; они, в отличие от некоторых соседних народов, не ели мяса лошадей, мулов, ослов, собак, сурков (на них охотятся только из-за шкур), а также рыбы, птиц и яиц. Пищу принимали три раза в день, мужчины и женщины отдельно.

Преобладающей формой брака у меву была моногамия; в редких случаях встречались полигамия и полиандрия. Был распространен кросскузенный брак. Если в семье не было сыновей, то в дом принимали зятя. Свадебные обряды у меву были очень просты, рождение ребенка особыми празднествами не отмечали. Женщины в семье во многих случаях имела решающий голос.

По религии меву — ламаисты; у них сохранялась также вера в духов земли, реке — воды, но более всего почитали духов гор, которым приносили жертвы перед началом охоты. Скотоводы верили, что каждая семья имеет духа — хранителя жилища. Местопребыванием его считали пучок шерсти, висевший в левом дальнем углу палатки (стр. 35). В этот пучок добавляли шерстинки из шкур животных, которых забывали в этом хозяйстве. После еды пучок смазывали остатками чая, масла, молока, что считалось жертвой духу — хранителю жилища. В районе расселения тибетцев-меву сохранилась и религия бон, жрецы которой занимались также изгнанием болезней (стр. 36). Летом скотоводы-меву совершали коллективный обряд с целью обеспечить процветание стада (стр. 48). Обряд длился пять дней, в течение которых пост чередовался с обильными пиршествами и обращенными к духам молитвами о благоприятных ветрах и необходимых дождях. Особых жертвоприношений не было. Каждая семья должна была дать хотя бы одного представителя для участия в этом обряде, в противном случае вождь племени налагал на нее штраф. Описанием духовной культуры автор заканчивает свою историко-этнографическую работу.

Таким образом, основное достоинство книги состоит в том, что в ней дано этнографическое описание небольшой и пока малоизученной группы тибетцев. Но сведениями, приводимыми автором, можно пользоваться, только учитывая коренные изменения последних лет в жизни тибетцев Ганьсу, как и в жизни всех национальностей Китая. За последние годы в Ганьнянском тибетском автономном округе выросла своя промышленность, построены завод сельскохозяйственных машин в Лабране, авторемонтный, стекольный и химический заводы, кожевенная фабрика, молочный и пищевой комбинаты¹⁷. Среди скотоводов округа развернулось движение за повсеместное создание кооперативов высшего типа, за сплошное кооперирование. Скотоводы районов Мацуй и Луцуй намерены в ближайшее время перейти к оседлости и создать постоянные по-

¹⁴ См. А. Н. Казаков, Мои пути по Монголии и Каму, СПб., 1907, стр. 100—103.

¹⁵ Чуба — национальная одежда тибетцев. Это длинная распашная одежда со стоячим воротом и длинными рукавами. В талии чубу перехватывают поясом так, что над ним образуется напуск, куда кладут различные мелкие вещи.

¹⁶ По некоторым сообщениям, сейчас уже употребляют в пищу и жареное мясо.

¹⁷ Журнал «Дружба», 1959, № 3, стр. 25.

селки в местах кочевий, осуществить механизацию и электрификацию хозяйства. Уже сейчас многие скотоводы переселяются в новые дома. В округе проводятся работы по улучшению пастбищ и созданию более продуктивных пород скота. Неизмеримо вырос и культурный уровень населения этого округа. Г. Штубель пишет, что грамотными в то время были в основном ламы и лица, соприкасавшиеся с монастырями по роду своей деятельности. Теперь же в Лабране создан университет культуры, в Хэцзо — административном и хозяйственном центре округа — открыты университет, кинотеатр, больница, начато строительство политехникума и животноводческого института. Эти перемены в хозяйстве и культуре населения округа не могли не привести к изменениям в быте тибетцев. Сейчас, когда в условиях осуществления «большого скачка» буквально с каждым днем меняется лицо Китая, особенно быстро идет ломка старого, отживающего. Этот же процесс происходит и в Ганьнаньском тибетском автономном округе, и поэтому к тибетцам современного Линьтяня нельзя подходить с меркой 1936 г.

К недостаткам работы можно отнести то, что автор при описании материальной культуры подчас механически использует уже давно опубликованные материалы, особенно работы У. Рокхила, и не всегда отмечает локальные различия. Композиционная рыхлость в ряде случаев обусловила повторы. Книга носит исключительно описательный характер, и было бы тщетно искать в ней каких-либо выводов автора. Тем не менее, она будет полезна этнографу как сводка материалов, использование которых позволит сравнить прошлое и современное положение тибетцев Ганьсу, сравнить этнографические особенности меву и других групп тибетцев Китая.

Ю. Журавлев

НОВАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО ИРАНУ НА ПЕРСИДСКОМ ЯЗЫКЕ

(Аннотированный список)

А б е д и, Хасан. *Эсфahan аз лехазе эджтемаи ва эгтесади* (Исфаган с общественной и экономической точек зрения). Исфаган, 1955, 244 стр., табл.

Историческое, экономическое и географическое описание города Исфагана и его окрестностей. Содержит сведения о городах, районах, численности населения, селениях, средствах связи, транспорте, промышленности, сельском хозяйстве, орошении, ремеслах и торговле, исторических памятниках, административных учреждениях и их функционировании, годовых доходах и расходах Исфагана и его округа, числе жилых домов и магазинов, просвещении, здравоохранении, религиозных меньшинствах и т. д. Книга снабжена таблицами, иллюстрирующими статистический материал о населении Исфагана.

«*Айнэ-йе фарханг-е Иран ва джахан*» (Культура Ирана и мировая культура), под ред. Шехаб-нур Атаолла. Тегеран, б/г., 284 стр.

Сборник статей, посвященных различным вопросам культуры и педагогики. Книга имеет характер справочника для работников просвещения. Содержит сведения об обучении и воспитании детей, о современном образовании, музыке и искусстве, краткой истории культуры Ирана, об Археологическом и Антропологическом музеях, о научной работе Тегеранского университета, с перечнем его изданий.

А м и н и, Амир Голи. *Гозидэ-йе асар* (Правдивые рассказы), Исфаган, 1954, 330 стр.

Сборник рассказов и стихов о жизни иранского народа. Авторы — средневековые и современные персидские историки, философы, филологи.

«*Бануе Иран*» (Женщина Ирана). Тегеран, 1956, 48 стр. илл.

Иллюстрированное издание на трех языках (персидском, английском, французском) пропагандистского характера. Весьма лаконично сообщается о древнем и современном свадебном обряде в Иране, ковроткацком искусстве, персидской миниатюре, спорте, образовании женщин и т. д. Иллюстрации показывают одежду и танцы некоторых народов Ирана.

Б а х р а м и, Таги. *Джография-йе-кешаварзи-йе Иран* (Сельскохозяйственная география Ирана). Тегеран, 1954, 680 стр., табл., илл.

Книга, состоящая из 30 глав, охватывает различные вопросы сельского хозяйства Ирана. Рассматриваются сельскохозяйственные области, посевные площади и пастбищные участки, продукция земледелия и скотоводства, выращивание скота и уход за ним, породы различных видов скота. Особое внимание привлекает описание различных районов Ирана (Азербайджан, Гилян, Мазандеран, Горган, Хорасан, Сеистан и Белуджистан, Керман, Фарс, Исфаган, Хузистан, Луристан, Курдистан и т. д.) с точки зрения их сельскохозяйственных показателей. Имеются цифровые данные о лесных массивах, о пастбищах в Иране, перечислен 21 пастбищный район.

Б е й а т, Азизолла. *Асар-е-бастани-йе Керманшах* (Древние памятники Керманшаха). Керманшах, 1952, 52 стр., илл.

Краткое описание древних памятников района Керманшаха в различные исторические периоды, под властью мидийцев, Ахеменидов, Ашканидов, Сасанидов.

Б е х р у з, З. *Тавзим ва тарих дар Иран* (Календарь и летосчисление в Иране) Тегеран, 1952, 139 стр.

Кроме описания истории появления календаря вообще, книга содержит сведения об истории календаря в Иране и летосчислении с древнейших времен до утвержде-

ния ислама. Особая, 7-я, глава посвящена описанию древней религии Ирана — зороастризма.

Григорьян, Р. и Халафьян, С. *Таранэха-йе-зиба-йе-рустаги-йе-Иран* (Красивые деревенские песни Ирана). Тегеран, 1958, 16 стр.

Работа содержит песни народов Ирана: мамасени, гилянцев, мазандеранцев, курдов. Ко всем песням даются ноты.

Дамгани, Мохаммед Таги. *Ахвале шахси-йе зардоштиан-е Иран* (Правовое положение иранских зороастрийцев). Тегеран, 1955, 92 стр.

Автор рассматривает современные семейные отношения зороастрийцев Ирана с позиции зороастрийских законов, сравнивая их с гражданским кодексом законов (Кануне мадани). В области семейного права зороастрийцев автор затрагивает такие вопросы, как брак и его оформление, брак между родственниками, сватовство, обручение, развод и его условия, права и обязанности супругов, права и обязанности родственников, наследственное право, категории наследников и их доля в наследстве и т. д.

Джазир, Гиас-эд-дин. *Эджазе-хоракиха* (Чудеса пищи). Т. 1, Тегеран, 1957, 240 стр.; т. 2, Тегеран, 1957, 240 стр.

В первом томе автор обосновывает значение пищи для человека с медицинской точки зрения. Он указывает, что и при каких болезнях надо употреблять. При этом даются рецепты приготовления тех или иных блюд, характеристика разных видов витаминов и т. д. Во втором томе автор подробно останавливается не только на национальных блюдах отдельных народов (азербайджанцев, туркмен, гилянцев, курдов и т. д.), но и на кушаньях, характерных для отдельных местностей Ирана.

Джаннати-Атай, Абдул-Гасем. *Бониад-е-немайеш дар Иран* (Создание театра в Иране). Ч. 1, Тегеран, 1955, 278 стр.

В подробном введении прослеживается история театра в Иране, начиная с его основания до настоящего времени. Этнографический интерес представляет фактический материал, касающийся религиозных мистерий, появления и роли гражданского театра в Иране, декораций, отдельных зарисовок, костюмов, украшений. Приводится перечень названий пьес, их авторов и краткое содержание. Пьесы указываются как национальные, так и переводные.

Джахан-суз. Реза. *Тарих-е-бонийан-е Гаджар* (История возникновения каджаров). Тегеран, 1954, 65 стр., илл., карта.

Описание переселений и расселения различных древних племен на территории Ирана, и в частности современного Горгана, т. е. района обитания каджаров. Сообщается об истории племени каджар и далее о господстве в Иране династии Каджаров. Автор пытается обосновать арийское происхождение каджаров.

Зараби, Абд-ор-Рахим. *Тарих-е Кашан* (История Кашана). Тегеран, 1956, 318 стр., илл.

Книга, включающая 6 глав, содержит исторические, географические, экономические и этнографические сведения о Кашане. Этнографическое описание населения Кашана (антропологический тип, язык, одежда, пища, свадебный и похоронный обряды, семейные отношения, религия) наиболее сконцентрировано в четвертой главе.

Зокка, Яхья. *Гуйеш-е Керинган* (Диалект Керингана). Тегеран, 1954, 70 стр., карта.

Сообщается о диалекте татского языка; приводятся краткие сведения о татах, живущих в Иранском Азербайджане. Автор останавливается на особенностях этого диалекта, отмечая наличие в нем большого количества тюркских слов.

Иекрангийан, Мир-Хосейн. *Джография-йе тарихи-йе Рей-Техран* (Историко-географический очерк Рей-Тегерана). Тегеран, 1953, 97 стр.

Историко-географический очерк Тегерана и его окрестностей. Работа имеет справочный характер. Содержит сведения о городах, уездах, промышленности, здравоохранении, образовании и просвещении, театрах и кино, о средствах транспорта. Описываются помещения для религиозных мистерий (тэке).

Каренг, Абд-ол-Али. *Тати ва харзани до лахедже аз забане бастане Азербайджан* (Диалекты древнего азербайджанского языка, тати и харзани). Тебриз, 1954, 160 стр., карта.

Исследуются два диалекта древнего азербайджанского языка — тати и харзани. Вкратце рассматривается язык населения Иранского Азербайджана до ислама и после его утверждения. Приводятся алфавиты диалектов, их грамматика и лексический анализ сравнительно с персидским. Особый интерес представляет карта распространения этих диалектов.

Кашефи, Саид Мостофа. *Эздевадж дар ислам* (Брак в исламе). Тегеран, 1956, 91 стр.

Краткий перечень высказываний имамов, различных духовных лиц, а также, выдержек из Корана по комплексу вопросов, связанных с браком и брачными отношениями (выбор жены для сына, выбор мужа для девушки, обряд перехода невесты в дом жениха, свадебный обряд, беременность женщины и роды, обязанности жены, молитвы о рождении сына, наречение имени, обрезание, грудное вскармливание ребенка, воспитание детей и т. д.).

Кени, Али. *Сазман-е фарханг-е Иран* (Организация просвещения в Иране). Т. I. Публикации Тегеранского университета, № 229, Тегеран, 1954, 131 стр.

Автор излагает вопрос о просвещении в Иране, его историю с древнейших времен до настоящего дня.

Кешаварз, Садр. *Занаи, ке бефарси шер гофтеанд аз рабиа та парвин* (Женщины-поэтессы, писавшие на персидском языке от Рабиа до Парвин). Тегеран, 1956, 282 стр.

Книга представляет собой собрание биографических сведений и образцов творчества больше ста женщин-поэтесс с X по XX в.

Машкур, Мохаммед Джавад. *Тарихе-мардом-е Урарту* (История народа Урарту). Тегеран, 1953, 44 стр.

Автор — профессор университета в Тавризe — рассматривает открытие урартских надписей в Иранском Азербайджане. Книга состоит из двух частей: первая часть содержит разделы, повествующие об открытии трех древних надписей Урарту: 1) в районе Арсбаран, в 2 км севернее Сагиндэля; 2) в деревне Бастам; 3) в 2 км от Маку, на восточной стороне средней части фундамента моста Башгос. Все три надписи исполнены клинописью, образцы которой приводятся автором. Вторая часть книги посвящена истории народа Урарту; краткой характеристике племен сурабиха, туруки, музоки; письменности и культуре народов Урарту.

Мирхаджи, Марьям. *Зендегани-йе зан* (Жизнь женщины). Тегеран, 1955, 88 стр.

Автор — доктор медицинских наук, вице-председатель литературного общества иранских женщин, издатель газеты «Недае занан» («Голос женщины»). Мирхаджи описывает жизнь и психологию женщины с раннего детства до старости, характеризует особенности разных периодов жизни женщины (детство, юность, замужество).

Мокрын, Мохаммед. *Гурани йа таранэха-йе корди* (Курдские песни). Тегеран, 1951, 192 стр., илл.

Впервые изданная книга — результат многолетней научной работы автора среди сельского и городского курдского населения. Он приводит 437 курдских песен (десяти- и восьмислоговые песни), разбив по 12 районам их бытования. Песни переданы на курдском языке, затем приводится их транскрипция и перевод на персидский язык. Книга снабжена курдско-персидским словарем с транскрипцией курдских слов, а также иллюстрациями.

Мокрын, Мохаммед. *Ашаер-е корд* (Курдские племена). Кн. 1. Племя Сенджаби. Тегеран, 1955, 127 стр., илл.

Историко-географическое и этнографическое описание сенджаби — курдского племени, обитающего на юге Иранского Курдистана. Приводятся сведения о происхождении племени, его истории и современном положении, разбираются вопросы родоплеменной структуры, землевладения, хозяйства и др.

Мотамеди Кордестани, Абу-ль-Вафа. *Эрс дар эслам* (Наследование по исламу). Тегеран, 1956, 188 стр., табл.

Автор приводит законы и положения о наследовании по предписаниям ислама и сравнивает решение этих вопросов в иранском гражданском кодексе «Кануне мадани». Приводится краткая история вопроса и изменения в настоящее время. Рассматриваются значение наследования, условия и обязанности наследователя, доли и принципы наследования, перечисляются близкие и дальние родственники по мужской и женской линии, пользующиеся правом наследования. Автор приводит перечень специальных работ, написанных на эту тему. Книга содержит подробнейшую таблицу на арабском языке, показывающую порядок и долю наследования (в процентах) всех родственников-наследников (сына, дочери, жены, отца и т. д.).

Нафиси, Саид. *Тарих-е эджтемаи ва сийаси-йе Иран* (Социальная и политическая история Ирана). Т. I. Тегеран, 1956, 376 стр., илл.

Член Всемирного Совета мира, прогрессивный иранский писатель, литературовед, профессор Тегеранского университета Саид Нафиси является автором многих научно-исследовательских работ по персидской литературе, а также переводчиком произведений классиков русской литературы: А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого и др. Рассматриваемая книга освещает социальную и политическую историю Ирана с начала царствования Каджаров до конца первой русско-персидской войны. Автор останавливается на происхождении каджаров как тюркских племен, переходя затем к описанию появления династии Каджаров. Описываются предпринятые каджарами походы на Кавказ; 2-й поход их в Грузию; поход каджаров на Ереван; захват крепости в Шуше. В своем исследовании автор опирается на ряд приводимых им документальных материалов, характеризующих связь Ирана с Россией, в частности с Закавказьем. Книга снабжена иллюстрациями, именным и географическим указателями.

Нахаи, Хосейн. *Нам намэ* (Книга имен). Тегеран, 1955, 79 стр.

Сборник, состоящий из перечня иранских мужских и женских имен, ранее существовавших и современных.

Никзад-е Амире-Хосейни, Кярим. *Джеография ва тарих-е Чахар-Махал ва Бахтиари* (География и история Чахар-Махала и Бахтиарии). Исфаган, 1952, 178 стр., илл.

Наряду с историко-географическим описанием района Чахар-Махал и Бахтиарии, автор дает этнографическое описание культуры и быта народов этих территорий, причем не только коренных жителей, но и пришедших сюда армян, грузин, цыган.

Никитин В. *Ирани ке ман шенахте ам* (Иран, который я знаю). Тегеран, 1951, 326 стр., илл.

Автор книги, проживший ряд лет в Иране, изучил многие стороны культуры быта персов, курдов, гиланцев и других народов. В книге, наряду с историко-политическими, освещаются и этнографические вопросы: быт сельских жителей Гилана, их занятия и хозяйство, женский труд, землевладение и землепользование, жилища, некоторые обычаи гиланцев. Специальный раздел посвящен курдскому вопросу. Книга содержит иллюстрации и библиографический указатель.

Оуранг, М. *Иек-та парасти дар Иран-е бастан* (Монотеизм в древнем Иране). Тегеран, 1955, 370 стр., илл.

Автор разбирает историю древних религий Ирана, подробно останавливаясь на зороастризме: приводит сведения из Авесты, анализирует происхождение слов «Авеста», правила поведения шахов в древнем Иране по Авесте, обычаи приема пищи, образ жизни, значение огня, законы женитьбы по Авесте и т. д. Оуранг пытается прийти к выводу, что в древних религиях Ирана господствующее место занимают верования монотеистического характера.

Пирния, Хасан. *Иран-е бастан на тарих-е мофассале Иране кадим* (Древний Иран, или подробная история древнего Ирана). Т. 1, 2-е изд., Тегеран, 906 стр., карт. илл.; т. 2, Тегеран, б/г, 1042 стр., карты, илл.; т. 3, Тегеран, б/г., 788 стр.

Первый том содержит сведения о населении древнего Ирана, а также о различных древних племенах и народностях Передней Азии, по следующим разделам: язык, письменность народов; образцы египетских, финикийских, хеттских, арабских письмен, раскопки в Египте, Вавилоне, Ассирии, Иране, Палестине; религиозные представления шумеров, аккадов и др.; религия, семья, нравы арианов — предков персов; мидий и их государство; войны и завоевательные походы персидских царей.

Второй том состоит из двух частей и приложения. Первая часть посвящена в основном войнам и связям Ирана с Грецией, Афинами, Египтом и т. д. Во второй части описываются Иран и его культура при Ахеменидах (государственное строение, административное деление, земледелие, торговля, язык и письменность, архитектурные памятники, календарь, религия). Приложение содержит сведения о завоеваниях Александра Македонского.

Третий том посвящен в основном эллинистическому периоду, правлению Селевкидов, образованию Парфянского государства. Книга содержит две главы; в них говорится о религии, нравах и обычаях парфян, их языке, письменности и просвещении, ремеслах, изобразительном искусстве, архитектуре и музыке.

В трех томах автор излагает источники по тому или иному разделу.

Садиг, Иса. *Сейр-е-фарханг дар Иран ва магрб-замин* (Развитие культуры Ирана и на Западе). Тегеран, 1953, 716 стр., илл.

Книга состоит из 26 разделов. Автор рассматривает вопросы воспитания и обучения в Иране с древнейших времен до наших дней; описывает воспитание и обучение в других государствах: в древней Греции, Риме и др. Главы, посвященные Ирану, содержат этнографическое описание народного спорта: конные состязания, стрельба, плавание, а также народные спортивные развлечения, методы обучения им и т. д. В последней главе разбирается структура современного Министерства просвещения, состояние учебного дела в Иране, виды школ и этапы обучения в них. В конце книги приводится обширная библиография, включающая источники на арабском, персидском и европейских языках.

Сами, Али. *Асар-е-бастан-йе джолгайе Марв-е дашт* (Древние памятники долины Марвдашт). Тегеран, 1953, 206 стр., илл.

Книга состоит из введения и многочисленных упоминаний исторических источников о древних ущельях, храмах, памятниках. Описываются раскопки в Марвдаште. Книга снабжена большим количеством иллюстраций, характеризующих находки (монеты, каменные изображения, утварь, надписи и т. п.).

Тавхиди-пур, Мухди. *Бар-раси-йе-хонар ва адабият* (Исследования искусства и литературы). Тегеран, 1955, 288 стр.

Книга состоит из двух разделов: первый посвящен исследованию искусства, второй — исследованию литературы. Рассматриваются вопросы эстетики и искусства в Иране; влияние социально-экономического состояния страны на развитие искусства; связь искусства с народом. При разборе литературы анализируются происхождение и развитие письменности и языка. Дается описание персидской и арабской грамматик; приводятся образцы персидской поэзии и избранной литературы.

Тара, Джавад. *Асайеш-е-зендегани* (Благополучие жизни). Ч. 1, 2-е изд., Тегеран, б/г., 206 стр.

Руководство и наставления по домоводству и воспитанию детей. Детализируются вопросы ведения хозяйства, обстановки и освещения жилища, покрова, качества, шитья женской и детской одежды, гигиены утвари, домашнего лечения детей и т. п.

Фатех, Мостофа. *Панджах сал-е нафт-е Иран* (50 лет иранской нефти). Т. 1, Тегеран, 1956, 682 стр., илл.

Мостофа Фатех, один из крупнейших в Иране ставленников и поборников английского империализма, свыше 30 лет занимал пост заместителя директора Англо-Иранской нефтяной компании в Иране. В своей книге он приводит большое количество документов, разоблачающих агрессивную политику Великобритании в отношении Ирана. Останавливаясь на внутренней жизни АИНК, автор сообщает интересные для этнографа сведения об условиях жизни и быта рабочих концессии.

Халеге, Рухолла. *Сар-гозашт-е мусиги-ей Иран* (История иранской музыки). Ч. I, Тегеран, 1955, 516 стр., илл.; ч. 2, Тегеран, 1956, 347 стр., илл.

Первая часть посвящена истории иранской музыки. Разбираются виды народных музыкальных инструментов; классифицируется музыка (свадебная, гаремная, праздничная, военная и т. п.). Особая глава отведена описанию религиозно-траурной музыки. Характеризуются народные музыканты — мужчины и женщины, а также выдающиеся поэты, сложившие стихи для музыки; отмечается связь музыки с богатейшей персидской поэзией. Автор подчеркивает, что музыкальное искусство в Иране в основном всегда носило народный характер. Многие песни и мелодии ушли в прошлое из-за отсутствия нот. В настоящее время многие старинные народные мелодии возрождаются.

Вторая часть книги посвящена современному развитию музыки в оркестрах, работающих под определенным руководством. Говорится о музыковедах, композиторах, музыкантах-исполнителях, музыкальных школах и клубах, а также о современных музыкальных инструментах. Содержатся сведения о характере иранской музыки, о проникновении в Иран иностранной музыки и ее влиянии на национальное музыкальное искусство.

Хеджази, Годсие. *Арзеше зан йа зан аз назаре газии ва эджтемай* (Цена женщины, или женщина с точки зрения правовой и социальной). Тегеран, б/г., 184 стр.

Автор — юрист по образованию. Наряду с рассмотрением прав и положения женщин в Египте, Риме, Греции, Аравии, она выдвигает ряд вопросов, касающихся непосредственно семейного быта и положения женщин в Иране. Хеджази пытается оправдать мужчину, поддерживая законы ислама в вопросах наследственного права мужчин и женщин, их обязанностей в семье и обществе и т. п.

Эмам-е-Шуштари, Мохаммед Али. *Тарих-е-джографи-йе-Хузистан* (Историко-географический очерк Хузистана). Т. I, Тегеран, 1953, 287 стр., илл.

Географические данные о Хузистане. Хузистан в древние времена; множество названий городов, деревень, районов с обитавшими в них племенами. Западный Хузистан рассматривается отдельно от восточного. Описываются древнее доисламское население Хузистана, а также его современные племена и народности. Автор делит их на четыре группы и сообщает сведения об их расселении, языке, родоплеменном делении и т. д. Книга содержит свыше 80 ссылок на источники.

Ясемин, Рашид. *Корд ва пейвастегие нежади ва тарихие у* (Курды, их этническое происхождение и история). 2-е изд., Тегеран, б/г., 240 стр., илл.

Книга состоит из предисловия, двух частей и заключения. Первая часть, под названием «Древний Курдистан», включает три главы, повествующие о древнем населении Загроса, о связях Ассирии и Элама с Индией и Европой, о возникновении Мидии. Вторая часть — «Курды» — содержит семь глав, трактующих о происхождении слова «курд», об антропологической и языковой принадлежности курдов, их религиозной принадлежности и верованиях, родоплеменном делении, истории курдов до проникновения ислама и после его утверждения в странах Передней Азии. Автор пытается доказать, что древнейшей территорией расселения курдов был район Загроса, а курды — древнейшие иранцы. Книга снабжена иллюстрациями и именным указателем.

Т. Ф. Аристова

НАРОДЫ АМЕРИКИ

Diamond Jenness. *Dawn in Arctic, Alaska.*

В рецензируемой книге известный канадский этнограф Д. Дженнес рассказывает о своей первой экспедиции на Аляску, совершенной в 1913 г. Работа содержит обширный этнографический материал о хозяйстве, жилище, одежде и пище эскимосов и их обычаях. Особый интерес представляют те места, где говорится об изменениях в культуре аляскинских эскимосов в связи с проникновением капиталистических отношений.

В начале XX в. эскимосы мыса Барроу и некоторые другие группы этой народности почти перестали пользоваться гарпуном при охоте на морского зверя, предпочитая бить моржей и тюленей из ружья. Они реже стали делать лодки (кайки) и сани, покупая эти принадлежности промысла у приезжих торговцев. Получили широкое распространение и другие привозные товары фабричного производства: стальные капканы, примусы, керосиновые лампы, шерстяные свитеры и т. д. В пищу большое место заняли товары несобственного производства: мука, консервы, сушеный картофель, чай. Покупка большого количества промышленных и продовольственных товаров превратилась в необходимость.

Приводимые в книге материалы указывают на изменение направления и характера эскимосского хозяйства в начале XX в. Из натурального оно быстро превращалось

в товарное. Поэтому охота на пушного зверя приобрела решающее значение, оттоже прежде главенствовавший морской зверобойный промысел. Эта переориентация правления хозяйства сделала экономику эскимосов неустойчивой, поставив ее зависимость от «урожайности» песка и от колебаний цен на меха.

В книге имеются и некоторые рассуждения по поводу общественного строя эскимосов. Впадая в ошибку, характерную для многих зарубежных ученых, автор считает доклассовое общество с коммунистическим и пишет, что «коммунизм эскимосов является примером того идеального общества, которое было любовно нарисовано К. Марксом» (стр. 212). Подобные же мысли повторяются и в других местах книги. Высказывания эти, конечно, свидетельствуют о том, что Дженнес далек от правильного и тем более — научного понимания марксизма. Однако весьма интересно и ценно высказывание автора — в противоположность зарубежным недругам нашей страны о том, что коммунизм предполагает максимальную свободу личности в обществе.

Следует отметить, что наиболее важны в книге Дженнеса не конкретные замечания по этнографии отдельных групп эскимосов (хотя, как мы уже сказали, они представляют значительный интерес), а некоторые общие высказывания автора, касающиеся эскимосской народности в истории культуры человеческого общества вообще. Дженнес указывает, что в течение многих тысячелетий эскимосы стояли в стороне от столбовой дороги цивилизации. Затерянные и изолированные в просторах Арктики, они вели борьбу за свое существование и не только не погибли, но создали своеобразную культуру, хорошо приспособленную к условиям Крайнего Севера. Все эти тысячелетия эскимосы не находились в состоянии застоя или спячки, а непрерывно двигались вперед. Но это движение было замедленным из-за неблагоприятных исторических и природных условий и изоляции от остального мира. Поэтому эскимосы не имели возможности выплавлять железную руду на заводах, строить самолеты и т. п., хотя они способны наравне с белыми все это делать, активно участвуя в борьбе за промышленное освоение Арктики. Для этого, подчеркивает автор, эскимосам следует лишь создать необходимые условия. Вместо того, выражает опасение Дженнес, Соединенные Штаты, осваивающие Аляску, могут уничтожить эскимосов как народность.

Дженнеса глубоко волнуют и судьбы современной цивилизации. Он справедливо подчеркивает, что дело не только в технических достижениях того или иного народа. По своей технике эскимосы далеко отстали от многих народов, но годы изоляции и суровой борьбы за существование в Арктике развили в них дух коллективизма, товарищества, терпимость к недостаткам другого, способность жить в обществе без какого-либо правительства или вождей, благожелательное отношение друг к другу, высокие моральные принципы, сохраняемые, несмотря на все трудности и опасности. Дженнес пишет, что эти качества эскимосов могут служить образцом для так называемого цивилизованного мира, и их нужно всячески развивать в век, когда над миром нависла угроза атомной войны и массового уничтожения.

Этим призывом к миру, терпимости и сосуществованию заканчивается интересная книга Дайамонда Дженнеса. Она является вкладом одного из старейших исследователей Арктики не только в изучение обычаев, быта и культуры эскимосов и защиту их человеческих прав, но и вкладом в дело защиты мира между народами.

Л. Файнб

СОДЕРЖАНИЕ

Основные проблемы этнографических исследований в текущем семилетии . . .	3
--	---

Вопросы этногенеза и исторической этнографии

Л. Н. Гумилев (Ленинград). Удельно-лестничная система у тюрков в VI—VIII веках. (К вопросу о ранних формах государственности»	11
---	----

Материалы и исследования по этнографии и антропологии СССР

А. Лутс (Таллин). Эстонское морское рыболовство в XIX—XX веках . . .	16
Л. А. Пушкарёва, М. Н. Шмелева (Москва). Современная русская крестьянская свадьба	47
Д. Н. Гоберман (Ленинград). Искусство ковроделия в Молдавской ССР . . .	57

Народы мира

(Информационные материалы)

В. А. Мартынов (Москва). Условия жизни африканцев Бельгийского Конго . . .	73
--	----

Сообщения

Ю. В. Стеблюк (Москва). Исмамут-ата (К типологии погребальных сооружений у народов Средней Азии)	89
М. Г. Левин (Москва). Новые материалы по группам крови у эскимосов и ламутов	98

Хроника

А. М. Астахова (Ленинград). Всесоюзное совещание фольклористов . . .	100
Г. Б. Федоров, М. Я. Салманович (Москва). Содружество румынских и советских ученых	106
Я. Р. Винников (Москва). Поездка к туркменам-сакар	107
Е. И. Махова, Г. Л. Чепелевецкая (Москва). Выставка декоративного искусства казахского народа	115
С. А. Арутюнов (Москва). Поездка во Вьетнам	125

Personalia

[Сергей Николаевич Замятин]	134
---------------------------------------	-----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Критические статьи и обзоры

Г. Ф. Дебец (Москва). Методы расового анализа в работах Я. В. Чекановского и его школы	138
--	-----

Народы СССР

А. П. Смирнов (Москва). В. Н. Белицер. Очерки по этнографии народов коми, XIX — начало XX в.	154
Н. Н. Степанов (Ленинград). Л. П. Потапов. Происхождение и формирование хакасской народности	158
А. В. Смоляк (Москва). Е. В. Яковлева. Малые народности Приамурья после социалистической революции	161
Г. М. Василевич (Ленинград). Ученые записки Государственного педагогического института имени А. И. Герцена, Факультет народов Крайнего Севера	163
В. А. Туголуков (Москва). А. Ф. Анисимов. Религия эвенков	166
Л. И. Лавров (Ленинград). Кавказский этнографический сборник, II	169

Народы зарубежной Азии

Ю. Журавлев (Москва). Новые издания о Тибете и тибетцах	171
Т. Ф. Аристова (Москва). Новая литература по Ирану на персидском языке (Аннотированный список)	177

Народы Америки

Л. Файнберг (Москва). Diamond Jenness. Dawn in Arctic, Alaska	181
---	-----

SOMMAIRE

Problèmes principaux des recherches ethnographiques pendant ce septennat... présent

Questions d'éthnogenèse et d'ethnographie historique

L. N. Goumilyev (Léningrad). Le système d'ordre hiérarchique d'apanages chez les Turcs aux VI—VIII s. (Sur la question des formes initiales d'organisation de l'état)

Matériaux et recherches sur l'ethnographie et l'anthropologie de l'U.R.S.S.

A. Louts (Tallin). La pêche maritime esthonienne aux XIX—XX s.
L. A. Pouchkareva, M. N. Chméleva (Moscou). Les noces chez la paysannerie russe d'aujourd'hui
D. N. Goberman (Léningrad). L'art de tapisserie en R. S. S. de Moldavie

Peuples du monde

(Matériaux d'information)

V. A. Martynov (Moscou). Les conditions d'existence des africains au Congo Belge

Informations

Y. V. Stebluk (Moscou). Ismamut-ata (Sur la typologie des sépulcres chez les peuples de l'Asie Centrale)
M. G. Lévine (Moscou). Matériaux nouveaux sur les groupes sanguins chez les Esquimeaux et les Lamouths

Chronique

A. M. Astakhova (Léningrad). Conférence des folkloristes de l'U.R.S.S.
G. B. Fedorov, M. J. Salmanovitch (Moscou). Collaboration des savants roumains et soviétiques
J. R. Vinnikov (Moscou). Voyage chez les turcomans-sakar
E. I. Makhova, G. L. Tchepel'evetzkaja (Moscou). Exposition de l'art décoratif des Kasakhs
S. A. Aroutiounov (Moscou). Voyage au Vietnam

Personalia

Serguéi Nicolaévitch Zamiatnine

Critique et bibliographie

Articles de critique et aperçus

G. F. Debetz (Moscou). Les méthodes d'analyse raciale dans les travaux de J. V. Tchekanovski et de son école

Peuples de l'U.R.S.S.

A. P. Smirnov (Moscou). V. N. Belitzer. Otcherki po etnografii narodov komi XIV — natchala XX veka (Essais ethnographiques sur les peuples Komi au XIX — commencement du XX s.)
N. N. Stépanov (Léningrad). L. P. Potapov. Proïskhojdenie i formirovanie khakasskoï narodnosti (L'origine et la formation de la nationalité khakasie)
A. V. Smolak (Moscou). E. V. Iakovléva. Malyé narodnosti Priamouria poslé sotzialisticheskoi revolutzii (Petites peuplades du bassin du fleuve Amour après la Révolution socialiste)
G. M. Vassilevitch (Léningrad). Outchenyé zapiski Gossoudarstvennogo pedagogičeskogo instituta imeni 9. I. Guertzena. Fakoultet narodov Kraïnego Severa (Les actes de l'Institut pédagogique A. I. Herzen. Faculté des peuples du Nord Extrême)
V. A. Tougouloukov (Moscou). A. F. Anissimov. Religia Evenkov (Religion des Evenks)
L. I. Lavrov (Léningrad). Kavkazki etnograficheski sbornik (Recueil ethnographique Caucasiens)

Peuples de l'Asie étrangère

Y. Jouravlev (Moscou). Nouvelles éditions sur le Tibet et les Tibétains
T. F. Aristova (Moscou). Littérature nouvelle sur l'Iran en langue persane (Liste annotée)

Peuples de l'Amérique

L. Fainberg (Moscou). Diamond Jenness. Dawn in Arctic, Alaska